

Александр
НЕЖИНСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Александр НЕЖИНСКИЙ

БРАТСТВО
КРЕСТ И КЛИНОК

БРАТСТВО КРЕСТ И КЛИНОК

Эта битва незрима, эта битва вечна

Александр Нежинский

БРАТСТВО КРЕСТ И КЛИНОК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н46

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 92

Оформление обложки *Владимира Гусакова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Н43 Нежинский, Александр

Братство: Крест и клинок: роман / Александр Нежинский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 384 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-096940-1

Ад реален. Реальны и его Князь, и многочисленные его легионы. А также — колдуны, ведьмы, чернокнижники и прислуживающая им нечисть. Многие века им противостоит Братство — тайная сила Православной церкви. Крест и клинок против черной магии и адских козней, вера и мужество — против зла и коварства. Бой будет страшен, и какую цену придется заплатить за победу, не знает никто.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096940-1

© Александр Нежинский, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Ворожеи не оставляй в живых.
(Исх. 22, 18)

Кто вам сказал, что пить водку в одиночку — это предел морального падения и предпоследний шаг к «белочке»? Не, фигню вам сказали. Неправду... Вот пару недель назад Леха пил... со своим собственным табельным «макаровым»! А что?! Очень даже ничего получалось: кладешь «ствол» перед собой на кухонный столик, давным-давно заляпанный самыми разнообразными пятнами до вполне камуфляжной окраски — вот тебе и собутыльник. И чокайся с ним нормально, и тосты ему говорить. Самое прикольное началось, когда «макар» на эти тосты вроде как начал отвечать... Или показалось? Не, но подмаргивал он Лехе точно — лихо так, дульным срезом ствола, черной дыркой в вечную бесконечность. Наводя при этом на вполне конкретные мысли, чего уж там...

Потом «ствол» забрали — вместе со служебным удостоверением, ессесно... Короче говоря, Алексея, двадцати восьми лет от роду, капитана милиции, старшего опера «убойного» отдела уголовного розыска (теперь уж бывшего, понятное дело), со службы выперли. Как суконно сказано в официальных бумажках, «по отрицательным мотивам». А говоря по-простому — в шею, с треском, со свистом. Вот только что не с позором — чего не было, того не было...

...Вынырнув из мутно-тяжелого, как взгляд безнадежного сумасшедшего, алкогольного то ли полусна, то ли полубреда, Алексей попытался первым делом сориентироваться в пространстве-времени и вообще — в окружающей обстановке. Где? Дома... Класс! Ух ты, еще и в постели «отрубился» — мол-л-лодца! Один? Точно, один. Ну, вообще супер. А времени-то хоть?.. Часы... Часы, да где ж часы-то?! А-а-а — вон они вроде. Полшестого... Полшестого чего?! И... стоп! Они идут-то хоть — часы эти? Сам же в них подушкой запулил вчера — тикали громко, сволочи такие! Или не вчера? Или ботинком? Хотя — какая разница? Теперь вроде не тикают. Плохо... Сориентируемся по свету. Ага, щас... Шторы плотные, из-под них какая-то вроде муть пробивается. Идти отдергивать?! Разбежался... Тут бы на кровати сесть. Ай, да какая вообще, нафиг, разница — утро, вечер?! Вот что с головой делать — это вопрос...

Переходить к диагностике собственного организма абсолютно не хотелось. С другой стороны — чего тут диагностировать?! Полный клинический набор под названием «и в запой отправился парень молодой». Башка раскалывается, глотка пересохла до состояния пустыни, во рту справили нужду — от малой до великой — все возможные и невозможные представители фауны... А уж тошнит-то! Да, кстати — а мутит ведь не только и не столько со ставшей, в общем, привычной уже похмелюги, сколько от совершенно невообразимой вони, доносящейся откуда-то из квартиры. Нет, это даже не вонь — это ж ВОНИЩА! Вот именно так — все прописными буквами и с восклицательным знаком. Понятное дело, квартира молодого холостяка, да еще и если учесть, что в ней уже чуть ли не месяц безраздельно властвует змей цвета самой популярной

в мире валюты, ничем порадовать человеческое обоняние не может по определению. Но чтоб такое! И, кстати, вчера этого вроде бы не было. Ну, в смысле не воняло же так!

Из последних сил сдерживая становящиеся почти неконтролируемыми рвотные позывы, Алексей заставил себя принюхаться. И тут же волосы на короткостриженной башке зашевелились, а на загривке и вовсе по-собачьи встали дыбом. Смердело отнюдь не скопившимся бытовым мусором и не героически погибшей при исполнении обязанностей закуски рыбной консервой. Уж этот-то запах он не спутал бы никогда и ни за что ни с каким другим. «Спасибо» богатому опыту... В квартире совершенно отчетливо пахло смертью...

Трупов за время службы в «убойном» Леха навиделся немало — как свежих, так и отнюдь нет. Так что, прощанье за цинизм — и нанюхался тоже. Не раз и не два его впоследствии посещала мысль: если бы кинематограф и телевидение обладали способностью передавать не только визуальные образы (изрядно, кстати, «подмарафеченные» в сравнении с грубой натурой), но и запахи — создатели многочисленных боевиков и прочих «кинострелялок» обанкротились бы в момент. Хотя... абсолютное большинство людей привыкает ко всему. Избито, банально — но ведь правда же! Вот и он в свое время привык. Первое же мертвое тело, в осмотре которого ему довелось участвовать, оказалось трупом мужика, повесившегося самостоятельно, по причинам, которых Алексей так никогда и не узнал. Матерые волчары-сыщики, прихватившие «для науки» с собой зеленого щенка-«летеху», после молниеносного, как тогда ему показалось, осмотра вынесли

вердикт: «Самоубийца. Никакого криминала», и группа отбыла восвояси, оставив «головняк» местному участковому.

Алексей тогда смотрел на пустой сосуд, оставленный жизнью и душой, и, по правде говоря, не испытывая особенного шока. Да и потом... Нет, впоследствии доводилось наблюдать зрелища куда более кровавые и шокирующие, но... Что интересно — в памяти неотвязно оседали почему-то не раны и кровь, не мертвые лица и потухшие глаза, а какие-то, на первый взгляд, не самые жуткие подробности — вроде сандалика, свалившегося с неестественно вывернутой ножки девочки, валявшегося на грязном полу подвала. Той самой девочки, с которой и начался для старшего опера Лехи путь к полному и окончательному крушению его сыщицкой карьеры.

Этого подонка Алексей запомнил бы на всю жизнь — даже если бы тот не стал последним из тех, по чьему кровавому следу ему довелось идти. Начиналось-то все с «обычного» выезда на место преступления — детский труп в подвале банальнейшей панельной девятиэтажки обнаружила дворничиха, бдительно среагировавшая на открытую дверь, куда самолично не так давно вешала новенький замок. Когда жертва ребенок, это всегда — страшней некуда. Тут не спрячешься за выработавшиеся в «убойном» способы психического самосохранения — привычный сыщицкий цинизм и способность не пускать увиденное «в себя». Такое ломает все защитные преграды в мозгах и в душе — если, конечно, в тебе еще осталось что-то от нормального человека. И тем не менее сквозь заволакивающую сознание багровую ярость от увиденного мелькнуло сугубо профессиональное: «Толь-

ко бы не серийник!» Ну да, как же... Не с нашим счастьем.

Детские трупики пошли чередой. Серия, да еще какая серия! Менялся почерк — способ убийства (вместо удушения в первых трех случаях, гад начал кромсать свои жертвы так, что кровью заливало все вокруг), место (подвалы после опять-таки первых эпизодов сменились на заброшенные дома или помещения в давно разграбленных и всеми оставленных «пром-зонах»). Мало того — на местах убийств сыщики начали наткаться на какую-то, похоже, кровью жертв намазанную мазню: непонятные, но явно зловещего вида символы, пентаграммы и тому подобную мерзость. «Совсем мозгами поехал! В сатаниста играет-ся, тварь», — такой вывод сделали большинство из тех Лехиных коллег, кому довелось повидать все эти ужасы воочию. Вот только... А игра ли это была?! Ни за что и нипочем Алексей не стал бы делиться этими мыслями даже с теми из коллег, с кем отношения его были более чем доверительными. Ну, разве что, если б уж пришла охота окончательно приобрести репутацию сумасшедшего. И так уже доводилось в свой адрес слышать: «планочник», «обезбашенный», «контуженный» и тому подобные «лестные» эпитеты. Когда — в спину, шепотом, а когда и в лицо. В высоких начальственных кабинетах, естественно.

И все-таки... Будь он все еще желторотым первогодком, попавшим на первые свои «мокрухи», можно было бы списать на шок и тому подобное. Так ведь нет — осматривая не первые и даже не сто первые за свою службу места преступлений, Алексей совершенно явственно ощущал там присутствие зла. И не того, что, скажем откровенно, стало уже где-то привычным

и обыденным, будучи четко расписано по статьям Уголовного кодекса и намертво вбито в отшлифованные пункты оперативно-розыскных мероприятий, а именно что Зла. Такого, при соприкосновении с которым чувствуешь приближение к тьме и пустоте, коим нет ни названия, ни описания, и на место обычного, замешанного на приземленном инстинкте самосохранения страха приходит такой глубинный ужас, что, кажется, сама душа твоя обрывается и ухает в никуда... Впрочем, как уже сказано было выше, ни с кем даже заикнуться о подобных ощущениях и впечатлениях Алексея не рискнул бы ни в жизнь. Не тот случай.

А потом все закончилось. Внезапно. Вдруг. И совсем не так, как думалось... Вот просто раздался телефонный звонок, и некто (чей номер так и не смогла зафиксировать специально установленная именно для этого хитрая аппаратура) спокойным и даже где-то монотонным голосом поведал — где именно надо искать того, в поисках кого давно сбились с ног все опера города. Идите — и возьмите... Группа, на задержание не то что выехала, а вылетела немедленно — не успели еще умолкнуть гудки в положенной на рычаг трубке. И конкурс на место в ней был почище, чем на кресло в парламенте во время выборов. Но тут в плюс Лехе как раз сыграла его молодость, одним из бонусов имеющая, естественно, отменные физические кондиции. Дурных иллюзий относительно того, что «клиент» при виде милицейских «корочек» упадет, рыдая от раскаяния, на колени и томно протянет руки под «браслеты», не строил, естественно, никто. От подобного гада, да к тому же, по всеобщему мнению, совершенно и окончательно сбрендившего, ожидать можно было чего угодно. Так что на подсказанный таинственным анонимом адрес выдвигались, экипировавшись

«по-взрослому»: «броники», пусть и легкие, носимые под курткой, табельное оружие. Кто-то не поленился даже прихватить кургузый огрызок АКСУ. Мало ли...

Самое интересное, что ничего из этого сыщикам не понадобилось. Душегуб (и вправду оказавшийся точно по указанному адресу) встретил ввалившихся в его дом сыскарей не беглым огнем или острым лезвием клинка. Он встретил их смехом... Вот эта ржущая, откровенно забавляющаяся образина и стояла перед глазами у Алексея по сей день. «Жалкие черви!» «Ходячее мясо!» «Вы пришли брать меня — ну так берите! Все равно ничего вы мне сделать не сможете — Хозяин не позволит! Он моя сила, он моя защита...» Вот такими примерно речами были ошарашены столпившиеся перед невиданно наглым уродом сыскари. А дальше произошло и вовсе нечто невообразимое — из немелкого тела убийцы вдруг словно кто-то выдернул одним махом какой-то стержень. Или — скорее — враз обрезал ниточки у кривлявшейся марионетки. Ноги подкосились, руки обвисли плетьюми, глаза, еще секунду назад бывшие совершенно осмысленными, остекленели и сошлись в одну точку, а изо рта потянулись тягучие нити слюней. Зрелище было отвратным донельзя...

А потом он вдруг, так же внезапно, «вернулся». И в доме снова зазвучал издевательский смех: «Видели?! Я таким могу стать, когда захочу! И быть, сколько захочу! Так что максимум мне светит дурдом. А уж оттуда-то я выйду. Еще как выйду! Я вернусь! Ве-е-ерну-у-у-сь!» — чуть ли не пускающий пену с заведенными под лоб глазами убийца уже даже не орал — выл... «Я вернусь — и они снова будут кричать! Он любит, когда мясо кричит! Он...» Неизвестно, что

бы еще поведал обалдевшим от его «шоу» слушателям упивавшийся моментом душегуб о криках своих жертв и таинственном ком-то, кому эти крики предназначались, если бы в первом ряду этих самых слушателей не стоял Леха. И если бы у Лехи не стоял вот уже несколько минут перед глазами детский сандалик на грязном полу подвала...

Определенные навыки в уголовном розыске очень быстро нарабатываются до уровня «автомата» — если, конечно, ты хочешь быть живым сыщиком, а не мертвым героем. С предохранителя «ствол» был снят и патрон в патронник был дослан еще на подходе к дому. Вскинуть «макаров» вверх и плавно, как тысячу раз учили, нажать на спуск для человека тренированного — дело секунды. Алексей был тренирован на совесть. Так что подскочившие с боков и сзади и насевавшие на него коллеги выдирали из крепких пальцев уже вставший на затворную задержку пистолет с пустым магазином. Восемь «девятимиллиметровых» легли в цель с отменной точностью и кучностью. Инструктор по боевой подготовке точно бы похвалил. В отличие от прокурора...

Был бы Леха другим человеком, были бы у него другие отношения с коллегами и начальством, не числились бы за ним помимо неизбежных для каждого молодого «опера» «залетов» и дела, прямо скажем, достойные и серьезные — могло бы закончиться куда хуже. Чего уж там говорить — тюрьмой вполне могло бы закончиться... Окажись в руках задерживаемого хотя бы завалященький предмет, который можно было бы отнести к оружию, да хоть ножик перочинный — может, и обошлось бы. А так... Максимум, что удалось сделать — «отмазаться» от крайне неприят-

ных статей Уголовного кодекса, «отделавшись» увольнением. Зато никакого «Я вернусь!» в исполнении свихнувшегося маньяка теперь не предвиделось. И не будет больше детских трупов под кровавыми пентаграммами в заброшенных домах... Это так Леха думал, пока, стянув-таки себя с развороченной кровати, полующупью ковылял по собственной квартире в поисках источника выворачивающей нутро вонищи. Эта мысль, собственно, и осталась последней здоровой мыслью в его голове на тот момент, когда он увидел-таки, что именно является источником гнуснейшего запаха. А вернее — *кто...*

К счастью, определенный жизненный или, скорее уж, профессиональный опыт может дать неоспоримое преимущество в некоторых, скажем так, совершенно нестандартных ситуациях. Если абсолютное большинство людей, увидев то, что предстало перед глазами Алексея, моментально чокнулись бы, не сходя с места, то он просто остолбенел, застыв посреди комнаты как вкопанный. Было от чего. Прямо в проеме двери, ведущей в кухню, стоял, вцепившись в дверной косяк рукой, а скорее даже лапой с неправдоподобно отросшими кривыми ногтями (почему-то в данном случае в глаза Леше бросилась как раз именно эта деталь) ...ну да... тот самый маньячила-сатанист, в которого Алексей самолично высадил магазин из «макарова».

Он был мертв. То есть — вне всяких сомнений, абсолютно и совершенно мертв, мертвей некуда. Мало того, начавшей разлагаться плотью невыносимо несло как раз именно от него. Голый торс «гостя» помимо отвратительных трупных пятен и отчетливо видимых входных отверстий от пистолетных пуль,

выпущенных почти в упор, «украшали» и следы работы паталогоанатомов — не очень-то аккуратно заштопанные разрезы. И тем не менее — *это* вполне твердо (ну... как для трупа) стояло на ногах, издавало порезанной в морге глоткой какие-то омерзительные свистяще-шипящие звуки, а главное — во все глаза уставилось на застывшего в ступоре хозяина квартиры. И вот глаза... глаза-то как раз и не были пустыми и стеклянными, как у книжно-киношных зомби. Не были эти красные, пылающие адской злобой буркалы глазами мертвеца. Да и вообще человеческими эти глаза не были — если уж на то пошло. Издав то ли хрип, то ли рык, в котором явственно слышались удовольствие и предвкушение удовольствия еще большего, незваный гость с горящими глазами отлепился от дверного косяка и сделал навстречу Алексею пару шагов. Гораздо более уверенных и ровных, чем можно было бы ожидать от разлагающегося трупа...

Кто-то другой на Лехином месте наверняка продолжал бы предаваться в эти минуты совершенно бесполезным паническим размышлениям вроде: «Этого не может быть! Мертвые не встают! Я схожу с ума! У меня галлюцинации!» И при этом продолжал бы стоять на месте, будучи не в силах перебороть накопленные за всю жизнь предубеждения, веру в невозможность нереального и воспринять происходящее как угрозу вполне конкретную. Так и стоял бы, размышляя: куда ж звонить — в милицию или все-таки в «скорую», пока лапы с кривыми ногтями не сомкнулись бы на горле, сделав данный выбор не имеющим смысла. К огромному счастью, для Алексея подобное поведение в минуты опасности было неприемлемо. Угрозу он чувствовал прекрасно, на подсо-

знательном уровне отличая реальную опасность от мнимой в доли секунды, и реагировать привык соответственно. Возможно, свою роль сыграло еще и то, что перед ним стоял не абы кто, а «клиент», которого он самолично «принимал», будучи еще на службе. Это — убийца! А то, что дохлый... Ну, это уже частности, не очень-то и существенные. Как надо реагировать на приближающегося к тебе убийцу — это он усвоил давно на уровне даже не подсознания, а инстинкта. Уж точно — не стоять покорной овцой, мучаясь вопросами возможности или невозможности происходящего!

Перед ним стоял враг! А значит, и поступать с ним следовало, как с врагом. И уж потом разбираться — каким непостижимым образом *это* вместо безымянной могилки на казенном кладбище или холодильника морга оказалось у него в квартире. Вот только имелась проблемка... И заключалась она даже не в отсутствии ставшего за годы службы самым привычным средства от головной боли — родимого табельного ПМ. Забравшихся к нему в дом воришек, грабителей или даже жаждущих свести давние счета бандюков Алексей, поверьте, нашел бы чем угостить. Вот только в данном случае все возможные средства активной самообороны — от огнестрельного оружия до зубодробительных и костеломательных приемов «рукопашки», которыми он владел в совершенстве, были абсолютно бесполезны. Понимание этого пришло к Алексею как-то сразу, с абсолютной тоскливой безнадежностью. *Это* уже было мертво. Стрелять в него, резать, рубить... Возможно, решением вопроса могло бы стать полное расчленение гниющего ублюдка — чем-нибудь вроде бензопилы, к примеру. Однако, к величайшему сожалению, ничего такого в домашнем хозяйстве

стопроцентного горожанина не имелось. Драться? Вот почему-то совершенно уверен был Алексей в том, что попади он в пределы досягаемости тянущихся к нему грабок мертвяка — и поединок закончится самым плачевным для него образом. Оставалось одно — уходить от контакта и тянуть время, пытаясь сообразить, как же все-таки разобраться с *этим*. Желательно — быстро и кардинально.

Предаваться раздумьям о выборе тактики долго не пришлось. Мертвец резко, одним рывком с места сократил расстояние настолько, что Алексея едва не вывернуло от навалившейся волны трупного смрада. Кривые ногти мелькнули перед самым лицом. Разрывая дистанцию, Леха ушел в сторону, за огромных размеров дубовый стол, возвышавшийся посреди гостиной с совершенно незапамятных времен — как бы не дедом поставленный. Мертвая тварюка, оказавшаяся, к очень неприятному удивлению, такой быстрой, снова рванула вперед, намереваясь, очевидно, с маху снести вставшую на пути досадную помеху. Не тут-то было! Старинный предмет мебелировки и с места-то сдвинуть удавалось далеко не всем и уж точно не в одиночку. Почувствовав бесполезность первой попытки, мертвяк бочком-бочком двинулся вдоль оказавшегося несокрушимым стола, не сводя при этом бешеный взгляд с Алексея. Тот, в свою очередь, двигался таким же образом, пытаясь сохранять спасительный разрыв между ними, и при этом лихорадочно соображая: «А дальше-то что?!» Продолжать до бесконечности хождение вокруг стола тупо. Остается резко бежать туда, где под руку может попасться хоть что-то потяжелей. И желательно режуще-рубящее. Вот только что? И успеет ли он хоть куда-то добежать? После последнего стреми-

тельного броска мертвеца сомнения в этом были более чем серьезные. Ладно — пока отступаем. Шаг... Еще шаг... И еще...

Дальше случилось то, что, собственно, и должно было случиться практически неминуемо. Если долго разводить в квартире бардак, то одним из неминуемых его последствий будет масса самых разнообразных предметов, хаотично разбросанных по полу. Вот на один из таких предметов Алексей и наступил босой ногой. Нога, естественно, подвернулась. Результат — с громким стуком он приземлился на задницу, войдя при этом в жесткое соприкосновение с какой-то еще валявшейся на полу дрянью. Копчик, а от него и все тело прострелил разряд боли — такой, что в глазах потемнело и заплескали веселенькие искры. Но даже сквозь них Алексей увидел, как тварь, издав торжествующий рык, рванула к нему. «Трындец, похоже...» — Затуманенное болью сознание реагировало на происходящее почему-то вяло...

Так же вяло отреагировало оно и на грохот распахнувшейся в прихожей входной двери. Алексей, жалко пытающийся отползти от уже наваливающегося на него монстра, даже не сразу понял, что гостей в его доме существенно прибавилось. И эти вновь прибывшие, слава богу, были живыми. Впрочем, смотрелись они здесь и сейчас тоже, мягко говоря, не совсем уместно.

Вошедших было четверо. Двое из них, совершенно однозначно, были священниками — простые черные рясы, наперсные кресты. А вот двое других... Если бы у Алексея была возможность к ним приглядеться, то он, пожалуй бы, крепко удивился такой компании батюшек. Поскольку эти ребята, одетые не в рясы, а в простую черную одежду, скроенную

явно с таким расчетом, чтоб не стеснять даже самых резких движений, на священнослужителей не походили ни ни капельки. Зато сильно смахивали — по целому ряду тех признаков, по которым профессионал четко и безошибочно узнает профессионала — на матерых спецназеров, с которыми Алексею доводилось «пересекаться» не единожды. И, кстати говоря, первые же их действия такую версию подтверждали стопроцентно — неуловимо-плавными движениями оба они пересекли комнату и, не сговариваясь, совершенно синхронно оказались по бокам у мертвяка, моментально переключившего свое злобное внимание с поверженного Алексея на вошедших. Дальнейшее было еще красноречивее: у одного в бывших еще мгновение назад совершенно пустыми руках оказалось вдруг что-то вроде короткой дубинки, которой он нанес резкий удар. Похоже, отвлекающий — поскольку в ту же секунду его напарник, тоже вроде бы безоружный, полоснул тварь выхваченным непонятно откуда коротким клинком по тыльной стороне ног. Издав истошный вой, тварь рухнула на колени как подкошенная. И тут в дело вступили священники.

«Слава богу, нашли! И вовремя, похоже... — выглядевший постарше батюшка повернулся к своему более молодому спутнику. — Давай, с Богом...» Перекрывая визг корчащегося мертвяка, в комнате зазвучали чеканные строки молитвы. «Да воскреснет Бог и да расточатся врази его...» В ту же секунду резавший уши визг перерос в... Даже сложно сказать во что — это был уже не звук, это было нечто, сопоставимое по силе воздействия разве что с ударной волной от приличной мощности боеприпаса. Тем не менее застывшие фигуры в черном даже не шелохнулись, мало того — все четверо раз за разом осеняли

себя крестными знаменами. А потом... Вот что было потом, Алексей в тот раз так и не увидел. Пришедшие на помощь людям высшие Силы милосердно позволили его истерзанному сознанию наконец-то отключиться.

...Сказать, что повторное возвращение Алексея в реальный мир было приятней первого, означало бы крепко погрешить против истины. Тошнота вроде бы поуменьшилась — тем более что вместо тяжелого трупного смрада и прочих малоприятных «ароматов» вроде застарелой табачной вони, воздух в квартире теперь был наполнен запахом ладана и еще чего-то незнакомого, но явно приятного обонянию. Но вот голова раскалывалась как бы еще не больше. Совершенно немилосердно болела, если быть откровенным. Да вдобавок раскатывалась по всему телу при каждом движении волнами одуряющая слабость. Такая, что при попытке встать с пола в привычном режиме — то есть резко, все вокруг поплыло перед глазами... «Это что ж, достал меня дохлый гад все-таки?» — первая мысль у Алексея была именно такой. Хотя... вряд ли. Кроме многострадальной башки, нигде в организме ничего не болело, не саднило и не пекло. Не было, короче, никаких признаков нанесения телесных повреждений какой-либо степени тяжести. Да и беглый осмотр собственной тушки ничего такого не выявил. Странно...

Обследовать себя, любимого, на предмет следов контакта с незваным гостем Леха принялся, поднявшись-таки, хоть и не с первого раза, на изрядно подгибающиеся ноженьки. И так увлекся процессом, что совершенно упустил из виду присутствие в комнате

одного из тех, кто так лихо взялись разбираться с мертвяком-приблудой. Да и то сказать — уютно устроившийся в глубоком кресле священник в темном своем облачении в глаза не бросался и внимание привлек лишь негромкой фразой:

— Оклемался, болезный? Как самочувствие?

На Алексея голос незамеченного им сразу батюшки произвел эффект выстрела над ухом. Неосторожно вскинув голову, тут же взорвавшуюся фейерверком неприятнейших ощущений, он, пошипев секунду-другую от боли, выдал наиглавнейший на данный момент вопрос:

— Где *это*?!

— Там, где надлежит быть. И останки бранные, и то, что в них... вселилось, так скажем. Братия уже озаботились, а я вот остался — за тобой приглядеть.

О как! «Приглядеть», значит — как за дитем неразумным... Алексея почему-то вдруг цапнула обида, поскольку слова священника он воспринял именно так, забывая о том, что провел неизвестно сколько времени в собственной настезь открытой квартире, валяясь бревно бревном. И именно, что под присмотром и охраной этого самого батюшки. Враз захотелось закурить, и он заблуждал глазами по комнате, выискивая в окружающем кавардаке если не пачку сигарет, то хотя бы «бычок» приличных размеров. То ли рысканье это не укрылось от глаз священника, то ли тот вообще мысли читал... Поскольку тут же выдал с изрядной долей ехидцы:

— Ну, ты гляди — не успел очухаться, а уже нечистому покадить надо! Может, тебе еще и водочки тяпнуть охота? — во вроде бы участливым тоне собеседника скрытого яду было предостаточно.

От одного упоминания сорокаградусной Алексея замутило так, что пропали мысли и о сигарете. Зато обида взыграла с новой силой. Нет, понятно, святой отец, лицо духовное, поучать вроде как право имеет... Да и давай не забывай, дружище, что именно этот самый батюшка со своими спутниками жизнь тебе и спас — в отношении того, чем бы все закончилось без неожиданной подмоги, у Алексея никаких сомнений не было... Но зачем уж так вот! Действительно, как с дитем, да еще и недоразвитым. Насупившись, Алексей адресовал гостю один из тех фирменных миллиейских «ласковых» взглядов, под которыми обычно самые матерые бандюки как-то вдруг моментально съезживались в размерах и, резко отставив «понты», начинали задумываться о вечном. На священника же этот более чем красноречивый взгляд воздействия не оказал ни малейшего. Улыбнувшись ласково, он продолжил беседу:

— Эх, Алеша, Алеша... Натворил ты дел. Запутался, заблудился — и за что хватаешься? Много она тебе помогла, водка-то? Память поправила, прошлое изменила, будущее указала? Себя понять помогла или, может, жизнь нашу сложную, о которой ты, оказывается, вовсе даже и не все знаешь? Убийство убийством не поправишь — особенно если себя самого убивать...

Вот тут Алексея проняло, что называется, всерьез. И не сколько оттого даже, что в нескольких простых словах незнакомый до сегодняшнего дня батюшка выложил перед ним как на ладони и непутевую его долю и еще более непутевые попытки эту долю, как говорили в старину, избыть... Нет... *Алеша*... Вот это именно обращение резануло по сердцу, рвануло душу, и так

истерзанную до края. Потому, что единственным человеком, кто так к нему обращался, была мама — так давно навеки ушедшая вместе с отцом. В ту страшную ночь, что в одночасье сделала его круглым сиротой, оставив один на один с огромным и, как очень скоро оказалось, безмерно жестоким и гадким миром, Алеша умер. Остался Леха, превратившийся со временем в лихого Леху-летеху, залихватски умевшего ломать руки и двери, стрелять и догонять, пить водку и крутить головы молоденьким дурочкам. И совершенно не умевшего плакать...

И вот теперь его снова называли Алешей. И — самое странное — звучало это в устах священника так, словно тот имел полное право звать того, давно потерянного по жизни и забытого мальчишку. Обида враз прошла — вместо нее накатило ощущение пустоты и страшной, чудовищной ошибки, которую уже никак нельзя исправить. Или все-таки можно?! Алексей проглотил уже вертевшийся на языке ответ, самым мягким вариантом которого было бы: «Какое ваше дело?!» и вместо этого устало спросил:

— Дел натворил, говорите... Это вы о... выходец с того света, что ли? Чего он вообще приперся? И как?! И вы-то сами кто? Ни в жизнь не поверю, что случайно тут оказались!

Священник в ответ улыбнулся — еще шире:

— Вон сколько вопросов... Да это еще и не все, я думаю. Но оно и хорошо — что спрашиваешь. Очень даже хорошо... Но разговор у нас, похоже, будет долгий. Чай-то у тебя хоть есть?

Чай у Алексея был. И очень даже неплохого качества... Этому факту он в очередной раз порадовался, вертя в руках бог знает какую по счету кружку с остывающими остатками ароматного напитка. Кстати,

с каждым глотком ему становилось лучше: покидала тело слабость, уходила головная боль и похмельная муть. И вправду чай оказался куда как хорош... Или, может, дело было в том, как его заваривал взявшийся уверенно хозяйничать в холостяцкой кухне священник? И вроде ведь ничего особенного не делал — а вот поди ж ты...

Впрочем, вопрос о чудесно объявившихся в самом обычном напитке целебных свойствах занимал сейчас Алексея в самую последнюю очередь. За незаметно пролетевшие пару часов он услышал столько... И такого!.. По правде говоря, ощущения его сейчас были сродни тем, что испытывал бы человек, всю свою жизнь просидевший в наглухо закрытой комнате, после того, как некто вывел бы его наружу и показал, что там, совсем рядом, существует совершенно другой мир. Гораздо сложнее и непостижимее того «мироздания», которое до этого момента умещалось у бедолаги в убогих четырех стенах. При этом надо сказать, что абсолютное большинство знаний о вещах, до сего дня надежно укрытых от него неведением, Алексея совсем не порадовало. Чего уж там — скорее, ошарашило и напугало. Хотя еще вчера он просто рассмеялся бы в лицо любому, посмевшему утверждать, что его в этой жизни может напугать хоть что-нибудь.

Но ведь и речь-то шла о вещах вовсе не обыденных и даже не о той «изнанке» жизни, к которой успел за годы своей отнюдь не легкой и не сладкой службы в «органах» приноровиться и пообвыкнуться! Одно дело задержания, засады, бугаи с выбритыми затылками, отнюдь не желающие предавать себя в суровые руки Закона, стволы-ножики и непременные обещания «поквитаться» тех, на ком защелкиваешь наручники.

И совсем другое — не догадка, не подозрение, а *знание* того, что все это — так, смех, игрушки, беспорядок в детсадовской песочнице по сравнению с истинным Злом, реальное присутствие в мире которого ему довелось ощутить недавно, а сегодня и столкнуться с ним воочию...

Оказывается, ничего ему не мерещилось — там, на местах жестоких расправ, которые и вправду были жертвоприношениями действительно существующим демонам ада! Ибо вполне реальны и ад, и его князь, и многочисленные легионы нечисти. А главное — более чем реальны люди, которые упорно, из года в год, из века в век пытаются проложить дорогу в наш мир запредельному Злу во всем его жутком многообразии. Заключают с адскими выходцами и созданиями сделки, союзы и всюю используют дарованную им от «хозяев» злую силу. И тогда на их пути встают другие люди — те кто, опять-таки веками ведет войну со всей этой темной братией, защищая род людской, предпочитающий жить в счастливом неведении об этой надежно скрытой от его глаз войне. Один из таких людей как раз и сидел сейчас на кухне Лешиной квартиры, попивая чаек и пытаясь поделиться с хозяином правдой — какой бы сногсшибательной та ни была.

Со слов отца Михаила (именно так звали священника) выходило, что подобного рода организации, которые правильней всего называть было братствами, на манер монашеских орденов, все как одна тайные, существовали практически во всех церквях. В нашей же православной, принявшей крещение от Византии, они появились едва ли не с первых дней прихода новой веры на Русь. Ибо слишком сильны были адепты веры старой, язычники-волхвы. Слишком большой кровью

могло бы обернуться принятием христианства, сумей и успеи они воззвать к тем силам, от которых многие из них черпали свое могущество... Схватка с ними была кровавой и жестокой, однако именно она позволила Руси избежать тех ужасов, что выпали Европе во времена великой инквизиции и охоты на ведьм. Но и в последующие века дел и забот воинам церкви хватало — ибо человек слаб, а соблазны, идущие от нечистого, куда как сильны.

Многое довелось перенести им вместе с матерью-церковью, плотью от плоти которой они были и остаются — смуты, войны, страшные годы воинствующего безбожия... И вот теперь, когда вроде самое страшное закончилось, началось возрождение веры и церкви, пришли новые беды — такое впечатление, что посрамленная и укрошенная когда-то нечисть решила взять реванш и рвется в мир людей с силой и яростью, которых давным-давно уже не бывало. Казалось бы — восстанавливаются давно разрушенные и заброшенные храмы и монастыри, открываются новые приходы, пусть понемногу, но к священникам начинают прислушиваться и искать духовной поддержки те, кто еще три десятка лет назад и помыслить об этом не мог — военные, милиция, власть предержащие. Но для скольких из них эти проявления — искренние, идущие от души, от настоящей веры? А для скольких — лишь следование моде, новому поветрию, согласно которому в кабинете на видном месте должны стоять не портреты «вождей мирового пролетариата», а иконы? Может, оттого и чувствуют себя так вольготно в стране всяческие «потомственные маги», «ведуньи», а также «учителя» и «гуру», чьи «проповеди» далеко не всегда являются безобидными бреднями? Вечен свет Божий, но вечен и яростен Враг рода человеческого, веками толкавший и толкающий людей на путь гибели. То

тут, то там тянутся глупые и алчные к запретным «великим знаниям», не понимая того, что запретными эти знания стали не по чьей-то прихоти, а оттого, что опасны смертельно для любого, кто к ним прикоснется. Возвращаются в мир «черные манускрипты», несущие в себе зловещие заговоры и ритуалы, всплывают из небытия созданные людям на соблазн и пагубу дьявольские артефакты. Из-за грехов человеческих, из-за творимого людьми зла истончаются грани между миром людей и темными безднами, где ждут своего часа нечистые твари, рвущиеся в наш мир, чтобы вредить и уничтожать. И тогда в свой вечный бой снова вступает Братство...

— Так что ж получается — этот, которые ко мне приперся, он самый настоящий зомби и есть!? — выслушав «общую часть», по въевшейся намертво «оперовской» привычке не удержался от сугубо конкретного вопроса Алексей

— «Зо-омби»... Шмомби! Нахватался словечек из глупых фильмов и лепишь их, куда не след, — аж скривившийся от дурного, по его мнению, вопроса, священник не удержался, чтоб не уесть собеседника. — Дух это нечистый! Тот, кого ты, по глупости и незнанию своему, убил, был тем духом одержим. Вот именно дух этот самый мертвое тело поднял — да и отправил мстить тому, кто его планы нарушил. Господа возблагодари за то, что мы в Братстве по своим каналам информацию об этом душегубе имели, и, пусть опоздали с тем, что сделать сами были должны, но ситуацию отслеживали. Попросили человечка, в морге работающего, присмотреть... за покойничком. Вот только тот резвее оказался, чем мы себе представить могли. Слава богу, нам вовремя сигнал поступил — хоть тут успели...

— Нет, погодите! Послушать вас, так что ж выходит?! — Алексей, опешив не на шутку от услышанного, прицепился к словам «убил по глупости» и полез сразу спорить. — Мне не стрелять в него надо было, а цветочки подарить?! Или попросить покаяться в том, что он натворил? Так, что ли?! А может... как там у вас написано? Другую щеку подставить? То-то бы этот гад порадовался!

— Во-первых, не «у нас», а в святом евангелии. И не к тупой покорности злу и потаканию насилию то, что написано, призывает — нечего цитаты из контекста дергать, тоже мне, толкователь! Ну, да что с тебя взять... — по всему видно, батюшка старался проявить максимум отпущенных ему терпения и смирения перед лицом невежды. — А, во-вторых, «покаяться»... Ну да, если б ты его об этом просил или даже приказывал, то конечно... Он прям бы так и кинулся каяться! Чины церковные специальные есть для таких случаев, молитвы. Ритуалы специальные — это чтоб тебе понятно сказать. Но не пулей же в лоб! Случается и нашим братьям и силу применять, и оружие. Да что там — ты сам видел... Но вопрос — кому, когда и как! Вот ты скажи — если какой-нибудь школяр или, допустим, бабушка-пенсионерка кинутся вооруженного до зубов бандита задерживать — что получится?

— Да ничего хорошего, понятное дело... Как для них самих, так, скорей всего, и для всех окружающих!

— Вот, верно. И сами ни за грош погибнут, и дело загубят. Хотя вроде бы и побуждения правильные, и поступок хороший. Вот и здесь так же. Против каждой силы должна быть другая сила, а не только благие намерения. Против злой, сатанинской — лишь сила Божья, к тому же еще и в праведных руках. В руках тех, кто может противостоять такому, о чем вот ты до сего дня и не слышал.

— Значит, выходит — все у вас там священники? И эти двое, что так ловко с ножиками управляются — тоже?

— Правильно ты подметил, не все в нашем братстве — священники рукоположенные. Братья, о которых ты упомянул — они... вроде послушников. Живут в миру, но служат Господу, мечом охраняя тех, кто нечисть одолевает честным крестом. Впрочем, некоторые из них потом и монахами становятся. Те, кто доживает, конечно...

— Понятно! Силовое, значит, подразделение при батюшках! Спецназ, можно сказать!

— Вот именно. Священнику ведь, для того чтобы обряд совершить, молитвы читать и прочее, надо как минимум живым все это время оставаться! И отвлекаться не след... на всякое. А нечисть братьев наших ой как не любит! И достать старается всячески. Да и людей себе подчинять умеет мастерски — сам видел, знаешь. Вот тут-то и нужны сила и воинское умение. А по поводу спецназа ты, кстати, кругом прав. Большинство из тех, кто с нами сегодня плечом к плечу с сатанинской силой бьется, как раз бывшие спецназовцы и есть. И видели-пережили многие из них такое, что тебе, прости уж, сокол ясный, и не снилось. Крови людской на некоторых из них, что воды ключевой... Но покаяться и сегодня праведным воинским служением грехи те, вольные и невольные, в войнах и «горячих точках» совершенные, искупают. Да и не одни они, кстати. Мне вот, к примеру, в Афганистане повоевать довелось...

Взор отца Михаила затуманился воспоминаниями — явно, не самыми светлыми. А Алексей взглянул на него совсем другими глазами. И тут же выпалил отчаянно вертевшийся на языке вопрос:

— Ну, и как же вы этих братьев-спецназовцев отбираете?

— Не мы отбираем, — отец Михаил усмехнулся, — Господь. Всяк свою дорогу к нам по-своему находит. Не все остаются — кто-то сам уходит, кого-то мы не принимаем. Но по большей части все-таки если уж человек к нам пришел, то с нами и остается.

— Значит, отсеиваете все-таки? А по каким параметрам? Подготовка плохая?

— Подготовка... — священник махнул рукой, — Не в подготовке сила! Не в умении биться — с мечом, с пистолетом или вообще без всего! Мало ли таких умельцев, от которых в мире одно лишь зло приумножается?! Не в силе Бог, а в правде! Знаешь, кем сказано?

— Ну-у-у, если честно...

— Святого Александра Невского это слова! Вот он воин был великий, и святость заслужил, прежде всего, мечом обороняя веру православную и родную землю. Вера — вот, что главное. И вера истинная. Вот ты скажи — в Бога веруешь?!

Вопрос этот отец Михаил в Алексея, что называется, влил в упор — как выстрел. А тот и застыл на долгую минуту, не зная, как сформулировать то, что хотел сказать в ответ. Верил ли он? Однозначно — да! И пришла эта вера к нему после гибели родителей. Уж очень хотелось знать, что не ушли они в никуда, не канули в небытие, а пребывают где-то там, в светлой Вечности, в которой им, таким замечательным людям, уж конечно, должно быть спокойно и хорошо. Самое удивительное, что милицейская служба веру эту не погасила, не убила, а, наоборот — укрепила и усилила. Именно от того, что доводилось сталкиваться чуть ли не каждый день с человеческой мерзостью и гнусью, с несправедливостью, подлостью

и злом, еще сильнее тянуло к Свету. Да и молитва, не напоказ прочитанная, перед смертельно опасным задержанием все-таки придавала уверенности в том, что кто-то незримый спасет и сохранит его, в общем, неплохого парня, с риском делающего свое правильное сыщицкое дело.

Но вот если перейти к конкретным заповедям, их соблюдению и вообще грехам и грешкам... Тут все обстояло вовсе не так хорошо. А потому, вместо того чтобы вскинуться навстречу священнику и радостно выкрикнуть «Верую!», Алексей опустил глаза и тихо, но твердо сказал:

— Верую, отец Михаил. Но как-то, наверное, неправильно...

— Это что же такое значит — «неправильно»?! — впервые, пожалуй, за весь разговор ошарашен был священник, а не его собеседник. — Ну-ка, объясни мне — как это у тебя получается «неправильно верить»!

— Ну-у... В церкви редко бываю. Исповедь там, причастие... Это вообще не помню когда. И грешу я... по-всякому. Водка там, сигареты.. Да вы сами знаете, видели! И вообще... — тут Алексей сбился на какую-то совершенную невнятицу, еще сильнее потупившись в пол. Страшно, сказать, но похоже было, что он близок к тому, чтобы покраснеть — чего никогда в жизни за бравым опером не водилось!

— Вот, значит, как... Ну, что я тебе скажу, Алексей, человек Божий, — речь отца Михаила стала тихой и какой-то по-особому успокаивающей. — То, что ты сам себя грешником считаешь, и если в чем и сомневаешься, так прежде всего в том, достоин ли ты истинным сыном святой Церкви быть... В этом веры, быть может, больше, чем у некоторых в показном благоче-

стии. Главное, чтоб в грехах своих ты раскаивался искренне, и искренне же желал от них избавиться. А тут все легко и быстро не бывает. Так что начнем с главного — ты ведь крещеный?

— А как же! — вот тут Алексею времени на обдумывание ответа не требовалось, вот он его и выпалил, да еще при этом и достал из-под застиранной домашней футболки доказательство — старый-престарый нательный крест, с которым не расставался вот уже долгие годы.

Священник не удивился. Он... просто остолебенел, молча вглядываясь в то, что предстало перед его глазами — немалого размера, отлитый из серебра, потемневшего не за годы, а, похоже, за века, крест необычной формы. Широкий и массивный, тот сужался в нижней своей части подобно клинку, да и боковые его лепестки имели не классические, прямые очертания, а изгибались, изрядно напоминая ту же гарду меча. На лицевой стороне крест нес изображение Спасителя, а на оборотной — строки молитвы, которые сейчас вряд ли бы кто разобрал. Однако отцу Михаилу прекрасно было известно, что это за молитва. И что это за крест...

— Откуда?! — только и смог он спросить в удивлении. — Откуда этот крест у тебя?! Как достался?!

— Отец дал, — Алексея несколько смутило крайнее удивление собеседника от взгляда на пусть и не совсем обычный, пусть старинный, но достаточно обывденный для священника предмет. — А сам крест... То ли деда, то ли прадеда. Семейная реликвия, одним словом. Отец не носил — сами знаете, какие времена были, а мне вот передал... А что в нем особенного такого, в кресте-то этом?!

— Особенного? Да ничего, можно сказать. Вот разве что, — при этих словах отец Михаил расстегнул

ворот и достал... такой же точно нательный крест, разве что явно поновее. Вот тут уж пришел черед Алексею застыть в удивлении.

— У всех братьев наших такие же. Это — крест Церкви Воинствующей, и носят его те, о ком мы тут с тобой беседовали. И значение он имеет особое, и силу. Теперь понятно мне, почему тварь адская тебя в мгновение не разорвала. Учужал. Боялся... А заодно вот тебе, Алеша, и доказательство промысла Божьего — того, что ничего в жизни этой не происходит «просто так» или «случайно». На все воля Его, и значит, должны были наши пути-дороги пересечься. Такие, выходит, планы у Него на тебя... Просто время пришло нужное.

— Для чего пришло?

— Ну... Для того хотя бы, чтобы ты правду понял, принял и поверил в нее! Для того, чтобы над жизнью своей задумался, над тем как дальше быть и с кем.

— Погодите... Вы что, меня... одним из вас стать приглашаете?! В Братство зовете?!

— Стать или не стать — не мне решать одному, — отец Михаил усмехнулся, — Да и не сразу это решается, ох, не сразу... Но в гости, в обитель нашу я тебя зову. Или, может, тебе еще подумать надо?!

* * *

Звон... Короткий и мелодичный — от мимолетного соударения стремительных клинков. Вспышка... Солнечный блик на, казалось бы, невесомо порхающих лезвиях, отполированных до зеркального блеска. Тень... Смазанный силуэт, в который, ослепив всего на секунду, вдруг превращается твой противник, одним неуловимым, немислимо плавным и быстрым

движением ускользая из поля зрения! И удар! Хлесткий, прилетевший словно бы из ниоткуда, подрубающий ноги и бросающий на утоптаный крупный песок лицом и руками, из которых вдруг куда-то делось оружие...

У-у-ух... Ну вот, опять! Четвертый раз подряд... Алексей, незаметно сплюнув, поднимается, стараясь делать это одним движением, стряхивает песок и идет навстречу тому, кто, от души улыбаясь, стоит поодаль, держа в руках оба клинка. Тот кивает приглашающе: «Начнем сначала!» Начнем, конечно — в пятый раз. А будет и седьмой, и десятый, скорее всего. В чем в чем, а уж в этом Алексею сомневаться не приходится...

В монастырскую калитку по названному в тот вечер отцом Михаилом адресу он стучался буквально через день. Думать?! А о чем тут было думать-то, в сущности? У настоящего сыщика (если он настоящий, конечно же, а не подонок, пришедший в «органы» за властью и взятками) понятие служения въедается не то что в кровь, а в костный мозг. Становится сущностью. И когда после лет и лет такого служения ты вдруг становишься никем, перемолотым и вышвырнутым системой человеческим мусором, то теряется не только удостоверение с табельным «стволом» (хотя и без них первое время — как, извините, без штанов на людной улице). И не «огромная» (три «ха-ха»!) милицмейская зарплата. Теряется главное — смысл. Смысл твоего существования, твоей жизни. И это будет саднить и болеть фантомными болями, как отрезанная конечность — до конца твоих дней. До конца жизни будет не хватать этого — Настоящего. Настоящего дела, настоящих опасностей, настоящих, проверяющихся практически ежедневно по высшей

мере, человеческих отношений. Потому что настолько остро и ярко ты не будешь чувствовать жизнь уже никогда...

Да и в чисто житейском плане — куда идти? Чем занять себя и как устраивать жизнь? Податься в «бизнес»? Не имея ни опыта, ни нужных связей, ни «стартовых» денег? Да и не имея, по правде говоря, ни способностей, ни желания этим заниматься? Пристроиться в частной охранной фирме? И что? «Жирные» места начальников «секьюрити» банков и крупных предприятий занимают не его полета птицы. Отставных генералов и полковников тоже хватает, и кушать они хотят не меньше, чем капитаны. Куда побольше, если честно. А с его опытом, возрастом и специализацией... Оберегать чужое добро, понимая прекрасно, что такого тебе не нажать и за три жизни? Опускаться постепенно до уровня сторожа? Или — еще того лучше — очутиться в прикрытой законом, легализованной банде, занимающейся «крышеванием» и «выбиванием»? Стать в один ряд с теми, кого по жизни откровенно презирал? Нет, есть, конечно, и приличные «частники», достойные. Но тут уж — как повезет... А зачем испытывать судьбу, если есть возможность заняться не просто достойным делом, а таким, достойней которого даже и не представить?! Да еще и действовать в системе координат, где нет места полумерам, компромиссам, «вариантам». Где все четко разделено на черное и белое, своих и врагов, подлежащих безусловному искоренению! Да это — мечта для некоторых людей! Алексей был как раз из таких — из-за чего, если честно, и случалось подавляющее большинство его служебных проблем. А здесь — возможность не прислуживать, а служить. Не «решать вопросы», всегда учитывая чьи-то «интересы» и «расклады», а реально бороться со Злом... Без

въедливых прокуроров, продажных судей, очумелой «общественности» и буйнопомешанных правозащитников... Так, по крайней мере, представлялось ему в тот момент, когда он стучался в калитку неприметного монастыря...

Где-то подсознательно Алексей ожидал процесса «оформления», чем-то похожего на мытарства в милицеских «кадрах» — то есшь долгого и нудного. Однако никаких проверок, комиссий и, тем более, медосмотров с освидетельствованиями не случилось. Да, было собеседование с братом Георгием, который возглавлял отряд, куда Алексею предстояло влиться — вот оно-то единственное и напомнило ему что-то знакомое по временам прошлой службы. Да и неудивительно — речь, собственно, о милицеской службе и уровне «профподготовки» к ней и шла. А вот беседы с несколькими священниками, скорее, были разговорами по душам. Правда, начались они с вроде бы совершенно незначительных и обыденных вопросов, а заканчивались тем, что рассказывал о себе Алексей те вещи, о которых ему раньше вряд ли бы и в голову взбрело говорить вообще с кем-либо. Ну, получалось так как-то... Само собой вроде бы.

Ну, а потом было самое серьезное. Была исповедь... Долгая. Непростая. Принимал ее у Алексея отец Михаил, с мастерством профессора-хирурга удалявший засевшие в израненной душе гнилые занозы и ржавые гвозди. Если продолжать эту ассоциацию — солью раны не посыпал, но и обезболивающего не вкалывал. А как еще расставаться с грехами, если не через боль? К концу исповеди Алексей с удивлением почувствовал, что лицо его мокрое — от слез. Однако

и такого чувства облегчения и покоя никогда в жизни раньше ему испытывать не приходилось.

Исповедь, причастие, церковные службы — все это стало с того момента частью его жизни. Никто не заставлял, силой не гнал — но и без этого было невозможно. С другой стороны, то, что раньше представлялось скучным, каким-то мертвым обрядом, который просто надо выстоять, теперь стремительно наполнялось живым смыслом — особенно после бесед со священниками. Они терпеливо растолковывали и объясняли ему, только вставшему на путь воина Церкви, те вещи, которые человек верующий вообще-то должен был бы знать с раннего детства. Никто при этом невежеством в элементарных вопросах его не попрекал, даже отвечая на те вопросы, относительно которых сам же Алексей какое-то время спустя понимал, что были они как минимум неуместными. И дурацкими — как максимум.

Святые отцы учили и другому — тем вещам, без знания и понимания которых он был бы самым обычным боевиком-скорохватом, а не Божьим воином. Один священник сменял другого, втолковывая:

— Главное оружие и ограждение Церкви и всех членов ее от врагов видимых и невидимых суть Крест. Он — орудие спасительной смерти Господа нашего Иисуса Христа, избавившего весь род людской от рабской участи греху и диаволу, от вечной гибели. Крест же через это соделался символом и знамением спасения и победы над смертью. Оттого содержит он в себе благодатную силу Распятого Спасителя.

Любая нечисть креста страшится, бежит от него в ужасе. Честным крестом и крестным знамением побеждаем силы нечистые, развеиваем бесовское обмо-

рачивание и темные чары. При сем говорим следующее...

— Святая вода — вода, что освящена в церкви на специальном водосвятном молебне. При сем крест святой трижды должен быть погружен в воду — с подобающими молитвами и песнопениями. Водосвятие разделяем великое и малое — великое осуществляется накануне праздника Богоявления и в сам день праздника. Малое же — в иные праздники, и во всякий день, как в храмах, так и в домах, на полях и в иных местах, по желанию священника и верующих. Святая вода, употребленная с истинной верою, душу и тело христианина укрепляет и врачует, всякую же нечисть уязвляет жестоко, гонит и устрашает. Запомни! Ежели святая вода, запасенная, заканчивается, возможно в нее добавить воды неосвященной, только чистой. Та же вода сама освящение примет. Коли нужда выпадет — так и поступай.

— Молитва — обращение человека к Богу. В ней Господа мы славим, каемся в своем недостойнстве, исповедуемся перед ним, за явленные нам милости благодарим и о личных своих нуждах просим. Молитва — великое оружие Божьего воина. Ей нечистые силы посрамляем и побеждаем. Сильнее всех для этого — запретительные молитвы. Сие — молитвы некоторых богослужебных чинопоследований, диаволу запрещающие и его изгоняющие. Читать такие молитвы допустимо и должно лишь рукоположенному священнику. Мирянину же такое не подобает. В каких случаях и какие именно молитвы тебе читать надлежит, запоминай...

Это составляло, так сказать, теоретическую часть его учебы. Была и специальная подготовка — как же без нее. Алексей всегда числился неплохим

рукопашником. Не чемпион, конечно, но из схваток с достаточно серьезными противниками выходил победителем не раз. Сейчас же его самооценка в этом плане упала, причем резко. Оказывается, он просто не сталкивался еще в этой жизни не просто с хорошими бойцами, а с Мастерами. Теперь вот столкнулся... При этом надо, конечно, было делать поправку на то, что система ведения боя, принятая в Братстве, здорово отличалась от всех тех, с которыми ему доводилось иметь дело ранее. По той простой причине, что «заточена» была под бой не с людьми, ну, вернее, не только и не столько с людьми, сколько с сущностями и тварями, которые своей силой и скоростью людей зачастую превосходили многократно. Мало того — даже мимолетный физический контакт с некоторыми из них практически со стопроцентной гарантией приводил к самым неприятным последствиям — вплоть до летального исхода. Поэтому основной упор делался не на отработку, скажем, захватов и болевых удержаний, — это годилось, но опять-таки только и исключительно против людей — а на умение избегать прямого столкновения и противостояния «сила против силы». Уходы вместо жестких блоков, увертки и сложнее — на уровне акробатики финты — было в этом что-то от айкидо. Но вместе с тем присутствовала и наработка жестких, молниеносных ударов, так что, скорее, ближе всего эта система была (из всех знакомых Алексею) к чему-то вроде джиу-джитсу. А в общем-то, рукопашный бой был для братьев чем-то вспомогательным, или, скорее, средством для совсем уж крайнего случая. Против тех, с кем им приходилось иметь дело, с голыми руками (пусть и самому тренированному бойцу) лучше все-таки было не со-
ваться...

Основным оружием братьев были клинки. Дать более конкретную классификацию Алексею, который очень даже прилично разбирался в «холодняке», было затруднительно. Для мечей — вроде бы слишком короткие и легкие, а для кинжалов — крупноваты. Алексей, естественно, сразу же полез с расспросами — почему так? На это не сильно разговорчивый обычно брат Илья, выполнявший для «новобранца» роль инструктора по клинковому бою, объяснил, что да, изначально оружием братьев как раз и был классический славянский меч. Причем оружием главным, с которым они не расставались практически никогда. Но было это, конечно, в те времена, когда вид опоясанного мечом человека даже в самом людном месте ни у кого никаких вопросов не вызывал — нормальная деталь костюма, так сказать.

Так было когда-то. А нынче... Попробуйте сегодня продефилировать с мечом по городу — хотя бы проехаться в метро в час «пик». Кто-то примет за спятившего «реставратора», а кто-то и сразу за потерявшего страх маньяка, вышедшего на охоту за головами. Короче, проблемы гарантированы как с правоохранителями, так и с представителями психиатрии — не обязательно в такой последовательности, но наверняка. Современный же клинок братства оказался куда как удобен не только для ношения (прежде всего скрытого), но и для боевого применения, к примеру, в условиях ограниченного пространства, где длинным мечом не сильно-то и помашешь. Кстати, потеряв в длине, клинок остался достаточно массивным — настолько, что им можно было не только колоть или резать, но и рубить. Это опять-таки результат выводов, сделанных из практики, — боевой опыт применения пришедших на смену мечам шпаг и остального куда более изящного оружия, вроде рапир, показал, что против

нечисти и нежити они крайне неэффективны. Выходцы из потустороннего мира умудрялись переносить все возрастающее количество колотых ран в своем, существующем по нелюдским законам организме, сохраняя большую часть своих боевых качеств, а то и вовсе игнорировать. А вот отсечение различных когтистых конечностей, щупалец и тем более — башки, действовало на них как раз с нужным эффектом.

Широкое (причем не равномерно, а прямое у основания и с расширением ближе к острию) лезвие, не вычурная, а простая практичная гарда, рукоять, обтянутая кожей и имеющая на конце блестящее полушарие-балансир, позволяющее наносить серьезные удары — именно так выглядел сегодня клинок Братства. При этом изготавливался он полностью из серебра, на нем гравировались строки молитв и церковные символы, после чего следовала церемония освящения. Вот тогда-то и становился этот клинок грозным оружием, смертельно опасным для нечисти и ее приспешников.

Другим оружием или, скорее уж, средством активной самообороны (правда, используемым больше не братьями, а опекаемыми ими священниками) были посохи. Тоже весьма непростые — не из абы какого дерева сделанные, окованные полосками серебра, прошедшие обряды освящения. С их помощью можно было противника, прежде всего, удержать на расстоянии, остановить и временно обездвигить — хотя бы до того, как подоспеет подмога. Впрочем... Как-то раз Алексей стал невольным свидетелем того, на что с этим самым посохом в руках способен вышедший поразмяться на тренировочную площадку батюшка. Н-да... Не хотелось бы ему оказаться противником в поединке с этим бойцом. Посох, шест — это в руках неумехи

палка, а когда его берет мастер... Шаолиньскими монахами в наши дурные времена, наполненные преклонением перед всем иноземным, восхищаются все. Вот только почему-то забывают при этом о воине-монахе Пересвете, с копьем одолевшего на Куликовом поле лучшего поединщика Мамаевой орды Челубея, который, кстати говоря, тоже был бойцом далеко не простым. Древнерусские летописи уверенно причисляют его к членам некоей «секты воинов-буддистов», причем имел в ней «поганский» богатырь самую высшую степень посвящения. Уж не шаолиньских ли мастеров ученичок?! Вполне возможно, особенно если учесть, что до встречи с Пересветом противник его одержал победу аж в трех сотнях поединков и считался непобедимым в принципе. А вот поди ж ты — против православного монаха не сдюжил...

Имелось в арсенале Братства и более привычное для Алексея огнестрельное оружие — как пистолеты с «калашами» различных модификаций, так и более серьезные штуки — вплоть до мощных дальнобойных снайперских винтовок. Что интересно, самыми «востребованными», как понял Алексей, были помповые дробовики. По той простой причине, что переснарядить боеприпас к ним серебром вместо свинца было делом элементарным, пусть даже и в домашних условиях. Имелся в наличии «спецбоеприпас» — то есть патроны с серебряными, особым способом изготовленными пулями и для всех прочих «стволов», но с его изготовлением, понятно, дело обстояло куда сложнее. Да и эффективность серебряных пуль против многих из противников, с которыми доводилось бороться Братству, была, мягко говоря, сильно преувеличена. Да — помогало... Но далеко не всегда и далеко не против всех представителей весьма разнообразной нечисти.

В тонкостях и нюансах данного вопроса Алексею, заслуженно «блеснувшему» на небольшом стрельбище Братства, еще предстояло разбираться и разбираться. Оно и понятно — охватить сразу всю огромную сумму знаний и опыта, накопленного Божьими стражами за века, не удалось бы никому.

Пока что ему с трудом хватало сил, чтобы впитать, осмыслить и попытаться собрать воедино все новые и новые скрытые до недавнего времени, а то и вовсе тайные знания, которые валились на него. А в идеале — осознать на основе их новую картину мира и своего места в нем. Одно дело — выразить желание присоединиться к братству воинов Христовых и день за днем оттачивать боевые умения и навыки в бесконечных тренировках. И совсем другое — понять, не только разумом, но прежде всего сердцем сущность Братства, его значение и предназначение. В этом как раз больше всего помогали долгие беседы с отцом Михаилом, на которые тот умудрялся выкраивать время, независимо от постоянной занятости. Начинались они зачастую с тем совершенно несерьезных, а выходили на вопросы глобальные.

Один из таких разговоров завязался спустя пару месяцев после того, как Алексей впервые ступил на монастырскую землю. И дернула же его за язык нелегкая, неважно в каком уж контексте в шутку упомянуть чуть ли не всемирного любимца большинства детворы — очкастого юного мага. Вот с Гарри Поттера, будь он неладен, все и «понеслось»...

— Вот ведь, точно — последние времена наступят! Нашли же кумира для себя и для чад своих — колдуна, мага, понимаешь, и волшебника! Гаже ничего и придумать нельзя — разве что совсем уж открыто нечистому

поклоняться! — отец Михаил, начав речь сокрушенным от огорчения голосом, распалялся, похоже, все больше. А Алексей, по привычке, щедро плеснул в разгорающийся огонь масла:

— Так он же вроде... того, добрый волшебник? Или как? А со злыми... это... сражается, кажется... Не, не читал я этого всего — маленький, что ли? Так, фильм как-то видел... кусок... — Алексей говорил все сбивчивее, в уме трижды уже обругав себя распоследними словами за то, что вообще эту тему затронул. Поскольку выражение лица священника оч-чень явственно указывало на то, что задело его за живое крепко. И точно...

— До-о-брый?! Вот, значит, как?! Запомни! Раз и навсегда на носу себе заруби — не бывает добрых колдунов! Не бывает магии «белой» и «черной»! Не бы-ва-ет! Нет, никогда не было, и быть не может! А «добрые» колдуны, которые со «злыми» борются, — это вроде как, прости Господи, черти, которые другим чертям рога обламывают. Да все равно бесами нечистыми при этом остаются — что одни, что другие... — выговаривая все это, священник пальцем при каждом слове крепко припечатывал столешницу. И создавалось сильное впечатление, что с большим удовольствием в данную минуту он стучал бы Алешеньке по лбу — для лучшего восприятия.

— Это ты с ними, мил друг, не сталкивался еще никогда — с колдунами да с ведьмами... Вот узнаешь на собственном опыте — что они такое, увидишь своими глазами, тогда и поймешь. А пока поверь уж мне на слово да запомни крепко — любое колдовство или, уж как сейчас модно говорить, магия есть зло. И исходит она только от одного — от нечистого, врага рода человеческого. Ведь в чем суть колдовства, в чем смысл и цель его — скажи, как думаешь?

— Ну-у-у... — Алексей, выдавливая из себя ответ, нарочно тянул время, пытаясь не ляпнуть чего-то совсем уж ненужного, — наверное, в том, чтобы получить что-то — силу, власть, какие-то конкретные блага... Или, наоборот, кому-то гадость сделать. Порчу там, или что-то вроде. Так мне кажется?!

— Для начала — правильно. А «что-то вроде» это проклятие называется. И получаются такие вещи у всяких колдунов и «магов» почему-то гораздо лучше, чем что-то, на первый взгляд, хорошее. Почему бы так — не задумывался? А по-другому и быть не может. Сила, которая для колдовства используется, от зла исходит и злу предназначена. И власти злые дела дают гораздо больше, чем добрые — это тоже факт.

— Нет, ну подождите, — Алексей набрался-таки опять смелости не то чтобы спорить, но все-таки вставить очередные «пять копеек», — есть же и знахари всякие, или кто там они такие. Они ведь людей вроде лечат и вот эти порчи всякие снимают... Эти — тоже зло?!

— А, вот ты о ком вспомнил... — отец Михаил усмехнулся. — Во-первых, как там эти колдуны «лечат» — это большой вопрос. Поинтересуйся потом на досуге, чем такие «лечения» сплошь и рядом заканчиваются. Удивишься крепко... А во-вторых, не всегда даже лечение — благо!

— Это как?!

— А вот так! Болезнь, немощь телесная — она ведь может и наказанием Божьим быть, и предупреждением. Да и, как правило, человек сам к себе ту или иную болячку «приваживает» — хотя бы тем, что ест, пьет, делает. А зачастую — и тем, что говорит и думает тоже. Ну, нотаций о здоровом образе жизни читать тебе не буду, ты не маленький, а я не лектор из общества «Знание». О другом скажу — все, что с человеком

происходит и случается, так или иначе есть часть Промысла Божьего. Хвори, представь себе — в том числе. И тот, кто в это с колдовскими «ритуалами» лезет, как раз против этого промысла и выступает. А значит — против Бога. И уж тем более те, кто начинает играть с «приворотами» да «отворотами», «заговорами» на деньги да на удачу. Ведь они таким путем что сделать хотят? Получить незаработанное, незаслуженное — то есть опять-таки сжульничать, сшулерить в жизни по-крупному. Но все это — так, частности, мелочи, можно сказать. Ведь основная цель любого, любого, поверь, колдуна — встать не менее чем вровень с Богом-творцом. А то, как мнится им в их гордыне, и превзойти его! И чья это цель? Чей замысел? Объяснили ведь уже тебе, наверное. И я тоже объяснял...

Ведь то, что сегодня происходит в мире нашем грешном — неспроста это все. Сначала книжки-фильмы про «белых магов», про детишек-колдунов. Потом — больше. Уже и вурдалаки у них добрые да хорошие по экранам скачут, нечисть такая положительная да правильная, что умиляться впору... А дальше — и, Господи прости, черти героями становятся! Они, оказывается, тоже есть не только злые, а и «добрые». Со злом борются, людям помогают, спасают их... Думаешь, мы тут совсем уже пни замшелые — не интересуемся таким, не видим? Зря думаешь. Как раз именно нам, Братству, всю эту пакость отслеживать и приходится, хоть и плюясь. Потому что это все — тоже оружие в вечной борьбе против нас. И кому-то, ты уж поверь, все это нужно, все это выгодно. Не само по себе в последние годы происходит все то, что происходит. А уж последствия...

Разговор был прерван самым внезапным образом. Раздался стук в дверь, и в комнате возник брат

Георгий. Алексей, по старой милицейской привычке, увидев того, кто являлся ему теперь вроде как непосредственным начальником, вскочил со стула. Но руководитель «силовиков» Братства, удостоив новичка лишь легким кивком головы, сразу подошел к священнику, складывая руки положенным образом.

— Благословите, честный отчет!

— Господь благословит!

Перекрестив и подав руку для целования креста, отец Михаил спросил:

— С чем пожаловал?

— Да вот, батюшка, есть, похоже, для нас задача. Не то чтоб что-то из ряда вон, а все-таки... Звонил сегодня священник, настоятель храма одного из дальних сельских приходов. В его краях что-то нехорошее твориться начало. И «что-то» это крепко на чертовщину смахивает. Многого он, понятное дело, по телефону не рассказал, но суть в том, что люди пропадать начали и вроде как неспроста. Есть там в округе место одно...

— Нехорошее?

— Было нехорошее, а сейчас, есть подозрение, и во все поплохело. С чего, почему, что там конкретно творится — на месте разбираться надо. А сам священник местный, хоть и с делами нашими знаком, но из молодых, побаивается в одиночку.

— Вот и нечего ему! На то мы есть. Ну, раз батюшка там имеется, то пусть братья приедут, помогут ему. Сам отправишься?

— Да нет, думал Олега с Игорем отправить. Ну, максимум, если скажете, еще кого-нибудь с ними одного.

— А вот его возьмите! — отец Михаил развернулся при этом к Алексею. — Там ведь вроде ничего особо сложного быть не должно, так вот пускай от теории, так сказать, к практике помаленьку переходит. А то

у него, похоже, от бесконечного дрыгоножества и рукомашества на тренировочной площадке уже разум возмущенный бурлить начинает! Пущай проветрится...

«Договорился»... Именно такой была первая реакция Алексея. Ну, а потом, конечно, чуть ли не щенячья радость: «Ура! Наконец-то его признали хоть на что-то годным, и пусть под присмотром старших товарищей, но готовы взять “в дело” Уж теперь-то он себя покажет!»

Село, раскинувшееся по берегу Десны, и вправду было невелико. То есть когда-то тут, может, и кипела жизнь, но сейчас на всех без исключения улицах шурились подслеповато-грязными окнами из густых и диких зарослей заброшенные давно строения. Где-то — почти уже ушедшие в землю по стреху хатки-развалюшки, а где-то и вполне в прошлом добротные дома. А чему удивляться? Глушь Черниговщины, самые что ни на есть «депресняковые» края. Забытые и покинутые не только «властями» — как столичными, так и местными, но и своими же собственными жителями. Всякий, кто мог, давно подался в города, ища если не лучшей доли, то хоть какого-то заработка и жизненной перспективы. Так что запыленный внедорожник, преодолевавший местные колдобины и ухабы с взрывыванием движка и скрипами в ходовой, взглядами провожали только греющие старческие косточки на ветхих лавочках перед воротами деды да бабки. Ну, правда, искомую дорогу — к церкви, как раз они указали уверенно.

Местный батюшка, настоятель сельского храма отец Иона и вправду оказался молод — как бы не младше самого Алексея. То ли от этого, то ли от чего другого, но перед прибывшими гостями он слегка робел, хоть изо всех сил и старался не подавать виду. Может,

просто переживал, что вот сорвал в неблизкую дорогу серьезных людей, а проблем-то настоящих и не обнаружится. То-то сраму будет...

Расположились гости в тенистом саду, где для храмовых и иных праздников был поставлен простой длинный деревянный стол с парой таких же неприятных лавок. Пока жена священника с добровольными помощницами из прихожанок собирала нехитрое угощение «перекусить с дорожки», Алексей осматривался по сторонам. Небольшой, но чистенький и очень даже уютный с виду домик, в котором жил батюшка с семейством, располагался прямо в церковной ограде. Маленькая церквушка, построенная в основном из дерева, роскошью не блистала, зато вызывала почтение своим возрастом, тем, что пережила и войны, и революции, и прочие лихолетья. Оно и понятно — даже на первый взгляд видно было, что и сейчас, несмотря на явно сократившееся число жителей, дорога к церкви не зарастает, а территория ее выглядит чуть ли не самой ухоженной в селе.

Налив гостям по большой кружке кваса (Сам делал, отведайте!), отец Иона приступил к рассказу. Дело было в следующем: в нескольких километрах от села на речном берегу было место, о котором с давних пор говорили... ну, скажем так, всякое... Несмотря на то что было оно очень даже живописным, местные старались его по большей части избегать. Причины? Да разные. В основном очень даже яркие рассказы о том, что виделось и слышалось время от времени на том месте людям такое, что к ночи точно помянуть не годится. Было кое-что и посерьезнее. Хотя бы то, что тонули в том месте любители искупаться куда чаще, чем в других. Причем не только детишки, а и вполне взрослые люди, в том числе и мужики с завидными здоровьем и силой. Можно, конечно, было

бы списать на коварное течение и раскинувшийся рядом омут, на неумение плавать или выпивку, но некоторые случаи ничем из этих причин не объяснялись при всем желании. Так что и купаться и ловить рыбу местные жители старались все-таки поодаль от красивого прибрежного холма с удобно спускавшимся к воде пляжем.

А вот приезжие — в основном молодежь, с некоторых пор на месте этом появлялись регулярно, устраивая кто вполне благопристойные пикники с шашлыками и купанием, а кто и достаточно буйные гулянки с кострами и полуночными танцами вокруг них. Здешние жители таких отдыхающих, понятное дело, не одобряли, но и отваживать не собирались — поди отвадь приехавшую на рыкающих джипах компанию обезбашенной молодежи, к тому же накачанной спиртным, а зачастую и не только им... Да и вообще — чего лезть-то?! Найдут беды себе на задницы городские бездельники — так кто ж им виноват? Мы их сюда не звали. А предупреждать — так кто ж из них будет «колхозников» слушать? В лучшем случае поржут да и пошлют так, как самый старый в селе дед не слыхивал. И это — еще в лучшем... Печальный опыт на этот счет имелся. По словам отца Ионы, одна из прихожанок рассказывала ему, что забредя как-то в поисках ушнырившей непонятно куда скотины на тот самый берег, обнаружила там не пьяную или обкуренную в хлам компанию, а двоих приличных девушек явно городского вида. Одну постарше, другую и вовсе, по ее меркам, «соплячку», явно оборудовавших место под ночлег. Пожалев приехавших, бабка сунулась было с советами насчет того, что тут оставаться, тем более ночевать, не стоит. Так вот, жаловалась потом священнику «советчица» — младшая из приезжих на нее «вызверилась», а та, что постарше, не сказала ничего, но зато зыркнула

так, что у бабушки пропало всякое желание общаться, зато возникло другое — оказаться от этого места подалее. И побыстрее, по возможности.

Вот с приезжих «отдыхальщиков» все и началось. В последнее время в село несколько раз приезжали оперативники — пару раз из районного отдела, а не так давно и из областного управления. И все по одному и тому же поводу — искали пропавших бесследно людей. Один раз речь шла о двоих парнях, второй — о девушке. Нет, и раньше наведывались в село «милицейские». Но было это больше года тому назад, и речь шла о случившемся вроде бы все на том же, будь оно неладно, месте изнасиловании. Ну, поехали-походили по дворам, поспрашивали — может, кто что видел или слышал (никто и ничего, естественно!), да и отъехали восвояси. А тут — раз за разом, да расспрашивали куда дотошнее. Мало того — не так давно заявили на двух недешевых машинах люди, по их словам, родственники пропавших парней. Тоже ходили-бродили, показывали фотографии, пытались узнать хоть что-то и деньги за любую информацию сулили по меркам забитого села просто нереальные. Тут уж и рад был бы кто помочь — так ведь и вправду нечем. В село ребята не забредали (что им там делать-то, если даже ближайший магазин с просроченным пивом в соседней деревне располагается?!). А приглядываться — кто там на речке пляжится или, тем более — ночью скачет-пляшет, дураков нет. Да и кому оно надо?!

Но призадумались в селе крепко. А больше всех — отец Иона. И если остальные жители просто стали обходить поганое место по еще более широкой дуге, то священник принялся сопоставлять факты, вспоминать слухи, а потом и рыться в давнем прошлом. Не поленился даже в райцентр съездить, чтобы в архи-

вах информацию поискать, поговорить со знающими людьми. Кое-что интересное все-таки «нарыл». И, надо признаться, очень ему то, что узнал, не понравилось. Совсем уж правду сказать — даже напугало.

По сведениям одного из старейших сотрудников когда-то существовавшего в райцентре, а ныне благополучно умершего за ненадобностью и полным отсутствием финансирования краеведческого музейчика, за интересовавшей священника местностью слава тянулась давняя. И — исключительно кровавая. Рассказни о том, что где-то вроде бы в тех местах чуть ли не во времена царя Гороха промышляла лихая разбойная шайка некоего то ли атамана Соловья, то ли батьки Филина, можно, конечно, было списать на древние легенды и бабушкины сказки. Равно как и указание, имевшееся в этих легендах на то, что именно на высоком речном берегу творили разбойнички расправу над захваченными в полон купцами и прочими людишками, которым не повезло оказаться у них на пути. Было ли — не было — кто ж его достоверно знает? Во всяком случае, никаких документальных подтверждений тому не имелось...

А вот то, что в годы Великой Отечественной именно на этом месте полицаи-предатели под руководством «кураторов»-карателей расстреливали людей, было известно доподлинно. Пришедшие вслед за Красной Армией в сорок третьем году хмурые следователи из НКВД дело свое знали крепко и к расследованию зверств фашистов и их пособников относились со всей серьезностью. Так что остались и документы, и писанные свидетельства очевидцев. Хотели даже поставить на том месте памятный знак, да все как-то руки не доходили, потом забылось, а потом и вовсе в стране кое у кого так перевернулись мозги, что и война та стала

не войной и жертвы — не жертвами, да и палачи не палачами, а чуть ли не героями...

Одним словом, затерлась, истлела память с годами, тем более что старики-свидетели тех страшных лет и дел по большей части отошли в вечность, а детям их и тем более внукам, не сильно-то и было до этого дело. Но земля помнила... Помнила пролитую на ней невинную кровь людей убитых и зарытых без покаяния и должных обрядов. Помнила и черную ненависть тех, кто творил на ней зло. И, в свою очередь, начала зло притягивать. Как людское, так и иное — из-за грани. По всему выходило, что как раз темные, бесовские сущности и начали вовсю пользоваться «плохим местом» как червоточиной, чтобы влиять на наш мир, а в последнее время — похоже, и проникать в него.

Что стало последней каплей, проломившей барьер? Может, именно то самое, годичной давности изнасилование? А, может, и что-то другое. Сидя в уютном садике — не разберешься. Как бы там ни было, а надо было отправляться на место, смотреть, насколько все там плохо, и уж тогда делать окончательные выводы и принимать решения. Идти, понятное дело, предстояло как раз ночью, поскольку именно в это время суток как раз и случались там все странности и исчезновения, а днем максимальной угрозой, с которой можно было столкнуться, оставались разве что комары.

Давно уже Алексей не спал так спокойно и сладко. Отказавшись от предложения «перекемарить» в крошечной «гостевой» комнатке дома священника, отправился в заваленный до потолка душистым сеном сарай. Кинул на показавшуюся самой мягкой золотистую гору, приготовленную как раз для таких случаев армейскую плащ-палатку — да и вырубился в момент, наслаждаясь сельским покоем. Всего на ми-

нутку — по крайней мере, так показалось, когда кто-то немилосердно затряс за плечо.

— Подъем, боец, выдвигаемся! — нависший над ним брат Игорь уже был одет «по-боевому»: комплект черной формы спецназовского образца, разгрузка, высокие берцы, голова повязана черным же платком-банданой,

— Давай собирайся. Ждем во дворе, — сказав это, Игорь вышел.

Сборы много времени не заняли. Благо сумку со снарягой Алексей, отправляясь отдыхать, благоразумно взял с собой. Впрыгнуть в форму, вжикнуть замком разгрузки, зашнуровать ботинки, повесить на бедро клинок — долго ли? Через пяток минут он уже присоединился к собравшейся во дворе группе. Шли вчетвером. Похожие, как близнецы, воины Братства и отец Иона. Батюшка был в повседневном облачении, и необычным его прихожанам, оказавшись они тут, показалось бы разве что то, что обут он был в такие же, как и у спутников, берцы, а в руках держал увесистый посох, предназначенный явно не только для помощи при ходьбе. Как заметил Алексей, у Олега, вдобавок к кинжалу, на плече висел укороченный дробовик. А вот ему самому досталась другая ноша — объемистая сумка с чем-то позвякивающим металлом и побулькивающим. Это, как пояснил Игорь, были принадлежности отца Ионы — крест, чаша и сосуд для святой воды, кадила, книги и прочее. Нести, естественно, доверили самому «молодому». «Ничего не меняется», — невесело подумал Алексея, поудобнее устраивая на плече увесистую ношу. Тронулись...

Ночь еще не наступила, сгущались летние сумерки, в которых, пройдя по кривоватым боковым улочкам села, четверка и отправилась к цели. Идя

негустым перелеском по-над берегом реки, Алексей все пытался настроить себя на предстоящее. Получалось, честно говоря, не очень... Наверное, из-за того, что толком пока было непонятно — на что ж все-таки настраиваться. Да и окружающий пейзаж вкуче с ласковым журчанием речной воды и полусонным уже, затихающим по кустам и деревьям, птичьим щебетом совершенно не наводил на мрачные или тревожные мысли. Скорее, в голову лезло то, что давненько уже не был он на хорошей рыбалке — с ночевкой, ухой, костром. И вот как раз к этому окрестные места просто очень даже располагали, обещая отменный улов и классный отдых. Все поменялось минут через тридцать...

В совсем уже мгlistой серости окончательно умирающего дня группа вышла к цели. Безлесый, поросший невысокой травой, носивший на себе многочисленные следы кострищ холм возвышался над окружающей местностью не то чтоб сильно, но ощутимо. Деревья словно испуганно разбегались от него в разные стороны, мало того — у края своего, там, по крайней мере, где Алексей еще мог разглядеть, поросль была какой-то убогой, корявой, словно бы больной. Деревца по мере приближения к холму становились все более чахлыми, стояли, несмотря на ласковое лето, без листьев, с перекрученными, лишенными коры стволами. От одного этого было как-то не по себе. Даже впервые оказавшийся в подобной ситуации Алексей почувствовал — что-то тут не так. Место словно давило на людей — пока что слегка, но это только пока что. Начинало казаться, что собирающаяся в окружающих зарослях ночная мгла подобно мутному потоку накапливает силы, чтобы накатить, захлестнуть, смести пришедших незваными людишек. «Да как тут вообще кто-то отдыхать мог?!» — Алек-

сея аж передернуло от неприятного ощущения. Поднявшись на вершину холма, он, повинуясь команде Игоря, поставил сумку с вещами отца Ионы на траву и повернулся лицом к реке. В ту же минуту на спину словно бы обрушилось ведро ледяной воды. По позвоночнику прямо-таки продрало ознобом. Нечто подобное Алексею, с его-то жизненным опытом, испытывать приходилось — он безошибочно «опознал» впившийся в спину взгляд, чужой и враждебный. Смотрели на него не с добром, и не раз — в том числе и через прицел... Но в этот раз ощущение было во сто крат сильнее и неприятнее. Слишком уж явственно помимо простой злобы читалось во вперившемся в него взгляде желание порвать и сожрать. В самом что ни на есть буквальном смысле...

— Так, Олег, Леша, — голос старшего вырвал из зловещего оцепенения, возвращая в реальность, — Нам тут впотьмах сидеть скучно будет, а дров нет. Давайте-ка пройдитесь, с краю сушняка наберите или наломайте уж, если получится. Только аккуратней. Нехорошо там, в лесу...

— Сами чуем уже, — Олег спокойно отправился к зарослям, правда, перекинув при этом дробовик для стрельбы одной рукой, с упором на ремень. Алексей двинул за ним.

Против ожиданий, никто на них из перекрученных-перемешанных зарослей так и не кинулся. Сушняка, вполне годного на костер, оказалось достаточно, несмотря на то, что, судя по следам от топориков и просто сломам на сучьях и ветвях, за топливом сюда они пришли далеко не первыми. Сосредоточившись на простой, требующей физических усилий задаче, Алексей вроде как-то даже и отвлекся от гадких ощущений — мысли оказались заняты только тем, как бы

набрать охапку побольше. И потому крик Игоря стегнул по нервам, как плеть:

— Назад! Оба — бегом сюда!

Назад так назад... Но команды насчет дров никто не отменял, так что Алексей пер на холм перед собой приличную ношу сучков и палок, пытаясь при этом двигаться побыстрее и не свернуть шею. Олег, забросив оружие за спину, не отставал. Вскарабкавшись с горем пополам на верхушку холма, оба свалили дрова наземь и уставились на командира: «Чего звал-то?!» Но Игорь и сам застыл в позе «весь внимание», развернувшись к отцу Ионе. Лицо его маячило белым, как мел пятном — и дело, похоже, было не в наступившей темноте, а в залившей его смертельной бледности.

— Ох, и зря мы, похоже, сюда явились, ох и зря... — отец Иона, качая сокрушенно головой, показывал на что-то лежащее у его ног. В то место, куда он указывал, ударил свет фонарика, и только тогда Алексей разглядел, что песок у старого кострища разрыт, а в неглубокой яме лежит какая-то явная дрянь — перемотанные нитками кости, то ли дощечки, то ли таблички, и вдобавок ко всему, похоже, полуразложившаяся птичья голова.

Тем временем отец Иона тщательно вытер руку об траву, отвернулся от поганой ямы, перекрестился и, собравшись с силами, заговорил:

— Плохо дело, братья. Мы-то думали — просто место плохое, оскверненное, вот нечисть и бесится. А тут все куда хуже! Судя по тому, что тут валяется, обряд колдовской проводили — вот на этом самом месте, и не так давно! Ну, а это все равно, что той самой бесовской пакости, которая и так вокруг этого места вилась, как мухи вокруг сами знаете чего, дверь настезь открыть. Да еще и пригласить радушно — заходите, мол! Эх, как

же я проморгал-то! Ну, да что уж теперь... Знать бы, кто да что тут творил конкретно, легче бы было. Да только попробуй разбери так вот сразу...

— Ну, по всему судя, невелика загадка, — стоящий над ямой Игорь указал на нее носком ботинка. — На призыв заговор делали. Оч-чень кому-то хотелось с нечистой силой поближе познакомиться.

— На то похоже, — священник кивнул, соглашаясь, — а вот что за тварь вызывали, да что получилось — поди узнай.

— Сейчас узнаем, похоже!

Из чаши волной разлился гнусный вой, спустя мгновения заглушенный треском веток и дробным топотом. При первых звуках Игорь вскинулся, одним движением разворачиваясь к зарослям и принимая боевую стойку.

— Братья — ко мне! Батюшку прикрываем! Святой отец, молитесь на изгнание нечистого духа! Не угадывать время, а драться!

Становясь слева от Игоря, плечом к плечу, Алексей увидел метнувшиеся к холму черные мохнатые тени, передвигающиеся странными дергаными скачками. Как ни удивительно, но как раз страха они почему-то не вызывали. «Чупакабры, блин, местные!» — мелькнула совсем уже дурацкая мысль. А через секунду стало не до мыслей...

Вырвавшаяся вперед тварюга, вдруг одним прыжком перемахнув половину склона, летела напрямик на Алексея, метя ему в лицо когтями, увидев которые любя чупакабра бы обзавидовалась до смерти. Спасибо братьям, выжимавшим и выбивавшим на тренировочной площадке силы до последней капли пота — тело среагировало на полном автомате. Сделав полуоборот с подсадкой на правую ногу, Алексей от всей души

полосанул перехваченным обратным хватом клинком по мохнатой бочине. Судя по тому, с каким душераздирающим визгом погань укатилась во тьму, освященное серебро пришлось ей совсем не по вкусу.

А следующий из «гостей» уже несяся прямо на него, повторив рекордный прыжок сородича и растопырив уродливые лапы в прямо-таки родственном «объятии». С обнимашками не сложилось — распрямляясь из полуприседа, Алексей принял прыгуна на встречный удар перехваченного прямым хватом клинка. Этот даже не визжал, а только захрипел, брызнув из развороченного брюха чем-то нестерпимо вонючим — и тоже улетел по склону вниз, вслед за первым.

«А ничего так получается!» — с этой мыслью Леша скосил взгляд влево, чтоб посмотреть, как там держатся товарищи. Держались они неплохо — Игорь бился сразу двумя клинками, орудуя ими с такой скоростью, что во все стороны разлетались клочья шерсти смрадные брызги от рассеченной его кинжалами нечисти. Олег, стоящий в центре и закрывающий своей широкой спиной священника, из боя временно «выпал». Стоя на одном колене и воткнув кинжал перед собой в землю, он в данную минуту сосредоточенно отдирает от цевья дробовика когтистую мохнатую лапу. Похоже, напавший бес решил первым делом вырвать висевшее на груди оружие, да поплатился за это отрубленной конечностью. Правда, теперь Олегу пришлось избавляться от такого «украшения» на стволе, мешавшего открыть огонь. Находящийся за спинами братьев отец Иона тоже, как оказалось, времени зря не терял. Перед ним на импровизированном «походном» алтаре уже теплилась лампадка, стоял крест и лежала открытая книга. Чиркнув спичкой, батюшка зажег курильницу, и в воздухе начал разливаться осязательный аромат ладана. Закончив с этим, отец Иона взял

в руки книгу — сейчас атакующим тварям предстояло познакомиться с тем, что будет для них поубойнее серебряных кинжалов...

Полное впечатление, что нечисть почуяла — сейчас ей будет худо, и решила усилить натиск. По кромке зарослей прошел шорох, треск, и из них выплеснулись новые нечистые духи — массивные фигуры их словно бы были сложены из наспех, кое-как нарубленных и сметанных древесных веток и сучьев. Венчали эти «конструкции» уродливые бошки-пеньки с дуплами-пастями и горящими красными угольками буркалами.

«Кр-расавчики! Кусты ходячие! Это типа лешие, что ли?! А вот интересно, кинжал их возьмет или завязнет в деревяшке?!» — все эти мысли мелькали в голове у Алексея, разглядывавшего нового противника в мертвенном свете вскарабкавшейся над лесом полной луны, со скоростью картинок калейдоскопа. Долго мучиться загадками опять-таки не пришлось: из-за спин неспешно ковылявших к вершине холма «кустов» выскочили уже знакомые мохнатые «прыгуны» — и понеслось... Он успел свалить в рукопашной пару особо активных бесенят, когда над ухом дважды рывкнул дробовик Олега. Серебряная картечь вымела мохнатую напасть безжалостной метлой, а вот на «древесных», похоже, такого действия не произвела. То есть здоровья и бодрости она им точно не прибавила, но и остановить не остановила. Прут, как перли, чуть замедлились разве что...

— Подмогните, батюшка! — в голосе Игоря явно звучали нотки тревоги.

— Сей момент! — так и не начавший читать молитву священник (помолитесь-ка, когда над головой лупят двенадцатым калибром...) с готовностью откликнулся на просьбу. Сорвавшаяся с кропила святая вода,

блеснув серебряным дождем в лунном свете, широким веером окатила почти уже доковылявших до вершины холма лесных страхолюдин. Эффект превзошел все ожидания! Казалось бы вода — не огонь, и всему древесному только на пользу, — но только не овеществленным нечистым духом «кустам». Там, где она попадала на уродливые фигуры, раздавалось явственное шипение, поднимался дым, начинали отваливаться целиком угловатые лапы-ветки. Олег от всей души добавлял картечью, пока были патроны... Неуклюжие фигуры, несколько мгновений пытавшиеся продолжать движение вперед, начали со скрипом и уханьем пятиться, а потом и вовсе покатались назад, стремительно распадаясь буквально на глазах. До края леса не добрался никто.

В округе снова стало тихо. Тем не менее никто из стоявших на холме расслабляться не собирался — интуиция подсказывала, что это еще далеко не конец. Игорь, не выпуская из рук клинков, напряженно всматривался в темень, Олег лихорадочно перезаряжал дробовик, на всякий случай загнав первыми пару патронов уже не с картечью, а с пулей поувесистей, отец Иона застыл с развернутой книгой в руках.

Предчувствия не обманули... Они вообще-то редко обманывают, если речь о предчувствиях паршивых. На сей раз звук возник где-то в глубине леса, и был это не просто хруст веток, а треск деревьев, которые, похоже, что-то без особого напряжения ломало и выворачивало с корнями. Чуть погода к этому добавился еще и тяжелый размеренный топот — это самое «что-то» ломилось через лес, абсолютно не разбирая дороги с твердым намерением побыстрее добраться до застывших на вершине людей. И судя по тому, как резво это нечто

преодолеvalo густые заросли, размерами оно превосходило всю предыдущую нечисть многократно. «Господи, слон это к нам прется, что ли?! С рогами...» — Алексей вдруг поймал себя на том, что абсолютно не жаждет проверять свои гипотезы на практике. Смотреть на это не хотелось абсолютно — слуховых впечатлений хватало с головой.

— Ну, вот и главарь пожаловал, — голос Игоря был совершенно спокоен и собран, слова звучали командами. — Помолимся, братья! Давайте, святой отец!

И над холмом грянул псалом Давида... Пожалуй, впервые в жизни Алексею довелось познать, что это такое — молитвенный экстаз. Заученные наизусть слова молитвы вырывались не из уст, а из самого сердца. Отец Иона, словно бы преобразившийся на глазах, как будто стал выше ростом и шире в плечах, голос его, тихий и робкий в разговоре, превратился в глас, широко разносящийся вокруг, а воздетый в руке простой крест засиял серебряным пламенем — и Алексей готов был поклясться, что это не отблеск луны на металле... В какой-то момент свет этот хлынул от холма во все стороны, выжигая и гоня перед собой тьму, голоса творящих молитву воинов взвились к небесам, и... Огромная злобная тварь застыла на краю леса, будучи не в силах не то что преодолеть круг света, порожденного верой и мужеством, но даже и ступить в него. Там, где заканчивались заросли, время от времени раздавалось утробное взрывание и сполохи серебряного света, разгоравшегося в такие мгновения еще ярче, выхватывали из тьмы фрагменты облика демонического «гостя». То это была громадная чешуйчато-когтистая лапища, то острие рога со свисающими с него какими-то ошметками, то вовсе мерзкого вида щупальца, оснащенные

зазубренными когтями. Но как ни билась, как ни тужилась тварь, любые попытки даже прикоснуться к сияющему свету заканчивались одним и тем же — треском и визгом боли, после которого нечистая сущность отшатывалась назад. В какой-то момент, взбесившись окончательно, ринулась вперед всей необъятной тушей — и заверещала так, что стоящим на холме людям показалось, что сейчас у них лопнут барабанные перепонки. А потом — наступила тишина... Демон позорно бежал, посрамленный Божьим словом.

— Вот теперь — точно все... — Игорь произнес это враз севшим голосом, вгоняя в ножны оба клинка, после чего медленно опустился на землю. Алексей вдруг почувствовал, что у него элементарно дрожат ноги, словно он только что пробежал кросс километров так на семь, да еще и под нехилой выкладкой. Сесть плавно, как старший товарищ, он не сумел — хлопнулся наземь мешком. Олег, единственный оставшийся на ногах, с третьей попытки отстегнул с пояса флягу, свинтил пробку и, резко выдохнув, собрался отхлебнуть.

— А ну стоять! Во фляге что?! — Игорь прожег взглядом исподлобья замершего по команде товарища. Видать, бывали прецеденты...

— Бл-и-ин, Игорь! Вода! Чистейшая вода — в колодце около церкви лично набирал! — Олег, страдальчески скривившись, протянул старшему флягу. — На, проверь!

— Ну, вода — тогда ладно... Вода — это правильно, — попустившийся Игорь сменил гнев на милость и от предложенной личной проверки отказался.

— А вот и нет! — Все братья, как по команде развернулись к отцу Ионе, снова вернувшемуся в об-

раз скромного сельского батюшки и стоявшего перед ними с крепко прижатым к груди молитвенником.

— А вот и нет! — отец Иона, которого, похоже, слегка пошатывало, поднял руку и воздел перст в наставительном жесте. — Как раз именно сейчас вода во фляге — это совершенно неправильно!

Эхо от дружного хохота металось по окрестному лесу еще долго...

Колодезной водой, естественно, в эту сумасшедшую ночь не обошлись. И поскольку в село добрались уже практически под утро, то трапеза, за которую уселись после похода в очень кстати имевшуюся у отца Ионы баньку, была уж точно не ужином — скорее завтраком. Поднятые после положенной молитвы за столом первые стопки пились с самым лучшим на свете тостом: «За победу!» Ехидный Олег, явно будучи большим знатоком и ревнителем питейных традиций, не удержался от шпильки, что вообще-то «проставиться» бы положено «молодому», получившему боевое крещение. Но поскольку идея поиска ранним утром лавки с соответствующим товаром в окрестной глуши была, мягко говоря, неосуществимой, то покусились на запасы отца Ионы. Да, собственно, он и сам настаивал на утощении — на правах хозяина и в порыве самой что ни на есть искренней благодарности к братьям. Оно и понятно — вздумай священник проявить совершенно неуместные в подобных случаях инициативу и «отвагу», попробуй самостоятельно, без «силовой поддержки» разобраться с плохим местом, быть бы беде неминуемо. А так — все живы, да и с победой.

Когда труды и страхи минувшей ночи были должным образом запиты-заедены, пояса, как говорится, распущены и за столом, вместо работы мощных

челюстей здоровых мужиков, воцарилась неспешная беседа, пришел черед «подведения итогов».

— Так что ж это получается, — надкусив моченое яблочко, которым так хорошо закусывать водочку, Игорь скривился то ли от кислинки, то ли от посетившей мысли, — плохое место годами-веками вызревало, как нарыв, а те, кто на нем поколдовал, вроде как на курок нажали?

— Ну, по тому и выходит! — отец Иона, заметно преобразившийся за прошедшую ночь, вещал с куда большей уверенностью в своих словах, чем еще буквально день назад, — И, думаю я так, что неспроста сюда те, кто колдовал, заявили... Ну, это уже ваши старшие разбираться будут, — батюшка кивнул в сторону лежащего в стороне надежно упакованного и опечатанного пакета, в котором находились все до единого «вещественные доказательства» творившегося на холме колдовства.

— Но, думаю, криво-косо у них все пошло, оттого сами сбежали, а нам оставили... скажем так, последствия. Ну, уж теперь понятно, что дальше делать. Приедут священники из Братства, обряд проведем по всем правилам, часовенку поставим на том месте, землю освятим — никакая нечисть больше не сунется!

— Так что, нам сюда скоро возвращаться? — услышав воинственные заявления отца Ионы, Алексей, чьи веки от съеденного-выпитого (и от проведенных на ногах совсем не в праздном веселье последних суток) налились тяжеленным свинцом и держались на одной силе воли, оживился. — Ну, обряды проводить, всякое такое... Опять приедем, да?

— Да нет, Леша... Тут уж без нас обойдутся, — расправившийся с яблочком Игорь смотрел на Алексея с улыбкой. — Да я б и сам сюда ездил да ездил... Толь-

ко у нас — другая дорога. А ты в деле — молодец. Короче — годишься! Брат...

— Неслабую задачку вы мне подкинули, чего уж там, — меряющий шагами комнату отец Михаил остановился и неосознанным жестом взъерошил собственную пышную бороду — наверное, так думалось легче. — По месту отработали отлично, молодцы! А вот над той пакостью, что оттуда привезли, я голову до сих пор ломаю.

Гнусные колдовские атрибуты давно уже постигла вполне предсказуемая участь. После пристального и вдумчивого их изучения «комиссией» в составе все того же отца Михаила и еще двух священников, все они, до последней ниточки и косточки, были сожжены в специально предназначенном для этого месте. Было, как оказалось, в монастыре и такое. Спалили — да не забыли... Вон, батюшка все никак успокоиться не может.

— Так, а что в них такого необычного, в этих штуках, которые мы там откопали? — недоумение Алексея, который и был слушателем монолога главы Братства, было вполне искренним. Ну, ладно, его отец Михаил опрашивал уже битых часа два — но это дело привычное. «Разбор полетов» после каждой серьезной операции — как провальной, так и успешной, практика нормальная и распространенная в той же милиции. Вот и пересказывал Леша все события то так, то эдак — с какого бы боку батюшка не заходил с вопросами. И кто где стоял, и кто что сказал, и что за чем случилось. Но все-таки что ж его так беспокоит?!

— Да не в «штуках», как ты их называешь, дело, — священник подошел к столу и взял тетрадку, в которой, похоже, делал какие-то важные записи в ходе «исследований». — Нестыковка получается в сочетании, так сказать, заложенной основы и полученного

результата. Вот в чем загвоздка. Ведь колдовство дело тонкое, можно сказать — точная наука. Тьфу ты, будь оно трижды неладно, — отец Михаил сплюнул и аж скривился.

— Зиждется все это бесовское действо на заклинаниях, заговорах, или как некоторые особо «продвинутые» друзья нечисти говорят, гримуарах. Все это — фактически формулы, требующие совершенно определенных действий, слов и ингредиентов. И чем колдовство сложнее, тем более опасно от этих формул отойти. В лучшем для колдуна случае не получится ничего, а в худшем — «прилетит» по нему же так, что мало не покажется. Ну, окружающим чаще всего тоже — как в вашей, кстати, ситуации. Если сказано в колдовской книге, что для обряда нужны кости летучей мыши, то уж точно амбарная или полевая не сгодится. Прописано шесть свечей зажечь — значит, не четыре и не семь... А со словами и вовсе сложно — важно не только, что именно говорить, но и как, где при этом находиться, и так далее. Не так сделал — заплатишься!

И ведь отчего так? Оттого, что отец всего колдовства, дьявол, в первую очередь — отец лжи и обмана. И с теми, кто его соблазну поддался, он честной игры не ведет. Так и норовит подловить — на каждой мелочи, на каждой ошибке. Да и сожрать сразу, с потрохами... Вот и получает дурень, решивший с темными силами побаловать, вместо духа нечистого себе в услужение, как мечталось ему, умом убогому, демона, который или башку ему напрочь оторвет, или с ума сведет.

— Это, батюшка, понятно, а вот к нашим делам оно каким боком? — Алексей, которому все сказанное было безумно интересно, не мог взять в толк, к чему же ведет отец Михаил.

— А самым, представь себе, непосредственным! Не складывается, хоть ты плачь. И в том все дело, что если приготовления для обряда, я уверен, делал тот, кто мерзостью этой уже давно занимается и черные знания превзошел на высоком уровне, то сам обряд, похоже, проводить взялся какой-то колдун-недоучка — иначе и не скажешь.

— Это почему же вы так решили?!

— Да потому! Касательно уровня подготовки, ты уж мне, надеюсь, на слово поверишь — я все-таки не в первый раз с подобным делом имею, и не сто первый даже. А что до результата... Обряд-то на призыв демона готовился. И если бы все пошло так, как того призывавший хотел, то вылезла бы прямо на холме, в точности где колдовство творилось тварь, куда, поверь, серьезнее тех, с которыми вы дело имели. И вот тогда уж не знаю — говорили ли бы мы с тобой сейчас... А на деле нечисть из чащи поперла — потому что как раз лесную погань, это место облюбовавшую, колдовство и разбудило, дало силу овеществиться. То есть призвать призвали — на ваши и тех несчастных, что там раньше сгнули, головы, да не того и не так. Вот в чем нестыковка-то! Хотя... есть у меня догадка одна — ты же мне, кстати, ее и подкинул.

— Я?! — Алексей вскинулся — от такого заявления впору и загордиться было.

— Ты, ты, — очень уж красочно слова отца Ионы про историю с девицами, которых местная бабуля хотела от дурного места отвадить, пересказал. И вот думаю мне, что эти самые девицы и есть беды виновницы. Сам посуди — о них, когда пропавших разыскивали, речи не шло. То есть — с ними, скорее всего, ничего и не случилось, не тянут они в нашей истории на жертв. А вот на опытную, матерую ведьму, которая сопливую дурочку в эти дела втягивает, учит да

наставляет, очень даже похоже. Особенно если учесть бабушкины впечатления от встречи. И вот тогда все как раз складывается. Приехали — «наставница» все, что надо, подготовила, а «ученица» запорола. Они, понятное дело, сбежали, напакостив, а нам расхлебывать досталось.

— И что теперь?

— Что теперь? — отец Михаил застыл в раздумье, словно взвешивая решение. — Да по уму, искать бы их надо. Там, куда вы ездили, мы порядок навели, а дальше отец Иона и сам справится. Но вот где в следующий раз беды ждать? Такой же, или похлеще еще. Ведь такая парочка — они... они как...

— Обезьяны с гранатой?

— Вот-вот, это ты правильно сказал. Только тут, знаешь ли, Алеша, неизвестно — граната у них в лапах или кое-что помощнее. Это, скорее уж, мина замедленного действия — неизвестно когда и как рванет. А главное — насколько сильно. Н-да...

— И как искать будем? — попав, можно сказать, в родную стихию, Леша оживился. — Старушку опросим, приметы установим, фоторобот составим?

— Много мы так найдем, — перечисление испытанных милицейских методов никакого энтузиазма в отце Михаиле не вызвало. — Но должен тебе сказать, есть у меня на сей случай одна зацепка. Могу и ошибаться, конечно, но, бог даст, не ошибаюсь.

В Чернигов выехали с утра пораньше. Так уж сложилось, что в эту поездку отец Михаил взял с собой именно Алексея — как тому хотелось бы верить, не только в качестве водителя. Пока серая лента дороги стелилась под колеса, он внимательно слушал спутника. Благо неспешное движение по четырехрядному шоссе это позволяло.

— Оно как получилось... Позвонил мне близкий товарищ, сослуживец, с той еще, афганской войны. Помощи попросил, как сам сказал, «по моему профилю». Пусть и не за себя лично просил, но между нашими в таких случаях отказывать не принято. Да и вообще — на то ты и священник, чтобы людям помогать. Как уж получается...

Историю товарищ рассказал для наших дней, увы, типичную — у сотрудницы его дочка крепко с пути сбилась. Началось все, как сейчас бывает, с общения в Сети — переписки, форумы, сайты какие-то там специфические. Мать сперва и значения-то особо не придавала — ну, сидит ребенок за компьютером часами, так ведь не пьет же, не колется, не курит даже. Надо было, конечно, уже тогда хотя бы поинтересоваться — с кем и о чем дочь часами разговоры ведет, чем интересуется. Да что там — все задним умом крепки... Вот и мамаша тревогу забила, когда дочка мало того, что изменилась до неузнаваемости, так еще и из дому частенько пропадать начала. Решилась, наконец, когда дочери дома в очередной раз не было, зайти к той в комнату и посмотреть — что за книги на столе, что за рисунки на стенах. К тому же дочка еще и дневник собственный на видном месте оставила, не думала, что мать и туда заглянет. А она заглянула — да ахнула!

Ну, хватило ума понять, что тут не игры сетевые про эльфов с гномами, мечи и магию. Попыталась с дочерью по душам поговорить — да куда там! Та чуть квартиру не разнесла, на мать с кулаками кидалась и пригрозила — еще хоть слово скажешь, хоть раз в комнату нос сунешь, уйду из дому, да так, что в жизни не найдешь! На беду, мужчины в семье не было — без отца мать дите растила. Потому за поддержкой и побежала к товарищу моему, которого в коллективе все уважают, как человека по жизни правильного, хоть

и жесткого. А он уже, в свою очередь, мне позвонил: «Так, мол, и так, у девчонки крыша поехала, то ли в сатанизм ударилась, то ли во что-то подобное. Помощь нужна бы!» Я, конечно, помочь согласился, да сразу приехать не получилось — такие проблемы навалились, что чуть ли не всем Братством пришлось решать. А когда вырвался, приехал — уже поздно было. Дочка непутевая, как и грозила, исчезла в неизвестном, как говорится, направлении. Я мать как мог утешил, ну и порасспросил, естественно, подробнее. Со слов ее вывод сделал, что влипла девочка скорее не в секту, а как раз в среду тех, кто колдовством занимается. Я женщину, которой и так несладко пришлось, пугать, конечно, не стал, но уже тогда по некоторым оговоркам и признакам показалось мне, что все это куда серьезнее, чем просто дурные игры подростков. Боюсь, что не ошибся я тогда.

— То есть вы думаете, что эта пропажа — одна из тех, кого на берегу видели?

— Очень даже может быть. Оно, смотри — и по времени примерно сходится, да и места примерно те же самые. Близко, во всяком случае. Но даже если не она — хочу еще раз с матерью ее поговорить. Кстати, и ты мне в этом деле поможешь, ты ж у нас сыщик все-таки. При удаче пусть не ее саму найдем, но следы потянутся туда, куда нам надо. А дальше — как Бог даст... Я телефон Веры — так мать зовут, еще тогда взял, надеялся, что дочь вернется-таки. Вчера звонил, она встретиться согласилась. Ждет нас.

Найти нужный адрес оказалось делом несложным. Поднявшись на третий этаж панельного дома, Алексей с отцом Михаилом оказались в маленькой «двушке». Жили тут явно небогато, но везде в квартире царили порядок и чистота. Что сразу бросалось в глаза — так

это иконы, висевшие не только в комнате хозяйки, но и в коридоре и кухне. Отец Михаил обратив на них внимание, кивнул одобрительно:

— Квартиру освятили, как я советовал?

— Конечно, батюшка! — женщина сокрушенно всплеснула руками. — Я ведь, дура такая, не сразу вас послушалась! То есть, что освятить надо, решила сразу, но знаете, как оно бывает — то сама не своя была, когда Маша пропала, потом все руки не доходили, замоталась совсем. Только после пожалела крепко об этом...

— Что так?

— Да такого страху натерпелась, что и сейчас вспоминать жутко и рассказывать не хочется. Но вам нужно рассказать, наверное... Короче, я ведь, как дочь из дому ушла, ночами очень плохо спала — и нервы на взводе, и все, знаете, прислушивалась: вдруг дверь откроется, она войдет. «Прости, — скажет, — мама, я вернулась».

Вера прервалась, чтобы утереть хлынувшие внезапно слезы и успокоиться, а потом, взяв себя в руки, продолжила:

— И вот лежу я как-то, сплю — не сплю, а так — дремлю вполглаза. Умом-то понимаю, конечно, что вряд ли вернется она, но все-таки... И точно — слышу шаги по дому! Дверь хлопнула, да сильно так! Но только почему-то не входная дверь, а в Машину комнатку. А шаги, по коридору — к моей комнате, все ближе и ближе. Но и шаги вроде как не дочкины, а такие, знаете, тяжелые... Мне бы вскочить, в коридор выглянуть, а я прямо застыла вся! И если сперва мысль была, что это она вернулась, радость, то потом вдруг такой страх охватил — не то что с кровати встать, пальцем пошевелить не могу. И зажмурилась — крепко-крепко. Верите, никогда в жизни так не боялась!

— И дальше что было?

— А дальше меня что-то словно изнутри толкнуло — молись, глупая! Я и давай молиться — как вы меня еще тогда, при первой встрече научили. И, знаете, вроде бы на память ничего и не заучивала, а так славно все получалось, словно помогал мне кто-то, словно подсказывал!

— Ангел-хранитель вас, Вера не оставляет, — отец Михаил усмехнулся одобрительно, — молитва-то помогла, как я понимаю? Пропали «гости»?

— Помогло, да не сразу... В комнату ко мне никто не вошел, но вот что по всему дому творилось — как вспомню, так волосы дыбом! Грохот, стук, двери хлопают, мебель скрипит. Потом слышу — упало что-то, разбилось... Как будто бесился там кто-то...

— Именно что бесился, это вы верно угадали. Бесы, они, знаете, на то и бесы...

— Ой, батюшка, — глаза у хозяйки стали круглыми, — так это ко мне, значит, черти, что ли, являлись?!

— Да уж точно не дух святой!

— Господи, помилуй, — бедная женщина спешно перекрестилась и продолжила рассказ: — Ну, вот, значит, пока в доме хлопало да топало, я в кровати лежала, как мышка, двинуться боялась. Потом, как все стихло, встала, лампадку перед иконой зажгла и дальше молилась — до утра уже, из комнаты выходить боялась. А утром вышла — смотрю, мебель вся передвинута, одежду с вешалок словно посрывал кто-то, посуда побитая в кухне на полу. А в коридоре фотография висела, я любила ее очень — там мы с Машей вдвоем. Так и ее словно бы кто-то со стены сорвал и об пол со всей силы ударил. Все стекло в рамочке разлетелось... Ну, я в доме прибралась кое-как, на работу позвонила, отпросилась — и бегом в ближайшую церковь, к батюшке, чтоб квартиру ос-

вятил. Я ему сразу, конечно, всего не рассказывала, но он, видно, сам почувствовал — собрался быстро, пришел, все сделал, как надо. Я теперь к нему все время хожу — и на службы, и на причастие.

— Это правильно, Вера. Это очень хорошо. А дочери комнату тоже освятили?

— Конечно! Ее — первую! Рисунки и плакаты все эти гадкие я там со стен еще раньше содрала ...

— А, скажите, записей каких-нибудь, тетрадок или чего-то такого — не осталось?

— Оставались... Но только я их, отец Михаил, сразу же после той ночи все из дому вынесла и на стройке, чтоб никто не видел, сожгла!

— Это жаль... — священник не мог скрыть разочарования, — то есть, то что сожгли, это как раз правильно, но лучше бы они к нам в руки попали. Мало ли — может, что-то бы нашли там... Я в первый раз, как приезжал, не додумался спросить, а теперь что уж...

— Так я же не знала!

— Да ладно, никто и не винит вас. А что в доме это не оставили — так оно точно к лучшему.

— А компьютер ваша дочь оставила? — Алексей решил, что пришло его время присоединиться к разговору

— Да как вам сказать... У нее в последнее время новый появился, маленький такой, ноутбук. Дорогой, наверное! И откуда деньги взяла?! Вот его она с собой забрала, это точно. А старенький, которые мы давно еще покупали, в кредит, тот дома стоит, никуда не делся.

— Взглянуть можно?

— Ой, да пожалуйста!

Запустив без труда простенький домашний комп, Алексей очень быстро пожалел, что все-таки не принадлежит к нынешнему поколению молодых да

ранних компьютерных гениев. На уровне пользователя он, конечно, был достаточно продвинутым — но не более того. А вот тот, кто поработал над «чисткой» машины, за монитором которой он сейчас сидел, похоже, владел предметом куда лучше. Девственная чистота! Ни почты, как принятой, так и отправленной, ни истории «хождения» по Сети, ни каких-либо интересных текстовых файлов. Соединение с Интернетом тоже, кстати, отсутствовало — наверняка по причине давно просроченной оплаты услуг оператора.

Ладно, попробуем мыслить логически. Самое свежее — и в плане контактов и в плане информации все равно должно быть на «ноуте», который пребывает вне пределов досягаемости вместе с хозяйкой. Но ведь первые-то шаги по кривой дорожке девчонка явно делала, сидя за вот этим, старым компом! Что ж делать? Сыщицкий опыт, которого Леше было не занимать, однозначно гласил: ничего бесследно не исчезает! И тут его осенило... Ну, не то чтоб явилось какое-то совсем уж гениальное откровение, а просто всплыл в памяти один кадр из бывших коллег, с которым несколько раз пересекались на почве «раскрутки» особо заковыристых дел. Вот тот точно был асом компьютерного дела, хоть и практически чистым самоучкой. Помнится, как-то за рюмкой (чая, естественно!) хвалился этот чудак, что может восстановить на компьютере чуть ли не любую информацию — лишь бы только комп не горел, не тонул и жесткий диск в нем не форматировали. Ну, следов внешних повреждений, возгорания и утопления точно нет, бог даст и с остальным повезет. Алексей полез в карман за складным швейцарским ножиком и высунулся в коридор:

— Хозяюшка! А можно я компьютер для хорошего дела раскурочу немножечко?

— Для хорошего — делайте, что нужно. Мне-то он вообще без надобности...

«Добычей» от поездки стал жесткий диск Машиного компьютера, аккуратно свинченный и упакованный Алексеем в предоставленную для этого коробку, определенный набор мелких, но полезных сведений, вроде паспортных данных, последнего известного мобильного номера беглянки и нескольких ее фотографий. Таковых, кстати в доме практически и не осталось, Вера едва ли не последние отдала. Такое впечатление, что девушка с определенного момента, кстати, отказывавшаяся фотографироваться наотрез, перед исчезновением провела натуральную «охоту» на собственные снимки с последующим их уничтожением. Что, по Лешиному мнению, было достаточно странным — обычно в объектив неудержимо лезут все особы женского пола, вплоть до тех, которым фотографироваться лучше бы исключительно в парандже. А здесь — молоденькая девушка, с внешними данными куда повыше средних (на вкус Алексея, по крайней мере), и такая нелюбовь к собственным изображениям! Поскольку мысль эту он высказал вслух, то половину обратной дороги отцу Михаилу пришлось проводить разъяснительную работу и читать подробную лекцию о том, что именно могут сотворить те, на кого они сейчас охотятся, используя как раз фотоснимок. От полученной информации Леша, как говорят подростки, «тихо прозревал»...

Сидя за столом в собственной квартире, Алексей задумчиво вертел в руках мобильный. Поездка в Чернигов вызвала настоящую необходимость «пересечься» с бывшими коллегами. Встретаться не то чтоб не хотелось — просто перспектива эта не вызвала

восторга. Как-то уж так сложилось, что очень близкими друзьями в милиции за все время службы он так и не обзавелся. С одной стороны, сыщицкое сообщество и так было своеобразным братством, где каждый мог рассчитывать на каждого практически в любой, даже самой сложной ситуации. С другой — очень уж быстро даже в своей среде Леша стал эдаким «одиноким волком», приятельских и товарищеских отношений не чурающимся, но в душу к себе никого не допускающим. Может, поэтому после увольнения его особо и не «доставали» звонками. Ну, интересовались, так, время от времени: «Ты как, старик? Держишься? Да подожди, может еще попустят...» и так далее. При этом, понятное дело, в «попустят» никто не верил, да и искреннего интереса к судьбе «старика» девять из десяти звонивших не испытывали. Что поделаешь — такие времена, такие люди. Вот разве что Женька — один из сослуживцев, с которым Леша в последние годы сдружился достаточно крепко. По правде говоря — в первую очередь, на почве совместного раздолбайства. Ну, вы понимаете... Хотя, безусловно, в промежутках между кобелиными рейдами и истреблением спиртных напитков, с Женей еще и было о чем поговорить. Парень был изрядным циником, но отнюдь не дураком. Да и в отличие от иных прочих, не ограничился «дежурными» звонками с выражением сочувствия, а регулярно навещался в Лешину берлогу, не стесняясь при этом в глаза говорить, что она все больше становится похожа на алкашеский притон. И если первых пару раз, разделив выпивку с хозяином, добросовестно упивался в хлам, то в последний приезд пить наотрез отказался и даже орал по этому поводу на Леху матерно. На этой почве и поругались. Правда, потом выходил на связь еще пару раз, интересовался душевно: «Ты

не сдох там от водки еще?» Ну, значит, решено — ему и буду звонить...

— Оп-па, менты! — раздавшийся из-за спины голос, которым было выкрикнуто принятое у них с давних времен шутливое приветствие, никому кроме Женьки принадлежать не мог. Алексей неторопливо обернулся к нарисовавшемуся у столика летнего кафе, где была «забита стрелка», сослуживцу:

— Бывшие менты, Жека, бывшие! Садиться не предлагаю, но присаживайся.

— Разрешите исполнять? — прячущий за обычным дурачеством радость встречи Женя плюхнулся на стул и тут же протянул, изображая на роже крайнюю степень удивления и тыкая пальцем в дымящуюся перед Алексеем чашку чая: — У-у-у, а че это мы такое пьем? Не, дядя, ну так уже резко соскакивать нельзя! Я, вообще, думал, мы с тобой граммов по стописят за встречу дернем. Или пивком сначала разоვნемся?

— Пивком? — Леша изобразил глубокое раздумье. — Не-а, с пивком не получится — за рулем я. А насчет чего покрепче в жару да посреди дня — вообще облом.

— Та-а-ак... — Женька, похоже, уже не дурачился, а заволновался всерьез. — Так это что, правда, что про тебя трепали — в монастырь, мол, подался?!

— Да нет, Жень, никуда я не «подался», и монахом не стал, — Алексей улыбнулся, понимая, что для знавшего его в оперовские годы человека контраст и вправду слишком резок. — И выпить вполне могу, особенно с другом, но только не сейчас и не здесь. Говорю ж — руль мешает, да и охоты нет, по правде говоря.

— Ну, нет — так нет... Хотя раньше всегда была, — Женька поуспокоился и тут же перешел к вопросу,

неминуемому из уст любого нормального мужика: — Машина-то своя?

— Да как сказать. Вроде как служебная, но в личном пользовании, — предупреждая следующий вопрос Алексей тут же уточнил: — «Крузак» восьмидесятый. Старенькая, но ходит ого-го!

— Не, ну старенькая — зато джип настоящий, без понтов! Круто, старик! Значит, устроился все-таки нормально?

— Не жалуюсь. Можно сказать, частная охранно-детективная деятельность. И... да, к церкви отношение имеет. Зарплата не роскошная, но на жизнь хватает. Чего еще рассказать?

— Пон-я-я-атно... — Женька, стервец, откинувшись на спинку стула, смачно закурил, пустив струю дыма вверх и явно наблюдая за реакцией Леша на это. Впрочем, тут же представился случай лучше — заметив нового посетителя, около столика возникла фигуристая официантка, и Женины глаза немедленно прилипли к более чем смелому вырезу ее блузки.

— Вот это... глаза! А, Леха? Как тебе? — Жека, устраивая уже явную провокацию, уставился на собеседника.

— Ничего девочка, симпатичная. А мне — никак... — откровенные щенячьи потуги приятеля немало забавляли Алексея. Зная Женькин характер, он просто ждал, когда тот выдохнется.

— Слушай, а тебе чего, запрещают — ну, там, курить, бухать... и такое всякое? — наклонившийся вперед Женька был весь внимание и участие к суровой доле товарища.

— Да нет, Жень, не запрещает никто. Просто... Не надо оно мне. Как оказалось — реально не надо. Курить я действительно бросил с концами, а по поводу

выпить или общения с девчонками — да без проблем. Просто по-другому...

— То есть как это — по-другому!?

— Да относиться я сам стал по-другому к этому. И еще ко многим вещам в жизни... Ладно — чего все про меня? Рассказывай — как там, в милиции вообще и в родном коллективе в частности?

— А как всегда — круглое носим, квадратное перекатываем. Народ дичает, маразм крепчает. Начальство нас за раскрываемость дрочит, а само за нее звезды получает. Все грозятся нас реформировать окончательно — до последнего мента, наверное. Все реформируют, деформируют — когда ж работать дадут?! Министр очередной раз поменялся — и все те же разговоры: усилим, улучшим, сделаем, как в Европе, ла-ла-ла да бла-бла-бла. Лучше б зарплаты нормально повысили да идиотских законов принимали поменьше — а то скоро жулика только с его личного письменного согласия «закрыть» можно будет. А иначе — ни-ни, а то правозащитники заключут и прочая прогрессивная общественность.

— Короче, все как всегда и ничего не меняется

— А с чего ему меняться? Да и, знаешь, много ты в нашей конторе перемен к лучшему видал?

— И то верно... А я ведь, Жека, к тебе как раз по работе, можно сказать, просьбу имею. У нас там этот... как его, вылетело... ну, рыжий такой, гений компьютерный, работает у техников еще?

— Работает, как ни странно, не делся никуда. У парня вроде с мозгами все в порядке, с теми чудесами, что он с нашим полумертвым «железом» творит, давно бы уже на «гражданке» мог бы куда покруче устроиться, так нет же — в ментовке торчит. А чего тебе надо от него?

— И от него надо, и от тебя. Вот, смотри — фотка и данные. «Пробить» бы...

— У-у-у... Красивая! — Женька не был бы собой, если б этот комментарий не прозвучал первым. — А чего «пробивать»-то? Натворила что?

— Да нет, не натворила. Просто из дому ушла, а мать с ума сходит. Узнать надо — может, где «засветилась», Да хотя бы просто местонахождения выяснить попытаться.

— Тяжело будет — без официальных бумаг. Ну, заявы там, то да се... Мать в розыск подавала?

— Да не подавала вроде, как и оснований нет. Девочка совершеннолетняя. Уехала — и уехала. Но есть основания думать, что с плохими она людьми связалась.

— Даже так? Что — панель-бордель?

— Нет, Жека, тут другое. Это, скорее, ко всяким сектам ближе. Ну, типа как «Белое братство». Слышал про такое?

— Слышал, как же, «деды» такого рассказывали — аж жуть берет. Прямо зомби каких-то из людей делали!

— Ну и тут что-то в таком же духе может быть, вот мать и волнуется.

— Ладно, попробуем на личных контактах — по старой дружбе. Особо, конечно, ничего обещать не буду, но, как говорится, все, что могу лично... А от Рыжего тебе чего надо?

— А вот тут у меня жесткий диск с компа этой красавицы, так надо на нем, по возможности, информацию восстановить. Прежде всего — что касается лаяния по Интернету, форумов там всяких, общалок и прочего. Почту опять же. Да и текстовые файлы все, какие получится. Тут все подчищено, но, как я помню, он что-то такое может, сам говорил.

— Ну, если кто и может, то, наверное, он. Только это быстро точно не будет. Да и на пиво ты попадешь конкретно. Аппетиты его помнишь?

— Да помню, конечно. И куда столько влазит в такого худого да шклявого?!

— Загадка века, Леха, загадка века...

Дальнейший разговор плавно перетек в обсуждение общих знакомых — коллег по службе и вечное, как мир, «а помнишь?!». «Деловая часть» беседы была успешно завершена, и двое мужчин, прихлебывая, один давно остывший чай, другой — быстро ставшее теплым пиво, могли, перебивая один другого, вспоминать. Благо было что — от совместных загулов до тех лихих дел, в которых опять-таки вместе приходилось подставлять головы под пули и прочие неприятности. Из благодушного и чуть ли не сентиментального настроения Алексея вырвали раздавшиеся неподалеку неприлично громкие и крайне неприятные по тембру звуки.

Рядом кто-то орал. Вроде бы мужик. Впрочем, с уверенностью сказать было трудно — звучащие на повышенных тонах слова, большую часть которых составляла отборная нецензурщина, выкрикивались то вроде бы совершенно нормальным голосом, то грубым басом. А в следующее мгновение говоривший вдруг срывался на высокий, чуть ли не истерический визг. Сидя к источнику раздражения спиной, можно было вообразить, что между собой ругаются несколько человек. Но развернувшись, Алексей совершенно точно понял, что всю матерную какофонию издает всего один из посетителей кафе — невзрачный мужичок, описание внешних данных которого вполне уложилось бы в одно слово: «плюгавый». Он, прицепившись к чему-то, отчаянно «строил» производшую такое яркое впечатление на Женю официанточку, при этом абсолютно не стесняясь в выражениях.

Подобных типов Алексей не терпел никогда. И не только в те времена, когда милицейская «ксива» вкупе

с идиотским довеском в виде совести обязывала пресекать безобразия независимо от нахождения на службе или вне ее. Просто он считал, что потакание подобному быдлачеству — первый шаг к превращению в тупое, трусливое и равнодушное быдло уже тебя самого. Ну, а уж если в роли обижаемого и потерпевшего субъекта выступала (как в данном конкретном случае) хорошенькая девушка — то решение выступить в роли защитника сулило массу приятнейших бонусов. Хотя... Стоит ли влезать именно сейчас — еще вопрос. Несмотря на чмошный внешний вид, скандальный мужичонка может считать себя невероятно крутым, и тогда его придется успокаивать «мерами физического воздействия». Проще говоря — дать в морду. С процессом проблем нет. А с последствиями? Милицейский статус, дававший неоспоримое преимущество в подобных случаях, давно тю-тю... Ладно, если что — Женька «впишется» и подстрахует. У него к таким «красавцам» отношение совершенно аналогичное — это Леша знал наверняка.

Вставая с самым решительным видом со стула и делая первый шаг к продолжающему вопить субъекту, Леша вдруг почувствовал странное беспокойство. Развалившийся за столиком хмырь... в действительности не был тем, кем казался! И речь вовсе не о том, что под видом хилыка скрывался суперагент, способный пачками вязать в узел джеймсбондов. Нет — пристально, в упор глянув на предполагаемого противника, Леша ощутил что-то вроде легкого головокружения, когда зрение слегка «плывет», расфокусировавшись. И в эти мгновения лицо и тело скандалиста местами как будто подернулись маревом. Какие-то его черты при этом уродливо съежились, какие-то, наоборот, карикатурно растянулись. Видок, по правде говоря, был

довольно жуткий — то ли человек пытался натянуть на себя нечеловеческую личину, то ли напротив — что-то внутри него мяло и корежило человеческий образ, словно натянутую не по размеру маску.

«Так вот оно что!» — Алексея осенило, спасибо углубленным и конкретным «теоретическим занятиям» со священниками, на которых он, как мог, старался вникать в то, что ему рассказывали. Тема одержимости бесами была в числе основных рассматриваемых, поэтому вряд ли он ошибался. Уж больно ярко проявлялись классические признаки — неконтролируемая агрессия, сквернословие, смена голоса. Ну, и то, что он видел собственными глазами. Кстати, похоже, что ничего подобного не заметил никто из посетителей кафе, кроме него самого. Ну, оно и к лучшему — не хватало еще разбегающейся во все стороны в панике вопящей от ужаса толпы.

Первоначальный замысел нужно было срочно корректировать. Подойти к бесноватому и призвать к порядку? Да уж, план — глупее не придумаешь. Это неминуемо приведет только к одному — новой, еще более яркой вспышке агрессии и скандалу. Идти с ним в рукопашную тоже не вариант. Во-первых, человеческое тело в данном случае — не более чем вместилище, и наносить ему повреждения без крайней на то необходимости в то время, как истинный его хозяин, скорее всего, «в отключке», как минимум несправедливо. Ну, а во-вторых... Доподлинно известны случаи, когда одержимые (в особенности те, в кого вселился не один нечистый дух, а несколько) не только раскидывали, как пластмассовые кегли, мужиков куда поздоровее Алексея, а рвали железные цепи, как гнилые нитки. Так что спарринг чреват весьма непредсказуемым исходом. Впрочем, это и ни к чему. Сделаем по-другому, вспомнив то, чему учили...

Подходя вплотную к столику скандалиста, Алексей расстегнул верхнюю пуговицу на рубаше. С недавних пор вместе с нательным крестом он носил на груди ладанку с частицей святых мощей. Такими ладанками, обладавшими способностью распугивать нечисть, священники оснащали всех воинов Братства, по каким-то им одним ведомым признакам решая, кому какую давать. Алексей получил свою перед выездом на первое «боевое задание», да так и не снимал с тех пор. Что там говорил отец Дмитрий о воздействии святых реликвий на нечистых духов? Сейчас проверим на практике.

Подойдя вплотную к одержимому Алексей понял — его заметили. Или, скорей — почуяли... Мужичок, к которому он шел, резко, всем корпусом развернулся на стуле и вперился в подошедшего совершенно безумным взглядом. Алексей мог бы поклясться, что на несколько секунд при этом цвет уставившихся на него глаз изменился — с нормального светло-карего на ядовито-желтый. Даже форма зрачка вроде бы стала другой. Окончательно убедившись в том, кто именно неожиданно возник перед ним, одержимый отшатнулся так, что казалось — сейчас переломится тоненькая шея, и издал шипение, сделавшее бы честь удаву-переростку. А уже в следующую секунду... вдруг оглушительно залаял!

Эти дикие, совершенно невообразимые в людном месте города посреди бела дня звуки не могли не привлечь внимание всех без исключения посетителей кафе, которых к тому моменту набилось под тенты летней площадки немало. Даже те, кто только что с абсолютным равнодушием отворачивался от матерящегося мужика, немедленно уставились на него же — шипящего и гавкающего. «Вот только этого мне не хвата-

ло!» — Алексей с ходу понял, что разворачивающееся бесплатное представление надо прекращать немедленно и самым решительным способом. А потому — нагнулся к беснующемуся так, что ладанка едва не припечатала ему по лбу и резко выдохнул короткое: «Изыди!»

Понятно, что изгнать беса из тела несчастного он не мог бы при самом горячем желании — такое под силу только священнику, да к тому же еще и далеко не каждому. Но вот заставить покинуть немедленно данное конкретное место — это вполне... Едва не соприкоснувшись со священной реликвией, одержимый вскочил на ноги и, вопя во всю глотку: «А-а-а! Больно, больно! Жжет!» — кинулся бежать не разбирая дороги. И, кстати говоря, люди куда более солидной комплекции, чем он, и вправду разлетались с его пути задеты даже вскользь. Спустя несколько мгновений спина несчастного скрылась в толпе.

Шагая к своему столику, Алексей прямо-таки физически ощущал на себе взгляды посетителей. В основном — заинтересованные, с оттенком страха и осуждения, но были и поощрительные. В конце концов своим «звуковым сопровождением» сбежавший портил отдых всем. Нашелся кто-то, кто это прекратил? Замечательно. Вот только и рядом с ним сидеть как-то... того... некомфортно... Общий эмоциональный фон был примерно таким. Похоже, нужно срочно рассчитываться и валить отсюда подальше. Да уж, выступил... Именно так думал Алексей, присаживаясь к столу, пряча поглубже ладанку и застегивая рубаху.

Женька за все это время не успел даже «добить» свое пиво и сейчас смотрел на товарища так, словно впервые в жизни его увидел.

— Ты чего ему сделал, а? Вроде ж даже пальцем не тронул, а этот орал, как потерпевший, на всю улицу! — удивлению в Женькином голосе не было предела.

— Я?! Да ничего я ему не делал! Так... уйти попросил. А что орал... Сумасшедший, наверное, — Леша смотрел в глаза другу абсолютно честным взглядом.

— А-а-а.. Ну да, ну да. Попросил... А что это ты такое из-под рубашки достал, а потом спрятал быстренько? По-моему, как раз от этого самого мужик и шарахнулся, как черт от ладана? — наблюдательности и догадливости Жене было не занимать никогда. И, главное, попал, что называется, в самую точку, сам того не зная.

— Что надо, то и достал, — это Алексей буркнул, роясь в бумажнике, чтобы уже расплатиться наконец и покинуть кафе, в котором после всего случившегося чувствовал себя более чем неуютно, — потом расскажу как-нибудь. Честно, расскажу — но потом!

— Потом так потом! — Женька как-то неожиданно легко согласился со сказанным, кинул на столик мятую купюру и лучезарно улыбнулся Алексею. — А знаешь, старик, — надо нам все-таки почаще встречаться! Очень уж стало с тобой... интересно!

— Все собрались? Ну, слава Богу, — отец Михаил обвел взором трапезную монастыря, в которой сегодня яблоку негде было упасть. Места у широкого стола, стоящего на возвышении, под иконами, занимали священники. Братья располагались, кто где успел — большая часть расселась на лавках за столами в «общем зале». Пара группок поменьше явно припозднилась и вынуждена была «подпирать стены» — судя по изгвазданной и пыльной черной «полевой» форме на них, этих «выдернули» прямо с тренировочных площадок. Кто-то попивал морс или квас, кувшины с ко-

торыми были выставлены на столы заблаговременно, кто-то вполголоса переговаривался, кто-то сидел, думая о своем. Из дальнего угла время от времени раздавался полупридушенный смех — среди братьев хватало истинных мастеров «травить» байки...

Как только отец Михаил заговорил, все моментально стихли и обернулись к главе Братства, готовые слушать со всем вниманием. Для подавляющего большинства собравшихся происходившее было событием достаточно рядовым, но для Алексея — внове. На подобный общий сбор он попал впервые.

— Многая и благая лета всем вам, братие, — священник начал речь с привычного приветствия, на которое собравшиеся ответили нестройным басовитым гулом мужских голосов.

— Поздравляю всех вас с грядущим праздником — Рождеством честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. И напоминаю, что предшествует этому дню другой — трудный для нас и важный. Вернее, не день, а ночь. Кто уже долгие годы служит Господу в Братстве, тот знает, что такое Купальская ночь, а для тех, кто не знает, скажу: в эту ночь всякая нечисть крепнет, наглеет, рвется в мир. Рвется, уж понятное дело, не затем, чтобы людей облагодетельствовать, а чтобы навредить, напакостить, одурманить. Более всего усердствуют пособники нечистого среди людей — колдуны и ведьмы. Купальская ночь у них особо для творения зла предназначена. Ну, и люди, что правду скрывать, именно в эту ночь нечистым делам потворствуют — там, где нет крепких пастырей, где узы веры ослабли, пускаются во все тяжкие. Блуд творят, бесовские игрища, ворожат, гадают, лезут в леса да буераки — кто за цветком папоротника, кто просто за «травками колдовскими». И хорошо если эти «искатели» только физиономии порасцарапывают

да ноги об коряги пооббивают. Чем дальше, тем куда похуже с ними вещи случаются... Ну, и разные другие непотребства творятся.

В общем, бдить в эту ночь нам надлежит особо. Понятно, что везде не поспеть, всего не «перекрыть». Потому формируем мобильные группы и распределяемся по тем местам, откуда в последнее время были «сигналы» о разных странностях, бесовщиной отдающих, или, тем более, о прямой активизации нечистого племени. К слову сказать, в этом году таких печальных вестей особо много. Так что — укрепиться духом, вооружиться Святым Честным Крестом и молитвой... Ну, и об остальном не забыть, конечно. И быть готовыми ко всему!

Да... И вот еще что... Вы по большей части люди мирские, обетов не принимали. Мужики, слава тебе, Господи, здоровые, и естество мужское своего требует. Вот только упаси вас Бог от повторения того, что в прошлую Купальскую ночь кое с кем приключилось! Сраму набрались — по сей день вспомнить противно.

— Это вы о чем, святой отец? — вопрос «из зала» был задан тоном более чем заинтересованным.

— О том, о том, голуби мои, агнцы кроткие... Ваньку-то не валяйте, не включайте дурня. Можно подумать, хоть один из вас об этой срамной истории — да не знает! Ни в жизнь не поверю! — отец Михаил от души погрозил собравшимся пальцем. — Ну, а уж коли пришла охота, так напомним. Что, брат Сидор, голову-то повесил?! И ты, Витюшенька, глазоньки-то не прячь! Кто год назад табун голых девок по лесу гонял? Кого потом пришлось из райотдела забирать с позором, расписки писать в том, что вы не извращенцы?! Что ежегодное выездное собрание женского нудистского клуба «Купальница» сорвали исключи-

тельно по недомыслию и сиволапости? Чуть ли не дурочками деревенскими, с которых и спросу-то нет, вас выставляют?! Ась?! Что молчите?

— Ну-у-у... Ты-ы-к мы, батюшка, ошиблись... подумали, что они... ну-у... эти... — здоровенный бугай, с кулаками побольше Лешиной головы, названный ранее отцом Михаилом «брат Сидор», возвышаясь над столом, похоже, под землю был готов провалиться от смущения. Судя по всему, за историю, озвученную сейчас в трапезной, отдуваться ему приходилось далеко не в первый раз.

— О чем ты там думал, какие тебя, понимаешь, мысли обуревали, когда ты их, прости Господи, задницы голые из-за кустов разглядывал — то ты духовнику своему на исповеди рассказывай. Если он слушать не побрезгует... А мне кончай голову дурить, что за русалок или иную нечисть их принял, хватит уже! Был бы еще по первому году в Братстве, так я бы, может, и поверил, что ты по неопытности самых обычных баб дурных с водяницами или ведьмами на шабаше перепутал.

— Так они ж это... вырядились... плясали там, — брат Сидор из последних сил пытался что-то возражать.

— Вырядились?! Ну, если верить милицейскому протоколу, который мне лично читать пришлось, а я ему верю в данном случае, то одеты они были максимум в венки на головах, да и то не все! Плясали, говоришь?! Вот именно! Машин их, из которых музыка орала, ты, стало быть, не заметил?

— Так машины с другой стороны стояли! Я их увидел... потом...

— Ну да, увидел! И выводов не сделал?! Мне, конечно, самому иногда, когда за рулем еду, так и хочется кое-кого на «Лексусах» или «Кайенах» святой водой покропить — за те вещи, что они на дорогах

творят. Но чтоб нечисть лесная или речная на джипах каталась — то виданное дело? Ну, ладно — крестов на них не было... Так это сегодня сплошь и рядом, увы. А если и было подозрение, что ведьмы, так что, забыл, какие молитвы прочитать, чтоб сущность их проявилась? Отшибло память-то, понимаю... Так глаза прикрыть надо было — и помолиться!

— Да понял я, батюшка, не сразу, конечно, что никакая это не нечисть, — брат Сидор, почувствовав полную бесполезность дальнейших запирательств, решил, что ничего кроме чистосердечного раскаяния его от дальнейшего «разноса» не спасет.

— Так чего ж ты тогда все равно за этими дурехами визжащими по лесу бегал?!

— Успокоить хотел...

Вся трапезная дружно грохнула хохотом, от которого чуть не рухнули потолочные балки.

— Успокоить!? Ну да — такой, как ты, в лесу да ночью успокоит, пожалуй. Навечно... Слава богу, ума хоть хватило оружия не доставать. А то лепили бы из вас в протоколах не вуайеристов, а маньяков-потрошителей. Чего уж лучше...

Отец Михаил, умаявшись говорить, взял паузу и потянулся за кружкой с морсом. Тем отчетливей в наступившей тишине прозвучал шепот на галерке:

— «Вуайеристы»... Ух ты, какие слова батюшка знает!

Со слухом у отца Михаила все было в порядке, так что к комментатору он развернулся моментально:

— Знаю, представьте себе! Я вообще много чего знаю, того, чего и не хотелось бы вовсе. Приходится — когда с такими вот охламонами дело имеешь! А знаете ли вы, каких трудов стоит каждый раз вас выпутывать из историй, в которые вы вляпываться умудряетесь?! Да, есть люди, которым о нас и нашем служении известно — и в милиции, и в других структурах... Ина-

че — никак. Уж больно много шуму от некоторых наших дел бывает, много следов ненужных остается, которые как-то объяснять надо. Да только мало их очень, этих посвященных. И одно дело беспокоить их, когда это действительно нужно, а другое дело — по таким вот случаям. Так что думайте... головой желательного — дабы не усложнять жизнь сверх необходимого. Себе — и прочим. В общем, нечего тут дальше разговоры разговаривать. Подходите по очереди к отцу Марку — у него списки, кто в каких группах. И — с благословением Божиим по местам, какое кому достанется.

Есть свое очарование в маленьких городках, даже, скорее, местечках — уровня райцентра и поменьше. Тихо, зелено, не лезет в глаза назойливая реклама во всех своих самых дурацких видах, не слепят вывески магазинов, в которых собрана тысяча и одна вещь, без которых человек прекрасно может обойтись всю свою жизнь. А воздух, воздух! Это ведь не та угарная смесь, которую вынуждены ежедневно вдыхать жители мегаполисов, состоящая на девяносто процентов из продуктов отработанного в десятках и сотнях тысяч автомобильных двигателей топлива, а на остальные десять — из чего-то такого, о чем лучше и вовсе не знать. Шагая по нешироким улицам отходящего ко сну городка, Алексей с удовольствием ловил запахи цветов из многочисленных палисадников, разогревшейся за день на солнце древесной листвы и еще чего-то неопределимого, но щемяще напоминающего о детском лете в деревне. Улицы пустели, светящихся окон и громких звуков вокруг становилось все меньше. Правда, откуда-то еще доносились голоса явно «хорошо сидящей» компании, где-то еле уловимо звучала музыка — причем не привычный в городе «долбеж по мозгам», а что-то и вправду мелодичное. Из какого-то

двора слышен был еще даже смех детишек, загулявших по поводу кажущихся в эту пору бесконечными каникул.

В городок они приехали под вечер вчетвером. Оставив машину на стоянке в центре, разбились на «двойки» и отправились в «пешее патрулирование». Леше в напарники — старшие, естественно — достался брат Сергей, немолодой уже мужчина, ближе к «полтиннику», не утративший, несмотря на возраст, ни спортивной подтянутости, ни явно сквозившей время от времени в повадках армейской выправки. Человеком Сергей был немногословным, что, в общем, Лешу вполне устраивало. Чесать языком в этот умиротворяющий летний вечер как-то и не тянуло. Хотелось наслаждаться покоем и тишиной, не забывая при этом, конечно, внимательно осматривать окрестности на предмет любых вещей, могущих вызвать у братьев интерес или подозрение.

Городок для контроля был выбран, конечно, не случайно. Даром, что заштатный, церковей в нем насчитывалось целых четыре и настоятели двух из них, имевшие с Братством контакты, жаловались, что периодически сталкиваются с проявлениями, которые вполне «тянули» на колдовские проделки. Хватало среди прихожан людей достаточно разумных и воцерковленных, шедших с «внезапно возникшими» в их жизни странными проблемами не к экстрасенсам, а куда положено. То есть в церковь. Только вот что-то зачастили в последнее время такие страждущие... Особенно же коснулось это одного из приходов, по территории которого сейчас братья, собственно, и «накручивали круги».

Конечно, надеяться на то, что даже в такую колдовскую ночь, как купальская, пособник (или пособ-

ница) врага рода человеческого выскочит на улицу и проявит себя ритуальной пляской прямо посреди площади или шнырянием верхом на метле на глазах у обалдевших от такого зрелища горожан, было бы, мягко говоря, наивно. Однако, как не раз говаривал тот же отец Михаил — на все есть промысел Божий, на все свое время и свое место. И раз уж выпало им находиться здесь и сейчас, то, значит, шансы «пересечься» со все больше наглеющими колдуном или колдуньей есть. Надо только их не упустить.

Метнувшаяся через дорогу чуть ли не под ногами тень моментально заставила Алексея сбросить с себя блаженную «расслабуху». Что это еще такое?! Рука на автомате дернулась к спрятанному в потайных ножнах клинку. Но пальцы, стиснувшие рукоять, сразу разжались — разглядев, кто это тут бегаёт, Алексей облегченно выдохнул. Из закутка, образованного двумя сходящимися под углом заборчиками, на него уставилась самая обыкновенная собака. Ну, может, не совсем обыкновенная — масть псины была настолько черной, что, казалось, ее окунули в смолу. Неудивительно, что в наступившей темноте она показалась смазанной тенью. Размеры — чуть побольше средних, явно не бойцовых пород, скорее типичный «двортерьер». По правде говоря, Алексею стало даже чуточку неловко за свою резкую реакцию — тоже мне, за кинжал схватился... А она, может, еще сильнее перепугалась. То ли желая загладить неприятное ощущение, то ли просто повинувшись порыву, Алексей сделал пару шагов вперед, протягивая к собаке руку — вот сейчас погладит ее, потреплет за ухом, и, будем считать, что инцидент исчерпан, никто никого не боится, никто ни на кого не в обиде... Из-за спины раздался резкий окрик: — Стоять!

В полном изумлении Алексей обернулся. Чуть отставший Сергей подходил медленно и плавно, приняв боевую стойку. И клинок уже был у него в руке! Это с какого перепугу?! Если себя он мгновение назад в душе обзывал чуть ли не параноиком, то поведение старшего товарища — вообще ни в какие рамки...

— Ты чего?!

— Тебя что, вообще ничему не учили?! — этот ответ вопросом на вопрос был сам по себе достаточно странным, а учитывая крайне резкий тон Сергея, Леша понял — похоже, он только что чуть серьезно не «накосячил». Или уже «накосячил»?

— Не объясняли святые отцы по поводу таких вот собачек, кошечек и прочих зверушек — встречающих по ночной поре? Особенно в таких местах, как то, где мы сейчас? Ничего не говорили?

— Да нет...

— Ну, тогда и я не буду. Незачем уже. Да и некогда... В сторону!

Тренировка, правильно поставленная, конечно — великая вещь. Не успела отзвучать команда, а тело уже само метнулось в правильном направлении, инстинктивно уходя с линии возможной атаки, разворачиваясь в прыжке лицом к единственному возможному потенциальному противнику и принимая правильную позицию. Клинок с шелестом покинул ножны и заплясал в пальцах, подбирающих правильный хват. Секунда — и Алексей уже был готов к бою.

При этом он во все глаза разглядывал «песика», которого вот только что собирался успокоить и приласкать. То, что сейчас сидело меж двух заборов (едва там помещаясь, кстати), не вызывало ни малейшего желания не то что гладить, а и подходить ближе пресловутого пушечного выстрела. Более того, Алексей

крепко засомневался в том, что в сколько-нибудь обозримом будущем у него возникнет мысль прикасаться к любому представителю собачьего племени, будь то хоть болонка, хоть карманный чихуахуа...

Тварь, явственно пружинящая, собирающаяся для прыжка, увеличивалась в размерах буквально на глазах! По комплекции своей она уже сейчас превосходила перекормленного ротвейлера, но на достигнутом останавливаться, похоже, не собиралась. Но что там размеры — морда ее заставила бы наверняка заскулить от ужаса и самого свирепого волкодава. Явно не помещающийся в пасти набор клыков и зубищ вызывал мысли уже не о собаке, а, скорее, о чем-то не меньше крокодила. Добавьте нити слюней, тянущиеся от этой пасти к земле, сверкающие над ней багровым пламенем zenки — и примерный портрет готов. У-тю-тю, собанька, у-сю-сю, иди сюда, хорошая, дай лапку!

Тварь прыгнула... Совершенный Алексеем буквально в последний момент маневр явно «сбил ей прицел», и она, вместо того чтобы снести одного из братьев в прыжке и после этого вплотную заняться вторым, неуклюже плюхнулась между ними. Из-под когтей фонтаном брызнула земля — собачища разворачивалась для новой атаки. Вот только никто не собирался давать шанс на нее...

То, что пряталось в собачьем теле, обладало, конечно, сверхъестественной скоростью. Но в данном случае, как оказалось, недостаточной. Братья синхронно начали вокруг нее смертоносный боевой «танец», полный уклонов, рывков, поворотов и уверток. Куда бы ни тыкалась оскаленная, брызжущая слюной пасть чудовища, вместо мягкого человеческого горла, на котором так сладко было бы сомкнуть клыки, ее встречало серебряное сверкание клинков, несших смертельную угрозу. Движения нечисти в песьем обличье,

кружившейся волчком, становились все более неверными и замедленными, вместо рыка из грозной пасти раздавался уже хрип предельно утомленного животного. Поймав мгновение очередного отчаянного рывка, и Сергей и Алексей, не сговариваясь, резко ускорились — и их клинки вспороли уже не воздух. В ночи раздалось шипение, словно кто-то сдуру плеснул водой на раскаленную сковороду — это дымилась, моментально испаряясь с серебряных лезвий, темная густая кровь монстра, брызнувшая как минимум из трех ран.

Зверюга, нестерпимо опаленная освященным оружием, взывала так, что у обоих братьев заложило уши, и, внезапно присев на задние лапы, совершила совершенно невероятный прыжок. Но направлен он был не на ее противников, которые оба, отпрыгнув после атаки, медленно двигались по кругу в оборонительных стойках, а в сторону. Перемахнув ближайший забор, тварь канула во тьму.

Надо сказать, ни Алексей, ни его старший напарник к такому маневру были совершенно не готовы — потому тот и удался. Они-то ожидали продолжения схватки, а не позорного бегства врага. Сейчас оба переводили дух, бдительно оглядываясь по сторонам. Во-первых, не оказалось бы исчезновение «собачки» хитрым стратегическим маневром, имеющим целью напасть на расслабившихся людей со спины. А во-вторых — не хватало еще переполошить весь район. Свидетели в данном случае были точно совершенно ни к чему.

Беглый осмотр места боя развеял сомнения по первому пункту — оставшаяся на земле изрядная багровая лужа наглядно свидетельствовала о том, что урон тварюке они нанесли более чем серьезный. Алексей точно помнил, что располосовал ей левый бок. Сергей, по его

словам, от души «достал» по морде и правой передней лапе. Подобного рода создания обладают, конечно, повышенной способностью к регенерации — вот только не от освященного оружия, так что обильная кровопотеря была гарантирована. Со вторым пунктом тоже все обстояло нормально — то ли никто попросту не услышал поднятого ими гвалта, то ли предпочел не высовываться со двора среди ночи. Да не суть важно — главное, что любопытные сограждане не бежали к ним с вопросом: «А чего это вы тут, мужички, с животными балуете?!» Ну, и отлично...

Убедившись, что неприятных последствий в виде объяснений с жителями городка или, того лучше, с милицией не предвидится, Леша тут же озаботился другим вопросом.

— Ну, что, пойдем по следам? Кровищи вон сколько натекло, по ней и найдем. Догоним заразу и добьем!

— Догоним, Леша, догоним обязательно. Вот только не прямо сейчас — это раз. А насчет «добьем»... Ты хоть понимаешь, что это за псина была?

— Да нечисть какая-то, ясное дело!

— Можно и так сказать, конечно. А если конкретно — колдун это был либо колдунья. Перекинувшийся. Вполне возможно, что и тот, кого мы ищем. Да даже — скорей всего. Вот только добивать мы его не будем — тем более прямо сейчас.

— А что будем — заявление писать в службу по отлову бродячих животных?!

— Не умничай, блин, добивальщик... Вот прямо сейчас мы и вправду по следу пойдем — до самого логова, где *это* сейчас прячется. Я тем временем в Братство отзвонюсь — отцу Михаилу, ну, или кто там сегодня дежурит. Семена с Андреем позовем, последим за местом — до утра. А там и священники подъедут, вот

с ними дело и закончим. *Это* сейчас все равно никуда не денется — забьется в свою нору и будет раны заживать, в человека обратно перекидываться. По ночи нам к нему лезть, тем более вдвоем и без батюшки никак не резон. Сейчас его время — раненый, озлобленный, да еще в своих стенах колдун такого наворотить может, особенно если поймет, что его окончательно в угол загнали — всем Братством потом не расхлебаем. Нечего тут торопиться. Тут все по уму надо делать и по правилам, не нами с тобой установленным. Понял?

— Да понял, конечно, — Алексею стало как-то даже неловко за свой «пионерский задор». Нет, все-таки хорошо, когда рядом есть кто-то поопытнее, а то можно и дров наломать, не подумав.

Дорога, указанная им пятнами крови, оказалась легкой. Какие-то закоулки, заросшие крапивой и прочей травяной гадостью, жутко цепучей и колючей, пустыри, подворья заброшенных домов. Несколько раз Алексей чуть не свернул шею, попадая в невидимые в темноте ямы, а один раз так чувствительно приложился лодыжкой об подло вынырнувшую под ноги корягу, что с языка его сорвались слова, за которые потом точно придется каяться на исповеди. Но, наконец, дошли. Кровавый след скрывался за оградой самого обычного частного дома — абсолютно ничем не приметного и не отличимого от своих соседей по улочке. Алексей, хмыкнув, покачал головой. Ну, как-то не так он представлял себе колдовское жилище. Совершенно правильно истолковав реакцию младшего товарища, Сергей ухмыльнулся:

— А что ты, собственно, увидеть ожидал? Пряничный домик? Или избушку на курьих ножках? Привыкай, брат, — мы не в сказке, а в насквозь реальной

жизни. Вот только она бывает иногда пострашней, чем любая сказка...

И словно в подтверждение сказанного в ночи раздался заполошный женский крик. Причем вовсе не с подворья, на котором скрылась колдовская тварь. Кричали на соседней улице.

Ну, и что делать?! По идее, самое главное сейчас — наблюдение за логовом чернокнижной «псины». Но, с другой стороны — кем они будут, если будут игнорировать звучащие в ночи отчаянные крики о помощи? И, между прочим, ими одними звуки, доносившиеся откуда-то из-за угла, уже и не ограничивались. Звон разбитого стекла и треск ломающегося дерева создали впечатление, что кто-то с ходу вывалил где-то целиком окно, вместе с рамами. Грохот, снова треск, взвившийся до ультразвуковой высоты чей-то визг, а после тяжелый топот по железу — похоже, кровельному. Немного перефразируя известный киношедевр, ночь переставала быть томной. Причем окончательно...

«Да что ж у них тут творится?! Корова на крышу лomanулась? Или лошадь?» — застывший в недоумении Алексей пытался угадать источник звуков, развернувшись в ту сторону, откуда они доносились.

То, что спустя пару мгновений «нарисовалось» на фоне звездного неба, ни лошадью, ни коровой точно не было. Несмотря на то что Алексей и Сергей видели лишь силуэт, четко, словно вырезанный из бумаги, видневшийся над домами, ошибки тут быть не могло. Ну, не способны упомянутые выше домашние животные одним прыжком перемахнуть через несколько крыш. Хотя... рога на голове возвышавшейся над улицей фигуры точно были. И задние ноги с копытами... Вот только помимо них явно прямоходящий «верхолаз» обладал парой передних конечностей, заканчивавшихся пальцами с оч-чень, похоже,

нехилыми крючковатыми когтями. А заодно — шипастым хвостом, явно не коровьим и не лошадиным. На то, чтобы рассмотреть все это, у братьев было всего несколько секунд. Ночной паркур однозначно пришелся рогатому по кайфу — огласив окрестности надсадным хохотом, существо сигануло куда-то вбок, уйдя из поля зрения.

— Ч-ч-ерт! — слово, категорически не рекомендованное в Братстве к употреблению, вырвалось у Алексея само собой.

— Ага! Он самый! Вот в этот раз — ты точно не ошибся. Что, встречаться доводилось?

— Не, картинки батюшки показывали. Черно-белые, правда, но мне хватило, — дурацкий «юмор», как это часто бывает в экстремальных ситуациях, прямо-таки пер наружу.

На бледном от волнения лице Сергея глаза сверкали лихорадочным блеском. Взгляд метался от двора, рядом с которым они были вынуждены нести караул, к соседней улице и обратно. Что делать? Куда бежать?! Сомнения разрешились скрипом по гравию покрышек и визгом тормозов — это прибыла, наконец, подмога в лице братьев Андрея и Семена. Теперь, по крайней мере, развязывались руки, и можно было наконец выяснить, откуда появилось еще одно «действующее лицо» этой безумной ночи. Оставив Семена наблюдать за «нехорошим» подворьем, трое братьев устремились к источнику новых проблем. Ошибиться было сложно — там больше ничего не билось и не рушилось, но крики, преимущественно женские, звучали отчетливо.

Двор, на котором они оказались, войдя через незапертые, несмотря на позднее время, низенькие зеленые ворота, носил сразу бросавшиеся в глаза следы

погрома и разрушений. Похоже, что рогач, прежде чем отправиться в турне по крышам, изрядно тут «порезвился», круша и сметая все на своем пути. Чисто выбеленная известкой стена старенького, но ухоженного домика зияла уродливой дырой. Догадка по поводу вываленного окна была верной — с той поправкой, что рвавшаяся наружу тварь «вынесла» еще и изрядные куски стены с обеих сторон от этого самого окна, сейчас валявшегося на земле грудой битого стекла и искореженных планок. Дверь в дом стояла распахнутой настежь...

Прямо около нее, сидя на голой земле, обнаружилась первая живая душа в этом разгроме. Молодая, похоже, очень молодая девушка уже даже не кричала, а лишь тихонько подвывала, раскачиваясь из стороны в сторону и обняв себя руками. Короткий кивок Сергея, и Андрей, поняв все правильно, присел перед ней на колени и осторожно, словно стеклянную, обнял за плечи, шепча что-то ласковое и успокаивающее. Девушка, даже не глядя, кто перед ней, немедленно вцепилась в мужчину, словно утопающий в последнее средство к спасению — и разразилась громкими рыданиями.

— Подожди чуток, а потом отнеси к колодцу, умой, молитвы прочти. Какие — знаешь... — Сергей вполголоса наставлял брата, который был вынужден взять девушку на руки и качать, как ребенка, глядя по голове.

— Знаю, конечно. Сейчас, пусть успокоится чуток. Ей бы куртку какую или что — в одной «ночнушке», дрожит вся.

— Она, положим, не от холода дрожит, но ладно, найдем что подходящее — вынесем. Мы — внутрь.

Изготовив на всякий случай клинки, братья ступили в дом. Темень там царила абсолютная. А из то ли прихожей, то ли комнаты, в которой они, зайдя,

оказались, раздавались более чем странные звуки... Идти дальше впотьмах, оставляя их источник за спиной, было бы совершенно неправильно. И Сергей, и Алексей практически синхронно достали имевшиеся у каждого в экипировке тактические фонарики и зашарили лучами вокруг.

По правде говоря, именно этой ночью до Алексея окончательно дошло — почему огнестрельное оружие в их арсенале было скорее исключением, чем правилом. Ей-богу, после всего пережитого за последние несколько часов нервы могли бы и не выдержать. Увиденное в скрестившихся лучах создание он сперва определил для себя как «существо». Ну, сами посудите — бледное пятно ночной рубашки, а над ним копна спутанных лохм, из которых сверкают совершенно, абсолютно безумные глаза. И — скулящие звуки, подобные которым человек не должен издавать в принципе. То ли привидение, то ли еще что, явно не к нашему миру относящееся. Вот был бы в руках «ствол» — чего доброго шмальнул бы, не разобравшись. И — быть беде. Поскольку перед братьями оказалась забившаяся в угол, полностью невменяемая, но при этом все-таки живая, из плоти и крови, девчонка. При попытке сделать к ней хотя бы шаг, она тут же забилась в конвульсиях, отмахиваясь руками со скрюченными пальцами от чего-то перед собой. Н-да... здесь попытка успокоить могла закончиться совсем плачевно — для попытавшегося. Алексею, во всяком случае, его глаза были дороги, а таким макаром выцарапать их могли на раз.

Ну, и что тут будешь делать? Ладно — жива, явных следов телесных повреждений не имеет, и то хорошо. В чувство пытаться приводить будем позже. Пока надо попытаться понять — что же тут все-таки стряслось? Кивнув идущему следом Алексею, «стар-

шой» двинулся дальше. Промахнуться мимо следующей комнаты было бы сложно. Дверь в нее была снесена с петель и валялась под ногами. Хорошо, что фонари уже были включены, не то могли бы и ноги переломать, наткнувшись. Зайдя в комнату, братья застыли на месте. Вот тут дела уже обстояли совсем плохо. Лежащее перед ними девичье тело живому принадлежать не могло никак. Одного взгляда на то, под каким неестественным углом была вывернута голова с пышными русыми кудрями, было для такого вывода достаточно. Алексей, которому проводить подобный осмотр было далеко не впервой, автоматически присел на корточки, чтобы рассмотреть важные подробности. Под отброшенными им с шеи прядями обнаружили намертво впечатавшиеся в нежную кожу следы пальцев. Явно, судя хотя бы по их длине, нечеловеческих...

— Да что ж у них тут за тьма египетская! — судя по звуку, Сергей в очередной раз споткнулся обо что-то массивное, да так, что аж зашипел от боли. Луч фонарика заплескал по стене, Сергей щелкнул обнаруженным таким образом выключателем, и — о чудо! — в комнате вспыхнул нормальный свет. Открыв, как того и следовало ожидать, картину полнейшего разгрома.

Перевернутая мебель, битая посуда, какие-то изодранные в клочья тряпки... на всем этом фоне довольно странно выглядел возвышавшийся как ни в чем не бывало посреди комнаты стол. На нем стояло зеркало, явно старинное, в массивной вычурной оправе. Вот только вряд ли кто-то теперь перед этим зеркалом сможет красоту наводить — в раме было пусто, потому что стекло не только разбрызгалось мелкими осколками по всему столу, но еще и, насколько смог разглядеть Алексей, почернело, словно его коптили над огнем. Вокруг непонятно как уцелевшей при этом

оправы были расставлены несколько свечей в самодельных подставках. Под столом почему-то валялся скомканный платок, даже, скорее, шаль.

— Ну, понятное дело... — Сергей, пошарив глазами вокруг в поисках целого стула или чего-то другого, годного для сидения, в результате просто устало опустился на пол. — Примерно ясно мне, в общем, что тут произошло.

— И что же?

— Погадали девочки... Тут и думать нечего — зеркало, свечи, платок. Сами в одних рубашках нательных, без крестов. Все по традициям, блин, как учили. Знать бы еще, кто учил. А хотя... это никогда проблемой не было, а сейчас и тем более. Чему бы хорошему дочек да внушек научить — молитве или тому, что в храм ходить надо. Так нет же — старые дуры рассказывают, как на «суженого-ряженого» гадать, а молодым дурам все самим попробовать охота. Вот и допробовались.

— Погоди, а платок тут при чем? — мелкая подробность почему-то засела в голове занозой и не давала Леше покоя.

— А как же без него? Ведь ритуал, если вкратце его описывать, примерно так выглядит: садится сильно желающая свое будущее знать особа перед зеркалом, свечи зажигает и соответствующие глупости произносит — вроде как жениха зовет, чтоб он ей в зеркале явился. Только вот ведь в чем штука — из зеркала этого, как правило, нечисть переть начинает. И добро если еще только рожу свою рогатую показывает. В определенной ситуации может и наружу вырваться — вот как здесь и сейчас. Хотя, по правде говоря, о том, чтоб *такое* вылазило, я мало слышал. Кто его знает, в чем дело — может, в купальской ночи, может, сказали или сделали что-то не так... Да, про платок — считается, что в тот момент, когда с в зеркале не кавалер желанный

появляется, а что-то странное, пугающее, надо на него побыстрее как раз этот самый платок накинуть. И отчураться желательно. Тогда то, что в зеркале, тебя не тронет, отступится. В данном случае зеркало не закрыли — это точно. Много я, Леш, историй слышал — про тех, кто с платком замешкались. Та поседела в шестнадцать лет начисто, эта умом тронулась, другая всю оставшуюся жизнь по врачам металась, а родить так и не смогла... Слышал и про задушенных. Правда, чтоб нечистый после всего наружу вырывался — такого не знаю. Ну, да куда уж мне все знать.

— Ладно, это все лирика. — Сергей, спрятав клинок в ножны, провел рукой по лицу, словно сдирая липкую паутину наваждения. Алексею показалось — «старшой» буквально на глазах постарел лет так на десять. Вид смерти ему тоже явно не внове, даже и такой. Вот только кому от этого легче...

Явно сделав над собой усилие, чтобы вернуться к насущным проблемам, брат Сергей продолжил:

— На руках имеем трех девчушек — одна мертва, вторая, похоже, крепко головой повредилась. Что с третьей — там видно будет, но надежда есть. За домом колдовским Семен приглядывает, и, раз не звонил, значит, хотя бы там пока все тихо. Ко всему добавляем адскую тварь, которая в город вырвалась. Весело... Так... Сколько ж прошло с того времени, как я в Братство звонил? Больше часа уже. Ну, значит, если был кто свободный поблизости, то скоро, может, и подъедут. Но все равно надо еще позвонить — тут такое творится, что сколько б подмоги ни приехало, все лишним не будет.

Пока «старшой» звонил, подробно докладывая уточненную обстановку, Леша решил еще раз осмотреть

комнату — по сантиметру, что называется. Въевшиеся в плоть и кровь повадки опера не оставляют никогда, особенно в подобных специфических обстоятельствах. Обшарив внимательно все места, показавшиеся интересными, он вернулся к Сергею, который как раз успел закончить телефонный разговор. Появились вопросы.

— Слышь, а свечи при вот этом ритуале гадания, про который ты говорил... Они что — черными должны быть?

— Да нет, с чего бы вдруг? Тут, как правило, самые обычные свечи используются. Черные свечи — это для другого, для колдовства, да еще и самого паскудного. А тут что, черные?!

— Ну да. Две, которые перед зеркалом, — нормальные вроде, хотя тоже, по-моему, странные какие-то. А за зеркалом — мы потому и не заметили сразу — там три черные. Че за фигня?

— Да уж, фигня натуральная... То-то мне сразу все это странным показалось. А это что еще там у тебя?

— На вот, гляди, — Алексей протянул товарищу смятый листок бумаги, подобранный им под столом, куда он полез за платком. Вот под платком это и лежало. На листке была нацарапана какая-то совершенная, по мнению Алексея, абракадабра. Хотя появившийся какой-никакой опыт подсказывал, что это, скорее всего — конспект заклинания. Вот только по-каковски?!

Сергей, взяв из его рук находку, лишь взглянул на нее и тут же протянул обратно, сморщившись, как от вони:

— Колдовская дрянь какая-то, что тут думать. Спрячь и потом отдай священнику, который приедет. А лучше всего — отцу Михаилу покажи. Он, кстати, обещал лично быть. К утру успеть постарается. Первая

группа уже вот-вот быть должна — тут недалеко монастырь есть, они там были, в принципе ехать недолго.

Звук подъехавших машин и голоса раздался у ворот минут через тридцать. Одну из девушек к тому времени удалось более-менее привести в чувство и сейчас она, переодевшись, сидела в кухне с кружкой горячего чая — согреться у бедолаги все никак не получалось. Брату Андрею приходилось торчать там же — стоило ему отойти от девушки хотя бы на несколько шагов, она немедленно «хвостиком» устремлялась за ним. «Смотри, Андрюха, жениться придется!» — в ответ на эту беззловную Лешину подначку, брошенную шепотом, Андрей зыркнул на него так, что дальнейшее желание шутить пропало напрочь.

Со второй выжившей дело обстояло куда хуже. То есть — так же, как и было. На любые попытки приблизиться к ней она реагировала криком, визгом и при этом норовила вцепиться в приблизившегося ногтями. Применять силу рука не поднималась, да и к чему? Так что после очередного неудачного «подхода» Сергей просто махнул рукой — тут, пожалуй, отчитка нужна, пусть батюшки разбираются!

Выйдя на улицу, Алексей увидел один из внедорожников Братства и рядом — микроавтобус. В нем и прибыли священники. Двое из них, помоложе, как раз помогали выйти третьему, казавшемуся не то что старым, а древним. С первого взгляда на него Алексею стало ясно, что это вовсе не обычный священник. Догадку подтвердил раздавшийся из-за спины негромкий голос Сергея:

— Ух ты — кто пожаловал! Сам старец Адам нас присутствием удостоил. Надо же...

— А он чем так знаменит? — Алексею, конечно, не очень хотелось расписываться в собственном

невежестве, но любопытство, как всегда, пересилило неловкость.

— Это, Леша, можно сказать, святой человек. Когда-то, одному Богу известно, как давно, был в Братстве, причем таким же, как мы — воином. Потом принял монашеский чин, ушел от мира. Слышал я, что он где-то в этих краях жительствоует, но говорили, что от всех затворился, в делах Братства более не участвует. Ну, разве что советы давал иногда. Видать, крепко его попросили, если приехал. А, может, сам так решил... Пошли, благословения попросим, раз случай такой представился.

Смиренно подойдя к приехавшим, Сергей с Алексеем склонили головы, прося благословить. Вблизи старец выглядел еще колоритнее — борода его белее снега опускалась ниже пояса. Под ней цепкий взгляд Алексея разглядел огромных размеров крест. Не иначе — стальной, поскольку покоился он на цепях, звенья которых были как бы не в Лешин палец толщиной. Опирался монах на затейливо украшенный от руки выполненной резьбой посох более чем внушительной толщины.

Благословив Сергея, старец развернулся к Алексею. И вдруг заговорил:

— Поди-ка! Неужто обознался? А ну-ка, воин, подними лицо ко мне!

Алексей встретился с монахом взглядом. Из-под густых белоснежных бровей на него смотрели абсолютно не стариковские глаза. Сила... Мощь... Мудрость... И что-то еще было в этих глазах — словами не описываемое.

— Да нет, не обознался! Вот оно, значит, как Господь управляет. Радостно... Что ж, благословляю тебя — на дела добрые, на честное служение во славу Божию!

Будучи осенен крестным знамением и поцеловав, как положено, руку монаха, более похожую не на старческую длань, а на корень столетнего дуба, Алексей вслед за Сергеем отошел в сторону. И тут же задал вопрос:

— О чем это он вообще?!

— А Бог его знает! — Сергей смотрел на старца просветленным, благоговейным взглядом. — Захочет, чтоб ты знал — сам скажет. А нет — так нет. У таких, как он, все слова что-то да значат важное. Только мало кому их услышать удастся, а еще меньше кому — понять...

Времени на дальнейшие разговоры уже не было. Двое из приехавших священников отправились в дом, а остальные, встав вместе с братьями в кружок около машин, озаботились самой насущной задачей.

— Ну, и где эту нечисть теперь искать?

— А не надо искать, — произнеся это, старец оперся обеими руками на посох и застыл, склонив голову. Все собравшиеся тоже застыли в полном молчании, ожидая, что последует за этим. Долго ждать не пришлось — буквально несколько мгновений спустя монах вышел из оцепенения и простер руку перед собой, указывая направление: — Туда нечистый умчался, там сейчас и мечется. Чую его, но все слабее.

— Немудрено, — в разговор вступил один из более молодых священников, — тварь эта не от нашего мира и здесь развоплощается, теряет материальный облик и силу. Но все равно дел натворить еще очень даже может. Надо на место ехать и разбираться с ним. Карта есть?

Карта нашлась, да не обычная, бумажная, а забитый в ноутбук «навигатор». С его помощью примерный

район местонахождения вырвавшегося из зазеркалья демона удалось установить в пару минут.

— Здесь он должен находиться, где три улицы сразу пересекаются. Там что-то вроде площади небольшой, даже с базаром. Тут же, кстати, сразу две церкви — чего туда понесло?!

— Не две, а одна, — это уточнение внес кто-то из священников, приехавших из ближнего монастыря, — вторую уж полтора десятка лет как раскольники захватили. Не храм, а вертеп, прости Господи.

— А-а-а... Тогда понятно. Своих почуял.

— Вроде того. Ну, хватит разговоры разговаривать — ехать туда надо. Пора летняя — вон, уже светать будет скоро. На улицах люди появятся — беды не оберемся. Как минимум — разговоров ненужных.

— Ну, так с Богом! Поехали!

Алексей со всей своей группой, уменьшившейся до «тройки» (Семен так и остался охранять двор, где скрылась «собачка», правда, получив подкрепление), загрузились в микроавтобус с монастырскими. Минут через пятнадцать петляния по темным улицам — навигатор вещь, конечно, хорошая, но знания города никак не заменяет — оказались на месте. Транспорт оставили на стоянке перед местной церковью и отправились дальше пешком. Ну, собственно... «отправились» — громко сказано. Покинув микроавтобус, приехавшие стояли перед ним, вглядываясь в окрестную темноту, лишь слегка рассеиваемую укрепленным у церковной ограды фонарем. Куда идти и где искать? Вопрос так и оставался открытым. Устраивать облаву в лабиринте окрестных улочек и переулков было бы просто глупо и бесполезно. Что тогда?

Все разрешилось, когда из микроавтобуса, опираясь на руку молодого священника и свой посох, кото-

рый сам он называл «тросточкой», вышел отец Адам. Задержка, видимо, вызвана была тем, что ему потребовалось помолиться в одиночку. Обведя взглядом присутствующих, монах чуть ли не с насмешкой в голосе спросил:

— Что приуныли, Божьи воины? Искать врага не надобно — сейчас сам явится!

Сказав это, он пошел вперед. Алексею вдруг захотелось протереть глаза и потрясти головою — с каждым шагом походка старца становилась все более уверенной и даже бодрой! А посохом, на который он ну вот только что опирался с явным усилием, отец Адам уже чуть ли не помахивал — словно и вправду тросточкой для прогулок! Плечи, согбенные грузом лет, распрямлялись, и Алексею невольно подумалось — какой же богатырский размах у них был в молодые годы того, кто сейчас звался старцем?

Слегка опешившие от происходящего братья, а за ними и священники двинулись было следом за монахом. Тот, не глядя назад, вскинул руку в резком останавливающем и запрещающем жесте:

— Стойте! Сегодня мне, смиренному рабу Божьему Господь милость оказывает — послужить ему, как в былые времена.

По правде говоря, прозвучало это, несмотря на тихий голос и смиренный тон говорившего, примерно как «без сопливых обойдемся»... Спутники старца, повинувшись, застыли на месте, а тот продолжал идти. И тут же навстречу ему непонятно откуда метнулось нечто. Вихрь, темное облако, сгусток тьмы, более черной, чем сама ночь... Спустя миг это материализовалось, принимая уже знакомый Алексею облик — рогатый, когтистый и хвостатый. Всех присутствовавших на площади окатил удушливо-едкий смрад серы...

Нечистая тварь, похоже, действительно теряла силы в мире людей. Облик ее был местами вроде бы материальным, а местами — призрачно-переменчивым, до полной прозрачности. И все-таки размеры того, что приближалось к одинокой фигурке монаха, неподвижно стоящей посреди площади, впечатляли. То есть впечатляли, похоже, кого угодно — только не его. Старец стоял, не шелохнувшись, глядя совершенно спокойно на приближающееся стремительно Зло.

Не в силах просто смотреть на происходящее, Алексей, до хруста в пальцах сжав рукоять клинка, попытался рвануться вперед. Тут же на плечо легла рука одного из священников:

— Не лезь! Сказал старец Адам стоять, значит, так и надо... Помолимся лучше — ему больше помощи будет.

Твердя знакомые слова молитв, Алексей тем не менее как-то умудрялся видеть и слышать все происходящее там, впереди. Вот нечистый рванул к монаху, но тут же отпрянул, как ошпаренный. Старец же совершенно спокойным и крайне презрительным тоном выдал:

— Почто приперся?!

— Пр-р-ризвали, — нечеловеческий голос пророкотал ответ злобными переливами, — л-л-людишки... мясо... тлен!

— Людишки, говоришь?! — голос монаха стал и во все издевательским, — то-то, я гляжу, перед людьмишками тебя от злобы и зависти корчит! Да, я есть человек — по образу и подобию Божию сотворенный! А ты кто есть? Дух нечистый, тварь адская, преисподней порожден, там и место тебе! Так что сгинь, а не то тросточки моей отведаешь! Сгинь, именем Христовым, кому сказано!

При этих словах отец Адам сделал шаг вперед, вздымая перед собой посох. И чудо — громадная тварь, извиваясь, попятилась назад. Но бес не был бы бесом, если бы даже теперь, чувствуя свое поражение, не попытался бы навредить. Вперед метнулась когтистая лапа — и столкнулась с монашеским посохом. Вспышка... Треск... Визг и вой... Возникшая вдруг посреди площади багровая, словно подсвеченная пламенем самого ада воронка втянула в себя демона без следа. Лишившийся опоры посоха, отлетевшего от удара, старец, слегка пошатнувшись, сделал полшага назад. И теперь уже к нему сломя голову бросились все...

Опершийся на руки священников отец Адам сокрушенно вымолвил:

— Да-а-а... Старею. Тросточку вот выронил... — и, повернувшись к братьям, попросил: — Алешенька, пособи старичку, подними.

Понятное дело, Алексей бегом кинулся выполнять просьбу, подумав попутно, что вроде бы имя свое не называл. Но мысль эта из головы тут же вылетела — сомкнув пальцы на упавшем посохе, он попытался легко его подхватить и... понял, что не может оторвать от земли! Одной рукой, во всяком случае. Не желая опозориться перед всей честной компанией, Леша взялся за «тросточку» двумя руками, напрягся... Посох старцу он подал с поклоном и надеждой на то, что никто не обратил внимания на сжатые в усилии челюсти и выступившие на лбу капли пота. Тросточка?!? Физподготовке, пожалуй, следует уделять еще больше внимания. Хотя... Чем дальше, тем больше Алексей понимал, что дело совершенно не в ней...

К «дому с собачкой» подходили, когда уже окончательно рассвело. Алексей даже успел перехватить часок сна в машине — пока дожидались приезда отца

Михаила. Он, предварительно сходяв к отдыхающему в микроавтобусе старцу за благословением, и вошел первый во двор.

Пятна крови, тянувшиеся от ворот к дверям дома и там обрывавшиеся, свидетельствовали недвусмысленно — явились они по нужному адресу. Дверь, кстати, против всех ожиданий, оказалась незапертой. Капитуляция? Или ловушка? Двое братьев, молча отодвинув плечами отца Михаила, шагнули в прихожую. В руках одного появился клинок, а у второго черная «машинка», как две капли воды, по мнению Алексея, похожая на пистолет ТТ. Однако, как все серьезно. Это Леша подумал, в свою очередь доставая из ножен кинжал. Береженого, как известно...

Предосторожности оказались напрасными. В глазах хозяина дома, дожидавшегося гостей, неподвижно сидя в кресле у окна, не было ни ярости, ни ненависти, ни готовности продать свою жизнь подороже. Только усталость, боль и полная опустошенность того, что когда-то было душой. На лице сидевшего «красовался» уродливо бугрящийся свежий шрам, правая рука висела на перевязи, под которой были видны окровавленные тряпки. Такими же тряпками — с расползающимся кровавым пятном, был обмотан и бок. Похоже, колдовских «сил» хватило худо-бедно на лечение только одной раны, остальные обрабатывались обычным способом, да и то кое-как. Крепко приложила колдуна святая благодать серебряных клинков...

Увидев среди вошедших отца Михаила, он попытался ухмыльнуться, но видно, любое движение мышц лица вызывало такую боль, что вместо ухмылки вышла лишь жалкая гримаса.

— Явился... Рад, небось, меня таким видеть? Ну, торжествуй. Хороших ты себе псов вырастил... батюш-

ка! — последнее слово колдун не сказал, а словно выплюнул.

— Ну, любезный, по поводу псов господних это ты малость промахнулся. Домини канес — это не у нас, это у католиков. Да и вообще по поводу собачек — претензии не по адресу. Это к тебе, скорее, как мне кажется, — отец Михаил, в отличие от собеседника, был изысканно-вежлив, словно дипломат на приеме. — А что до радости... Ничего-то ты, как я погляжу, не понял. Вот потому и встречаемся... так. И с чего бы мне радоваться, скажи? С того, что ты кровью исходишь? С того, что пал — ниже некуда? С того, что в который раз уже умный и сильный человек все, что ему Богом дадено, во зло обратил и по ветру пустил? Или, может, тому, что все слова, которыми я тебя при прошлой нашей встрече образумить пытался, сбылись — и с лихвой даже? Так это мне не в радость, а в скорбь. Нечего мне торжествовать.

— Ну как же, — в голосе израненного колдуна уже не было и следа ерничанья, только боль. — Ты ведь победу одержал. Чернокнижника поганого прищучил. Можешь добивать.

— Ага, как же, вот прямо сейчас и начну, — священник обернулся к маячащим сзади братьям: — За аптечкой сходите кто-нибудь! И бинтов побольше захватите — перевязать его надо нормально, а не тем непотребством, что он обмотался. Болеутоляющего армейского возьмите — помрет, не ровен час. Да быстро!

— В благородство играешь! В доброту слюнявую, — сидящий в кресле попытался резко податься вперед, но тут же, зашипев от боли, свалился обратно, — хороша доброта — с острым ножиком!

— Да не играю я, пойми ты, наконец! — священник сделал шаг в сторону, пропуская братьев, вернувшихся со двора с бинтами и спецназовской армейской

аптечкой. Двое из них сноровисто принялись оказывать хозяину дома медицинскую помощь — обрабатывать раны, перевязывать, вкалывать что-то. Третий тут же встал чуть сзади и сбоку от кресла, не спуская с раненого цепкого взгляда. Ну, так... на всякий случай. Отец Михаил тем временем как ни в чем не бывало продолжал беседу.

— В том беда твоя, что не можешь понять очевидного и поверить в него. Не играю я, не стараюсь кому-то или себе что-то доказать. Просто поступаю, как должно. Я ведь священник, а потому милосердие проявлять обязан ко всем — даже к такому, как ты. А по поводу острого ножика — тут не обессудь. Не надо заповеди трактовать буквально и вульгарно. Ты, прости, уже не человек. Бога отринув и на свой черный путь встав, ты в чистое зло превратился. А кто безучастно на зло взирает, тот его множит. Бороться с ним — Божье дело, правильное. И победу над тобой не я одержал, и не те братья, что серебром тебя маленько поучили. То Господь побеждает того, кого ты себе в хозяева избрал. Так было, так есть и так будет! Вот зря ты этого не понял в свое время, когда еще не погряз окончательно.

— Я не зла хотел... Знаний! И силы... — поникший головою колдун говорил тихо. Телесная боль от сверхмощных препаратов должна была уже уняться, но вот душевная, похоже, терзала еще сильнее.

— Ой, вот только этого не надо! — отец Михаил поднял руку, словно отмахиваясь от назойливой мухи. — Таких отговорок я предостаточно наслушался! И от тебя в том числе, когда ты этот, как его... и не упомяну уже, первый клуб свой создавал то ли «белой магии», то ли «чистой энергии». Про целительство вещал, про «очищение через карму» и прочую, прости Господи, дурь! А потом одна из пациенток твоих едва не преставилась во время «лечебного сеанса», а другую

чудом успели из петли вынуть, насилу отмолили потом! Доцелительствовал! Ну, появились мы вовремя, прекратили ваши занятия богопротивные. Тебя вразумить пытались, втолковать, что лезешь в запретное, в бесовщину, в грех тяжкий сам стремишься и других тащишь. А ты что? Вместо покаяния в глушь переехал, и не просто за старое принялся, а в самое что ни на есть гнусное чернокнижие ударился?! Знаний ты хотел? Власти ты взалкал, над людьми и над миром и за обещание этой власти душу нечистому продал!

— Не продавал я души!

— Кому лжешь?! Себе? Или ты думал, что можно с нечистым по чуть-чуть якшаться? Нет уж — тут или ничего, или все. Пропал ты, Мирон, совсем пропал, — священник впервые назвал давнего, как видно, знакомого по имени. — Мало того что порчу наводил, приворачивал-отворачивал, в зверя перекидываться начал, тем самым образ и подобие Божие, тебе при рождении даденные, осквернив, так теперь ведь и смерть на тебе.

— Чья смерть? — колдун вскинулся как ошпаренный, забыв о ранах.

— Твоих рук дело? — отец Михаил протянул хозяину дома листок с колдовскими письменами, до этого переданный ему Алексеем.

— Это — нет! Это — не я!

— Врешь! Вижу, что врешь! От кого еще подобное непотребство могло к девочкам — соседкам твоим попасть? Кто их на «гадание» надоумил, вместо которого они демона вызвали?! — священник повысил голос, глаза его горели праведным гневом обличителя, а колдун, похоже, начал жалеть, что не истек кровью до его прихода...

— Да! Да... моя вина! Я им эту бумагу передал. Но писал не я — не под силу мне такие гримуары. Не того

я полета птица, — хозяин дома уже не пытался «идти в отказ». И Леша с восхищением подумал, что умению отца Михаила «колоть» подозреваемого могли бы позавидовать самые матерые опера.

— Птица?! Тварь ты, прости Господи, смрадная! И не говори, что понятия не имел, что несмысленным дурехам подсовываешь! Не сам, говоришь, писал? А кто? Откуда взялось?

— Женщина мне его передала! Ведающая. Приезжала... Раз, потом второй — с ученицей. Сказала, что еще учениц себе ищет, но надобно испытать их. Поэтому, что соплячек, у которых только парни да привороты любовные в голове — пруд пруди. А тех, кто с серьезными силами дело иметь не побоится — раз-два и обчелся. У нее, мол, времени нет со всякой шелупонью возиться, так что пусть пробуют — у кого получится, того она под крыло и возьмет. Им золотые горы обещала, ну и мне тоже... много чего...

— Вот оно, значит, как?! Вы тут опыты ставили? — на лицо отца Михаила в эти минуты невозможно было смотреть без страха. Очень уж мало в нем осталось от облика смиренного слуги Божьего. На колдуна смотрел капитан спецназа, когда-то снимавший в далеких горах «духовских» часовых голыми руками. Казалось, еще мгновение и звук треснувших позвонков раздастся и в этой комнате. — А знаешь-ка что? Я вот сейчас тебя отведу на двор, где как раз вся родня этих девчушек собралась. И той, что умерла жуткой смертью, и той, что, похоже, с ума сошла. Там тебя и оставляю, а перед этим кое-что родственникам растолкую. Я, может, тоже опыт поставить хочу — на предмет того, что конкретно они с тобой сделают.

— Не-е-ет! Ты — священник — тебе нельзя так! Ты так не можешь! — колдуна от ужаса трясло так, что на свежих повязках снова выступили алые пятна.

— Могу... Но не сделаю, — отец Михаил закрыл на несколько секунд глаза, а когда открыл, это были снова глаза священника, призванного не карать, а наставлять и прощать, — не мне отмщение, но Господу... Собирайся!

— Куда?

— А тут недалеко — в монастырь. Каяться. Господь все милостив — шанс есть у каждого. Раскайся искренне, молись и проси о прощении — может, и получишь его.

— В монастырь? — хозяин дома скривился, как от лимона. — Как же, слышал я о том монастыре. И о подвалах его — тоже!

— Ну, вот — слышал. А теперь и увидишь! — ни жалости, ни сочувствия в голосе отца Михаила не было. Это был приговор — окончательный и обжалованию не подлежащий.

Хочешь насмешить Господа — расскажи ему о своих планах. Не очень-то корректная с точки зрения воцерковленного человека поговорка, тем не менее как нельзя лучше отражала суть того, что творилось на душе у Алексея, когда он выруливал со двора. Нет, но ведь как все замечательно складывалось — после купальской, будь она неладна трижды, ночки, ему были предоставлены вполне заслуженные выходные. Съездил, блин, на рыбалку...

Отъезд из городка затянулся, потому как приготовления к нему вылились в массу вроде и не особо серьезных, но страшно муторных, вяжущих по рукам и ногам дел. Одним из самых неприятных моментов предполагался разговор с начальником местной милиции, лично, как и положено, прибывшим на место ночного разгрома. Однако, против всех ожиданий,

этот седой в свои сорок лет подполковник оказался, во-первых, человеком верующим, а во-вторых, битым-перебитым сыскарем, а не воином кабинетных «фронтов». То ли самому довелось сталкиваться с чем-то... эдаким, то ли по другой причине был «в теме», но сказки рассказывать ему не пришлось. Да и вряд ли имело бы смысл — «детектор лжи» у такого рода людей встроенный и даст фору в сто очков любому электронному полиграфу. После недолгого разговора «тет-а-тет» с отцом Михаилом, короткого звонка куда-то «наверх» и снятия свидетельских показаний с «граждан, случайно оказавшихся на месте происшествия» (то есть Сергея, Андрея и самого Алексея), вопрос был решен. «Несчастный случай» — и никакого возбуждения дел и расследований. По Лешиному мнению, все было правильно — привлечь к уголовной ответственности рогатую тварюку было бы, пожалуй, затруднительно, а что до другого непосредственного виновника... Леше почему-то казалось, что предложи кто колдуну Мирону сменить уготованное ему покаяние на камеру в СИЗО, тот побежал бы к «воронку» вприпрыжку от радости. Вот только статьи с составом преступления «убийство с применением колдовства» в Уголовном кодексе не сыщешь, а раз так, то и закончится следствие пшиком, а опаснейший чернокнижник снова окажется среди незащитных людей. Нет уж, хватит и того, что случилось...

Помутившуюся рассудком девушку прибывшие на место происшествия медики хотели было забрать с собой. Исход в таком случае был бы предсказуем — сомнительно, что она когда-нибудь покинула бы стены дурдома. К счастью, моментально почерневшие от горя родители прислушались к словам священников, и вместо психушки девушка отбыла в монастырь. Ста-

рец Адам обещал лично заняться отчиткой, а раз так, шансы на ее исцеление были очень велики. Третьей потерпевшей намеревался заняться местный батюшка. В глазах бедняжки, до сих пор переполненных ужасом от пережитого ночью, явно читалось обещание стать самой прилежной прихожанкой...

Напоследок братья тщательным образом обшарили не только жилище колдуна, но и весь участок. Всяческой чернокнижной мерзости вынесли чуть ли не два объемистых мешка — то-то будет полыхать костер в обители Братства! Сразу после этого священники освятили и дом, и землю вокруг — дабы не завелась на оскверненном поганой волшбой месте всяческая нечисть. Местные, естественно, твердо пообещали за домом приглядывать и при малейших подозрениях тут же оповестить Братство. С тем и отбыли...

...Мимо пролетали давно набившие оскомину пейзажи знакомых улиц, пестрящие витринами и бигбордами, а Алексей, следя за дорогой, в то же время в который раз «прокручивал» в памяти разговор с отцом Михаилом, состоявшийся сразу после возвращения в столицу. Священник, еле стоявший на ногах от усталости, тем не менее позвал его к себе сразу, как они вышли из машины. Не успели зайти в кабинет батюшки, как тот задал вопрос:

— Что думаешь обо всем этом? Ничего на ум не приходит — вот так, сразу же?

— Если вы по поводу ведьмы с ученицей и подсовывания кому-то заклинаний на вызов демонов, то тут, уж извините, и баран догадается! Уверен, что и там и тут одна и та же особа «засветилась». Что-то часто она нам попадаться стала! Или это всегда так бывает?

— В смысле — «всегда»?

— Ну-у.. с ведьмами. Я ведь, батюшка, много чего еще не знаю, не понимаю. Так — стараюсь угадать... Мне, по правде говоря, удивительно, что вы меня спрашиваете, а не, допустим, Сергея. Он в нашей группе за старшего был, да и опытнее меня намного...

— Опытнее-то он однозначно, это факт. Но только по той, прежней жизни, он военный, а вот ты — сыщик. Да и, знаешь, свежий взгляд он тоже иногда полезен. Так что излагай свои соображения по ходу дела — если имеешь, конечно. А что до «всегда»... Вот именно, что имеем мы дело с чем-то совершенно нетипичным. Ведь ведьмы, они, знаешь ли, к публичности не стремятся. Те, которые рекламировать себя лезут — «целительницы великие», «ясновидящие» и прочие, в девяти случаях из десяти шарлатанки самые обычные. Проходимки с актерскими способностями какими-никакими, знанием психологии и умением доверчивых «лохов» на деньги «разводить». Мы их, конечно, тоже не приветствуем — поскольку любое гадание, ворожение, наговоры и прочее есть бесовщина, пусть их даже «понарошку» творят. Нечисть вокруг таких людей и мест, где это происходит, так и клубится. Но, как правило, не слишком опасная — так, мелкие бесы. Хотя рано или поздно, если это дело не прикрыть, туда и иные темные силы «подтянутся»...

Не то — серьезные колдуньи или колдуны. Те, кто изначально творит вещи страшные, запретные, опасные. Вот они себя никак стараются не обозначать — да ты и сам видел. Мимо дома того же Мирона проходя, догадался ли бы — кто тут обретается?

— Да никогда!

— Вот и я о том же. Мало того — при встрече с этим самым типом, в человеческом обличье, естественно, ты бы, уж не обессудь, с твоим-то опытом, скорее всего, ничего на заподозрил бы. Ну и, чтоб тебе не обид-

но было, добрая половина братьев — тоже. Тут по-особому зреть надо, не каждый сумеет, да и дано не каждому... И вот живет такой или такая, творит зло, нечистого тешит и долго при этом, поверь, может в наше поле зрения не попадать. Времена сейчас такие — это ведь раньше чуть что, за помощью да советом к святым отцам шли. А нынче скорее к какому-нибудь экстрасенсу побегут. Уж там им «помогут»...

Ремесло свое поганое ведьмы да ведьмаки и вправду передать стремятся. Но делается это либо в своем же роду — тут помимо прочего и кровь важна, либо в совсем уж узком кругу, среди местных, опять же. Колесить по городам и весям и чуть ли не целую «школу» себе набирать, да еще и такими методами — это кричать о себе на весь свет. Плохо это, Алеша, совсем плохо...

— Чем же?

— Ну, прежде всего тем, что ведьма эта нас, похоже, не боится вовсе. Не знает о нас? Не поверю. В определенных, как говорится, кругах о том, что Братство существует и что с ним лучше не связываться, известно прекрасно. Значит, что? Силу за собой чувствует такую, что считает возможным вызов нам бросать! Такое, знаешь ли, редко случается. А во вторых, пусть мы всего два раза с ней столкнулись, но я тебе точно сказать могу — черные знания, которые эта колдунья использует, меня пугают. Тут — не домашняя ворожба, тут источник древний и страшный. И вот как она к нему доступ получила, где и от кого — вопрос вопросов.

— Что за источник такой?

— То, Алеша, тема для отдельного разговора. И очень, поверь, долгого. Пока же я тебе третий вопрос назову — зачем она все это творит? Такие, как она, ничего и никогда просто так, без причины не делают.

Значит, готовит, затевает что-то серьезное. Вот пока не поймем, не узнаем, что именно, не будет нам ни покоя, ни отдыха. Потому что злое что-то готовится. Злое и страшное.

— Думаете...

— Не думаю, Алексей, а знаю! Каждый колдун или ведьма могут и в одиночку предостаточно зла натворить — особенно настолько сильные. Но есть заклинания, которые никакому одиночке, как бы глубоко он в дебри чернокнижия ни забрался, не по плечу. Чисто технически, так сказать. Определенные ритуалы помощников требуют. Особенно же те, где жертвы человеческие приносятся. А вот с их помощью можно такое сотворить, о чем мне и помыслить страшно, не то что сказать! И потому обязаны мы ее найти раньше, чем она свой черный замысел в жизнь воплотит. Найти и остановить. И... не люблю я очень эту формулировку, потому что кровью она насквозь пропитана, да и не должен ее употреблять, будучи священнослужителем... Но... Любой ценой это надо сделать, Алеша. Любой ценой!

...Иногда помощь приходит к нам оттуда, откуда уж и не ждали. По правде говоря, Алексей не то чтобы вовсе не рассчитывал, что просьба, с которой он обратился к Жене, будет выполнена, но не особо на это надеялся. Тем приятнее было услышать в телефонной трубке:

— Привет, старик! Ну что, с тебя причитается!

— Нарыл чего-то?

— Да не просто чего-то, а можно сказать, целую кучу всего! И пропажа твоя... или не твоя, уж не знаю, нашлась, похоже!

— Ну, фигасе... ты даешь! Респект! Когда встречаемся?

— Да прям сегодня, как службу дослужим. Можем в том же кафе.

— Не, в том же не стоит...

— Понял, не дурак! Тогда...

— Тогда давай в том, где Сане из БНОНа звезды обмывали?

— Годится! Только тут такое дело... С тобой еще один человек пообщаться хочет.

— Это кто еще? И по какой теме?!

— Да знаешь ты его. Из наших. А тема как раз к твоим вопросам, представь себе, самое непосредственное отношение имеет.

— Тогда ладно. В девятнадцать?

— Лады. До связи!

Спустившись в подвальчик оформленного с претензией «под старину» заведения, Алексей не сразу в нарочито приглушенном освещении отыскал тех, с кем явился на встречу. Ага, вон они! Как и положено истинным ментам, столик заняли в углу, за колонной. От входа сразу и не заметишь, а у самих за спиной — стена и при этом весь зал как на ладони. Привычка всегда и везде усаживаться по возможности именно таким образом для человека понимающего выдает людей, причастных к «органам», лучше надписи на лбу. «Приземлившись» за столик, Леша уже традиционно отказался от «соточки», попросил чаю и приготовился слушать. Кстати говоря, третий участник «посиделок» был ему и вправду знаком — служили-то в одном главке, правда в разных подразделениях. Егор Павлович был стопроцентным «бехом», то есть — сотрудником службы по борьбе с экономической преступностью, в которой и продолжал трудиться по сей день. Удивившись мимоходом, чего ему могло тут понадобиться, Алексей приготовился слушать Женю.

Наиболее интересная информация касалась тех интернет-ресурсов, постоянное посещение которых, похоже, и привело к очень резким изменениям в жизни девушки Маши из Чернигова. А было все так — существовал себе в необъятной мировой паутине неприметный ресурс с претенциозным названием «Ищущие истину». Слепленный, как говорят компьютерщики, «на коленке» неведомыми энтузиастами, он долгое время влачил достаточно жалкое существование, прерываемое периодическими отключениями за неуплату по счетам хостинга. В принципе — ничего экстраординарного. Форум — «общалка» для любителей всяческого «непознанного», «необъяснимого» и «сверхъестественного». Самые разные люди, от откровенно «повернутых мозгами» на этих темах до скупающих циников-«приколистов» обсуждали то да се — от египетских пирамид до летающих тарелок. Пересказывали друг другу в сотый раз явно из Интернета же почерпнутые затертые до дыр жу-у-уткие страшилки «бояны» и делились «суперсекретными» рецептами «бабушкиных зелий» и формулами «прадедушкиных заклинаний». Ага — «выйди при полной луне на перекресток шестнадцати с половиной дорог, поймай черную собаку, рожденную под знаком Водолея, дерни ее тринадцать раз за левую заднюю ногу и скажи на древнехалдейском следующее... Как, не знаешь древнехалдейского? Ну, русский матерный тоже сойдет...» Ну, вот что-то в таком духе.

Однако где-то с полгода тому этот сетевой ресурс преобразился, словно и вправду по волшебству. Изменился не только дизайн и технический уровень сайта. Прежде всего, поменялись его наполнение и направленность. Более-менее безобидных его «жильцов», озабоченных темами поиска в ближайшей лесополосе йети и фотографированием «зеленых человечков»,

хулиганящих на своих НЛО, оттуда как метлой вымело. Тематика возобладала одна — магия. Причем с явным уклоном в «черноту», вплоть до чуть ли не открытого сатанизма. Тексты, размещенные на главной странице, писались явно не любителем на прокуренной кухне, а вот пройти дальше «главной» случайному посетителю ресурса становилось очень даже затруднительно — появилась целая система авторизаций, регистраций и паролей. Закрытым стал и доступ на подавляющее большинство форумов, количество которых резко возросло.

Произошло это, как разузнал Женя, не поленившийся обратиться за помощью к коллегам из подразделения по борьбе с киберпреступностью, после того, как на сайте кто-то выложил ролик, содержание которого вызвало целый шквал возмущенных звонков в «инстанции». Звонили, как правило, родители, не поленившиеся поинтересоваться, на что это там уставилось в компе их любимое чадо — да еще и с совершенно очумелым видом. Оно и неудивительно — охарактеризовать содержание видео как «шокирующее», «кровавое» и «омерзительное» означало бы сильно ему польстить. Положение несколько спасало из рук вон плохое качество съемки, явно любительской, сделанной скверной, к тому же вихляющейся и дергающейся постоянно камерой. Но и того, что удалось зафиксировать, нормальному человеку хватило бы для избавления от содержимого желудка. Причем с лихвой. Запечатленное действо представляло из себя какой-то дьявольский ритуал с многочисленными жертвоприношениями, в ходе которых различные представители пернатого и животного мира умерщвлялись невообразимо садистскими и отвратительными способами. Последняя жертва всей этой адской вакханалии подозрительно походила на человека —

пусть и изуродованного до невозможности. Но тут уж камера начинала плясать и вовсе в дикой амплитуде, а потом съемка резко вдруг обрывалась, так, что с уверенностью что-либо утверждать было трудно.

Впрочем, и того, что вполне можно было разглядеть, побарывая в себе рвотные позывы, «киберам» было достаточно. Ибо это уже вполне тянуло на статью о пропаганде насилия и жестокости. Ретивые опера рванулись было в бой, однако ничего, кроме полнейшего облома, в результате не получилось. Все попытки выйти на стоявших за ресурсом и его деятельностью людей не привели ровным счетом ни к чему. Не только домен, но и хостинг сайта, ориентированного явно на наших соотечественников, пребывали далеко-далеко за океаном, так что влиять на их деятельность родные менты могли примерно так же, как на урожайность кукурузы в штате Айова.

Утешало одно — не прошло и двух суток, как кто-то удалил жуткое видео (по крайней мере, из свободного доступа) и выложил на главной странице извинение от имени администрации, адресованное посетителям ресурса. И вот именно с того момента дальше этой самой главной страницы и еще парочки других, явно рекламных, попадать «с улицы» стало практически нереально.

Не прав тот, кто считает всех милиционеров людьми черствыми, равнодушными ко всему, кроме карьеры, mzды, как заслуженной — в виде зарплат и премий, так и незаконной — в виде так охотно обсуждаемых всеми и каждым взяток. Есть в милиции, конечно, разные типы. А где их нет? Но есть (хотите верьте, хотите — смейтесь) и те, кому не наплевать. Те, кого работа зажигает и затягивает похлеще любой выпивки или наркотика. Им обязательно нужно докопаться, «рас-

крутить», «расколоть» и «закрыть». Не ради премии или звездочки, а потому, что хочется. Нашлись такие и в данном случае. К решению задачи по взлому сайта негласно, естественно, привлекли соответствующих специалистов. То есть — профессиональных хакеров, на которых у сотрудников «киберподразделения» различных «крючков» и компромата было воз и маленькая тележка. Те, покрутив пальцем у виска (сдалась же ментам эта хрень!), лениво потерли руки и... с позором отправились пить горькую. Ибо, как сказал один из них, авторитетнейший в своих кругах взломщик паролей и кодов, «ловить тут нечего».

Да... Нашелся еще один — из тех, кого даже собратья по мутному «ремеслу» считают на всю башку отмороженными. Его, видать, задела за живое не поддающаяся никому задача. Он, собственно, сумел продвинуться дальше других — проломил, так сказать, первую линию обороны. После чего его стоящий совершенно нереальных денег сверхнавороченный «комп» вспыхнул ярким пламенем — в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова. Пожар, уничтоживший чуть ли не полквартиры, потушили с большим трудом. Озверевший от всего случившегося хакер поклялся уж теперь довести дело до победного конца во что бы то ни стало. Может, и довел бы... Если б только в тот же самый день его не сбила насмерть машина — прямо на пешеходном переходе, в квартале от собственного дома. После этого желающих лезть на «нехороший» ресурс невозможно было рекрутировать ни посулами, ни угрозами. Дело заглохло окончательно.

Вот, похоже, именно этот сайт и стал для Маши дверью в «новый мир». Одной из тех дверей, которые лучше не открывать никогда. Именно там она, вне всяких сомнений, и познакомилась с той таинственной

дамой, что, взяв на себя сперва роль задушевной подруги, именно через виртуальное общение, в котором она выступила как интересная собеседница и опытная советчица, перешла в разряд наставницы, вытеснив из сердца глупой девчушки даже родную мать. Все эти выводы следовали из тех, пусть отрывочных и разрозненных кусков электронной переписки, которую удалось восстановить компьютерных дел мастерам.

Судя по этим крохам, девушка в своем более чем сложном, переломном и переходном возрасте пережила какую-то «душевную драму», безусловно амурного характера — из того разряда, которые в «нежные» годы кажутся крахом мироздания, а уже пару лет спустя, как правило, забываются напрочь или вспоминаются со смехом. За моральной поддержкой к матери она, может, и вовсе не обращалась. Возможно, обращалась, но услышала в ответ стандартно-взрослое: «выкинь из головы, плюнь и забудь, тебе о другом думать надо...», или что-то в таком же роде. К сожалению, не все мы в зрелом возрасте способны вспомнить собственные любовные страдания подросткового и юного времени, особенно если обременены куда как непростым делом — физическим выживанием собственной семьи...

А вот взрослая «подруга» со звучным псевдонимом Геката оказалась на высоте. Мастерски играя на тонких струнках девичьей души, она начала вкладывать туда то, что нужно было ей. Что для обозлившейся на весь мир и «разочаровавшейся в жизни» девчонки может быть увлекательнее рассказов о «великой магии», способной враз решить все жизненные проблемы, а потом и вознести «к сияющим вершинам»? Кстати, из этого этапа переписки удалось выудить отрывок, посвященный теме «отмщения обидчику». Вот это заставило Алексея заволноваться всерьез — непре-

менно надо будет навести справки. Соплячка с разбитым сердцем, чью руку направляет опытная и злобная ведьма... А жив ли виновник?!

Получив на руки флэшку со всеми материалами, которые удалось вытянуть из «системника», и сам системный блок в придачу, Алексей поинтересовался — что там Женя говорил о том, что Маша нашлась? Оказывается, девушку, чья внешность полностью совпадала с полученной при первой встрече от Алексея фотографией, «засекли» в одном из областных центров. А вот как это получилось... Тут Женя поклонился и картинным жестом конферансье, представляющего почтеннейшей публике не просто очередного исполнителя, а самый что ни на есть «гвоздь программы», указал на безмолвно сидевшего до этой минуты Егор Палыча. Мол, дальше он.

Сидевший перед Лешей подполковник убогим словарным запасом и неумением говорить явно не страдал никогда. Однако сейчас он мучительно мялся, мямлил и косил глазами на притаившего его сюда Женю. Во всем его поведении явно сквозила боязнь того, что вот еще пару слов — и собеседники начнут дико ржать над его рассказом, а то и вообще вызовут санитаров из дурки. Зря боялся. Кому-кому, а уж у Алексея услышанное смеха точно вызвать не могло. И то, что рассказчик не сумасшедший, он тоже знал наверняка.

Выглядела история следующим образом. Милицеская служба по борьбе с экономической преступностью в Днепропетровске — том самом областном центре, который был упомянут в связи с обнаружением пропавшей девушки, давным-давно с нехорошим вниманием присматривалась к одному банку. Не вдаваясь в особые подробности, можно сказать, что, по

оперативным данным, денежки там «крутились» по большей части криминальные, а финансовые схемы с участием этого учреждения не то что пахивали, а прямо-таки разили уголовщиной за версту. «Отмывание», «обналичка», фиктивное предпринимательство и прочая, и прочая. Среди учредителей и хозяев этой «финансовой помойки», как обозвал ее сам Егор Палыч, абсолютное большинство провело в своей жизни гораздо больше времени за «колючкой», чем за партой. Кое-каким образованием «по специальности» была обременена только одна из них — бойкая бабенка, ни разу не сидевшая, но лишь, как говорят старые менты, не по собственной заслуге, а по причине чьей-то недоработки. Она, надо сказать, выделялась жадностью, наглостью и абсолютно полным пренебрежением к Уголовному кодексу даже на фоне своих блатных и приблатненных компаньонов. Просто была несколько умнее и однозначно хитрее большинства из них. Так вот — довольствуясь до поры до времени довольно скромной долей в общем «пироге», с некоторых пор эта особа начала достаточно интенсивно прибирать к своим рукам все новые и новые доли «бизнеса». И получалось это у нее на удивление легко, поскольку с соучредителями-подельниками, а также с людьми из их ближайшего окружения начали вдруг, ни с того ни с сего, происходить вещи странные и крайне неприятные. Аж до летального исхода включительно. Ну, ладно — пара человек разбились в автокатастрофах. Это, при привычке ездить «под бухом», в сочетании со скоростными иномарками, дело, как говорится, житейское.

Но остальные! Тот утонул на мелком месте, этого, при наличии рядом отборных бугаев-охранников, порезали до смерти в возникшей на пустом месте кабацкой ссоре... Одного так и вовсе загрызла любимая

собака, до этого не тронувшая и бродячего кота, а хозяину только что ноги не облизывавшая! И еще череда таких же нелепых смертей, «несчастных случаев» с пожизненной инвалидностью в конечном итоге и даже «посадок».

Вот это, кстати, было самое интересное. Матерый «сиделец», ученый-переученый жизнью, «ходками» и «зонами» чуть ли не сам упал в руки ошарашенным ментам с карманами, в которых наркоты лежало не на один срок. Да не «травки» или «колес», а той самой «героической» дряни, за несколько граммов которой в иных странах надевают петлю на шею безо всяких церемоний. Понятное дело, что обрадовавшись такому «подарку», ребятки из отдела по борьбе с наркотой «закрыли» его всерьез и надолго. И, надо отдать им должное, не пожлобились поделиться своей удачей с коллегами из БЭП, точивших зубы на любого, реально причастного к деятельности банковской и около-банковской своры.

Так вот — на первой же «неформальной беседе», состоявшейся с участием оперов из этой службы, «расписной» товарищ, вопреки всем понятиям, не стал уходить в глухой отказ от сотрудничества, а «погнал» на Аллочку (именно так звали ту самую стерву из банка) с такой интенсивностью, что общавшиеся с ним менты едва успевали записывать. Называл он ее при этом не иначе как «чертовой ведьмой» и поведал, между прочим, о появившейся у Аллы с некоторых пор «странной» подруге. Кстати, именно с момента появления этой подруги и начались все неприятности, каковые два факта опрашиваемый связывал напрямую.

Помимо этого он, конечно же, порассказал «гражданам начальникам» немало вещей именно из той области, к которой они имели узкопрофессиональный интерес. В частности, касательно нелегальной

деятельности «обменок», которые раньше пребывали именно под ним — пока их нахально не «отжала» та самая «ведьма». За «обменки» и зацепились...

Аллочка к этому моменту, как видно, совершенно потеряла всякий страх и чувство меры. Как говорят в тех кругах, где она «вращалась» большую часть жизни — «поле видеть перестала». Дошло до того, что через официально принадлежащие банку пункты обмена валют с ее подачи начали «толкать» самый настоящий «фальшак». То есть — поддельную валюту, преимущественно американские «вечнозеленые». Будь опера, принявшие после той беседы в следственном изоляторе внимательно следить практически за каждым ее шагом, даже полными идиотами, облажаться при таком раскладе им было бы крайне затруднительно. Идиотами они, естественно, не были. Аллочку «приняли» с полным, как говорится, комплектом вещественных доказательств, где «вишенкой на тортике» была толстенная пачка фальшивых денег — как долларов, так и отечественной валюты. Изъятая при этом у амбала, исполнявшего при ней роль водилы и телохранителя, волына со сбитыми номерами дополнила картину как нельзя лучше, хотя на фоне всего остального особого фурора даже и не произвела. И Алла, и ее «бодигард» после всех необходимых процессуальных действий и совершенно безобразного скандала были в тщательно упакованном виде отправлены в казенный дом с решетками.

Вот тут-то и началось самое интересное. И опер и следователь, которым поручили окончательную «раскрутку» этого дела, по правде говоря, если в чем и сомневались, так только в том, на что именно им предстоит потратить честно заработанные премиальные. Пусть за задержанной и была слава скандалистки вселенского масштаба, но несколько дней на

жесткой койке следственного изолятора и не таких вразумляли. Прокуратура и суд санкцию и ордер на арест и обыски по месту работы и жительства подмахнули без вопросов, и в процессе этих обысков, проведенных грамотно и вовремя, всплыла такая куча! Сами понимаете, чего... Несколько грамотно проведенных допросов, ознакомление с полученными материалами, результатами экспертиз — и глядишь, польются рекой «признательные показания», которые, как известно, очень облегчают душу, зато ощутимо увеличивают срок. Впрочем, о малом сроке тут речь не шла изначально. Хотя были, как говорится, варианты, на которых можно было поиграть, поторговаться — чтоб уже за одним разом усадить на узкую лавку в зале суда всю «малину».

Не тут-то было! Ни о каком сотрудничестве со следствием Алла и говорить не хотела. На «неопровержимые доказательства» чихала смачно и нагло ржала в глаза «ментам поганым», безапелляционно утверждая, что она-то отсюда скоро выйдет, а вот их, болезных, непременно вынесут вперед ногами. Мало того, с первого же дня пребывания ее под арестом нарисовался адвокатишка самого пренеприятного свойства — какой-то скользкий, липкий, вечно мельтешащий, суесящийся и все норовящий «потолковать с глазу на глаз». Ну, чем заканчиваются такие «толковища», и опер и следак знали лучше, чем кто бы то ни был — оба направили по известным адресам, начинающимся с аббревиатуры ИТУ№... не одного взяточника. Когда до адвоката окончательно дошло, что всунуть откупные не получится, и тон его и манера поведения поменялись резко. Он весь вдруг стал грозно-загадочным и начал сыпать таинственными намеками, слишком уж смахивающими на плохо замаскированные угрозы. Ну, это мы тоже уже кушали...

В один далеко не прекрасный день оба члена оперативно-следственной группы «срисовали» непонятных личностей, которые их фотографировали. Фотосессия проводилась явно не для журнала «Форбс» и уж точно не для портфолио модельного агентства. Попытка поймать «папарацци» с целью слегка переломать им ноги и отобрать камеры, успехом, увы, не увенчалась — парни оказались резвыми. Прекрасно понимая, что подобные штуки обычно предшествуют банальному найму киллеров, и следователь и сотрудник БЭП не стали выпендриваться, а доложили кому следовало. В результате оба обзавелись эскортом из крепких ребятишек с автоматами. Бойцы милицейского спецназа горели желанием понаделать дырок различного диаметра в организмах тех, кто оборзел до такой степени, что вздумал в открытую покушаться на их коллег. Однако коллег этих, как оказалось, ни отстреливать, ни взрывать никто не собирался. Началось другое...

Следователь стал первой жертвой. Если он до этого и мог чем-то особо гордиться в своей жизни, кроме незапятнанной чести офицера и множества поощрений за образцовую службу, так это своей семьей. В милицейской среде жены, подобные той, что досталась ему — не просто терпящие, а всецело понимающие и одобряющие изматывающую, низкооплачиваемую, неблагодарную и ненормированную работу мужа, вообще-то, чем дальше, тем большая редкость. В своей Наташке он не чаял души, а она платила ему еще большей любовью и заботой — если такое в принципе возможно. Рождение ребенка в любой семье — изрядное испытание, в милицейской же особенно. Немало браков людей в погонах распадаются как раз после того, как на свет появляется тот, кто должен был бы скрепить их окончательно. Но в этом случае, опять-таки,

все было не так! Рождение сына окрылило папашу, а мать ни полсловом не упрекала его за ночи, проведенные в одиночку у детской кровати, пока муж мотался по очередным опергруппам, дежурил, допрашивал, составлял протоколы.

Все это рухнуло в одночасье. Коллеги не узнавали следователя — всегда наглаженный и настиранный, ухоженный и накормленный, он на глазах превращался в неопрятного бомжа с растрепанными патлами, ввалившимися щеками и красными, воспаленными глазами. В глазах этих поселились отчаяние, боль и полное непонимание происходящего с ним. И было от чего — дом, в который он всегда летел со всех ног, где его всегда ждали и любили, превратился вдруг в филиал ада! Сперва чередой пошли ссоры, скандалы, истерики, возникавшие из ничего, без малейших поводов. Наташа, всегда бывшая эталоном спокойствия и житейской мудрости, превратилась в визгливую, брызжущую слюной и сыплющую на всю улицу матерщиной стерву. Да он никогда и подумать не мог, что она вообще знает такие слова! Его обвиняли в чем угодно — от низкого заработка до полной мужской не состоятельности, его унижали и смешивали с грязью. Потом вместе со словами в ход пошли предметы домашнего обихода. В доме следователя осталось очень мало целой посуды, а по утрам он с жутким, испепеляющим стыдом замазывал у зеркала в служебном туалете синяки и порезы на лице. Дальше — больше... Его Наташа начала пить! Она, которой еще недавно становилось плохо от лишнего бокала шампанского, принялась поглощать спиртное без разбора и дозами, достойными портового грузчика. Потом стало совсем плохо. Она начала пропадать из дому. Казалось бы, если ты милиционер, то уж собственную жену да в своем городе разыскать сумеешь «на раз». Однако

привлекать своих коллег к поискам следователь, конечно, не мог. Он бы скорее от стыда застрелился...

Пару раз он находил ее в компании каких-то жутких типов в заведениях общепита, не тянувших даже на ранг «гадюшника». В третий раз он успел в последнюю секунду — мерзкий алкаш на обоссанной лавочке в самом глухом углу парка снял с Наташи уже почти всю одежду. Она не возражала... После этого следователь понял — вопрос только в одном: кого он убьет, ее или себя? Сидя поздней ночью в пустом здании милиции с бутылкой водки, табельным «макаровым» и последней их семейной фотографией на столе, этот мужик, одного имени которого боялась половина уголовников города, плакал и в который раз обдумывал текст предсмертной записки...

У опера все было по-другому. Лет ему было больше, чем следователю, но особых проблем со здоровьем он не знал никогда, несмотря на регулярное «употребление» (в более чем разумных, впрочем, пределах) и нерегулярное курение. Ну, разве что типичные милицейские профзаболевания — попорченный отвратительным питанием желудок да раздерганные нервы. И вдруг он стал умирать... Почему-то он прекрасно понимал — это не болезнь, не возрастное, он именно умирает. Несколько раз ночью он просыпался, задыхаясь. Один раз разбудила перепуганная насмерть жена — ты перестал дышать! Впрочем, эта проблема скоро утратила актуальность — спать по ночам он перестал. Не помогало ни снотворное, ни опробованный веками метод в виде стаканчика на ночь. Не теплого молока, естественно... Любое спиртное организм извергал из себя немедленно, а таблетки если и давали эффект, то очень кратковременный, в виде максимум получасовых «провалов» не в сон, а в дур-

ное забытье, наполненное ужасающими кошмарами. После того как оперу дважды подряд за одну ночь приснились собственные давно покойные родители, которые сперва звали его, а затем, приблизившись, превращались в неопикуемых монстров, пилуи для сна были спущены в унитаз.

Давление скакало от сверхнизкого до сверхвысокого — и так по десять раз на дню. Сердце то начинало трепыхаться перепуганным зайцем, то практически останавливалось. Начались постоянные носовые кровотечения, упало зрение, волосы лезли, как после облучения. Притащившись дряхлой развалиной в ведомственную поликлинику, опер за полчаса собрал вокруг себя консилиум из чуть ли не всех поголовно врачей. Каждому из специалистов было, что ему сказать, вот только никто не мог сказать ничего обнадеживающего. Сдав в тот день анализы, он начал пересдавать их чуть ли не каждый день. Врачи, вертя целые «простыни» с их результатами в руках, закатывали глаза под лоб и говорили: «Так не бывает!» А потом то ли цитировали на латыни медицинские справочники, то ли, скорее, просто матерились на том же древнем языке. Сегодня результаты были одни, завтра совершенно другие. Но хорошие — никогда. Правды ему, похоже, не говорил никто, но опер не был бы опером, если бы не умел «читать» собеседника по мимике, интонациям, движениям рук, отводимым в сторону глазам. Все, что он уяснил из скупых оговорок докторов, так это то, что осталось ему недолго и конец может наступить в любой момент. Хотя, по правде говоря, в глубине души он и сам уже хотел, чтобы все закончилось. Жить, превратившись в одночасье из крепкого мужика в полнейшего калеку, было невыносимо. Невыносимо было видеть слезы жены, участливые лица сослуживцев и друзей, наперебой предлагавших

любую помощь. А еще невыносимее — видеть злорадную улыбку на роже Аллы, которую он, несмотря ни на что, продолжал допрашивать.

В один из вечеров, когда он, сидя на рабочем месте, приводил в порядок свои служебные бумаги, чтоб не доставлять потом лишних хлопот тем из коллег, кому они достанутся «в наследство», «накатило» совсем уж сильно. В глазах потемнело, в ушах раздался сперва оглушительный звон, а потом какие-то жуткие потусторонние завывания, сердце снова сорвалось в сумасшедший галоп. Схватившись чисто инстинктивно рукой за грудь, он вдруг вцепился в выбившийся из-под расстегнутой рубашки нательный крестик и сжал его с такой силой, что, как потом оказалось, на ладони выступила кровь. И — тут же отпустило! Нет, слабость и дурнота окончательно не прошли, но черная пелена перед глазами рассеялась, вой в ушах стих, и он снова смог дышать. Перехватив крестик левой рукой, правой он принялся искать номер в памяти мобильного телефона. Он должен успеть! Что бы ни случилось с ним, безнаказанной эта гадина не останется!

Звонил опер своему старому другу — судьба свела их еще в милицейской академии, протащила по множеству ухабов и колдобин, но от любых испытаний дружба становилась только крепче. Карьера друга пошла в гору круче, и сейчас он служил на немаленькой должности в столице, все в той же, экономической службе. Вот ему-то опер и рассказал обо всем. Выслушав молча, лишь пару раз перебив говорившего наводящими вопросами, друг сказал: «Угу. Понял. Буду». И повесил трубку. На следующее утро он стоял на пороге квартиры опера с цветами для его жены, огромным пакетом каких-то жутко редких и дорогих лекарств и направлением в немецкую клинику, где

«лечат от всего». Ни в какую клинику опер, конечно, не поехал, а затащил вместо этого друга к себе в кабинет. Там они долго перебирали материалы того самого дела, которое, кажется, могло стоить оперу жизни. Среди фотографий, отснятых службой наружного наблюдения, в глаза приехавшему бросился снимок, на котором фигурантка была запечатлена с особой, к которой так и напрашивалось определение «холеная стерва». На заднем плане, вполне, впрочем, четко, просматривалась молоденькая девчушка, пожирившая стерву прямо-таки восторженным взглядом. На то, чтобы вспомнить, где он видел эту девушку, другу опера потребовалось меньше минуты — феноменальная память была у него всегда. А звали друга Егор Павлович...

Так получилось, что отнесшийся более чем серьезно к Лешиной просьбе Женя начал обходить буквально всех, кто мог помочь. Естественно, в первую очередь — отдел по розыску без вести пропавших граждан. Служба по борьбе с торговлей людьми — вдруг все-таки втянули в проституцию? Ребята, блюдущие порядок на транспортных магистралях — а ну, как «засветится» пропажа при покупке авиабилетов или где-нибудь на вокзале? Среди вороха прочей информации и сведений, абсолютно, на взгляд Жени, бесполезных, с раскуроченного «системника» удалось выудить данные по банковской платежной карточке Маши. Непонятно, кстати, откуда бы это вдруг у нее, вчерашней школьницы, взялась «кредитка» такого класса, но это уже было дело третье. Главное — появилась еще одна ниточка. Кредитками и прочими электронными платежами у нас занимается кто? Правильно, служба по борьбе с экономической преступностью. Вот Женя и отправился к своему знакомому,

классному дядьке, которому меньше года назад помогал «разрулить» проблемы его дальних родственников, которых попытались тупо «кинуть» при продаже машины. Причем помогал совершенно бескорыстно — попинать зарвавшихся жуликов Жеке всегда было за счастье, а пара бутылок хорошего вискаря — это ж даже не благодарность, а так... Вроде молочка за вредность.

К Егору Павловичу он пришел, как каждый уважающий себя мент, вооружившись солидной папкой, где были собраны все «материалы дела». Имелась среди них и фотография девушки. Палыч, будучи мужиком нормальным, не обратить на нее внимания просто не мог. Кстати, о Леше и его истории он был наслышан, как и все сотрудники главка. А потому, узнав, от кого именно исходит просьба о помощи изначально, принялся задавать вопросы о бывшем коллеге: как он, где он да что поделявает. Понятное дело, что процентов на пятьдесят интерес этот был вызван искренним участием, а еще наполовину — извечным милицейским страхом вляпаться в криминал, делая вроде бы доброе дело или просто оказывая кому-то услугу. Мало ли на кого сейчас этот ненормальный опер-стрелок работает? Мало ли зачем девочку ищут? Может, с целью выбить из ее родни долги путем шантажа... Именно поэтому Жене пришлось довольно подробно рассказать о последней встрече с Алексеем, а уж то, что при этом он снабдил то невеликое количество информации о друге, которым обладал сам, собственными домыслами, а заодно кое-что не то чтоб переврал, а присочинил... Тут уж можно сказать только одно — натура есть натура и никуда от нее не денешься...

Так все и сложилось воедино. Увидев в кабинете старого друга фотографию, Егор Павлович вспомнил

о Жене. И тут же в памяти всплыл рассказ об Алексее и инциденте в кафе, который Женька разболтал, не жалея красок. Аналитические способности у Павловича были развиты не хуже памяти, и он чутьем уловил, что это — шанс. Возможно, единственный в данной ситуации. Взяв с друга «честное милицейское» держаться и не умирать, он оставил его на попечение жены, купив вдобавок к лекарствам в ближайшей церкви Молитвослов, а сам помчался в Киев. Набирать телефон Жени он принялся раньше, чем машина сорвалась с места.

Теперь этот человек, употребивший за время рассказа полбутылки коньяку и пакет сока, которым не запивал спиртное, а смачивал пересыхающее горло, сидел перед Алексеем и ждал реакции на услышанное. Не надо было быть великим психологом, чтобы в его взгляде, абсолютно, кстати, трезвом, увидеть неподдельную душевную боль и тревогу за друга. И никуда не девшийся страх того, что его сейчас высмеют или начнут отвечать пустыми фразами вроде: «Ну, вы понимаете, все это, конечно, интересно, но мы же все знаем, что так не бывает...» Вместо этого Алексей просто спросил: «Когда можем выехать?» В реакции отца Михаила, которому он собирался звонить вот прямо сейчас, Леша ни на минуту не сомневался. Жирные карпы и караси, отловом которых он нацелился заняться в ближайшие пару выдавшихся свободными деньков, уже «забив» себе место на ставке у хорошего знакомого и наготовив прорву прикорма и приманок, уплывали далеко-далеко, глумливо пуская крупные пузыри.

Отправиться в Днепр вот прямо сразу, как этого ни жаждал Егор Павлович, не получилось. Выяснилось это сразу, как только они, заскочив к баповцу

домой за так и оставшейся нераспакованной с приезда дорожной сумкой, отправились в Братство. Уже дожидавшийся их после Лешиного звонка отец Михаил быстренько остудил пыл чуть ли не бьющих копытом от желания пуститься вскачь двух ментов — бывшего и ныне действующего. Прежде всего, необходимо было собрать достаточно мощную группу братьев, а не все еще вернулись из «купальских» командировок. Да и бросаться в дорогу вымотанными и невыспавшимися тоже не стоило. Егор Петрович тут же выразил готовность сесть за руль и заявил, что может легко гнать до самого Днепропетровска, а всех «гайцов» — побоку! Однако священник, легко уловив исходящий от потенциального «гонщика» коньячный аромат, мягко заметил, что Господь, конечно, хранит всех, стремящихся к добрым делам, но не до такой же степени. И если в общении с сотрудниками ГАИ служебное удостоверение Палыча, безусловно, поможет, то на святого Петра, шансы на встречу с которым при такой езде увеличиваются резко, оно вряд ли произведет должное впечатление.

Выехали с утра, отдохнув, отоспавшись и нормально позавтракав. В салоне головного джипа, который вел Алексей, кроме него и отца Михаила расположились Егор Павлович и отец Киприан. Этот сухонький старичок, страдавший ужасной близорукостью, был непревзойденным мастером в делах целительства, особенно в тех случаях, когда речь шла именно о колдовской порче. Без его помощи в данном случае было, пожалуй, никак не обойтись. Два других внедорожника, ехавших следом, были битком набиты братьями. Причем отбирали в эту поездку тех, кто имел опыт захватов и штурмов. Исходилили при выборе из того, что дело, скорее всего, придется иметь не столько с нечистью, сколько с самыми обычными бандюками. На сей

счет надоумил Егор Павлович, вспомнивший, помимо всего остального, о том, что «банкирша» Аллочка, по словам его днепропетровского коллеги, выделила своей подруге целый штат охранников. Так что вооружались и экипировались тоже соответственно — Алексей лично видел укладываемые в одну из машин бронежилеты, дробовики и ящики со светошумовыми гранатами.

До места добрались быстро и без происшествий — благо хорошая дорога (ну, хорошая насколько, насколько вообще автомобильная дорога может быть хорошей в этой стране!) позволяла. Первые же новости, полученные по приезду от жены опера по мобильному телефону, были не просто плохими, а очень плохими. Друг Егор Палыча со вчерашнего дня находился в реанимации местного госпиталя, в бессознательном состоянии. Со следователем дело обстояло и того хуже — он вообще исчез неизвестно куда, на службе не появлялся уже два дня, и встревоженные коллеги сбились с ног, разыскивая его своими силами и средствами. При этом они, в силу полной безрезультатности собственных усилий, подумывали уже всерьез о том, чтобы дать делу официальный ход. Выслушав это все, отец Михаил нахмурился, глубоко задумался на несколько минут и объявил: «Со следователем пока все нормально, Но может быть худо. Надо торопиться, можем не успеть. Пока что первым делом — бегом в госпиталь».

Благо, что визиты священнослужителей в местную штаб-квартиру милицейского здравоохранения в последние годы стали делом вполне обычным. В госпиталь их пропустили без особых проблем, не устраивая нередкую в подобных случаях тягомотную нервотрепку с проверкой документов и получением разрешений

«свыше». Определенные проблемы возникли разве что с проникновением в отделение реанимации — ведавшая там пропускным режимом старушка-санитарка оказалась сущим цербером. Однако вид батюшек укротил и ее. Тем временем Егор Павлович связался по телефону с кем-то в столице, этот кто-то умудрился вызвонить местного начальника областной милиции, пошла команда начальнику госпиталя... Короче говоря, был получен полный карт-бланш.

Как следует рассмотреть человека, еле видного в больничной койке за оплетающими его проводами каких-то датчиков и трубками воткнутых в тело капельниц, Алексей не сумел. Но и увиденного вскользь хватило, чтобы в голове всплыла фраза: «Не жилец...» Видом своим болящий и вправду напоминал покойника, а о том, что душа еще не покинула брренное тело, свидетельствовали лишь мигающие огоньки и попискивание стоящей рядом с ним сложной медицинской аппаратуры. Долго разглядывать пациента никому не дали — войдя в палату, батюшки самым категорическим образом выставили в коридор всех, включая дико возмущенный медперсонал. Что там происходило дальше на протяжении почти часа, никому не дано было ни видеть, ни слышать — спасибо прекрасной звукоизоляции палаты. Когда дверь открылась, ломанувшиеся со всех ног внутрь заведующий отделением и еще парочка врачей замерли на пороге соляными столпами, начисто лишившись дара речи. Пациент, сутки пребывавший практически в коме... сидел на постели и улыбался! Улыбка была страдальческой, вымученной, но лицо его уже не было восковой маской трупа, щеки порозовели, а глаза были живыми. Алексей же, в свою очередь, обратил внимание на то, что у святых отцов — и Киприана, и Михаила, бледности на лицах как раз прибавилось, а под глазами залегли

темные тени и глубокие складки. Нелегко им, похоже, далось явленное собравшимся чудо.

— Девоньки, мне б покушать, а? — голос пациента вывел медперсонал из ступора. Сестрички немедленно кинулись искать для пришедшего в себя опера «все-го самого лучшего, но диетического», а врачи попытались было подступиться с осмотрами и обследованиями, но снова были остановлены отцом Михаилом.

— Погодите, уважаемые! Самое страшное пока отступило, но ничего еще не закончено. Вот сейчас он поест, а после мы его заберем отсюда часа на два, потом вернем обратно в палату... Так надо! — голос батюшки резанул вдруг отточенной сталью, а вскинутой рукой он прервал готовых взорваться потоком возражений медиков: — Если все хорошо будет, через пару дней он отсюда вприпрыжку выбежит. А не сделаем нужного — никакие ваши лекарства его не спасут! И не буду я ничего сейчас объяснять — уж не обессудьте. Нет на то времени, каждая минута дорога.

План дальнейших действий был, собственно говоря, проработан еще в дороге. Заключался он в достаточно нехитрой комбинации. Поскольку, исходя из рассказанного Егор Палычем, священники сделали вывод, что колдовское воздействие и на опера, и на следователя производится через как раз те самые злополучные фотографии, которые были сделаны исподтишка. Правда, не исключалось и использование кукол, восковых фигурок и тому подобной магической дряни. Значит, прежде всего, весь этот «реквизит» необходимо было изъять. А для этого как минимум четко узнать, где он в данный момент находится. Каким образом? Да запросто! Визитка Аллочкиного адвоката имелась у опера давным-давно. Звонок, встреча и, как результат, «джентльменская договоренность» —

упомянутые выше предметы в обмен на, скажем, изменение для клиентки меры пресечения на подписку о невыезде. В том, что гнусный адвокатишка «в теме», не сомневался никто. Равно, как и в том, что дамы постараются при этой сделке «кинуть» кавалеров. То есть оставить у себя набор предметов, достаточный для дальнейшего воздействия, если в таковом возникнет надобность. Но в данном случае их намерения уже никакого значения не имели, поскольку приехавшие священники и воины Братства твердо были намерены разобраться непосредственно с источником зла, то есть самой ведьмой. Причем самым радикальным способом...

Открытым оставался вопрос со следователем. Найти его нужно было во что бы то ни стало, и чем скорее, тем лучше. Вот только как? Тут снова выручил опер. Слегка напрягшись, он вспомнил давний, произошедший еще до превращения их жизни в нынешний кошмар, разговор с коллегой. Тогда и прозвучали слова о том, что где-то в эти дни исполняется не суть уж важно сколько именно лет со дня знакомства его и ненаглядной его Наташи — какая-то там круглая дата. Гораздо важнее было то, что следователь рассказывал о премилом семейном обычае, существовавшем у супругов — отмечать эту дату на том самом месте, где и состоялось знакомство. А именно — в уютном парке на берегу Днепра. По мнению опера, шансы обнаружить пропавшего следователя именно там были достаточно велики.

По указанному месту отправились сразу же после встречи с адвокатом. Та, как и ожидалось, прошла в деловом и конструктивном русле. Выслушав предложения опера, высказанные без посторонних ушей — в зале ресторана, названного самим адвока-

том, он, извинившись, улетучился на несколько минут «для согласования», а вернувшись, заявил, что предложенная сделка принимается. Конечно, как первый «жест доброй воли» на пути к «окончательному урегулированию конфликта». Каковым, по мнению адвоката, должно было стать полное снятие всех и всяческих «надуманных обвинений» с его подзащитной. Вещая все это, чувствующий себя победителем проныра раздусился от самодовольства не хуже породистого индюка, а опер, с огромнейшим трудом давя в себе дикое желание свернуть ему шею, не сходя с места, усиленно изображал насмерть запуганного лоха, готового к капитуляции на любых условиях. На том и расстались. Дабы не откладывать дела в долгий ящик, встретиться уговорились этим же вечером в другом ресторане — за городом. И произвести там обмен «интересующих господ милиционеров предметов» на надлежащим образом оформленные казенные бумаги об освобождении Аллочки из СИЗО. После этого обмена в следственный изолятор должен был поступить звонок, в результате которого счастливая жертва тяжкого ментовского произвола немедленно выпорхнула бы на свободу.

На хвост адвокату сразу по выходу его из ресторана плотно сели ребятки из милицейской криминальной разведки, которых этот самовлюбленный кретин, естественно, не заметил, вполне благополучно приведя «хвост» к загородному особняку, где, по предварительным данным, и обреталась Аллочкина подруга. Что и требовалось доказать...

Парк, благодаря прекрасно знающему родной город оперу, отыскиали без труда. Благо был он небольшим и, значит, отыскать в нем нужного человека было задачей для десятка человек вполне посильной. Рассыпавшись по аллеям, братья, получившие подробный

словесный портрет разыскиваемого, включили портативные радиы и периодически обменивались информацией о достигнутых в поиске успехах. Братья кружили по островку зелени в городских джунглях, распугивая жаждавших уединения влюбленных и алкашей, чуть ли не заглядывая в каждый куст и под каждую лавочку. Похвастаться, увы, пока было нечем, но чуть больше чем через полчаса в эфире циркулярно пронеслось: «Нашли!» Те, кому улыбнулась удача, тут же, назвав конкретную точку, затребовали личное присутствие отца Михаила. Стоило Алексею, все это время сопровождавшего священника в вынужденной прогулке, увидеть «пропажу», как он сразу понял, почему...

Вид следователя, обнаружившегося на пеньке, торчащем из обрыва, находящегося уже, собственно, за пределами парковой ограды, был ужасен. И дело было даже не в недельных как минимум небритости, немытости и непричесанности. Глаза его, из которых катились крупные слезы, производили впечатление двух стеклянных шариков, абсолютно ничего не видящих и не выражавших. Последний в своей жизни поцелуй следователь дарил не той, которая была еще так недавно счастьем его жизни, а теперь разбила и сердце, и жизнь, и разум, а верному «макарову». Ствол табельного пистолета был воткнут в рот, а побелевший от напряжения палец лежал на спусковом крючке. Оставалось лишь удивляться и радоваться тому, что последнее, роковое движение еще не сделано. С другой стороны, ждать этого, похоже, было недолго.

В подобной ситуации совершать какие бы то ни было резкие движения и поступки — верх глупости. Нет, если вы, конечно, хотите как раз того, чтобы ваш друг украсил окружающий пейзаж яркой палитрой

алого и пораскинул мозгами в самом прямом смысле, тогда — вперед... Бросайтесь к нему со всех ног, ори-те, что есть мочи: «Ты что, старик, сдурел совсем!?» Решительно требуйте, чтобы он «перестал заниматься херней», а самое надежное — попытайтесь отобрать оружие готовящегося самоубийства. То, что окончание ваших громких и решительных призывов прозвучат уже над трупом, гарантировано практически на сто процентов. Ну, разве что осечка произойдет...

Исходя именно из этих соображений все братья, к этому моменту уже сомкнувшие плотное кольцо вокруг полянки с пеньком, застыли на месте как вкопанные. Застыл и Алексей. По правде говоря, он абсолютно не соображал, что именно сейчас следует делать, поскольку в подобной ситуации оказался впервые в жизни. Раньше в тех случаях, когда он видел перед собой человека с оружием, оно, это самое оружие, как правило, было направлено на него самого. В подобной ситуации все было просто и ясно (как бы дико и парадоксально подобное утверждение ни звучало!). Теперь же ни один из привычных и наработанных алгоритмов действия не подходил. По той простой причине, что человека с оружием надо было не обезвреживать или нейтрализовать, а защищать и спасать. Причем от него же самого.

Хрустнула сухая ветка, прошелестела трава, и мимо Алексея скорым шагом прошествовал отец Михаил. Одной рукой он держал перед собою собственный наперсный крест, другою прямо на ходу осенял крестным знамением сидящего на пне следователя. Тот, сперва как будто и не заметивший идущего к нему священника, вдруг застонал, поднимая к нему бессмысленное лицо. Палец на спусковом крючке задергался, и Алексею нестерпимо захотелось зажмурить глаза... Выстрел тем не менее так и не прозвучал,

а батюшка уже стоял прямо перед следователем. Приложив ему крест ко лбу, отец Михаил начал чеканить слова молитвы, известной каждому верующему:

— Отче наш, иже еси на небесех...

— У-у-у... М-м-м... Э-э-э-а-а...

— Да святится имя твое.. Ну же! Да придет царствие твое... Ну же, ну!

— А-а-а-у-у... Ах-хх! И да пребудет воля твоя, яко на небесах, так и на земле! — следователь, дернувший пистолет изо рта резким движением, порвал себе, похоже, мушкой верхнюю губу. Но брызнувшая кровь не помешала ему повторять за священником слова молитвы — сперва как будто автоматически, а затем и осознанно. Плакать он не прекратил, но муть покидала его глаза с каждым мгновением.

— Вот так! Вот так! Хлеб наш насущный дай нам днесь... Дай-ка сюда пистолет, вот так, молодец... Что замолк? Творим молитву! И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим... Все сюда, помогите ему! А ты молись, молись...

Неизвестно, сколько времени бедолага следователь провел на том месте, где его обнаружили, не меняя, похоже, при этом позы. Сперва, при попытке подняться, он упал на колени, да так и повторял за отцом Михаилом читаемые тем молитвы. Потом дюжие братья подняли его и практически понесли к машине. Видно было, что сейчас ему лучше отправиться по тому же адресу, что и оперу, то есть в госпиталь. Ну, хоть какая-то моральная компенсация эскулапам — умыкнули одного пациента, а возвращают сразу двоих. Правда, одного ненадолго — оперу предстояло еще «приятное» свидание в ресторане.

На этом этапе пришлось разделиться. Одна группа братьев, усиленная отцом Киприаном, отправилась

к следователю домой. Там должна была находиться его супруга, с которой проблем, скорее всего, хлебнуть предстоит достаточно. Большая часть братьев отправилась непосредственно к загородной резиденции ведьмы — занимать позиции, разведывать подходы, короче говоря, готовить штурм. Возглавлял их брат Георгий, тоже, как и отец Михаил, в силу особой важности операции, принимавший в ней личное участие. Сам же глава Братства в данную минуту пребывал в кабинете начальника областного управления милиции.

Импровизированное совещание, предшествовавшее этому визиту, провели прямо в салоне внедорожника. В нем, помимо обоих священников и брата Георгия, участвовали Егор Павлович и не успевший еще отправиться в госпиталь опер. От следователя, который ни говорить, ни передвигаться самостоятельно пока что не мог, толку не было никакого. Допустили к разговору и Алексея — в качестве бывшего сыскаря и по личной инициативе отца Михаила. Главная тема для обсуждения, собственно, была одна: сколько у них времени? По всему выходило, что мало...

— Ведьма такой силы, как та, что мы тут имеем, вмешательство наше почует очень быстро. Думается мне, уже почуяла, — это решил высказаться отец Кириан

— И что она делать будет?

— А это, как говорится, зависит... От того, прежде всего, какую эта злодейка цель перед собой имеет.

— У ведьмы всегда одна цель — людям вредить, дьявола тешить!

— Это всем нам известно, — отец Михаил слегка даже поморщился, — так что давайте без общих фраз. Сейчас нам как раз конкретика нужна.

— Ну, а что может быть нужно от тетки, которая к банку отношение имеет? — это позволил себе подать голос опер, до этого в присутствии священников слегка робевший. — Деньги, деньги и еще раз они же! Вопрос в другом — какие именно суммы и в каком виде эта стерва получить хочет?

— А поконкретнее? Какая разница?

— Да есть разница. Если цель — чемодан с «наличкой», это одно. Но то, с какой методичностью убираются с дороги все компаньоны Аллы, мне лично дает основания предположить, что банк, а скорее всего, и связанные с ним предприятия, хотят «выдоить» досуха. То есть — перекачать все их средства на те или иные счета, откуда вернуть таковые будет уже совсем проблематично. Такие схемы давным-давно известны, наработаны и особого труда их провернуть, при определенных знаниях и связях, труда не составляет. Вот для этого и нужна наша подследственная — на свободе и «чистенькая», с правом финансовой подписи. Я так думаю, что, как только она из СИЗО выскочит, организовано будет собрание оставшихся в живых учредителей, на котором ей как минимум контрольный пакет поднесут на блюдечке с голубой каемочкой. А то и сделают единоличной собственницей бизнеса. Ребята там, конечно, все как один зубастые, своим поступаться не привыкшие, но уж больно аргументы им предъявлены серьезные. Жизнь, она, знаете ли, дороже...

— То есть, вы хотите сказать, что если ведьма все-таки настроена свою партию до победы довести, то ей надо любой ценой Аллу из-за решетки вытаскивать, и пока этого не произойдет, никуда она не денется?

— Ну, как-то так... Ведь обидно же должно быть: сколько народу погребил, сколько сил приложила, а тут, на финише буквально, раз — и полный облом.

Сколько-то она, конечно, бабла уже поимела, но ставка ведь в разы больше! Тут, думаю, не о сотнях и не о тысячах речь идет. Большие «лимоны» на кону.

— Что ж... Раз так, действовать будем следующим образом, — выслушав внимательно борца с экономической преступностью, отец Михаил, похоже, сделал выводы и принял окончательное решение. — Вы сейчас же звоните адвокату и вносите в вашу договоренность коррективы. А именно — нагло и без всяких возражений требуете определенную сумму денег в качестве «компенсации». Мол, подумали, посоветовались с коллегой... Опять же, начальству «занести» надо, а то заартачится. Сумму называйте подъемную, но такую, чтоб сбор ее требовал какого-то времени. Следовательно, и встречу переносите на совсем уже конец дня. По поводу бумаг на освобождение успокойте, заверьте в том, что все уже оформлено и подписано. Получите свое — и Алла на свободе.

— Принял, выполняю. А дальнейшие действия? — сам того не заметив, опер начал общаться со священником, как со своим непосредственным начальником.

— Дальнейшие действия — встреча с адвокатом. Только не по тому сценарию, на который он рассчитывает. Скажите, ведь дача взятки должностному лицу — это тоже преступление?

— Конечно! Статья Уголовного кодекса номер...

— От статей и номеров увольте. Я вам на слово верю. Так вот — в момент передачи адвокатом вам всего затребованного произойдет задержание.

— Чье, простите?

— И его, и ваше. Только вы в этом случае будете участником... Как это у вас называется?

— Оперативной комбинации. Спектакль устроить хотите?

— Вот именно. Уверен, что с момента нашего появления и вмешательства в здешние дела ведьма насто-

рожилась. А, значит, за встречей будет следить — тем или иным способом. Когда все пойдет не так, она начнет нервничать, дергаться, отвлечет свои силы и внимание на происходящее.

— А вы тем временем...

— Угадали. Мы тем временем нанесем ей визит. И если она будет занята чем-то другим, то визит этот пройдет с минимальными жертвами и разрушениями. Хотелось бы верить, во всяком случае...

— Насчет жертв и разрушений вы это буквально? — в разговор решил вмешаться уже Егор Павлович.

— Боюсь, что да. Не хочу и не имею права кого-либо обманывать, утверждая, что все пройдет легко и просто — при любом варианте развития событий. Добавьте к сугубо колдовским возможностям этой особы охрану из отборных головорезов — и сделайте выводы сами. Вы, как я успел понять, человек опытный.

— Тогда все еще сложнее. К генералу идти надо!

— К какому генералу?

— А на местном уровне генерал в милиции может быть только один — начальник областного УВД, — Егор Павлович объяснял подробности, задумчиво почесывая лоб, — если мы, его в известность не поставив, тарарам в городе поднимем, плохо это закончится. Дойдет, не дай бог, до стрельбы, начнут с перепугу соседи 02 наяривать, так нам местные орлы в спину и ударят, не разбираясь особо, кто тут бандит, а кто, уж извините, Божий слуга. Оно в перестрелке не до того бывает, знаете ли, чтоб разбираться...

— Как раз я представьте, знаю! — отец Михаил усмехнулся, хоть и невесело. — И с выводами вашими согласен на все сто. Вот только посвящать во все это начальника милиции... Станет ли слушать? Поверит ли?

— А во все мы посвящать и не будем. Я представляюсь как откомандированный в помощь местным сотрудник столичного управления, попрошу помощи, силовой поддержки. Вот только как вас представить?

— Это я уже возьму на себя, — отец Михаил выудил откуда-то мобильный телефон. Но не тот, которым пользовался обычно, а какую-то другую трубку — как видно, для особых случаев. — Я вас сейчас покину на несколько минут, сделаю один звонок, уж простите, сугубо конфиденциально. А потом можно будет сразу и к генералу вашему ехать...

Начальник областного управления внутренних дел генерал Семенов был мужиком... как бы покрасивше выразиться... а, ладно, не получится красивше... резким и суровым он был до крайности. Не обладая выдающимися способностями паркетных шаркунов к мимикрии и залезанию в определенные укромные места начальственного организма без применения моющих средств, должность свою он выслужил потом и кровью, не щадя ни себя, ни подчиненных. Поднявшись до руководящих высот из самых низов следствия и криминальной милиции, должностей и званий не покупал никогда, а покупавших презирал искренне и от всей души. Как результат — обязанным себя в этой жизни не считал никому, а потому совершенно не стеснялся в выражениях в общении с нижестоящими, а разговаривая со стоящими выше, слова если и выбирал, то тоже не слишком тщательно. Если бы нежно-бежевые обои в генеральском кабинете обладали бы способностью краснеть, то в кабинете Семенова они бы давным-давно стали густо-бордового цвета.

При всем при этом классическим «дуболомом» он не был ни в коем случае. И общаясь с лицом, от

которого не так давно поступил звонок на его служебную «мобилку», вежлив был настолько, насколько вообще умел. Поскольку звонили из того здания, в которое даже первые лица министерства внутренних дел страны являлись исключительно по вызову и с легким холодком, пробегающим меж лопаток. Ибо резиденцию в этом здании имело лицо в стране наипервейшее, так что выйти оттуда любой генерал мог как с прибавлением звезд на погонах, так и вовсе без таковых.

Надо сказать, что как раз в данном случае сдерживать свои эмоции Семенову стоило немалого труда. Ибо просили его не о каком-то «решении вопроса», а о содействии, причем полном и безоговорочном, некоей специальной группе сотрудников некоей специальной же службы! Причем не то что о деятельности, но даже и о существовании этой службы он... генерал!.. Семенов!.. ранее никогда даже и догадывался! При этом ему крайне настоятельно рекомендовали: во-первых, ничему не удивляться, во-вторых — не задавать лишних вопросов, и в-третьих — не пытаться влазить в действия этой самой «спецгруппы» сверх той помощи и содействия, о котором они попросят. Как вам такое?! Любой начальник областной милиции, признается он кому-то в этом или нет, считает себя на «своей земле», подобно капитану подводной лодки, «первым после Бога». (Некоторые — первым «до», но это, уж извините, диагноз...) И тут должен явиться некто, чьи просьбы (а Семенов сильно подозревал, что больше эти просьбы будут похожи на приказы) он должен будет выполнять не раздумывая, мало того — «без лишних вопросов»! Херня какая-то! Несколько подслащало пилюлю то, что к группе прикомандирован какой-то то ли полковник, то ли подполковник из Киева. Может, с его помощью удастся хоть что-то прояснить?

Предупреждение насчет «ничему не удивляться» Семенов вспомнил сразу же, едва гости, о которых его загодя уведомили, переступили порог кабинета. Практически во всех из них наметанный генеральский глаз безошибочно определил «силовики», чью сущность гражданской одеждой не скроешь. Но что среди них делает священник?! Смирнов вполне нормально относился к батюшкам — ну, там, Пасха, яйца посвятить и все такое... Более того, он поддержал идею постройки и открытия часовни прямо на территории областного УВД. Дело хорошее — и погибшим память, и живым поддержка. Но священник в рядах сверхсекретной спецслужбы?! Это уже не лезло, по мнению Семенова, ни в какие ворота. Хотя... Погодите, так ведь по поводу как раз этих самых товарищей, вернее, их визита в госпиталь ему сегодня уже звонили — из министерства! Интересные ребята! Откуда еще поступят «ценные указания» касательно их драгоценных персон? Да вроде выше уже неоткуда. Разве что Сам... Но это вряд ли.

Как оказалось, не так уж все было таинственно и странно. Дело касалось деятельности организованной преступной группировки, прекрасно Семенову известной и взятой местной милицией в активную и успешную разработку. А фактически находящуюся уже в стадии ликвидации. Подчиненных Семенова очень похвалили за высокий профессионализм — что было, безусловно, приятно. Но, оказывается, деятельность преступников уже вышла за пределы вверенной ему области, потому к ее расследованию и подключились столичные коллеги — вот, Егор Павлович, очень приятно, просим любить и жаловать. Мало того! Злокозненные действия местных жуликов с определенного момента стали разрастаться не только, так сказать,

«вширь», но и вглубь! К ним стала причастна некая особа, являющаяся аферисткой, террористкой и вообще криминальной фигурой международного — представьте себе! — масштаба. Вот исключительно поэтому, а также постольку, поскольку нынешним местом своего пребывания эта особа избрала Днепропетровск, для операции по ее немедленному задержанию и прибыли вот эти самые товарищи в черном. Извините, генерал, представлять не будем — сами понимаете, государственная тайна, совершенно секретно и все такое... Кстати, не выручите ли десятком автоматчиков? Лучше — двумя.

Сказанное гостями Семенов, надо сказать, понимал и трактовал достаточно своеобразно. Международные преступники и государственные тайны — это все, конечно, хорошо. Но вот деятельность шайкилейки, засевшей в чертовом банке, сидевшем у него уже не первый год бельмом на глазу, напрягала чрезвычайно. Особенно — в последнее время, когда вокруг этого банка началась прямо-таки череда смертей, зачастую насильственных. Криминальный мир региона, который генерал Семенов надежно держал в ежовых рукавицах, задвигался, задергался и зачавкал в предвкушении передела. Любой же передел в этих «кругах» был чреват «разборками», перестрелками и прочими делами, абсолютно не сулящими ему покоя, а областной милиции — улучшения показателей работы. Будучи, как уже говорилось выше, настоящим ментом, азов работы Семенов не забыл и в генеральском кресле, в том числе и работы агентурной. Имея своих «доверенных лиц», о причастности ко всему происходящему некоей непонятно откуда взявшейся и непонятно кем являющейся бабы, он был осведомлен прекрасно. А потому был готов не то что посо-

действовать, а в ножки поклониться тому, кто избавит его от этого геморроя, позволив разобраться и с Аллочкой, и с остальными членами этой банды. Особенно же Семенова прельстила возможность закрыть Аллочкиного адвоката, с которым он очень близко был знаком с первого года пребывания в своей нынешней должности. Еще бы — только за этот год он лично спускал этого «решалу» с лестницы трижды — вместе с конвертами и пакетами, которые тот пытался всунуть. Нет, все происходящее определенно начинало ему нравиться! Хищно ухмыльнувшись, Семенов надавил кнопку аппарата внутренней связи, вызывая командира спецроты «Беркут».

Валерий Шкитько, заместитель командира местного «Беркута», не любил богачей. И дело было вовсе не в зависти к их деньгам, коттеджам, «меринам» или длинноногим девкам. Пусть подавятся! Дело было в том, что абсолютное большинство богатых людей, с которыми Шкитько доводилось тесно пересекаться — что поделаешь, такова уж специфика службы! — были нуворишами, свои большие деньги не заработавшими, а укравшими, «отжавшими» либо «вымутившими» иными насквозь криминальными способами. А еще они были абсолютно полными, законченными подонками. Безжалостными, беспринципными и вдобавок трусливыми. Исключение для Шкитько составлял разве что один мужик, реально денежный; занимавшийся то ли бензином, то ли чем-то таким. Лет семь назад какая-то совершенно отмороженная шайка малолеток похитила у него дочку, и коммерсант побежал не к бандитам, а к ментам. Не стал расплываться в соплях, истерить, а четко и правильно выполнял все инструкции. В результате вместо купюр с портретами президентов далекой страны,

отморозки получили возможность познакомиться на своих вшивых шкурах со всеми прелестями действия, известного как «силовое задержание». Получилось оно настолько силовым, что произвело неизгладимое впечатление даже на отнюдь не страдающего избытком человеколюбия, особенно в отношении бандитов, Семенова. Прибыв на место, генерал первым делом согнал парочку «беркутов», увлеченно трамбуящих в асфальт горе-киднепперов, с их жертв, которые к тому моменту практически уже полностью погрузились в дорожное покрытие. Потом окинул «поле битвы» орлино-генеральским взором и вслед за невероятно сложной матерной тирадой смущенно молвил: «Не, ну, мужики... чего-то вы перебрали!» Никаких оргвыводов, впрочем, не последовало, а благодарный и восхищенный совершенно искренне профессиональной работой ментов богатей отблагодарил — завалил талонами на горючку, а потом «выкатил» такую «поляну», что от перегара элитных сортов коньяка и виски здание «Беркута» проветривали с месяц. Но это было опять-таки лишь исключение среди общей череды сволочей и гадов.

Абсолютным символом всех тварей-богачей, на котором его к ним ненависть и презрение странным образом персонифицировались, стали для Шкитько... устрицы! Впрочем, имелось тому вполне рациональное объяснение. Одно из задержаний заезжего «авторитета» пришлось проводить в самом роскошном на весь город рыбном ресторане. Мальчики из охраны «авторитета» оказались зоркими, резкими и хорошо вооруженными. В итоге, чтобы не схлопотать пулю практически в упор, Валере не оставалось ничего, кроме как перевернуть стол и рухнуть за него, пытаясь укрыться. Так уж вышло, что сидевшие за столом «клиент» и его собеседники изволили кушать устриц.

Когда Шкитько разглядел и унюхал, во что именно он ляпнулся буквально мордой, ему стало очень плохо. Бравого спецназера, с олимпийским спокойствием взиравшего на развороченные двенадцатым калибром трупешники, но патологически не выносившего запаха любых морепродуктов, вывернуло. В горячке перестрелки сразу внимания никто не обратил, но вот потом подколок хватило надолго. В результате зажавшиеся «крутые» и предмет их пожирания именно тогда слились для Валеры в один яркий и гадкий символ.

Сейчас, сидя за столиком дорогого загородного ресторана и рассматривая очередного «клиента», предназначенного к упаковыванию, Шкитько снова вспомнил мерзких моллюсков. Дело, наверное, было в том, что сидящий за столиком хлыщ был явно далеко не бедным. Костюмчик тянул на годовую зарплату Шкитько, а часы — чуть ли не на денежное содержание за все годы беспорочной службы. И противным этот тип был, как... как устрица. Таким же склизким как минимум. Особых проблем с «приемом» такого слизняка Валера не предвидел, но поскольку имелось опасение насчет замаскированной «группы поддержки», к задержанию привлекли «беркутов». Была у Шкитько и еще одна задача — немедленно по завершению операции отзвониться своему непосредственному начальнику. Чтоб тот немедленно мог начинать свою...

События за столиком явно шли к своему финалу. Улыбки собеседников становились все шире и все фальшивее, жестикуляция все более театральной. Казалось, еще чуть-чуть, и они, вскочив с роскошных стульев с высокими спинками, кинутся обниматься и лобызать друг друга. Наконец, на стол легли два пакета — один, побольше, обшитый чем-то вроде

мешковины, а второй, поменьше, самый обычный, бумажный. Склизкий мужик поднялся и стал расшаркиваться, готовясь откланяться. Его собеседник продолжал сидеть, цедя давно остывший кофе. Он-то прекрасно знал, что сейчас будет...

Есть у сотрудников определенных специфических подразделений различных силовых структур одна крайне неприятная способность — возникать, дыша в затылок, словно бы из ниоткуда. Вот и сейчас — все присутствовавшие в зале могли бы поклясться, что еще ровно секунду назад этих неприметных мужчин, одетых в неброские, скромного покроя костюмы, тут не было. А вот поди ж ты — двое оказались за спиной у адвоката, а третий встал перед опером, не сводя с него немигающих оловянных глаз.

— Гражданин Сидорук?

— Да. Собственно... А по какому, собственно, поводу?

— Вы задержаны по подозрению в совершении преступления, предусмотренного частью третьей статьи...

— Что вы себе позволяете!? Я адвокат! Я неприкосновенное лицо! Я...

— Сядь на задницу, лицо. А то как бы по лицу не получить. Неприкосновенному, — один из «неприметных» оказался не лишен чувства юмора. Достаточно своеобразного, впрочем. Надавив без видимого усилия на плечо адвоката, он, впечатав его в мягкое сиденье стула, развернулся к оперу: — А вы что здесь делаете?

— Как это — что?! Взятку беру! — улыбке, появившейся на оперовском лице при этих словах, могли бы позавидовать звезды Голливуда.

Дальнейшие события понеслись, что называется, вскачь. Начала их, отправной точки, не мог видеть ни-

кто. Нет, ну действительно — кому бы вдруг могло взбрести в голову обращать внимание на рассевшихся по густо окружавшим фасад ресторана деревьям ворон? И даже на самую крупную из них, почему-то взгромоздившуюся на ветку, что качалась прямо перед окном зала, где происходили описываемые выше события и палившуюся на происходящее крайне неприятно осмысленным, как для птицы, взглядом. Вот потому никто и не увидел, как спустя несколько минут после развернувшегося в ресторане представления именно эта ворона снялась с ветки и, оглашая вечерний воздух мерзким карканьем, взяла курс на известный всему городу элитный коттеджный поселок.

Да кому она нужна была, эта ворона, когда в ресторане действие стремительно перерастало из драмы в трагедию? Не успев выдать новую порцию истошных воплей, состоящих из требований предъявить документы, обещаний «этого так не оставить» и угроз уволить без пенсии из органов, каковых неизбежно ожидали присутствовавшие, адвокат вдруг захрипел и кулем свалился на шикарный пол из наборного паркета. Его визави тоже вдруг пошатнулся и стал заваливаться всем телом на стол. С двух сторон к ним тут же снова рванулись люди. Если к адвокату бежал Шкитько, причем с целью рассмотреть, с какой именно стороны прилетела выпущенная неведомым снайпером — не иначе, как из винтовки с суперглушителем, пуля, то к оперу бросился непонятно откуда вообще взявшийся здесь священник.

Никакого снайпера, конечно же, не было. Поскольку отсутствовали на теле и лице адвоката какие-либо пулевые отверстия, как входные, так и выходные. И крови ни на нем самом, ни рядом с ним не было тоже. Это, впрочем, красоты его облику не прибавляло — лицо, шея, в общем, все видимые части хо-

ленного адвокатского тела на глазах приобретали густой синюшный оттенок, местами переходящий уже и в черноту. Вкупе с выпученными до предела глазами, вывалившимся языком и обильной пеной из рта все это, по правде говоря, отбивало желание даже проверять пульс. Тем не менее, поборов себя, Шкитко пульс проверил. С ожидаемым вполне результатом — адвокат был мертвее стула, с которого только что свалился.

Поднявшись с колена, Валера выдал:

— Готов... А синенький какой! Траванулся, видать, бедняга. Вустриц, наверно покушал!

— Какие устрицы?! Что вы несете? Эти господа никаких морепродуктов не заказывали! Они вообще ничего кроме кофе не заказывали! И в нашем ресторане, если хотите знать, отравиться невозможно! — все эти крики издавало существо, внезапно появившееся около столика с покойником в компании двух трясущихся от ужаса официантов. Именно существо — поскольку наряду с мужской одеждой и некоторыми другими половыми признаками сильного пола, сей субъект обладал прямо-таки вызывающе яркими чертами, пронзительно кричащими о его «нетрадиционной ориентации». Этот то ли метрдотель, то ли администратор был явно озабочен не столько видом мертвого тела, сколько возможным ущербом для репутации родного заведения, а потому продолжал верещать без умолку:

— Я требую немедленной экспертизы! Вы должны официально заявить, что наш ресторан непричастен к смерти этого человека! Никакое отравление невозможно — я вам Богом клянусь!

— А ну не погань имени Божьего своим языком гнусным! Сгинь отсюда, содомит! — повернувшись на голос, Валера увидел, что говорит старенький священник, удерживающий за плечо опера. Тот, кстати, уже

не лежал, наваясь на стол, а сидел вполне уверенно, хотя и бледный, как стенка.

Уважение к священникам, которое Валера и так испытывал вполне искренне, в момент возросло многократно. Педиков Шкитько не переваривал больше, чем богачей и устриц, вместе взятых...

— Веселые дела... — Закончив разговор по мобильному, Роман Завара, командир днепропетровского «Беркута» повернулся к стоявшим рядом отцу Михаилу и брату Георгию. — Совсем паршиво в ресторане все вышло. Адвокат ласты склеил, не отходя от кассы. «Бэх», который с ним встречался, тоже чуть не помер, но коллега ваш откачал его как-то. И как это все понимать?

— Значит, следила все-таки, проклятая! — отец Михаил даже не пытался скрывать досаду и раздражение. — Значит, знает уже, что все не по ее пошло. Раз так — ни минуты терять нельзя! Ваши готовы?

— Мои-то готовы. У вас все на месте?

Братья не так давно съехались все, включая группу, отправленную за женой следователя. Там, правда, не обошлось без потерь. Пребывавшая к моменту приезда братьев в состоянии пьяной «отключки» женщина при попытке вывести ее из квартиры, превратилась вдруг во взбешенную фурию и оказала такое отчаянное сопротивление, что двое бойцов были из строя. Одному одержимая то ли порезала чем-то, то ли просто порвала ногтями лицо так, что пришлось накладывать швы, а второму крайне неудачно «прилетело» увесистым цветочным горшком, аж до сотрясения мозга, похоже. Расслабились, недооценили опасность — вот и результат. Впрочем, имевшихся сил для начала штурма должно было хватить вполне.

Отец Михаил окинул взглядом две неровные шеренги бойцов. С одной стороны возвышались живыми башнями упакованные в бронежилеты и каски «сферы» оснащенные ночной оптикой «беркуты». С другой — выглядевшие куда поскромнее, в бронежилетах классом защиты пониже, с непокрытыми головами стояли братья. Разнилось и вооружение — братья ограничились помповыми дробовиками и клинками в поясных или набедренных ножнах, «беркуты» же щеголяли всеми видами смертоносных стволов — от обычных «калашниковых» и «стечкиных» до снайперских винтовок и даже пулемета. Кстати, у пары человек в качестве запасного оружия за спинами висели точно такие же, как и у братьев, «помповики» — штурмовые «Форт-500», компактные и легкие, очень популярные у всех бойцов спецназа. Практически одинаковая черная форма и у тех и у других, крепкие фигуры настоящих мужчин, но главное — лица... Собранные, спокойные и просветленные лица людей, готовых делать мужскую, не очень приятную и чистую, но очень нужную работу. Лица воинов. «Все вы — воины Христовы, все, как один...» — это отец Михаил подумал про себя, а повернувшись к Заваре, сказал:

— Наши все здесь. Начнем, помолясь?

— Помолиться — дело хорошее, — это Завара прогудел, первым стягивая с головы «сферу».

Силовое проникновение на надлежащим образом охраняемый объект — это вам, ребята, не хухры-мухры... А то, что вилла, которую ведьма сделала своей резиденцией, охранялась по всем правилам и даже лучше, никаких сомнений не вызывало. Проведенная предварительно разведка зафиксировала помимо мощного забора в полтора человеческих роста, четверых караульных, непрерывно патрулировавших его

периметр. В расположенном слева от ворот флигеле располагалась группа быстрого реагирования из как минимум трех человек, а вторая «группа поддержки» в не меньшей численности, квартировала на первом этаже дома. Можно было не сомневаться, что как в любом грамотно организованном карауле, имеется еще и отдыхающая смена, поднять которую по тревоге — дело пары минут. Добавляем к этому все самые современные технические «прелести» вроде камер слежения и разнообразных датчиков — и картина вырисовывается более чем невеселая. Для любого, у кого возникнет желание попасть на территорию в качестве незваного гостя. Несколько удивляло полное отсутствие такой детали, как сторожевые песики, — хотя проводившие разведку «беркуты» зафиксировали на заднем дворе помещения, здорово смахивающие на закрытые вольеры. Ну... может, не любят здешние жители собак. Или слишком уж доверяют электронике. Какая по большому счету разница — сильно погоды этот факт не делал. Хотя на проблему, пусть и одну, меньше — это всегда приятно. Гораздо приятнее, впрочем, было отсутствие на верхушке забора «милых украшений» в виде спирали Бруно или иных видов колючей проволоки. То ли вид не захотели портить, то ли, опять же, понадеялись на иные виды защиты и охраны.

Исходя из всего этого, и разработали план действий. В принципе, в наши дни, когда буйные девяностые уже стали историей, в подобных случаях обычно достаточно «вежливо постучать». Ну, в смысле — вежливо постучать в ворота прикладом «калашникова». Увидев маявщихся при входе десяток-другой спецназовцев под полной боевой выкладкой, даже самые горячие головы остужаются резко. Поскольку вариантов в подобной ситуации не так и много. Либо задрать лапки в гору, как того требуют «гости», и дальше уже

надеяться на мастерство адвоката и снисхождение закона, либо... Можешь начать оказывать сопротивление, в ходе которого спецназовцы, которым ты сам же и развязал руки, имеют полнейшее право превратить тебя в предмет кухонной утвари, предназначенный для отбрасывания макарон. Идиотов, стремящихся посоревноваться с «беркутами» или их коллегами из других аналогичных подразделений в скорости и меткости стрельбы, в основном, как уже было сказано, повыбили еще в девяностые. Нынешние ребята, даже крепко не дружащие с законом, с головой все-таки дружат больше, а потому предпочитают не дергаться. Но это — как правило...

Завара не был бы профессионалом, если бы не умел прислушиваться к мнению и советам других профи. Отец же Михаил крепко не советовал даже пытаться решать вопрос «по-хорошему», С его слов получалось, что находящиеся за забором люди могут быть... ну, скажем так, не совсем адекватны. И повести себя вполне могут соответственно — то есть в ответ на «Откройте, милиция!» открыть прицельный огонь. Дурного риска своими людьми Завара не допускал даже в самых, на первый взгляд, простых операциях. А уж в данном случае... Заходить решили сразу «по-плохому» — резко и громко.

Через забор, под аккомпанемент истошных криков: «Бойся!» полетели светозумовые гранаты. Грохнуло и полыхнуло — оглушительно и ослепительно. В то же мгновение, когда вспышки погасли, на ограждение взлетели черные тени, тут же посыпавшиеся вниз. Крик, звуки смачных пинков, пара очередей, выпущенных явно в воздух, для острастки — и первый этап штурма закончился, причем очень удачно — с налета мордами в землю уложили и сидевших во флигеле, и троих из четверых караульных, зачем-то стянувших

ся к воротам. Сами ворота тут же были распахнуты, и во двор стали вбегать все остальные участники начинающегося захвата. Братья, разделившись на две колонны, оббегали массивный особняк справа и слева, с целью проникнуть внутрь через имевшиеся в задней части строения входы для прислуги и хозяйственных надобностей. «Беркуты», сбившись в тесную группу, ломанулись к главному входу.

Вот именно в этот момент Завара убедился в том, насколько правильно он поступил, прислушавшись к предупреждению священника. Монументальные двери особняка с грохотом распахнулись и из них появились не трое, а целых шестеро охранников! Причем, если у двоих из них в руках были дробовики, то остальные четверо на ходу передергивали затворы «калашниковых».

Роман бывал во многих переделках. В те же девятностые, когда задержания зачастую перерастали в самые настоящие бои, пороха он нанюхался предостаточно. Он стрелял, в него стреляли... И не всегда мимо — в обоих причем случаях. Но то, что происходило сейчас! Шесть фигур встали на огромном и вычурном — под стать всему дому крыльце, совершенно не заботясь о том, чтобы занять защищенную стрелковую позицию, хоть как-то укрыться или замаскироваться. Нет — они возвышались, как ростовые мишени в каком-то кошмарном тире! Вот только мишени не стреляют в ответ. Эти же — открыли огонь мгновенно, из всех стволов сразу. Если бы опять-таки не слова священника, из-за которых первый ряд атакующего строя «беркутов» составляли трое бойцов с огромными противовулевыми щитами, потери были бы ужасными. Спасло ситуацию еще и то обстоятельство, что с меткостью у стрелявших, похоже, было не очень. Вместо ведения прицельной стрельбы, они лупили

навскидку, как в дурном кино, поливая противника длинными, на полмагазина очередями, сводящими любую точность огня к нулю.

— Господи! Да они же... Они под контролем! Стре... — отец Михаил не успел закончить слова, как грянул ответный залп. Боевые инстинкты «беркутов» сработали, как надо. И вот они-то как раз целились... Стрелков, трое из которых в этот момент пытались сменить магазины в автоматах, смело со ступеней поломанными куклами. На такой дистанции воспитанники Завары не промахивались даже с закрытыми глазами. Впрочем, к удивлению и ужасу спецназовцев, прошитые не одной и не двумя пулями каждое, тела не застыли там, куда были отброшены силой выстрела. Совершенно не замечая болевого шока и хлещущей из ран крови, охранники пытались встать на ноги, перезаряжать оружие и снова стрелять! Это выглядело настолько нереально, настолько жутко, что со следующими выстрелами спецназовцы промедлили. На целых три секунды... После этого живых на ступенях не осталось.

Алексей всего этого не видел. Вместе с группой из еще троих братьев, он пустился в обход левого крыла особняка. Почему не рванул вместе с остальными в первую же оказавшуюся доступной дверь? Да бог его знает. Просто показалось, что ведет она то ли в какую-то оранжерею, то ли в зимний сад — уж больно много было там стеклянных конструкций, особенно в районе потолка и слишком уж буйной казалась виднеющаяся за панорамными окнами зелень. И что — бродить в этих «джунглях» в поисках прохода дальше в дом, рискуя нарваться на какой-нибудь неприятный сюрприз? Благодарим покорно... Вырвавшиеся вперед братья, похоже, погорячились — о том свидетельство-

вал звук падения чего-то явно тяжелого, перешедший в звон разбитого стекла. А вот Алексей замешкался — и потому грохот автоматных очередей и ружейных выстрелов, ударив по ушам, заставил его пригнуться и, скользнув к стене, занять более защищенную позицию. Кто его знает — вылетит вот сейчас из-за угла какой-нибудь красавец, поливая все вокруг свинцом. И все — кто не спрятался, он не виноват!

Стрельба, вспыхнув огнем, в который щедро плеснули бензина, сперва вроде приблизилась, а потом и вовсе смолкла. Против ожидания, с той стороны, откуда палили, появился не противник, а один из «беркутов». Дело с парнем было плохо — передвигался боец чуть ли не на четвереньках, опираясь при этом на автомат, а правая нога, которую он волок, оставляла за собой густой красный след. Алексей не мешкая рванул к раненому. Тот, не разобрав в первое мгновение, кто перед ним, и попытавшись перехватить автомат для стрельбы, просто свалился, впечатавшись лицом в плитки, которыми был вымощен двор.

— Ах-х-х ты ж...

— Спокойно, брат, свои! Что, цепануло?

— Да прилетела, сука! Может, и рикошет. Эти ж конченные не глядя лупашили!

— Охрана?

— Они, блин... Вывалили из дверей, как зомбаки — и давай валить из всех стволов в белый свет, как в копейку!

— И что там сейчас?

— Да на ноль их помножили пацаны, похоже. Слышишь — тишина, не стреляют уже. Там впереди со щитами шли, так кто успел, укрылись и оттуда уже копоты давали. А мы, что с краю двигались, рассредоточиться пытались — ну, чтоб в куче, как бараны

не ломиться под стволы. Вот я и рассредоточился... Мл-я-я, как больно!

— Перевязочный пакет где?

— Да вот тут, в разгрузочном. Видишь?

— Нашел уже.

Пока длился весь этот содержательный диалог, Алексей дотащил раненого «беркута» к ближайшей стене — благо удобные лямки на совмещенной с «бронником» «разгрузке» позволяли без особых проблем транспортировать немелкую тушку, увешанную железками. Привалив бедолагу спиной к стенке, он, наложив на продырявленную ногу жгут, с помощью индивидуального пакета заканчивал перевязывать рану. Вот и славненько! Сейчас обезболивающего вколем — и можно будет самому дальше двигаться. Тут «беркут», едва не сомлевший от Лешиных манипуляций, вновь подал голос:

— Ну как там? Сильно хреново?

— Я ж не доктор! Сквозное, так что, похоже, кость целая. Значит, скоро снова будешь через заборы сигать. Бога благодари, что артерию не задело.

— Точно не задело? Вон, кровящи сколько!

— Заочно! Разорвало б артерию, ты б еще минут пять назад насмерть истек бы. Так что — поживешь, братишка!

— А если... Ой-е-е-е-е!!!

Вот этого возгласа спецназовца Алексей не понял. Вроде бы именно в эту минуту никаких особо болезненных медицинских манипуляций он над ним не проводил. И чего это у него глаза на лоб повылезли?!

Мысль о том, что самое время ему обернуться, посетила Алексея в ту минуту, когда раненый, очень сосредоточенным взглядом уставившийся куда-то ему за спину, начал судорожно, вслепую шарить рукой рядом с собой — явно в поисках автомата. Ну, обернул-

ся... Бли-и-ин! Да что ж так не везет ему на собачек?! Карма какая-то дурная, что ли?! Додумывал эту мысль Леша, в свою очередь лихорадочно нащупывая дробовик — благо стоял он рядом, прислоненный к стене — только руку протяни.

Собственно, то, что выходило — в количестве то ли пяти, то ли семи особей, из-за дальнего от них угла особняка, собаками назвать было бы уже неправильно. Нет, когда-то это были вполне себе нормальные сторожевые песики, доберманы, кажется. Вот только подселенные в их тела адские сущности изменили внешность до неузнаваемости. Лапы и бока существ вместо шерсти покрывало что-то вроде чешуи, что вкупе с практически полным отсутствием ушей и вытянутыми, заостренными мордами, придавало им сходство скорее с какими-то ящерами, чем с собаками. А еще — они не лаяли. А также не выли, не рычали и вообще не издавали ни звука. Просто шли убивать незваных пришельцев — молча и деловито. Вот каким, оказывается, образом объяснялось отсутствие на территории собак, на которое обратили внимание разведчики. Понятное дело — рядом с этими ни один нормальный пес не стал бы находиться ближе километра. Выпускать же их самих наружу хозяйка не торопилась. Ну, вот пришла нужда — выпустила. Встречайте...

В магазине, расположенном под стволом, — четыре патрона. В патроннике один... Слава богу — все снаряжены «спецзарядом», серебряной картечью. И это — шанс. Вернее, пять шансов. А дальше — все. Перезарядиться вряд ли дадут. Первый раз Алексей выстрелил, заваливаясь на бок. И — сразу же, раз за разом передергивая затвор «помпы», высадил с упора лежа в резко ускорившиеся чешуйчатые тела еще четыре заряда. Промахнуться с такого расстояния да по групповой

цели было бы мудро. Он и не промахнулся — изодранные картечью трупы тварюк устлали двор плотно. Вот только две из них подышать не желали. И если одна, находящаяся к Алексею близко, ползла на перебитых передних лапах, бессильно разевая клыкастую пасть, из которой капали слюни пополам с кровью, то вторая, похоже, сохранила максимум боеспособности. По всей видимости, укрывшись от огня за телами товаров, адская «пси́на» осталась практически невредимой — лишь в паре мест над ее мерзкой шкурой поднимался дымок, указывающий на места попадания единичных картечин. Тварь сделала из происшедшего выводы и сейчас не перла тупо в лоб, а обходила стрелка по дуге, примеряясь, как бы решить дело одним прыжком, после которого останется только разорвать горло лежащему на земле человеку. На это ей нужна была максимум секунда. На перезарядку понадобится минимум три... Алексей, отбросив дробовик, рванул из ножен клинок. «Пси́на» прыгнула...

— Тах-тах-тах! Тах-тах-тах! — «заговоривший» из-за спины автомат работал короткими злыми очередями, не сбивая прицел и не рассеивая пули бесполезным веером. Откуда ж ведущему сейчас по адскому существу огонь «беркуту» было знать, что все попадания, давно превратившие бы обычную собаку в кусок дохлого мяса, для этого противника — лишь вентиляция в шкуре.

Тварь не умерла. Однако и прыжок ей не удался. Все-таки в руках у спецназовца был старый добрый АКМС калибра 7,62, а не 5,45. Ляпнувшись на бок, дьявольское создание впустую лязгнуло челюстями, а в следующее мгновение их пронзил вогнанный ударом снизу серебряный клинок. Дернув в последний раз лапами, чудовище издохло. Алексей, умудрившийся реализовать подаренную ему «беркутом» возможность,

поискал глазами последнего живого врага. Ползущая нечисть, оказывается, ощутимо приблизилась — того и гляди вцепится в ногу. Выругавшись сквозь зубы, Алексей с немаленьким усилием выдернул глубоко засевший клинок и пошел упокаивать неугомонную.

Через пару минут, сидя у стены и оттирая до зеркального блеска изгвазданный кинжал, он едва ли не впервые пожалел об отсутствии где-нибудь в кармане фляжки со спиртным. Как-то очень уж все получилось быстро, жестко и предельно близко к той черте, за которой, как говаривал один его знакомый, заканчивается экстрим и начинается полный звиздец. Мечтать о несбыточном «глоточке» смысла не имело, а чуть позже Леше и вовсе стало стыдно минутной слабости. Тот же брат Георгий предупреждал — будет «накатывать», особенно сначала, пока не привыкнешь. И что в таком случае делать? Ну, точно не бухать. Молиться нужно, вот что! Хотя тут же этот, вон, и так во все глаза смотрит. А пусть себе смотрит! Не срамное творить собрался.

Убрав в ножны разве что только языком не вылизанный сверкающий клинок, Алексей закрыл глаза и принялся читать молитву. Открыв их, сразу же встретился взглядом со спецназовцем. Что интересно, ни насмешки, ни чего-то подобного во взгляде этого молодого, помладше Алексея, парня не было.

— И помогает?

— Еще как!

— Хм... Надо и себе будет... А как молиться-то? Ну... что именно говорить? А то я, если честно, только «Отче наш», а остальное с пятого на десятое. Научишь?

— Да я что? Сам еще недавно такой же был. У вас, я видел, церковь есть, прямо в управе?

— Ну да, часовня, Ходим туда.

— Вот, значит, и священник есть. К нему и подойди, он научит. Рад будет помочь, я так думаю.

— Спасибо, брат. Мне теперь в койке поваляться точно придется, вот и займусь. Просвещаться буду.

— Это правильно. И на ноги, кстати, быстрее встанешь.

— Проверим! Ты — дальше?

— Ну, если тут ты сам справишься, то да.

— Я-то справлюсь, сейчас наших по радиации высвистаю, заберут. А ты как один?

— А я не один! — Алексей, встав на ноги, поудобней перевесил перезаряженный дробовик и кивнул куда-то вверх: — Я никогда не один!

— А-а-а... Ну, то есть понял! — широко улыбнувшись, спецназер отсалютовал Леше вздернутым кулаком правой руки: — Удачи, брат!

— С Богом! — Алексей зашагал к видневшейся дальше за углом двери явно не парадного вида.

Глупо бы было ожидать, что дверь, которой тем более пользовались явно не так уж часто, будет гостеприимно открыта. Так и оказалось. Облом, стоивший Алексею еще нескольких минут. Тратить на вываливание замка заряд серебра было бы полной дурью, поэтому пришлось перезаряжаться на обычный патрон, снаряженный свинцовой пулей двенадцатого калибра. Против такого аргумента личинка замка, вынесенная первым же выстрелом, не устояла, и Алексей вступил сперва в захламленную какой-то рухлядью прихожую, а затем и на лестницу, ведущую наверх. Как он и предполагал, предназначалась она явно не для «чистой публики». Оно и понятно — кто-то же должен был в этих трехэтажных хоромах убирать, делать мелкие ремонты, менять перегоревшие лампочки, в конце концов.

И при этом — не оскорблять своим видом «господ», не мешать им жить своей возвышенной жизнью существ, прислугу и прочую «чернь» вовсе не замечающих.

Поднявшись на этаж выше, Алексей распахнул дверь, выходящую в «покои», и с громадным удовольствием понял, что из «гостей» в доме он далеко не один. Гуляли весело, гуляли хорошо — с истинным спецназовским размахом. Ухо ласкал грохот переворачиваемой мебели и мелодичный звон отправившихся в свой последний полет предметов из стекла и прочих легкобьющихся материалов. Там и сям слышались одиночные выстрелы, а общим звуковым фоном служил отборный мат, на котором отдавались команды, а также комментировались передвижения и действия — как своих боевых товарищей, так и противника. Судя по тарараму, охраны в особняке оказалось куда больше, чем ожидали, и сейчас она оказывала очень даже ожесточенное сопротивление. Похоже, что и братья, с которыми он шел к дому, тоже завязли где-то в этой каше. Раз так — будем действовать в одиночку и по обстоятельствам. Что-то подсказывало Алексею, что основные действующие лица или лицо, с целью близкого знакомства с которым они сюда и явились, в развернувшейся на нижних этажах заварушке личного участия не принимает. Было б по-другому, то картина и выглядела и звучала бы иначе. Раз вместо голосов священников слышна ругань спецназовцев, то дело они имеют с людьми. А главный враг — где-то в другом месте.

По классике жанра вопрос стоял — внизу или вверху? С одной стороны, многие чернокнижники предпочитают обустраивать свои логова как раз в подвалах, а в этой домине подземная часть должна быть — огого. Но то ли чутье, то ли интуиция, подсказывали — не тот случай. Вот просто было нечто, совершенно

неуловимо, на пределе чувствительности *тянувшее* откуда-то сверху, подобно легчайшему сквозняку или запаху. Алексей, притворив дверь, двинулся по лестнице еще выше.

Увы, дверь, выходящая на третий этаж, оказалась заперта. Прикинув на глазок, что прочности в этой изящного вида конструкции, сработанной из какого-то светлого дерева, будет куда поменьше, чем в той, с которой пришлось воевать внизу, Алексей решил от стрельбы пока воздержаться. Лестничная площадка тут имелась крохотная, настоящего разбега взять было негде, но... свой немелкий вес, плюс бронежилет, плюс большое желание... С третьего пинка косяк хрупнул и дверь, визгливо возмущаясь совершенным над ней варварским надругательством, открылась. Перед Алексеем предстала широкая галерея, с правой стороны которой тянулись двери комнат, а левая, ограниченная перилами, обрывалась в пустоту. Такая же точно галерея шла и налево от двери, образуя вместе с первой эдакую перевернутую букву «Г». Обе оконечности «буквы» заканчивались огромными витражными окнами в торце и ведущими на второй этаж лестницами. Что характерно, здесь было тихо и пусто, хотя, по логике вещей, лучшей стрелковой позиции, чтобы поливать огнем прорвавшихся на второй этаж, и придумать было нельзя. Похоже, что держащие сейчас оборону внизу имели четкий приказ — любой ценой не пускать «захватчиков» именно сюда.

Пришли, похоже. Однако куда дальше? Роскошные двери на обеих галереях были совершенно одинаковы. (Нет, Леха, ты серьезно думал, что на одной из них будет табличка: «Кабинет главной ведьмы. Часы приема...»?!). Неизвестно, сколько Алексей простоял бы, высунувшись из взломанной двери черного хода и напоминая пресловутого буриданова осла, как му-

ками выбора, так и выражением физиономии, но этот самый выбор ему облегчили.

Дверь распахнулась в самом конце левой галереи. Из нее вышли двое — женщина и мужчина. Оба одетые в черное, он в строгий костюм, она — в длинное платье, облегающее фигуру, как вторая кожа. Глядя на мужика, Леша поскуჩнел моментально. Лысую, как бильярдный шар, башку «украшали» переломанный явно не единожды нос, сплюснутые в жеванные блины уши и надбровные дуги, достойные питекантропа. Пиджак, похоже, должен был вот-вот лопнуть и разойтись по швам на мощном торсе, даже через ткань бугрившемся перекачанными мышцами. Мало того — с левой стороны пиджак этот очень нехорошо выпирал, выдавая наличие под мышкой достаточно крупного предмета. «Автомат у него там, что ли!?»

Женщина... Хотя убейте, Алексей не смог бы определить ее внешность однозначно. Завораживающей она была? Или отталкивающей? Скорее всего, подошли бы оба определения. Холодная, холеная красота нереально правильных черт лица — и неизгладимо лежащая на этих чертах печать чего-то неимоверно порочного, извращенного и злого. Сколько ей было лет, Алексей не взялся бы угадывать даже, пожалуй, под страхом смерти. И дело даже не в чудесах современной пластики и косметологии. По стройной фигуре можно было дать и лет двадцать, ну а лицо... Вместо лица была маска, но маска странным образом живая, меняющаяся. Глаза... Вот в глаза ей Алексей очень старался не смотреть. Все имеющееся у него чутье прямо-таки криком кричало, что делать этого нельзя ни в коем случае.

Его заметили. Увидели, учуяли — какая разница? Ведьма — а в том, что это была именно она, ни малейших сомнений уже не оставалось — сделала шаг назад

и, обхватив обеими руками голову своего спутника, что-то коротко и быстро прошептала ему в затылок. От раздавшегося немедленно вслед за этим рева, казалось, вздрогнули стены и пошел волнами паркет. Мордоворот ринулся в атаку с боевым кличем предков-питекантропов, от которого мамонты падали на лохматые попы. Самое неприятное, что из-под полы он при этом выдернул совсем не каменный топор. «Твою ж маму — “стечкин”! — это Алексей сокрушался, уже вываливаясь обратно на лестницу черного хода.

«АПС — автоматический пистолет системы Стечкина. Емкость магазина — двадцать патронов. Возможность ведения огня как в одиночном, так и в автоматическом режиме...» — все эти строчки из конспекта по огневой подготовке мелькали сейчас у Алексея перед глазами строками приговора. Что делать? В огневой дуэли через дверь преимущества будут у противника. Дробовик хорош на гораздо меньшей дистанции, чем пистолет-пулемет, зарядов имеет меньше, а перезаряжается гораздо дольше. Высунься он сейчас в коридор, и, скорее всего, количество не предусмотренных изначальным замыслом Создателя дырок в его организме резко возрастет прежде, чем он успеет толком прицелиться. Спускаться вниз, откуда пришел? Не вариант... Во-первых, именно этого и добивается чертова ведьма, а во-вторых, конструкция лестницы такова, что пока он будет отступать вниз, врагу достаточно будет открыть дверь — и расстрелять его сверху, как пустую бутылку, поставленную на забор. Сейчас, стоя слева от двери, он, по крайней мере, прикрыт стеной.

Великие раздумья стратега и тактика были прерваны самым бесцеремонным образом — прилетевшей в морду щепкой. Амбал, не будь дурак, не ломанулся следом, подставляясь под порцию картечи в упор (на

что Леша, пусть совсем чуть-чуть, но все же надеялся), а открыл огонь со вполне безопасного для себя расстояния. Девятимиллиметровые пули, смачно чавкая, входили в довольно хлипкое дверное полотно, которое крушили с пугающей легкостью. Бил лысый не очередями, но с интенсивностью и частотой, достойными отбойного молотка. Алексей, пытавшийся было считать выстрелы, сбился практически сразу, а потому наступившая тишина показалась оглушительной. И длилась она что-то подозрительно долго — перезарядить машинку типа «стечкина» дело вообще-то на пару секунд. Однако новых выстрелов все не было. Подкрадывается, что ли, гад?!

Самое смешное, что удачу в бою Леше принесла как раз его врожденная дурная нетерпеливость. Кто знает, как все сложилось бы, реши он пересидеть и переждать подольше. А так — высунулся из-за двери, не в силах больше мучить себя ожиданием и неизвестностью. И остолбенел от увиденного...

Все-таки с бойцами, которых ведьма брала под практически полный контроль, что-то было недоработано. Возможно, заклинание использовалось какое-то устаревшее, замшелое, пришедшее из тех времен, когда воин, превращенный таким образом в натурального берсеркера, кидался очертя голову в бой, размахивая мечом, или что там у него было. Крошил он при этом в капусту всякого встречного и поперечного, не замечая собственных ран и увечий, пока ему не сносили с плеч буйну голову или не успокаивали каким-то другим, не менее радикальным способом. Но что было хорошо для эпохи секир, мечей и копий, в наши дни повсеместного торжества «огнестрела» работало уже не так. Стрелять-то обмороченные стреляли, но при этом и целились кое-как и расход боекомплекта не рассчитывали. А уж с перезарядкой почему-то

было и вовсе плохо. Выполняемые на одних рефlekсах каждым современным стрелком действия: отсоединить отстрелянный магазин — присоединить полный — дослать патрон в патронник — снова открыть огонь, находящиеся под контролем бойцы выполняли корявее, чем девочки-школьницы на первом уроке начальной военной подготовки. Вот и сейчас лысый амбал с остекленевшими глазами бестолково скреб ногтями по рукояти пистолета, который, встав на затворную задержку, годился разве что для рукопашной. Вот до рукопашной Алексей дело доводить как раз категорически не собирался. Свои возможности он оценивал трезво и понимал, что шансов, даже с клинком в руках, в схватке с этим лосем иметь не будет никаких.

Четыре выстрела слились в один. Каждый раз, нажимая курок, Леша делал шаг вперед, стараясь не видеть алых брызг, разлетающихся по потолку и стене. Последний выстрел, сделанный практически в упор, получился самым удачным. Пуля, которой был снаряжен патрон, прошив человеческое тело, как видно, проломила еще и перила, на которых Лешин противник уже практически висел. Так они и ушли вниз, с грохотом и треском — лысый защитник ведьмы и обрушенная им деревянная конструкция.

Задержался на галерее Алексей буквально на какие-то пару минут — перезарядиться. Теперь он уже точно знал, куда ему нужно, и целеустремленно рванул вперед, прямо... Прямо в стену рыжего ревущего пламени, вдруг выросшую перед ним! Делая шаг в огонь, Леша даже не успел подумать что-то полагающееся для такого момента, типа очень содержательного: «Это конец!» Не успел представить себя живым факелом, слепо мечущимся по галерее и ле-

тящим вниз, следом за поверженным врагом. Ничего он, в общем, не успел — потому что, стоило сделать еще шаг, и пламя исчезло. Лихорадочно осматривая собственные конечности на предмет ожогов, Леша понял — никакого огня и не было. Иллюзия, морок, отвод глаз — излюбленные штучки из ведьминского арсенала. Ну, подожди! Леша решительно шагнул к двери. Вернее, к тому месту, где дверь должна была быть. Ну, то есть была — вот же буквально только что! Нет, он же своими глазами видел! Таа-а-к, спокойно... Опять морочишь, значит? Не мытьем, так катаньем? Шалишь! Что делать в подобных случаях, священники объясняли самым подробным образом. Перекрестившись, Алесей начал читать «Да воскреснет Бог...».

Дверь проявлялась в стене, как фотографии, которые когда-то не выплевывал компьютерный принтер, а делал видимыми на бумаге специальный раствор. Сперва — еле уловимые контуры, потом четкие очертания, на глазах обретавшие объемность, рельефность, глубину. Морок, разогнанный молитвой, пал — и Алексей от всей души впечатал в появившуюся дверь подошву ботинка. Что-то подсказывало ему, что вежливо стучаться в данном случае не стоит. Не оценят...

Большая комната, вся затянутая какими-то темными драпировками. На полу — черные свечи и явно незаконченная пентаграмма, намалеванная то ли кровью, то ли чем-то до ужаса на нее похожим. Там и сям — кипы бумаг, которые, похоже, пытались сортировать и разбирать, явно в жуткой спешке. Распахнутое настежь окно — и за окном шелест широких крыльев, безнадежно удаляющийся от дома. Скользнув спиной по дверному косяку, Алексей уселся прямо на пороге. Что ж, по крайней мере, он очень старался!

— Оп... п... простите! Я... это... попозже зайду! — ломанувшись в кабинет отца Михаила, после того как на стук в двери раздался ответ «Входи!», Алексей застыл на пороге, словно наткнулся на стену. Уж больно непривычным был натюрморт на столе священника, обычно заваленном ворохами как рукописных, так и отпечатанных листов да стопками книг, в основном церковных. Сейчас все это было аккуратно сдвинуто на край, а по большей части переложено на ближайший подоконник. В центре опустевшей столешницы возвышался запотевший графин приличных размеров, весьма затейливой формы и явно старой работы. Судя по тусклому блеску (как этого сосуда, так и присутствовавших тут же объемистых чарок, явно из одного комплекта с ним же), сделана посуда была из серебра. Дополняла картину целая россыпь разнокалиберных тарелок и плошек с луком, соленьями, нарезанным копченым салом, черным хлебом и исходящей ароматным паром горки картошки в мундирах. Судя по всему, сидевшие за столом отец Михаил и брат Георгий едва успели приступить к делу. Ну, разве что по чарке опрокинули. Врываться в такую идиллию неприглашенным — в любом случае верх свинства. А если учесть, что находившихся в комнате Алексей числил своим непосредственным начальством — понятно, почему он врубил немедля «заднюю передачу».

— Да чего уж там! Милости просим к столу. Свои «фронтовые» сто граммов ты заслужил вполне честно. Тем более что я тебя и не поблагодарил-то толком, все недосуг было, — улыбка отца Михаила была совершенно искренней, как и приглашающий жест. Георгий, на которого Алексей тут же скосил взгляд, кивнул

ободряюще и махнул рукой на свободный стул — давай, мол, не чинись, раз приглашают.

— Да за что благодарить, батюшка?! Ведьма ушла ведь... Не успел я, — присаживаясь к столу, Алексей сокрушенно развел руками. К похвалам он, как и любой человек, прошедший школу милицейской системы, где, как правило, высшим поощрением является всего лишь отсутствие начальственной «вздрючки», был непривычен и чувствовал себя теперь вдвойне неловко.

— Ну, уж есть за что, раз говорю! От заслуженной благодарности отказываться — это скромность ложная, показная, а следовательно, грех гордыни. Не умничай, короче, — говоря это, священник извлек откуда-то третью чарку и налил всем присутствующим. — За смелость благодарю, за мастерство воинское. Как раньше бы сказали — за удалы! За это и выпьем...

— Свору нечистую ты пострелял, «беркуту» помог, врагу, можно сказать, в тыл вышел грамотно и раньше всех, — перечисляя все эти заслуги, брат Георгий смачно хрустел соленым огурчиком и состраивал себе нехилый бутерброд, что, впрочем, от разговора его не сильно отвлекало. — Уйти-то ведьма ушла, это факт. Вот только если б ты ее не отвлек, не помешал, если б она обряд, который начала, до конца довести бы сумела, то тогда, боюсь, как раз *мы* оттуда уйти вряд ли сумели бы. Во всяком случае, все...

С этим спорить было сложно. Когда кровавый кавардак в особняке закончился (а прекратились активные боевые действия сразу же после бегства ведьмы, когда вышедшие из-под ее контроля бандюганы стали бросать оружие один быстрее другого), первым делом стали подсчитывать потери. Погибших, слава богу, не

было, а вот раненых хватало. «Огнестрелом» прилетело троим братьям и полдесятку «беркутов». Были раны ножевые, несколько сломанных рук, ну и по мелочи — вроде расквашенных в потасовках носов и покрошенных зубов. Завара, конечно, ругался ругательно, поскольку даже такое количество «трехсотых» для милицейской спецоперации сегодня — дело совершенно ненормальное. Однако могло быть и хуже...

По авторитетному мнению священников, скрупулезно исследовавших весь «рабочий кабинет ведьмы», она намеревалась прибегнуть к своему самому излюбленному приему — обряду призыва демона. По правде говоря, Алексею страшно было и подумать о том, с какой именно сатанинской сущностью им пришлось бы столкнуться. Особенно после сделанного отцом Михаилом достаточно оригинального заявления о том, что «гость», с которым пришлось иметь дело в купальскую ночь, был «шпаной адской» в сравнении с тем, что должно было вылезти из оставшейся так и недочерченной пентаграммы. В одном можно было не сомневаться — свались такое на головы братьев и «беркутов» во время боя, жертв было бы не миновать, особенно среди последних.

Все это командиру спецназа, конечно же, было объяснено — в тихой приватной беседе, состоявшейся между ним и священниками Братства все на том же третьем этаже. Веса словам батюшек добавляли как виденные Заварой собственными глазами одержимые-камикадзе, так и предъявленные ему же для осмотра трупы «собачек» с заднего двора. Полковник проникся окончательно и клятвенно пообещал, что «с него причитается». Больше всего он был рад тому, что все его парни живы, а то, что теперь придется строчить, как он выразился, «туеву хучу рапортов и отписок» по поводу раненых бойцов и горы трупов в начисто, по

сути, разнесенном особняке, причислял к обыденным и привычным неприятностям.

По правде говоря, растолковывая bravому спецназовцу возможные варианты развития событий и открывая глаза на то, с чем ему и его подчиненным пришлось реально столкнуться, святые отцы преследовали и еще одну цель. А именно — развязать руки братьям, усердно собиравшим все, до самого распоследнего листочка бумаги сбежавшей ведьмы. Вслед за ними в заранее приготовленные мешки и сумки отправлялись подчистую и колдовские атрибуты — для последующего изучения и уничтожения. Оставлять такое людям, совершенно не понимающим зловещей сути, которую могли нести в себе даже самые невинные на вид безделушки, было категорически нельзя. Кстати, среди прочего обнаружился и полный «набор», применявшийся для воздействия на следователя и опера. Впрочем, не на них одних.

Если местным милиционерам, ставшим жертвами черного ведьмовства, можно сказать, повезло — самую опасную угрозу от них отвел отец Киприан, и теперь их здоровью и жизни больше ничто не угрожало, то господину адвокату сотрудничество с темными силами обошлось куда как дорого. Как, впрочем, и его клиентке — Аллу, о которой в горячке захвата и боя все как-то забыли, наутро нашли в тюремной камере болтающейся в невесть откуда взявшейся петле. В какой бы спешке ни покидала ведьма ставший вдруг негостеприимным город, ума и практичности не оставлять противнику *такой* источник информации у нее хватило. Больше, к счастью, никто в ту ночь не умер.

Дни после приезда из Днепропетровска выдались для кого-то маетными, а для кого-то, наоборот, праздными. Леша вот, к примеру, осуществил-таки свою

мечту, съездил на рыбалку. Правда, поскольку организовывал сие мероприятие Егор Павлович, считавший себя обязанным «по самое не могу» за спасение друга, до удочек дело дошло день где-то на третий. Но дошло же все-таки! Впрочем, не у всех — Женька, тоже на вполне законных основаниях принимавший в поездке участие, на берегу так и не появился...

Отцу Михаилу же, судя хотя бы по его внешнему виду, уставшему и измотанному до крайности, было не до отдыха. Похоже было на то, что все прошедшие дни он провел за разбором и изучением захваченного архива. И вот как раз сегодня эту работу он явно закончил — раз позволил себе пусть и маленькое, но застолье. Ну оч-ч-ень Алексею было интересно — какие тайны и откровения в этих бумагах отыскиались?

Но пока — выпили по второй. Не чокаясь, молча — по традиции, усвоенной, как оказалось, не только отцом Михаилом, а и Георгием в далекой горной стране, — подняли третью... Интересное дело — не в первый уже раз Алексей убеждался, что выпитое за одним столом со священником, тем более после обязательно читаемой молитвы «пред вкушением», не пьянит, не дает «дури» в голову, а расслабляет и успокаивает. Тем не менее зуд любопытства в нем не унимался. Наверное, это был так явственно написано у Леши прямо на лбу, что отец Михаил, усмехнувшись, пусть и невесело, заговорил на давно ожидаемую тему:

— Еще одно, за что тебя, Алеша, благодарить стоит. За то, что из-за спешки своей ведьма не успела интереснейшие документы уничтожить. И речь о тех бумагах, которые к заклинаниям и заговорам никакого отношения не имеют. На первый взгляд... — отец Михаил привстал со стула и, протянув руку, взял с подоконника тонкую папку. Повернувшись к Алексею, отдал бумаги ему и кивнул приглашаю-

ше: — Знакомься, Алеша, с особой, которая нам уже немало сала за шкуру залила, а еще больше зальет. Тут уж будь уверен.

Развернув папку, Алексей с головой погрузился в изучение ее содержимого. Яркие глянцевые фотографии, рекламный проспект на нескольких языках... И там, и сям, пусть не на переднем плане, пусть в групповых снимках, но все-таки мелькает хорошо запомнившаяся дама из особняка. Вот только что рядом с ней в нескольких случаях делают афро... хрен пойми кто... негры, короче говоря?! И что это за флаг такой знакомый за спинами — звездочки, полосочки? Че за фигня вообще?! Ответ нашелся, когда Алексей, перебрав бумаги до конца, взял в руки нечто, напоминающее заглавный лист из самого обычного личного дела. Лили Кейн, старший координатор благотворительной неправительственной организации «Свобода совести без границ». Вот оно что! Но тогда получается... Алексей поднял голову и взглянул на собеседников с совершенно обдавшим видом.

— Наша ведьма, она что — американка, что ли?!

— И американка тоже. Вообще-то она славянка — может, полячка, может, и украинка. Родовые ниточки этой семейки, еще в позапрошлом веке за океан эмигрировавшей, тянутся откуда-то с Галичины, а там поди разбери, где чья кровь. Во всяком случае, паспорт гражданки Польши на фамилию Кенски у нее имеется. Или имелся — как и дюжина других паспортов с разными гражданствами и иными данными. Есть, кстати, и украинский — Лилией Киянко она по нему значится. Эту информацию я, как ты понимаешь, не из брошенных документов почерпнул, а совсем в другом месте. Но отталкивался от них.

— Паспорта, гражданства разные. Прямо шпионка какая-то...

— Да хуже она, Алеша, чем любая шпионка. Для нас, во всяком случае. А уж если соответствующую терминологию употреблять, а не детские словечки, то она — не одиночный разведчик или даже диверсант, а резидент, засланный для создания тут целой агентурной сети. Чем, она, зараза такая, и занимается — довольно успешно, кстати.

— И кто ж ее заслал — ЦРУ, что ли?! — сарказм в голосе Алексею полностью задавить не удалось, за что он и был удостоен откровенно осуждающего взгляда от отца Михаила.

— Ох, молодое, ох, зелено... Все-то надо свести к простому, к всем известному, да еще и в шутку дурную перевести при этом! А ты вот скажи лучше — много ли ты знаешь о том, кто на самом деле государство, которое мы сейчас попросту Америкой зовем, создавал, кто там реально, не напоказ, правит да заправляет?!

— Ну, судя по тому, как вы спрашиваете, так, наверное, и ничего!

— Правильно. Ни-че-го! И большинство людей так — кушают сказочки об «оплоте демократии и свободы во всем мире», глотают да добавки просят. А правду никто и слушать не хочет, да и опасная она — правда эта... Вот потому знающие ее зачастую и помалкивают. Потому, что либо не поверят им и на смех подымут... Либо поверят, но тогда уж дело может и вовсе худо обернуться. Я тебе, знаешь ли, многое порассказать бы мог, да только не ко времени это сейчас. Ты вот пока одно только обдумай — в те года, когда современные Штаты колонизировались, туда всякий разный народ ехал, и не сливки общества в основном, это-то особо и не скрывается. А вот о том, что в Новый Свет из Старого массово рванули те, по ком на родине костер прямо-таки плакал, и не за выдуманные преступления, а за вполне реальные чернокнижные дела —

о том во все времена предпочитают умалчивать. А уж тем паче о том, каких «знаний» эти переселенцы потом вдобавок поднабрались от местных колдунов-шаманов и от черных рабов из Африки, среди которых и мастера вуду встречались, и на что эти знания употребили впоследствии — об этом тем более никто говорить не хочет.

Или, вот, к примеру, взять то, что одной из самых главных хваленых «американских ценностей», которые всему миру навязываются, пусть даже и через «не могу», является свобода — *абсолютная*, заметь, свобода. А кто у нас главный апологет и провозвестник свободы именно в *таком* понимании? Правильно! Тот, кого нам с тобой поминать не следует, особенно здесь. А ведь придется...

Поскольку сатанизм — явный, ничем не прикрытый и ничем иным, как культом почитания дьявола в чистом виде, даже и не прикидывающийся, является в США одной из *официальных* религий! Почти полсотни лет уже, почитай, как — с семидесятого года. А в восемьдесят седьмом году, когда у нас тут Союз рушили, тогдашний президент Америки, Рейган...

— Это бывший актер который, что ли? Что с нашим Горбачевым чуть ли не в засос целовался?

— Он самый... Да не перебивай ты! Так вот, этот шут гороховый, видишь ли, публично и официально признал очень важную роль именно сатанизма в жизни Америки! Но не просто признал, хотя такие слова из уст президента сами по себе о многом свидетельствуют! На законодательном уровне тогда были запрещены ограничения для сатанистов при приеме на государственную службу, аж вплоть до правительства, и употребление в государственных же документах и прочих бумагах слов и выражений, которые их

нежные, сатанистские чувства оскорбить могут! Тыфу ты, пакость несказанная! Мало того — тогда же, одним, как говорится, пакетом, было еще одно решение принято — о привлечении к консультированию президента Америки и всех правительственных органов страны ведущих американских колдунов, предсказателей и даже... некромантов. Это тебе как?!

— Нехило... И что же, никто из его последователей такую дурь не отменил?

— Отменили? Как же! Держи карман шире! Сегодня, чтоб ты понимал, Америка — флагман и мировой центр сатанизма. Там и в армии соответствующие «капелланы» имеются, и «венчания» и похороны проводятся по их богомерзким обрядам. «Церковь сатаны», «Международная ассоциация ведьм и колдовства», «Зеленый орден», «Церковь последнего суда», «Международная ассоциация люциферистов» — выбирай на любой вкус! И по всему миру оттуда эта зараза расплзается. Тем более что этому чем дальше, тем больше способствуют власть там предрежающие.

В девяносто восьмом году в США приняли интересный такой закон — «О международной свободе вероисповедания». Вот с того самого дня Америка и получила «законное» вроде бы основание лезть со своими «принципами» в любую страну, во внутренние дела любого государства, где, по их непогрешимому американскому мнению, «реализация свободы совести» идет неправильно. То есть — вразрез с их, американским пониманием и толкованием. А оно, видишь ли, таково, что терпимость должна быть ко всем «верованиям» и культам — вплоть до черной магии и сатанизма включительно... Фу-у-ух, умаялся я что-то. Налить надо.

Следующую рюмку выпили под замечательный тост: «За победу разума над маразмом!» Закусив как

следует и немного поуспокоившись, отец Михаил продолжил:

— Да ведь и не только в открытом сатанизме дело. Любые секты и ереси, с которыми они на нашу землю лезут без устали, хотя вроде бы и христианскими себя называют, по сути, все тому же нечистому и почитанию его дорогу мостят. В той же Америке в дьяволопоклонничество люди, особенно молодежь, ударились не в последнюю очередь потому, что они там веру в Христа умудрились извратить до невозможности и в фиглярство превратить. В пляски с гитарами да бубнами в том, что у меня и храмом-то назвать язык не повернется, да в кривляние по телевизору. Это — не Христова вера, а глумление над ней и поругание веры истинной. А нам именно это навязывать и пытаются.

— То есть фонд, в котором эта самая Лили состоит, это...

— Это — вообще отдельная история. Вот после принятия того самого закона, о котором я раньше сказал, такие именно фонды, ассоциации и прочие «неправительственные организации» и стали расти, как грибы поганые после дождичка. Они, мол, белые и пушистые, и ничего-то им не надо, кроме как следить, чтобы нигде никого за его религиозные убеждения не обидели. А на деле...

— На деле — что?

— На самом-то деле подобные конторы как раз и есть наши злейшие враги. Смертельные, Леша, враги истинной веры и тех, кто ее защищает. Мы для них по официальной, так сказать, всем и каждому озвучиваемой версии — мракобесы, клерикалы средневековые, душители свободы и враги прогресса. Ну, а в реальности... Какое, ты думаешь, отношение, может у этой публики быть к тем, кто таким, как они, свободно на души людские охоту вести не дает? К тем, кто веками

им подобных уничтожает и будет со свету сживать, пока мир стоит — только б дотянуться? Так что появления здесь этой каиновой дочки — это не просто объявление войны. Это уже война по полной. И вести ее придется не с одной конкретной чернокнижницей, а с целым их сонмом, причем поддерживаемым, мягко говоря, не самым слабым в мире государством. Поскольку темные эти силы как раз на государственный интерес в конечном итоге работают, на решение геополитических задач.

— Нет, вы мне объясните в таком случае, — то ли на Лешу подействовало все-таки выпитое, то ли все сказанное просто в голове не вмещалось, не укладывалось, вот он, почесав самым, что ни на есть простецким жестом затылок, и поднял на священника глаза, полные прямо-таки младенческой наивности и неведения. — Зачем им сюда ведьм отправлять, если для этого... ну, скажем, другие структуры имеются?

— Хороший вопрос. А ты мне, Леша, на другой ответ — а зачем воевать, деньги и солдат тратить, если можно хитрее поступить, тоньше? Отвратить народ от Бога, душу его осквернить, изгадить, превратить в тупое стадо, ничего кроме скотских вожделений и влечений в жизни знать не желающее? Повернуть все так, чтобы те, кто еще вчера людьми были, от всего отказались, что их людьми делало — от веры, от памяти, от дедов-прадедов своих, которые за эту веру да за эту землю кровь проливали и жизнями жертвовали? Бомбы, ракеты, танки — это все дело десятое. Тех, в ком Святого духа не осталось, в ком душа погибла, можно и голыми руками брать.

— Правильное проведение комплекса дестабилизирующих и деморализующих противника мероприятий есть залог победы в предстоящей операции с максимальной легкостью и быстротой, а также ми-

нимальными потерями в живой силе и технике! — это все, не сбиваясь, на одном дыхании выдал брат Георгий, до этого довольствовавшийся в разговоре ролью молчаливого слушателя.

Леша в результате просто слегка обалдело уставился на говорившего, а отец Михаил, усмехнувшись, взялся за графин.

— Чтой-то, из тебя, Егорушка, генштабы твои поперли? Нахвтался, понимаешь, в своем ГРУ умностей, теперь нас ими стращаешь! Надо налить...

— Ага — я всегда, когда напьюсь, головой о стену бьюсь...

— Чи-и-во?!

— Да так, ничего, батюшка. Старая глупая при-сказка, у некоторых спецназовцев прижившаяся. Это я так — для контраста, чтоб слишком уж умным не казаться. А если честно, то ерничаю не потому, что смешно, а потому, что страшно.

— Вам — страшно?! — Алексей даже и не пытался скрывать собственное изумление

— Да вот представь себе. И не «выкай», бога ради. Не в штабе и не на параде... В поле да в застолье можно без чинов. Да и по возрасту я тебя не так уж и сильно обскакал. Не такой старый, как кажусь... Вот только при этом чутье на неприятности уже успел нажить. И как раз оно мне и подсказывает, что грядет не просто беда, а такая беда, что еще и не видывали. Давным-давно, по крайней мере.

— Нет; ну а действительно — что она такого особенного натворить может, Лили эта?

— Ну, она и сама по себе много чего может — в этом мы уже убедились на собственном опыте, сплошь печальном. Но дело не в этом даже. Мы вот тут с отцом Михаилом. — Георгий кивнул в сторону священника, — попытались проанализировать все последние

события в свете, так сказать, новых данных... И получается, ну, если даже вкратце сказать, что цель ее — создание ведьминских ковенов, на американский, кстати, манер. А это — уже совсем другой уровень.

— Уровень чего?

— Да всего по большому счету. Главное — уровень силы, которую они от своего повелителя и хозяина получить могут. И, как следствие, заклятий, что впоследствии могут сотворить. Ковену сильных ведьм даже большие, или великие, как их кое-кто называет, заклать по плечу.

— А это еще что такое?

— А это, Алеша, — в разговор снова вступил священник, — чернокнижие, от которого по земле может мор пойти, эпидемия заразы, о каких давным-давно уже и слыхивали, разве что в учебниках по истории упоминали. Та же чума, допустим, или что-то аналогичное... Или, к примеру, засуха приключится, ураганы, наводнения или какая-то другая беда, от которой недород и разорение будет. Могут с помощью колдовства такой ступени ведьмы и сущности адские вызвать — вплоть до чуть ли не самых высших, или беснование в народе породить массовое. Много чего могут, одним словом...

— Так вот зачем ей, значит, деньги понадобились — на организационные, так сказать, расходы? — Леша решил проявить смекалку, тоже выдвигая версию. — Хотя нет, не сходится! Если за ней такой вот фонд международный стоит, зачем ей наши банки потрошить? Там наверняка и так денег немерено!

— Мыслишь ты, в общем, правильно, но кое-что упускаешь все-таки. Забываешь, о ком речь идет. Ведьма, колдунья такого уровня — она от своих хозяев вроде как посланница на новые для них земли. И претензию имеет чем-то вроде наместницы на них сделать

ся — во всяком случае, до прибытия других «старших». И, раз так — должна свою состоятельность доказать. А какое для американцев доказательство лучше денег и власти? Да никакого! Вот обустроится на новом месте, найдет поддержку, окрепнет — тогда и помогать ей станут со всем усердием. Вот исходя из этого, мы свои задачи и должны понимать. Нельзя ей позволить с себе подобными объединиться, тем более — нельзя дать возможность новых ведьм наплодить, других обучая. И уж самое важное — не допустить, чтобы хоть один большой обряд был ими проведен.

— Будем снова ее разыскивать?

— Будем, конечно... Тем более что с той поры, как я к этому делу подключил некоторые государственные организации, где у нас друзья и единомышленники имеются, сугубо технических проблем с этим будет меньше. С одной стороны... С другой — нет у меня сомнения в том, что госпожа Кейн после встречи с нами в Днепропетровске... как там у вас, Алеша, в милиции говорят — «на дно ляжет»?

— Ну, что-то типа этого.

— Вот... И отследить ее мы сможем, как и раньше, скорее, не по ее личным перемещениям, а по действиям. И даже, скорее, не ее самой, а ее поганой «команды», которую она теперь создавать будет с еще большим усердием — чтобы лично лишний раз не «светиться».

— И что нам теперь конкретно делать?

— Конкретно? Ну, пока, пожалуй — выпить по крайней, со стола прибрать да спать отправляться. А если серьезно — то, как в старину говорили, бдить зорко. Бдить — и к жестоким схваткам готовиться.

...Конец лета и первая половина осени прошли спокойно. Даже слишком спокойно как-то — после

всех тех событий, что вместили в себя жаркие во всех смыслах прошлые месяцы. Складывалось впечатление, что ведьминские силы, по крайней мере, связанные с заокеанской гостьей, получили от нее четкое и однозначное указание — сидеть тихо, как мыши под метлой, ничем себя не обнаруживая и не «светясь» даже в пустяках. Это-то и беспокоило. Раз притаились, то, значит, готовятся к чему-то, копят силы. Впрочем, кое-чем себя вражья рать проявила — как по команде то тут, то там в разных уголках страны стали вдруг возникать общественные организации со звучными названиями вроде «Украинцы — за свободу совести», «Молодежь Украины — за религиозное обновление», «Украинско-американское общество по поддержке новых религий» и прочие им подобные. Нарисовался даже некий «Союз друзей Гарри Поттера», основатели которого обещали родителям украинских детей погрузить их чад «в волшебный мир Поттерианы», в котором они «в увлекательной форме овладеют знанием английского языка и еще многих вещей, безусловно, полезных для будущей жизни». Звучало так откровенно, что тот же отец Михаил зубами скрежетал, читая о создании этого «союза». Кстати, попытки церкви воспрепятствовать появлению в стране этой гадости и с десятка подобных ей «общественных», «культурно-просветительских» и иных «неправительственных» шараг, нацеленных в первую очередь на детей, подростков и молодежь, были восприняты слепоглухими представителями власти в штыки: «Да пусть играют! Они же дети!»

Параллельно резко оживились всяческие давно знакомые сектанты, еретики и раскольники. Дошло до того, что подняли голову и начали во весь голос вещать некие «неоязычники», от которых самым натуральным сатанизмом несло за версту. Этим тоже

не дали укорота и даже приняли на регистрацию документы для создания «религиозной общины». Дело Лили Кейн и ее хозяев шло вперед полным ходом. Кстати, она сама ни на одном открытии офисов, тренинг-центров и прочих крупных и мелких ячеек упомянутых выше организаций не появилась, как ни надеялись на это братья. Зато всю сверкали на этих мероприятиях, скаля идеальные вставные зубы перед фотоаппаратами и телеоператорами, ее коллеги из «Свободы совести без границ», чьи призывы и посулы были не менее фальшивы, чем их улыбки или имена.

На страну зримо накатывала тьма, а власть, не желая ничего слышать и видеть, резвилась, увлеченно ведя игры по «сближению с Европой». А раз так — то «небывалому расцвету свободы совести» и вовсе препятствовать никак нельзя. Это ведь так по-европейски! Идем в ногу со всем прогрессивным человечеством, утверждаем европейский выбор! То, что от прогресса вполне отчетливо тянет серой, никого не волновало и не тревожило. Вдохнуть этот запах полной грудью братьям довелось достаточно скоро.

— Вот оно! Рупь за сто даю — тут точно должна появиться если не сама Лили, то кто-то из ее ближнего круга! Вот он — наш шанс! Тут мы их и... — Шлепнув на стол кричаще-аляповатый рекламный флаер, Алексей воззрился на отца Михаила, сияя от расправившей его радости. Священник болезненно поморщился — но не от столь явного проявления эмоций, а от элементарной головной боли. Паскудная погода позднего октября, похоже, окончательно доконала здоровье батюшки, основательно подорванное еще в афганских горах. Сейчас он сидел, нахохлившись, в кресле у окна и двумя руками держал исходящую паром кружку

малинового отвара и ежась от явно повышенной температуры. Травить организм таблетками отец Михаил категорически отказывался и другим не советовал.

— Да что ж ты орешь-то так, Алешенька? — голос священника, пусть непривычно слабый, привел «триумфатора» в чувство, и вопли торжества оборвались, как обрезанные, а батюшка продолжил: — Ну, показывай, что нашел, хвались уже, если есть чем.

С некоторых пор в структуре Братства появилось нечто наподобие аналитического центра. Ну, «центр», это, конечно, чересчур громко сказано. Так, паратройка человек, собиравших, обрабатывавших и систематизировавших всю информацию, так или иначе касавшуюся происходящих в стране с момента появления заокеанского «десанта» процессов. Источники задействовались все, какие только можно было использовать — от «закрытой» информации, поступавшей из серьезных государственных структур через отца Михаила и брата Георгия, до рекламной чуши из Интернета, вроде бы совершенно пустой и бесполезной, но тоже имевшей определенный смысл — при вдумчивом рассмотрении под правильным углом. Кстати, именно Георгий и выступил инициатором подобного новшества в работе Братства — дало о себе знать прошлое в виде службы в Главном разведуправлении Генштаба СССР, на которой он, похоже, не только спецназовских ухваток набрался, а еще и приобрел кое-какие полезнейшие знания и навыки иного толка. Алексей с живейшим интересом и огромным рвением включился в эту работу. С чисто технической стороной вопроса — установкой мощных компьютеров со всеми мыслимыми и немыслимыми «прибабасами», их наладкой и «заточкой» под конкретные задачи занимался, по его протекции, все тот же рыжий милицейский

«компьютерный гений», что помогал с восстановлением информации на Машином компе.

Просеивая сквозь тонкое «сито» потоки зачастую вовсе не важных и не связанных между собой, на первый взгляд, сообщений, событий, объявлений и даже трепа с интернет-форумов и блогов, братья-аналитики создавали все более полную и объемную картину зловещей сети, потихоньку, исподволь, опутывающей страну. Увы, после реакции (вернее, ее отсутствия) на несколько справок-меморандумов, составленных аналитиками и переправленными с помощью отца Михаила «куда следует», в Братстве поняли — помощи, по крайней мере, официальной, от «органов» не будет. Делятся время от времени информацией — и на том спасибо. А разбираться с проблемой придется своими силами.

Рекламная бумажка, с которой, как с известной торбой наперевес, принесся к главе Братства Алексей, была выужена как раз из кучи того самого вроде бы непотребного мусора, который с упорством хорошего пылесоса втягивало в себя аналитическое подразделение. Собственно говоря, было это приглашение на... «Самый страшный в Украине Хеллоуин!» Вот так именно — не больше, но и не меньше. Самоуверенности и наглости устроителям «праздника» было не занимать. И можно было бы, конечно, не обратить особенного внимания, поскольку, к превеликому сожалению, в нынешнем году этот «праздник» отмечался куда как широко. Так-то оно так, если б не одно «но» — набранный не самым крупным шрифтом на обороте список тех, кто, собственно, и устраивает упомянутое «действие», Международный фонд «Свобода совести без границ» значился там первым. А дальше — еще несколько его дочерних организаций. Значит, есть

все шансы на встречу как минимум с теми, кто сможет пролить свет на планы, а то и на местонахождения «главной цели». Не захотят!? Ну, тут уж извините, не до нежностей и игры в «права человека». Когда Георгий впервые заговорил о возможности «захвата языка» и применения к таковому, скажем так... активных методов ведения допроса, у Алексея перед глазами встало мертвое лицо девушки из разгромленного демоном дома и ее тоненькая шейка, свернутая под жутким углом. Господь учит проявлять милосердие и прощение к людям — но не к черным колдунам, его давно отринувшим, и людьми-то по большому счету остающимися лишь по внешним признакам. Да и то не всегда...

— Охти, мне тошнешенько! — отец Михаил, с отворачиванием взглянувший на еле ополовиненную кружку, похоже, имел в виду самый прямой смысл сказанного. — Вот ведь ведро уже этой малины выдул, а не попускает. Не встать мне на ноги быстро, как ни крути.

— А вы бы, батюшка, таблеточку, — в принципе Леша прекрасно знал, что примерно услышит в ответ, но почему бы не попытаться?

— Нет, с таблеточкой погожу пока. А вот к врачу точно надо. Кашель замучил совсем — не было б пневмонии, — священник и вправду закашлялся. Видно было, что разговор дается ему с трудом. — Но так или иначе, с вами я туда не поеду. Толку с меня будет — в таком-то состоянии... Отправитесь с отцом Александром. Он, кстати говоря, по ситуациям со всяческими умертвиями ходячими — спец. Ты лучше вот что скажи — по «празднику» этому поганому информацию изучил?

— Тоже мне — праздник! Дурь американская! Сладость-гадость, тыквы-шмыквы... — делясь этими

«познаниями», почерпнутыми, ясное дело, из соответствующих голливудских «шедевров», Леша про себя подумал: «Нет, ну надо же, силен батюшка — говорит еле-еле, а очередной экзамен устроить случая не упустит!»

— Это вместо башки у тебя — тыква! Если сказанное — все, что ты про Хеллоуин узнать удосужился. Врага, Алеша, не стоит презирать, и ни в коем случае недооценивать его нельзя тоже. Врага надо знать — какими бы эти знания иногда мерзкими ни были. Сим победиши...

— Виноват! Дурак! Исправлюсь! — вытянувшись, как говорили в старину, «во фронт» Алексей щелкнул каблуками ботинок и постарался придать лицу вид максимально, как предписывал один из самодержцев, «лихой и придурковатый». Судя по смеху, пусть и прерывавшемуся время от времени кашлем, попытка хоть так поднять настроение больному удалась.

— Ладно уж тебе. Прощу по молодости. Садись и слушай, раз сам не озаботился. Вообще-то само по себе название «Хеллоуин» — христианское. Перекрученное и сжатое именование дня «кануна Всех Святых». Это католики в средние века с язычеством бороться пытались — установили праздник Всех Святых так, чтобы люди перед ним у небесных сил помощи и защиты от всякой нечисти просили, а не перед нею же и преклонялись. Да плохо они, видать, людей своих знали...

Название осталось церковное, а суть все-таки вылезла самая что ни на есть бесовская. На самом деле, действие это нечистое начало берет от кельтов. Вернее от их друидов. Колдуны были страшные, лютые. Нынешние против них — что коты дворовые против львов рыкающих. Назывался тогда этот день то ли Самайн, то ли Самхейн — не скажу точно, не филолог я.

Так звали у них бога мертвых, повелителя смерти и тьмы, душ проклятых и неприкаянных.

— То есть по-нашему это получается...

— Ну да, он самый! Кто Хеллоуин празднует, именно ему и поклоняется — князю тьмы. И все «обычаи» этого «праздника» от той же печки пляшут. Переодевание в мертвецов, ведьм, вампиров и прочую нечисть, надевание на себя личин бесовских — это чтобы сатанинские прихвостни за своего приняли и не обижали. В дома ломиться и подачки выпрашивать, пакостями мелкими угрожая — то же беснование в чистом виде. Так вот люди, бесам уподобляясь, внешне и ухватками, к ним в объятия да к их хозяину и устремляются.

Ты вот про тыкву упомянул... А откуда она вообще взялась, с чего такой обычай? У нее ведь даже название особое есть — «светильник Джека». Ну, и кто он такой был, этот Джек, с чего бы ему «честь» так прославиться? Был он, если верить легенде, пьяницей горьким, да к тому ж еще и скупердям, каких мало. Да и иных грехов на нем водилось, как блох на собаке. Неведомо, каким уж способом, но умудрился он, понимая, что ждут впереди муки вечные и пламя адское, уговорить князя тьмы душу его в ад не забирать. Никогда. А как помер, так оказалось, что деваться ему теперь некуда — небеса не примут, от ада сам отказался. Так и остался в безвременьи да тьме кромешной. Ну, нечистый и пожалел его — выудил из адского костра уголек, да и дал Джеку — вот тебе светоч, тебя достойный! Чтоб ветром тот огонек не задудло, Джек-пьяница и выдолбил из тыквы «светильник». Так и бродит с ним в веках душа черная, никому не нужная. Но суть-то в том, что светильник этот тыквенный — надругательство над Святою лампадою, которую мы, христиане, перед образами Божьими

возжигаем. Да и весь «праздник» этот — не просто язычество, а злобное поругание христианства. Недаром же «церковь» сатанистов все в той же Америке его главным своим праздником считает. Оттого и распространить пытается по всему свету. Православному в нем участвовать — грех величайший. И никогда такого в нашей земле не было — до нынешних дней окаянных...

Умаявшись говорить, отец Михаил откинулся на кресле и снова заглянул в кружку — будто рассчитывая обнаружить там что-то иное, кроме остонадоевшей малиновой «болтушки». Не говоря ни слова, Алексей забрал ее у священника, выплеснул остывшее уже содержимое в имеющийся в углу раковинник, после чего взялся за чайник и банку с тертой малиной.

— Помилосердствуй, Алешенька! Сил больше нет пошло это хлебать! Сделай уж лучше просто чайку — возьми там, в шкафчике, хороший есть! — Отказать в просьбе батюшке было никак невозможно, и Леша принялся заваривать чай по давно подсмотренному у хозяина рецепту, при этом думая о своем. Вернее — формулируя напрашивающийся вопрос.

— Чай будет сейчас. А вы мне пока вот что скажите — как я с ваших же слов понял, в день этот мы можем столкнуться... с чем конкретно? Мертвецы ожившие? Или, там, духи, привидения?

— Да с чем угодно вы можете столкнуться по большому-то счету. День этот, как и купальская ночь, недаром считается колдовским, для всякого зла удачным. Но вот то, что именно в Хеллоуин духи умерших в наш мир стремятся, далеко не праведные и чистые души при том — есть такая особенность. Ну, что всякая иная нечисть активизируется, это тоже факт. Так что, повторяю, ко всему быть готовыми надо.

Плохо другое — большую группу для поездки туда собрать не получится. Поскольку, как и в ночь купальскую, бдить надлежит везде. Да и мало ли... Вдруг это — не более чем приманка, на то и рассчитанная, чтобы мы все силы туда бросили, а враг наш совсем в другом месте себя проявит? Вполне может и так дело обернуться.

— Так что, мне вдвоем с отцом Александром ехать?

— Да ни в коем случае! Вдвоем или втроем вам там вообще делать нечего — разве что головы сложить. Давай исходить все-таки из того, что это не обман, а вправду то место, где мы этих «безграничников» наконец-то прихватить сможем как следует. Так что с десятков братьев точно туда направим. Думается мне, с Георгием во главе. Он, как узнает, точно не удержится.

— А я?!

— Ну, и ты, конечно уж, куда ж без тебя? Ох, и будет душа у меня за вас болеть и маяться, чую. Но что делать — то наша работа, во славу Господа. Иди уж сюда, благословлю на дорожку...

Группа подобралась и вправду неплохая. Возглавил ее, на безальтернативной, так сказать, основе, брат Георгий. Оказались в этой же команде и Лешины товарищи по боевому крещению — братья Олег и Игорь. А также брат Симеон, которого все попросту называли Сеней — уроженец как раз того южного города у теплого моря, куда братьев в этот раз позвала дорога.

Море, правда, было, по времени года, давно уже не теплым, а по улицам города ветер гонял последние, давно скукожившиеся и опавшие листья каштанов, но эти мелочи не уменьшали радости Сени от встречи с родным городом, которая была написана на смуглом его лице аршинными буквами.

— Ох, моя ж ты жемчужина у моря! Как же ж я по тебе скучал! — странное дело, но оказавшись на родной земле, Сеня даже заговорил совсем по-другому. Наверное, сказывался особенный местный воздух.

Стояло раннее — по крайней мере, для этой поры, утро. Обе машины, на которых братья прибыли в город, без проблем припарковались напротив здания областной милиции. Из поездки в Днепропетровск были сделаны выводы, едва ли не главным из которых стало новое правило — при проведении операций в крупных городах, особенно областных центрах, ставить в известность местную милицию *до* того, как придется объясняться на темы «откуда тут взялись трупы» или «почему это сгорело». Учитывая резко обострившуюся ситуацию, да и то, что действовать придется во время, говоря милицейским жаргоном, «массового мероприятия», здесь, в Одессе, такие меры подстраховки были просто необходимы. Мало ли как оно обернется...

Георгий, как старший группы, пошел в местную «управу» представляться к указанному отцом Михаилом «контактному лицу», а Леша, замученный долгой дорогой, пусть и в относительно комфортном джипе, вышел на улицу — размять ноги. При этом он, не рассчитав силы, излишне резко захлопнул дверцу машины. Как оказалось, это была его большая ошибка...

Не успел он сделать и пары шагов, с наклонами и поворотами корпуса разгоняя застоявшуюся кровь, как буквально у него под носом, на первом этаже дома, перед которым они имели неосторожность припарковаться, распахнулось окно. Оттуда высунулась заспанная физиономия тетки неопределенного возраста, голову которой венчала, наподобие короны, сложная конструкция из блестящих алюминиевых бигудей, а необъятный бюст с трудом сдерживала застиранная кружевная «ночнушка»

— И шо ты мне тут хлопаешь?! — вопрос был предельно конкретен, и Алексей, смутившись, уже начал подбирать слова для извинения. Впрочем, через секунду он понял, что его «простите!» тут вряд ли кого-то удовлетворит. Тетка, даже не дожидаясь реакции, разразилась продолжением монолога:

— Ну, вы скажите — чего надо было приехать ни свет ни заря под окна к приличной женщине и таки именно тут хлопать? Или ты, наверно, приехал у милицию? Так иди туда и там хлопай им дверями, сколько захочешь! Они там все равно ни черта не делают, таки им можно хлопать! А мне — не надо! Нет, он еще и отворачивается! Вы посмотрите на него — с виду такой ничего себе молодой человек, а как себя ведет! Что ты отворачиваешь свою нахальную морду лица? Слушай сюда, я тебе еще не все сказала!

Поняв, что этот поток не закончится, похоже, никогда, Леша принял, как ему показалось, единственно правильное решение — прошел вдоль дома приличное расстояние, выйдя вроде бы из пределов досягаемости мощных голосовых связок тетки. Ну, не будет же она, в самом деле, орать в такую рань на всю улицу, да еще и перед зданием милиции?! Она и не стала...

Полминуты не прошло, как напротив занятого им, казалось бы, безопасного места снова распахнулось окно и раздался тот же голос:

— Нет, ну вы подумайте! Мало того шо этот изверг хлопает тут у mine под окнами, так он еще и заставляет бедную женщину скакать из комнаты в комнату, как та белочка! Я тебе шо — похожа на белочку? Таки не похожа! И я тебе еще не все рассказала за твое поведение!

Леша моментально представил себе пушистое рыжее создание таких габаритов и с подобным голосом —

и содрогнулся от ужаса. Дуб столетний ее выдержал бы разве что? Похоже, что его решение о малодушном бегстве было неправильным. Оставалось одно — прятаться в машине. Может, тогда отстанет?

Нырнув в теплое нутро внедорожника, Алексей максимально съежился и постарался стать незаметным. С улицы продолжало раздаваться приглушенное: «И вы таки посмотрите на этого молодого хулигана!» Благо Георгий ждать себя не заставил. Никакой помощи у местных они на сей раз не просили, обозначили свое присутствие — и порядок. С приходом старшего резко оживился Сеня, до этого возившийся с заведенным в ноутбук навигатором и бумажной картой города.

— Вы знаете, а мы, кажется, имеем больших проблем! — сказанное было обращено к Георгию, — И очень может быть, что весь наш любимый город — тоже!

— Ты о чем вообще? — Георгий смысл темпераментной тирады не уловил.

— Я? Я за то, где место этой чудесной вечеринки расположено. Потому, шо если никто не ошибся в адресе, так это, извините, полная задница!

— В смысле — далеко?

— Нет, таки в смысле шо там было раньше!

Со слов Сени ситуация получалась и вправду паршивая. Как следовало из рекламной бумажки, «Самый страшный в Украине Хеллоуин» должен был проходить в помещении «готовящегося к открытию торгово-развлекательного центра» с каким-то птичьим названием — то ли «Какаду», то ли «Марабу», то ли еще как-то так. Очевидно, по замыслу хозяев «центра», данная акция должна была служить ему бешеной рекламой, особенно среди молодежи.

Оно было бы точно нелишним — поскольку расположен сей «очаг культуры» был, мягко говоря, далеко не в центре города. Скорее — на дальних выселках. Когда-то на этом месте стояло некое промышленное предприятие, неважно, что выпускавшее. С наступлением дурных «перестроечных» времен предприятие, естественно, разорилось, а вскоре и развалилось окончательно. Ушлые местные жители, растащив в меру своих, как оказалось, далеко не скромных сил с заброшенной территории все, что можно было хоть каким-то боком приспособить в хозяйстве, а на худой конец хотя бы сдать в пункты по приему металла или иного вторсырья, главный заводской корпус так и не осилили. Уж больно был велик. Нынешние его хозяева взялись превращать огромное помещение в ТРЦ несколько лет назад, но со временем «забуксовали». Проводить переоборудование здания по всем правилам строительной, пожарной и прочих безопасностей — нема дурных. *Такие* вложения «отобьются» ох как нескоро, а удешевлять стоимость строительства, экономя на материалах, возводя здания, только внешне кажущиеся прочными и надежными, у нас только ленивый не умеет. Но тут возникла другая проблемка — никак не удавалось собрать необходимые суммы на взятки представителям всех без исключения проверяющих и контролирующих органов и организаций, которые и должны были подмахнуть акт о введении центра в эксплуатацию. Как видно, проведение «праздника» в кое-как отделанном внутри, стоящим с непокрытой по большей части крышей и облепленными там и сям строительными лесами стенами «сарая» и должно было поправить материальное положение ушлых деляг настолько, чтобы они осилили этот последний рывок на пути к «запуску» своего нового бизнеса.

По большому счету все эти подробности, которые Сеня раскопал, подняв ранним телефонным звонком кого-то из земляков, были делом третьим. Основная проблема заключалась совсем в другом. Сеня был не просто патриотом своего города, а еще и неплохим знатоком его истории. Смутные подозрения возникли у него сразу же, как только был озвучен адрес недостроенного центра. Их проверку он в долгий ящик откладывать не стал. Зайдя прямо с ноутбука в Интернет и пошерстив минут десять соответствующие форумы, без особых проблем «нарыл» трехверстовую карту местности середины девятнадцатого века, прекрасно знакомую каждому любителю блуждания по полям и селам с металлоискателем. Результат пусть примерного, «на глазок», сравнения с картой современной подтвердил худшие опасения. Бывший завод, а ныне без пяти минут торгово-развлекательный центр располагался точнехонько на территории, где лет двести-триста назад было местное кладбище...

— И шо вы хотите от этих идиетов?! Я понимаю — во времена дедушки Ленина за такие мелочи, как кладбище, никто не заморачивался. Партия сказала строить — и они бегом строили. Но сейчас! Устраивать бутики и клубы с танцами-шманцами и разными боулингами на месте кладбища — это надо иметь очень много ума. Наверное, это таки какие-то приезжие!

— Да какая разница — приезжие, местные... Расхлебывать все равно нам придется, — брат Георгий враз помрачнел от услышанного. Было от чего...

— Так я за шо и говорю!

— Ладно, как ни крути, а надо выдвигаться на место. Там и определимся. И, кстати, что это за рев обиженной бегемотихи снаружи?

— Старшой, долго объяснять, поехали! — Алексей соорудил самое страдальческое выражение на лице, чтобы убедить Георгия «отчалить» побыстрее и без детальных объяснений случившегося. Но тут встрял Сеня:

— А чем недовольна эта мадам? Может, выйти и сказать ей пару слов за жизнь?

— Ой! И оно тебе надо? — эти слова вырвались у Георгия, похоже, абсолютно машинально. Оценив сказанное самим собой, он на секунду замолк и нормальным тоном скомандовал: — Едем отсюда! Похоже, это заразное...

Сумасшедший бардак, царящий на много сотен метров вокруг крупного «недостроя» — это просто мечта. Конечно, исключительно в том случае, если вы собрались именно здесь и сейчас проводить тайную операцию под носом у целой кучи болванов, которым знать ничего о происходящем совершенно не положено. И при этом не боитесь изгваздать до полной неотстирываемости, а то и порвать в клочья одежду, а заодно готовы переломать себе ноги и получить иные телесные повреждения, как минимум в виде ссадин, ушибов и синяков на всех чувствительных частях организма. В этом смысле местность, окружавшая недостроенное «Мамаду», как его немедленно обозвал Сеня, целям братьев соответствовала как нельзя лучше.

Входов-выходов в огромных размеров здании обогшедшие его несколько раз по кругу на безопасном расстоянии братья насчитали шесть. Два больших, расположенные с обеих торцов строения, служили когда-то, как видно, грузовыми воротами, через которые внутрь можно было загнать даже железнодорожный состав. Во всяком случае, остаточные признаки подъезд-

ных рельсовых путей, давно растащенных, имелись. Остальные двери были размеров куда меньших — там и сям в боковых стенах. Через них проникать внутрь не стали, поскольку налицо были явственные признаки присутствия в здании людей. Скорее всего, это копошились самые обычные работяги, озабоченные доставкой и установкой всего необходимого для «празднования» — ибо в нашей стране все делается исключительно в последний момент и через... Сами знаете, какое место. Но и перед ними «светиться» тоже не стоило — если хоть слово о присутствии тут незапланированных гостей просочится к организаторам, весь план наверняка пойдет прахом. Проблему рекогносцировки внутреннего пространства решили по-другому. Брат Георгий, прихватив с собой еще пару бойцов, имевших, как и он, альпинистские навыки, забрался на крышу, не забыв прихватить с собой портативную видеокамеру. Отснятый таким образом материал он по возвращении продемонстрировал на ноутбуке, собрав для ознакомления всю группу.

Снять «кино» удалось без особых проблем — крышей верхняя поверхность здания была разве что по названию. Нормальным покрытием она могла похвастаться разве что на четверть площади — с дальнего торца. Там, очевидно, по замыслу хозяев, должны были располагаться всяческие рабочие, технологические и подсобные помещения комплекса. Другая часть — ближе к противоположному, «парадному» входу была оформлена с претензией на помпезность — ее покрывали огромные пирамиды из стекла. Очевидно, в планах было оформление в таком стиле всей крыши — да не хватило силенок. Поэтому основную площадь там сегодня занимало покрытие выполненное, по словам Георгия, из какой-то «хлипкой гадости, которая под ногами ходуном ходит». Более того, центр

крыши, с поправкой на погодные условия текущего времени года, был выстелен полиэтиленом, уже изрядно просевшим под весом целого озера скопившейся за последние пару месяцев дождевой воды. Ну, спасибо архитектурным изыскам из стекла — через них «внутреннее убранство» предстало перед братьями как на ладони и было старательно зафиксировано на камеру, правда, после продолжительной возни со смыванием со стекла толстого слоя грязи...

Пространство комплекса, как того и следовало ожидать от бывших цехов, представляло собой здоровенную площадь, лишь кое-где по краям уже разбитую на узкие ячейки перегородками и «стенами», выполненными, на глаз, из чего-то вроде деревостружечных плит или гипсокартона. Где-то на уровне середины высоты здания вдоль стен тянулись галереи, в некоторых местах расширенные уже явно в наши дни. Наверняка, по замыслу строителей, со временем таким образом должен был возникнуть второй ярус, с пространством, достаточным как минимум для размещения киосков и мелких лавочек. Пока же это был невообразимый хаос, состоящий из завалов кое-как складированных стройматериалов, непонятных конструкций и самого обыкновенного мусора. Впрочем, «действие» явно должно было разворачиваться на уровне нижнем. Уж над его-то обустройством и декорированием в соответствии с сутью готовящегося шоу потрудились на славу.

По всей протяженности большущего зала вдоль стен висели гирлянды из гнусно скалящихся тыква-светильников. Вообще «джеки» были натканы где только можно и даже там, куда их, на первый взгляд, засунуть или подвесить было бы крайне затруднительно. И как шеи не посворачивали, бедолаги, такое бы усердие — да в мирных целях! Тыквенные рожи,

конечно, были далеко не единственным и не главным «украшением» интерьера. Там и сям вдоль стен и в проходах торчали крайне отвратительного и зловещего вида пугала, а также манекены, выряженные зомби, вампирами, ведьмами, просто мертвяками и прочей потусторонней мерзостью, живо напомнившие Алексею виденные в детском и подростковом возрасте дешевые чучела из «комнат ужаса» чешских и прочих «Луна-парков». Здесь были разве что выполнены поискуснее и затасканы поменьше. Крайне гармонично дополняли картину расставленные повсеместно атрибуты и орудия казней — виселицы, плахи и даже гильотина. Вот интересно — макет или все-таки действующий образец? Кое-где виднелись исключительно неприятного вида конструкции, ни для чего, кроме самых изощренных пыток, не могущие быть предназначенными по определению. Навевали они отчетливые ассоциации то ли с испанской инквизицией, то ли с подвалами фашистского гестапо. Дополнением служили свисающие местами со стен и колонн веревки-петли и кандалы-цепи. В общем — воплощенные в жизнь фантазии садо-мазохиста с мистическим уклоном...

В центре зала имелось возвышение, крайне не понравившееся всем присутствовавшим при просмотре. Уж больно напоминало оно описания то ли сатанистского «алтаря», то ли места для ритуальных жертвоприношений. Хотя, судя по наличию на возвышении парочки подключенных к какой-то аппаратуре микрофонов, кто-то собирался оттуда вещать. Ну уж точно не нести собравшимся «разумное, доброе, вечное».

План действий составили на ходу. Группу было решено разделить ровно пополам. Пять человек, как только стемнеет, проберутся на верхние галереи и будут оттуда вести наблюдение за происходящим

внутри, выжидая момента для перехода к активным действиям — буде таковые понадобятся и вообще станут возможными. Основную из «внутренних» групп составили Георгий с Алексеем, усиленные отцом Александром. В качестве «группы прикрытия», которой предстояло расположиться на галерее противоположной, выступали братья Олег и Игорь.

Остальным пятерым братьям предстояло нести службу на «внешнем периметре». Главной их задачей в случае развития ситуации по плохому сценарию была помощь собравшимся в эвакуации из ТРЦ. Либо... наоборот — полное его блокирование извне при сценарии совсем уж плохом. Металлических и деревянных брусьев, пригодных для того, чтобы подпереть ворота и двери, по округе валялось в избытке, вот их и приготовили загодя, снеся в нужные места. Имелись на вовсе поганый случай и средства посерьезнее — святая вода, кресты, которые можно было укрепить на воротах, и специальные листки с запретительными молитвами, подобные тем, которые священники используют при освящении жилищ. Такие реликвии для не шибко серьезной нечисти создавали барьер, практически непреодолимый.

Темнело... Ранние сумерки вот-вот должны были превратиться в глухую осеннюю ночь. Желающие пощекотать себе нервы бесовщинкой вот уже несколько часов подряд стягивались к ТРЦ. Площадка перед зданием, кое-как очищенная от последствий строительных работ уже практически полностью заполнилась машинами, среди которых немало было весьма даже недешевых. Хотя основную часть прибывших составляли все-таки подростки. Судя по развязным выкрикам, в основном — матерным, подчеркнуто громкому смеху и вихляющейся походочке кое-кого из тех, кого

успел рассмотреть со своей скрытой позиции Алексей, многие из любителей Хеллоуина уже успели крепко «подзаправиться» не только пивком, а и чем покрепче. Откуда-то сбоку ветер донес вполне отчетливый приторный запах «травки». Н-да, похоже, веселья будет — хоть отбавляй...

— Седьмой — циркулярно! Похоже, главные прибыли. Разгружаются из двух «Сабербанов» и «Эскалейда» у задних ворот. ВИПов — человек пять, с ними охрана вдвое большим поголовьем. Доклад закончил, — это ожила закрепленная на «разгрузке» рация. Ну, что, дождались?!

— Принято, седьмой! Первый доклад подтверждает, — в динамиках радиостанций раздался голос Георгия. — Наблюдение продолжаем, себя не обнаруживаем

— Принял! Конец связи.

Джеймс Морт, посвященный «церкви сатаны» пятого уровня и региональный координатор международного фонда «Свобода совести без границ» хотел в данную минуту трех вещей — кокаина, трахнуть девочку, а лучше мальчика лет десяти, и самое главное — свалить побыстрее из этой долбаной страны. Еще год назад он входил в состав совета директоров фонда и знать не знал, где на долбаной карте долбаного мира расположена эта Украина. Проводить время он предпочитал в странах с гораздо более теплым климатом и намного более лояльным законодательством. Особенно нравились ему некоторые слаборазвитые страны Латинской Америки, где за пару сотен долларов можно было очень быстро получить все, необходимое для счастья — объемистый пакет белого порошка и дрожащее детское тельце, от которого после ночи «забав» оставались, как правило, лишь кровавые

ошметки. Найти тех, кто позаботится об «уборке» всего за несколько мятых зеленых купюр, там было тоже несложно...

Он прожил долгую жизнь — невероятно долгую, по людским меркам. Полицейские из паспортного контроля очень сильно удивились бы, если бы увидели в предъявляемых документах истинный год его рождения. Темная сила, вливаемая в дряхлеющее тело на «черных мессах» и иных обрядах, увидев которые большинство обычных людей сорвали бы голосовые связки от крика, поддерживала жизнь и даже не давала угаснуть желаниям — грязным и скотским. Правда, сам Морт уже не смог бы с уверенностью сказать, насколько этим телом управляет он сам, а насколько — многочисленные раз за разом подселяющиеся в него бесы и демоны. Зло переполняло его, подтачивая и сжигая изнутри, и скоро уже никакие ритуалы не смогут удержать давно отданную аду душу в ее разваливающейся от старости и разврата оболочке. Потому он и стремился, пока еще мог, брать от жизни, как учил черный «хозяин», все. Естественно — все самое низменное, извращенное и кровавое.

И понесло же его в эту долбаную Азию! Стоило наслушаться рассказней этого старого идиота Мак-Кинли, всюю расхваливавшего прелести малолетних азиаточек и местные «препараты», дарящие совершенно новые ощущения... Вот не стоило изменять приобретенным за столь долгие годы привычкам! Синтетическая наркота оказалась гораздо коварнее «кокса» и снесла гнилые мозги настолько, что господин Морт поперся в международном аэропорту на контроль с сумкой, в которой пытался провезти «сувениры», прихваченные на память о приятном отдыхе. И ладно бы это были только наркотики — гораздо большего труда стоили примчавшимся на место разразившегося

скандала представителям посольства США объяснения того факта, откуда в багаже респектабельного седовласого джентльмена взялись части расчлененных человеческих тел...

«Досадное недоразумение», как называл случившееся сам Джеймс, конечно, замяли. Не было не то что суда или ареста, а даже выдвижения обвинений. Паспорт с магическим словом из трех букв (USA) и, главное, толстые пачки купюр той же национальной принадлежности свою роль сыграли безотказно. Однако случившееся сбросило его с темного «олимпа» и моментально перевело в разряд старых маразматиков, неудачников, не умеющих обтяпывать свои делишки так, чтобы об этом не знал никто из непосвященных. Итогом падения стала «ссылка» в эту долбаную страну, да еще под начало к долбаной стерве Кейн.

Какой пыткой было общение с местными аборигенами — тупыми, жадными, заискивающе заглядывавшими в глаза и готовыми на любые унижения, лишь бы им в очередной раз подкинули «зелененьких»! Все, с кем здесь Джеку доводилось общаться, мнили себя великими революционерами, «провозвестниками новой эры» и борцами за свободу. Жалкие насекомые, недостойные быть даже пылью не то что под стальными копытами Темного повелителя, а под ногами таких его верных слуг и адептов, как Джеймс Морт! Твари, готовые не только продать, а и разрушить до основания собственную страну ради горстки долларов!

А секс? «Для удовольствия» ему предлагали каких-то двадцатилетних старух, не способных возбудить его дряхлое тело даже после лошадиной дозы «взбадривающего»! Нормально «оттянуться» удалось лишь один раз за все время, да и то, заплатив совершенно сумасшедшие деньги, и с детьми, которые

были, похоже, из какого-то интерната для умственно отсталых. Да и развлечение вышло далеко не полным — дети остались живыми и целыми. Ну, почти целыми...

С кокаином тоже, кстати, были проблемы. В этой варварской стране достать его было не так-то просто. Мало того, «кураторша» Лили строжайше запрещала «расслабляться» во время работы. И приходилось терпеть, мучаясь так, что выть хотелось! Впрочем, в этом чудном городе, куда они приехали вчера, «порошком» удалось-таки разжиться. И пошла эта Лили в задницу! Сдерживать себя у Джеймса больше не было сил — особенно учитывая то, что придется чуть ли не всю ночь кривляться перед толпой местных уродов, сначала толкая фальшивые речи, а потом участвуя в их идиотском празднике, ничего общего не имеющего с тем старым добрым Хеллоуином, который он привык отмечать дома так, как положено адепту «черной церкви».

Если бы господин Морт потрудился узнать чуть больше о стране, которую он так презирал, и, в частности, о городе, который ему так понравился, он, возможно, знал бы, что к некоторым вещам, купленным в Одессе, нужно относиться с осторожностью. Особенно к вещам запретным, приобретенным нелегально и у тех, для кого ты не являешься постоянным клиентом. Прекрасный, по первому впечатлению порошок, которым Джек забил себе ноздри перед тем, как отправляться на публику, дал несколько нестандартный эффект...

...Сидя на верхней галерее за штабелем мешков то ли с какой-то давно просроченной строительной смесью, то ли с самым обыкновенным цементом, Алексей вот уже третий час наблюдал происходящее внизу со

смешанными чувствами удивления и брезгливости. Понятное дело, ничего хорошего и благопристойного от собравшихся внизу ожидать не стоило изначально. Нормальные люди здесь и сейчас оказаться не могли ни в коем случае и ни в каком качестве. Но такое! «Обезьянник, ну чистый же обезьянник, блин!» — злобно подумал Леша, в который раз подавляя желание чихнуть. Куча гадского стройматериала, давшая ему укрытие, при малейшем неосторожном движении выпускала мельчайшую и чрезвычайно едкую пыль, а сидеть абсолютно без движения не было уже никаких сил. Хотя собравшиеся внизу за сотворенными ими шумом и гамом не слышали бы, пожалуй, чих даже в исполнении гиппопотама, но правила незаметного сидения в засаде он старался соблюдать чисто рефлекторно.

На позицию они выдвинулись практически без проблем. Несколько замедлил продвижение по строительным лесам и проникновение через окно на галерею отец Александр, чье лицо с каждым метром подъема меняло цвет от просто бледного до нездорово-зеленоватого. К концу маршрута стало совершенно очевидно, что верхолазанье к сильным сторонам батюшки не относится — вот и довелось затаскивать его внутрь чуть ли не силком. Сейчас священник, придя в себя, все равно сидел с закрытыми глазами, лишь время от времени бросая взгляды вниз. Оно, с другой стороны, и понятно — если происходящее там категорически не нравилось Алексею, то святому отцу и во-все было поперек души.

«Веселье» между тем разгоралось. Гремело во все децибелы нечто, по странной ошибке считавшееся собравшимися музыкой, и сами они орали и визжали на все голоса. Уже прошел конкурс на лучший «хеллоуиновский костюм», главным призом в котором,

по глубокому убеждению Алексея, должна была бы служить путевка в сумасшедший дом. И желательно навечно. Уже закончилось надругательство над сельхозпродукцией в виде соревнования по вырезанию лучшего светильника из тыквы. Полным ходом, правда, продолжались иные «конкурсы» и «аттракционы». В одном из них, к примеру, участникам предлагалось мячами, выполненными опять-таки в виде хеллоуиновских тыкв, разбить максимальное количество выставленных в качестве мишеней... гипсовых распятий! Остальные «развлечения» были такого же пошиба. «Онижедети» оттягивались от души.

«Праздник», похоже, достиг своего апогея, когда в дальнем конце зала возникло движение, и сквозь густую толпу, расталкивая ее без всяких церемоний, к возвышению, расположенному в центре помещения, двинулась небольшая группка людей. В принципе, эти персонажи уже появлялись в самом начале, дав шоу старт. Еще тогда Алексей обратил внимание на главное действующее лицо — пожилого дядьку, явного иностранца, после нескольких фраз, пролаянных им в микрофон на до неузнаваемости исковерканном русском, перешедшего на английский язык, точно являвшийся ему родным. Судя по всему — неловким движениям, дерганой и сбивчивой речи и прочему, старый пердун был явно «под балдой». Сперва Леша погрешил на выпивку, на которую усердно налегало абсолютное большинство собравшихся, в том числе и явные малолетки, но потом понял, что ошибся.

Во время второго выхода «зарубежный гость» выглядел еще краше. Руки-ноги, похоже, слушаться его уже совсем не хотели, а лицо... Алексей не поленился воспользоваться биноклем, и увиденное с его помощью — покрасневшие, отчаянно слезящиеся глаза, текущие из носа сопли и слюнявая улыбка полудиота,

позволило сделать окончательный вывод. Дядечка не-хило нанюхался! Впрочем, дальнейшие действия седого господина увели Лешины мысли в совсем другую плоскость, чем гадания о том, какой именно гадостью стоящий на сцене «оратор» окончательно «вынес» себе мозги.

Собравшаяся вокруг толпа, в которой как минимум половина уже слабо хоть что-то соображала, мало-помалу смогла прекратить галдеж и по большей части развернуться к «сцене». Угомонились даже те, кто фотографировался на фоне орудий пыток и казней, в основном делая снимки самих себя, модно именуемые сейчас словечком «селфи», каковое название у Алексея, к примеру, вызывало стойкую ассоциацию с онанизмом. Все внимание было приковано к взгромоздившемуся на возвышение старику, на сей раз, в отличие от первого своего выхода, вырядившемуся не в деловой костюм, а в длинный, до пола, черный балахон, вышитый знаками, некоторые из которых Алексей узнал сразу. Колдовская, каббалистическая дрянь. Сердце защемило крайне нехорошее предчувствие...

Старикан тем временем воздел обе руки и неожиданно звучным и сильным голосом затянул какой-то речитатив. По-русски он говорить уже не пытался, но это явно был и не английский. При первых же звуках отец Александр открыл глаза, и во взгляде его читалась тревога, перерастающая мало-помалу в откровенный ужас:

— Да что он творит!? Господи, спаси и помилуй нас, грешных...

— Совсем плохо? — Георгий среагировал моментально.

— «Плохо»?! Да нет, это не «плохо»! Это... это... Он же заклинание на подъем творит, безумный!

Леша хотел было уточнить, о каком таком подъеме идет речь, когда здание потряс первый толчок. Словно волна дрожи прокатилась по стенам, полу и потолку. Раздался отчетливый треск, откуда-то посыпались какие-то коробки и ящики, с металлическим лязгом где-то обрушились то ли трубы, то ли уголки, зазвенело стекло, заорали люди... А в следующую секунду все стало ясно и без вопросов — из-под пола, одна за другой начали вдруг выстреливать серые струи, похожие то ли на дым, то ли на пыль. Некоторые из них закручивались в спирали, некоторые обвиняли людей или манекены, истаивая на них, иные втягивались в расположенные рядом предметы — в ту же гильотину таких струй вошло две или три. Большинство же ударивших из земли серых «гейзеров» взлетали чуть ли не к потолку и там взрывались, рассеиваясь во все стороны, подобно праздничному фейерверку. Вот только то, что начало после этого твориться в зале, на праздник уже никак не было похоже.

Внизу разверзся ад. Самый настоящий, без всяких натяжек и преувеличений. Сперва начали... оживать манекены. Вот чучело самого натурального вурдалака, наряженного в изляпанные чем-то красным лохмотья и с пластиковой рожей землистого цвета сперва задергалось на державших его у стены креплениях, а затем обрушилось на пол. Там оно провалялось неопрятной кучей каких-то несколько минут, а затем из этой кучи поднялась бугристая башка, принявшаяся осматривать окружающих вполне осмысленным взглядом. Еще минута — и вскочивший на ноги вурдалак бросился к ближайшей группке визжащих от ужаса людей. С определенно плотоядными намерениями.

Оживали тряпичные ведьмы — уже несколько из них носились над головами собравшихся на своих мет-

дах, окатывая их какой-то мерзостью из горшков, которые держали в руках. Судя по отчаянным крикам «осчастливленных», результат попадания мерзости на тело был крайне болезненным. Оживали искусственные зомби и вампиры, висельники и прочая нечисть, каждый из представителей которой немедленно начинал вносить свою лепту в творящийся кошмар. Да что там манекены — некоторые светильники-тыквы, получив «заряд» в виде серой струи, срывались со своих мест и принимались носиться по залу, норовя тяпнуть зазевавшихся за чувствительные места. Лязгали и скрипели пыточные кресла, грохотала своим лезвием ожившая гильотина, раскачивались пеньковые петли на виселицах. Складывалось впечатление, что все эти предметы, обретшие вдруг злую волю, требовали себе немедленных жертв.

Но самое страшное, конечно, происходило с людьми. Сила воздействия на них серой субстанции была разной — зависело, как видно, и от самого человека, и от того, сколько серой дряни и как именно на него попало. Те, на кого «пыль» лишь осыпалась сверху, на какое-то время теряли ориентацию в пространстве, принимались крутиться волчком на одном месте, хаотично тыкаться во все стороны, налетая на стены, предметы обстановки и других людей. С теми же, кому доставалась «полновесная» серая струя, происходило по-разному. Кто-то валился на пол и начинал биться в судорогах, корчиться, выкатив глаза и роняя изо рта пену, подобно эпилептику в тяжелом припадке. Кто-то, наоборот, на какое-то время падал, либо застывал стоя совершенно неподвижно, а потом словно бы «включался», И начинал... вести себя в точном соответствии с одетой на себя личиной! Алексей, разглядывая происходящее в бинокль, почувствовал, что на макушке у него начали

становиться дыбом волосы... «Ходячие трупы» кидались на тех, с кем еще мгновения назад стояли рядом, примеряясь отгрызть у них что-нибудь. «Вампиры» норовили вцепиться в горло всем, до кого могли дотянуться, а парочка «удавленников» целеустремленно волокла какого-то мальчишку, отчаянно упирающегося и вопящего, к раскачивающейся во все стороны виселице, намереваясь, похоже, пристроить бедолагу в петельку...

Единственный, кто вызвал в Леше смех, пусть и несколько истерический, был парняга в костюме Бэтмена, непонятно каким макаром затесавшийся в толпу нечисти. Получив свою дозу серого, он, по всей видимости, проникся верой в то, что теперь уж запросто сможет летать. Что и не замедлил продемонстрировать собравшимся, вскарабкавшись чуть ли не на самую галерею, где укрывались братья и священник. Увы... Вырвавшаяся из-под земли субстанция на образах голливудских киногероев, как оказалось, не срабатывала. Во всяком случае, сверхспособностей не придавала. «Бэтмен» и вправду полетел — но строго в одном направлении, продиктованном законом всемирного тяготения. Звук соприкосновения человека-не-летучей мыши с находившимися внизу конструкциями, вышел смачный и звучный — парень был немелкий, и спикировал, видать, на что-то хлипкое.

Тем временем Георгий торопливо расспрашивал отца Александра:

— Батюшка, что это? Что за... гадость из-под пола поперла, что вообще происходит?!

— Мог бы и сам догадаться, не первогодок, чай! — похоже было на то, что священник за резким тоном пытается скрыть свой собственный страх. — Слышал

ведь, что Сеня говорил — по поводу кладбища? Вот оно себя и показало...

— Так это, что — души?!

— Не только. Кладбище — любое, духов всяческих к себе так и притягивает. И в основном — злых, темных. Чем старше оно — тем их больше. Но и души погребенных тоже, как я думаю. Мы ж не знаем точно, что за кладбище тут конкретно было, какого обряда. Освящена ли земля была или нет? Не знаем, не осквернялась ли та земля впоследствии, а вот я почему-то уверен, что так и было. Да плюс к этому — где была граница освященной земли, а где хоронили самоубийц, преступников и прочих неотпетых...

— То есть все души, неуспокоившиеся, а с ними заодно разная бесплотная нечисть, сейчас наружу рвутся и стремятся вселиться в кого или даже в что подвернется? Получается, этот урод на подиуме, всех их разбудил и призвал?!

— Именно! И мало того, что наверх сейчас лезет все то темное и злое, что на самом кладбище накопилось — это место в данный момент как маяк для всей нечисти в округе работает! Не пожаловали бы гости еще похуже...

— Да куда уж хуже?!

— Есть куда, поверь. Особенно — этой ночью. Что делать, ума не приложу...

— Ну, вы пока думайте, а я делать буду!

Закончив разговор со священником, Георгий принялся насиловать закрепленную на груди радиостанцию.

— Сеня! Семен! Семен, на связь первому! Как принимаешь меня?

— Громко и чисто, первый! Что там у вас внутри творится — аж у нас уши закладывает! И... как будто

толчки подземные идут? Или это у меня уже крыша едет?

— Все в норме с крышей у тебя. А вот наша, похоже, скоро рухнуть может. В смысле крыша того дурдома, где мы сейчас находимся. Ладно, это лирика. Ситуация паршивая, мы ее тут контролировать не можем. Так что — план два. Замыкайте периметр наглухо. Как понял?

— Понял приказ, приступаем к выполнению. Путь эвакуации для вас где оставлять?

— Какой, нафиг, путь?! Тут нечисти — без окон без дверей полна тыква огурцов! И с каждой минутой ее все больше становится! Вот и надо, чтоб ни окон, ни дверей для них не было! Запаковывай все к фигам, на-мертво! Будем отходить — обозначимся, встретите по месту!

— Принял! Конец связи!

Одесский говорок Сени исчез так же моментально, как и появился по приезду в город. Видать, боевая ситуация включила в мозгу совсем другие центры и «фильтры» — вот и заговорил. как привык на службе, какую уж там проходил. Пока шли радиопереговоры, Алексей шарил взглядом по залу, мрачней с каждой минутой. Он, конечно, и в мыслях не держал оспаривать решения старшего, но кое-какие сомнения грызли.

— Слышь, Георгий, — помня об оглашенных самим командиром правилах общения «в поле», Леша перешел на «ты». — То, что ребята сейчас все выходы перекроют, это правильно, конечно... А если пожар?

Вопрос был далеко не праздным — несколько гирлянд из тыкв-светильников уже обрушились со стен, но, по счастливому стечению обстоятельств, сильного возгорания нигде не возникло. Пока... То ли там, где

они упали, ничего легковоспламеняющегося не было, то ли просто повезло. Но сколько еще продлится такое везение? Тем более что события явно неслись по нарастающей. На возвышении в центре, вокруг которого образовалась «мертвая зона» метров десяти в окружности, продолжал кривляться окончательно обезумевший старик. Время от времени он, приплясывая, вскидывал руки вверх, и раскаты его голоса взлетали к самому потолку. В такие мгновения все огромное здание ходило ходуном, и с каждым разом — все сильнее. При этом валялись и рассыпались уже не только кое-как сложенные груды стройматериалов и инструментов, а и детали отделки самого здания. Там и сям вниз летели какие-то облицовочные плиты, карнизы, трубы и целые пласты штукатурки. Большая часть окон, расположенных в основном даже выше галерей, на которых прятались братья, лопнула, рассыпавшись мириадами осколков. По потолку змеились длинные трещины, кое-где пошли они и по стенам. Судя по всему, лихорадочная дрожь, которая сотрясала бывший цех все чаще и все ощутимее, должна была скоро затронуть даже несущие конструкции.

К тому явно все и шло — дела внизу принимали все более жесткий оборот. В нескольких местах то ли обратившимся гостям, то ли одушевленным куклам удалось-таки добраться до живой плоти, и на пол, где каплями, а где и струей брызгала уже не бутафорская, а самая настоящая горячая кровь. «Струи», пробивавшиеся наружу в таких местах, моментально окрашивались уже не в серый, а в черный цвет. При этом большая часть черных струй не била в случайные жертвы, а устремлялась к возвышению в центре зала, чтобы втянуться в черного мага. С каждой такой струей он орал еще громче, двигался интенсивнее и даже вроде бы прибавлял в росте.

— Пожар, говоришь?! — Георгий повернул к Алексею перекошенное от переполнявших его эмоций лицо. — Остается только Бога молить, чтобы он не начался. Потому что в этом случае не кому-нибудь, а нам решение придется принимать — или дать всем, кто тут собрался, в том числе и не обратившимся, изжариться к такой-то маме, или выпустить всю эту бесноватую кодлу в город! И, как думаешь — в каком случае жертв и крови будет больше? А-а-а... Вот и я не знаю. И ответственности на себя такой брать не хочу. Так что уповаем на милость Божью и шевелим мозгами — что с этим козлом в мантии делать. Если его не заткнем — и так и так всем кранты!

Времени на раздумья о дальнейших действиях отпущено им не было. Сложно предаваться мыслям и строить планы в те мгновения, когда тебе очень активно хотят оторвать голову. Или — перегрызть глотку. Или...

Короче — их заметили. Может, у чернокнижника сработало усилившееся от прибывавших темных сил чутье, может, просто он, в конце концов бросил взгляд вверх и увидел уже особо не прятавшихся братьев... Одним словом, мерзкий старикашка подскочил чуть ли не на полметра вверх и заверещал как резаный, указывая костлявым пальцем точнехонько на то место, где в данный момент находились Георгий, Алексей и отец Александр.

Немедленным ответом на его вопль стали вой, рев и даже, кажется, лай беснующейся толпы. С нечеловеческим проворством одержимые ринулись к стене и рванулись вверх. Лезли они, как поганая орда на стены осажденного города — один вперед другого, топчая друг друга, совершенно не обращая внимания на сорвавшихся собратьев, и, более того, превращая их тела в ступени для дальнейшего восхождения. Остановить

или отбить эту атаку втроем было бы невозможно, даже имея они в распоряжении по станковому пулемету каждый. Правда, ни пулеметов, ни котлов с кипящим маслом или смолой, ни... что там еще могло бы пригодиться в данном случае? Короче, ничего у них не было. А главное — совершенно не было времени. Георгий среагировал молниеносно:

— Уходим!

— Куда?!

— Наверх! На крышу. Других вариантов все равно нет...

Услышав про крышу, отец Александр снова явно позеленел лицом. Но уж тут кто б его спрашивал. Остаться на месте означало быть неминуемо разорванными в мелкие клочья. Хватило бы времени на отход...

— Леша! Я — первый на крышу, оттуда сбрасываю трос, ты, как только видишь конца, вяжешь к нему святого отца...

— Георгий, что за шуточки кощунственные!?

— А вы епитимью на меня наложите, батюшка. Потом... Если живы останемся! Как вас Алексей зафиксирует, дергает два раза, я наверх втягиваю. Потом ему конец бросаю.

— Если мне раньше сам собой конец не придет...

— И ты, Леша, туда же? Не обезьянничай! Задача проста — обеспечить эвакуацию батюшки, прикрыть ее и потом несколько минут еще и самому продержаться.

— Куда уж проще...

— Вижу — понял. Погнали!

Они пробежали метров пять, к самому удобному месту для обороны, которое имелось поблизости. Пути для подъема снизу там не было, поскольку эта

часть галереи нависала над залом чем-то вроде балкона. Нападающим придется атаковать в лоб, на достаточно узком пространстве, которое братья к тому же за считанные минуты перекрыли импровизированной баррикадой. В основание ее встал громоздкий сварочный аппарат, такой тяжеленный, что Георгий с Лешей вдвоем насилу перекаптовали его с места на место. Поверх в четыре руки накидали всякой дряни — мешков, поддонов, досок и прочего. Получилось вроде неплохо. Георгий молнией метнулся к ближайшему окну — благо в нем не было уже ни единого целого стекла. Высунулся наружу, осмотрелся, удовлетворенно крикнул и, встав на подоконник, мартовским котом ринулся куда-то наверх, скрывшись из глаз. Алексей, проводив взглядом старшего, развернулся к баррикаде — встречать «гостей». Долго ждать себя они не заставили. Буквально через какие-то минуты казавшееся надежным оборонительное сооружение потряс удар, от которого оно пошатнулось. А еще мгновение спустя над баррикадой появились первые рожи.

Благо Алексей, ожидая противника, успел подобрать себе по руке кое-что для «теплой» встречи. Сперва было его выбор остановился на валявшемся под ногами обрезке металлической трубы, но потом он справедливо рассудил, что тот тяжеловат. А вдруг придется махать им долго? Замашешься... Да и перестараться можно. Ведь одна из основных проблем состояла как раз в том, что среди атакующих большинство были вообще-то обычными людьми, всего лишь служившими в данный момент вместилищем для нечистых духов. И что — крушить им черепа, резать горла? Хорош он тогда будет — защитничек людей от нечисти... Вот потому серебряный клинок и оставался в ножнах, а железяка, которая так удоб-

но легла в руку, отправилась обратно на пол. Вместо нее Леша присмотрел неплохой, крепкий с виду и даже тщательно отесанный деревянный брус. Он, кстати, был и подлиннее — позволит держать врага на более длинной дистанции. Вот сейчас и попробуем, каков в деле!

Та-а-к.. Ты кто? Мертвяк? Н-н-а! Со смачным треском деревяшка впечаталась в голову самого шустрого из штурмовавших баррикаду, отправив обратно одним махом и его, и, судя по звуку, еще парочку «штурмовиков». Годится!

О! А это что за чудо? Кровосос, да, судя по роскошному костюмчику, не простой, а как бы не сам Дракула! Пожалте, граф! Тр-р-рах! Гляди-ка, не падает... А если вот так? Комлем в зубы, ваше сиятельство, не желаете ли? О — подействовало! Зубки-то аж брызнули! Выберешься живой, придешь в память, так от стоматолога долго не вылезешь! Ну, ничего, раз есть деньги, чтоб их на всякую дурь тратить, вроде вампирских карнавальных костюмчиков «от кутюр», так и на новые зубы найдутся.

А вот и дамы явились! Ведьма, судя по идиотской шляпе на глупой голове. Из «Поттера», наверное, фансончик позаимствовала? Сейчас, подруга, каска тебе бы больше пригодилась. Ну, ничего, мы аккуратненько, как даму... Вот ничего себе! Она у нее что, кевларовая, шляпа эта? Не помялась даже толком! А чем это ты в меня тыкаешь, родная?! Палочкой волшебной? Что-то она у тебя больно на шампур смахивает, а я на роль шашлыка в вашем цирке не подписывался. Придется на совесть «отоварить», а то еще проткнет, чего доброго, вон, перелезла уже почти. Не обессудь уж, ведьмочка... О, нормально кувыркнулась! А вот нечего благонравным барышням в подобной бесовщине участвовать. Тогда и дрыном не попотчуют...

Отмахиваясь от лезущих на баррикаду, Алексей едва не упустил момент, когда в окне мелькнула, упав сверху, черная змея альпинистского троса. Георгий готов был принимать живую «посылку». Успеть бы еще отправить... Швырнув от души, как городошную биту, надежно послужившую деревяшку в атакующих, Леша потащил священника к окну. Так, конец пропускаем под мышками... Теперь фиксируем... Узел — правильный, как тот же брат Георгий и показывал... Проверяем. Готово! А что это батюшка такое под нос шепчет неразборчиво? Ладно, будем считать, что молится... Проверив надежность фиксации, Алексей помог священнику вскарабкаться на подоконник и дважды дернул трос. Перед глазами мелькнули ботинки отца Александра. Ну вот... Теперь осталось самое «простое».

К сожалению, Алексей слишком поздно понял, что использовав ухватистый брус в качестве метательного оружия, мягко говоря, не подумал. Успешно преодолевшая баррикаду, за то время, пока он возился с эвакуацией наверх отца Александра, толпа была уже в паре шагов. Времени искать замену деревяшке не было, и пришлось вспоминать навыки рукопашного боя. Хотя... Какой там бой, какие приемы? Судорожные удары и тычки, которые он наносил руками и ногами вряд ли привели бы инструкторов по «рукопашке» в восторг. Ни тебе правильности выполнения связок и комбинаций, ни четкости и плавности движений — ничего из того, что придает рукоприкладству пусть своеобразную, но красоту и превращает обычную драку в боевое искусство. Леша бил и пихался, пытаясь удерживать бесноватых на расстоянии, не дать вцепиться в себя всем скопом и повалить на пол. Тогда уж — точно конец. Дело усложняло то, что боле-

вые ощущения в одержимых были, похоже, заблокированы намертво. Вкупе со страхом и элементарным инстинктом самосохранения. Потому бой с ними напоминал тупейшую «отработку» по боксерскому мешку. С той только поправкой, что мешок, как ему и положено, не дает в ответ сдачи и тем более не пытается вцепиться в тебя когтями и зубами. Хотя бы — в силу отсутствия таковых...

Спасло ситуацию, как ни странно, появление «в ринге» самого активного среди прорвавшихся бойца. Расталкивая собратьев, вперед выперлось самое настоящее пугало — в балахоне из мешковины, с руками-крюками и хеллоуиновской тыквой вместо головы. Вот с этим противником точно можно было не церемониться! Алексей нанес останавливающий удар ногой по корпусу и, пока пугалище поганое пыталось восстановить потерянное равновесие, успел выхватить клинок из ножен. Серебряный кинжал вошел в бутафорскую тыкву, как в масло. Тут же из того места, которое у нее изображало рот, повалил серый дым, и манекен, лишенный придававшего ему подобие жизни нечистого духа, рухнул мешком под ноги остальным нападавшим. Самое время — они уже оттеснили Алексея к окну настолько, что он побаивался при особо сильном ударе или толчке вылететь наружу. Что ж, секундную передышку он честно заработал.

— Ты что, уснул там! Или ведьмы такие смазливые попались, что оторваться сил нет?! Лезь давай уже! — надсадный ор Георгия показался Леше воистину райской музыкой. Бросив краем глаза взгляд в окно, он увидел, как там раскачивается его спасение. Одним прыжком вылетев наружу, Алексей, уцепившись что было сил за трос, завопил: «Тяни!» и тут же

устремился вверх, по возможности помогая подъему. Последние пару метров он уже практически бежал по стене, отталкиваясь от нее ногами. Сожаление вызывало то, что не было никакой возможности не то что кинуть чем-нибудь, а хотя бы плюнуть в высунувшиеся вслед ему из окна мерзкие хари и личины. Хари, в свою очередь, разочарованно клацали зубами вслед ускользнувшей добыче и обиженно тянули вверх корявые грабки.

Закончив «восхождение» (а, если честно, встав на ноги, будучи выдернутым наверх мощным рывком Георгия), Алексей смог перевести, наконец, дух и осмотреться. По правде говоря, место, где они оказались, зрелище собой представляло донельзя плачевное. Все, что на крыше могло развалиться и рухнуть, рухнуло и развалилось. Роскошно смотревшиеся в лучах закатного солнца стеклянные пирамиды над фасадом теперь превратились в жалкие груды битого стекла и покореженного металла. Да и все остальные детали пейзажа, что выхватывали из темноты включенные братьями тактические фонарики, выглядели не лучше. Сделав пару шагов вперед, от края, Алексей почувствовал, как опасно завибрировала под его ногами, проседая, поверхность крыши. Вся ее середина, лишившись даже той хлипкой опоры, что была, кажется, готова была обрушиться внутрь здания под весом дождевого «озера», уже еле сдерживаемого натянутыми до предела полиэтиленовыми полотнищами. Хотя, может, это и хорошо? Вот начнется пожар (мысли о нем упорно не желали покидать Алексея), а тут — такой резервуар. Открыть воде дорогу внутрь, так, пожалуй, все и потушит.

Алексей не замедлил поделиться этими светлыми соображениями со стоявшим рядом Георгием. Тот сперва чуть ли не отмахнулся от сказанного — «не

о том думаешь!», но затем вдруг застыл на полуслове-полужесте, уставившись на Лешу так, словно впервые его увидел.

— Мо-ло-дец! — хлопок по плечу, который, очевидно, должен был изображать максимальную степень одобрения, едва не отправил Алексея в свободный полет в окружающую темень. — Лешка, ты голова! Вот он — наш шанс, единственный и неповторимый! Та-а-к, где там батюшка обретается?

Оставив Алексея в полном недоумении, Георгий резво двинулся вдоль окружавшего край крыши парапета. Священник обнаружился не так, чтоб и далеко. Отец Александр сидел, отвернувшись от разверзавшейся рядом — руку протяни, пустоты с видом самым разнесчастливым. Ну, что тут поделаешь — от такой поганой штуки, как боязнь высоты, не застрахован в этой жизни никто. Вот она-то сейчас и играла с отцом Александром злые шутки, лишая воли, разума и способности действовать адекватно ситуации. И не его вина, и не чья-то — кто ж мог знать, что все события в будущей операции будут разворачиваться на верхотуре, которую, как оказалось, батюшка на дух не переносит?!

— О! Вот вы где, святой отец? Отдыхаете? — Георгий опустил на одно колено рядом со священником, делая вид, что совершенно не понимает сути происходящего.

— Да уж, отдыхаю... от трудов праведных! — отец Александр повернул к подошедшим страдальческое лицо. — Подвел я вас, братия, как есть подвел...

— Чем же подвели, батюшка?! — голос Георгия был необычно мягким, можно даже сказать, вкрадчивым. — Вы ведь с нами, вы тут главный. Мы — что, мы — руки, а голова — вы. Вот только сделать вам кое-что надо. И прямо сейчас!

— Что сделать-то!? — голос священника звучал разве что не стоном. — Да я и на ноги встать-то толком не могу! Как подняться пытаюсь — голова кругом, в глазах темнеет, тело все как ватное... Как же?!

— А с Божьей помощью! Как вы нас всегда учили, — из голоса Георгия враз девались куда-то елей и миро, уступив место стали. — Не вы ли говорили, что все мы — воины Божьи, у него силы просим, от него благодать принимаем. То враг вас морочит, но разве ж Господь не осилит? Без вас, святой отче, всем конец — и нам, и тем несчастным, что сейчас внизу. Так что вставайте уже...

Сразу на ноги священник не поднялся. Непонятно какой силой заставил себя открыть глаза и, повернувшись лицом к раскинувшемуся окрест за краем крыши морю тьмы, словно бросая ей вызов, воскликнул:

— Господи! Не оставь меня, раба недостойного! Силы своей дай мне, Боже, дело праведное во славу твою свершить! Дай сделать то, что должен я! Не попусти одолеть темной силе, не дай погибнуть смертью страшной, пусть грешным, но чадам твоим! Дай мне, Господи, недостойному, избавления от страха и слабости, не меня ради, а во славу твою! Господи, помоги!

Не было грома с небес, и фанфары не вострубили, и молния не сверкнула — просто отец Александр встал и совершенно спокойно пошел к центру крыши. Обернувшись, спросил у Георгия:

— Что делать-то предлагаешь?

— Воду святить!

— Какую еще воду?!

— А вот эту самую, которая перед вами и есть. Хорошая водичка, дождевая, чистая. Для волос, говорят, полезная. Вот я кое-кому и хочу душ устроить...

— Вот оно что! — отец Александр усмехнулся, оценив замысел. — Умно, ничего не скажешь! Что ж, с Богом. Смотрите, чтоб только не отвлекал никто.

Мешать начавшемуся обряду пока, к счастью, было некому. Туповатые одержимые, видать, не додумались поискать выходы на крышу. Или — пока не нашли. В любом случае, что бы там ни задумал Георгий, а терять время не стоило. Он, кстати, именно так и думал.

— Давай, Леша, не стой! Пока батюшка делом занят, у нас тоже работа есть.

— Что конкретно делать? Я вообще-то, если честно, ни фига не понял, что ты, старшой, задумал.

— В детстве книгу про Тарзана читал?

— Не-а... Так, слышал что-то... Это про обезьян, что ли?

— Сам ты обезьяна! Ну, может, хоть кино видел? Может, в речку, или ставок там, с «тарзанок» сигал? Ну да, куда уж вам, молодым...

— Честное слово, как домой вернемся, обязательно прочитаю. На память выучу даже — только сейчас объясни, что к чему!

— Долго учить придется, там книг много... Ладно, на литературные беседы времени нет. Делай, что скажу — хватай трос и пулей мчись на другой конец крыши. Видишь, там — то ли труба, то ли мачта какая-то?

— Вижу.

— Вот к ней трос протяни и меня дожидайся. Доступно?

— Вполне...

Подхватив моток уже не первый раз выручавшего их в эту ночь альпинистского троса, Алексей, держась края крыши (не провалиться бы!), двинул в указанном направлении. Оглянувшись, увидел, что Георгий

крепит свой конец троса к какой-то конструкции, чудом уцелевшей при всех толчках, а значит, наверняка надежной. Добравшись до места, Леша понял, что, будучи закреплен здесь, шнур пройдет вдоль всей протяженности импровизированного водного резервуара, над которым сейчас творил обряд освящения отец Александр. До него помаленьку начало доходить...

— На месте? Молодец! Длины, гляжу, хватило. Вот и ладненько, будем крепить...

Георгий, долго примеряясь, высчитывал, на какой высоте мачты фиксировать трос. В геометрии Леша, если честно, был не силен, но ему показалось, что старшой вычисляет угол, который должен был образоваться между двумя точками фиксации. Для чего?

Это он понял буквально через минуту. Трос, затянутый «мертвыми» узлами, звенел, если притронуться к нему рукой, как гитарная струна. Георгий сдернул с себя пояс — не тонкий, для поддержки штанов, а надеваемый поверх боевой, на который навешивались подсумки со снаряжением, а если надо — ножны и кобура с оружием. Захлестнув этот пояс поверх троса, брат обмотал им свою левую руку, а в правую взял клинок.

— Ну, что, Леша, с Богом? Сейчас мы им устроим омовение...

— Чего ждем?

— Да батюшку. Крест в воду трижды погружен должен быть, молитвы все прочитаны, что положено, да в правильном порядке. Сейчас закончит, и... О! Уже!

Алексей заметил, что отец Александр, завершив обряд, отступил на шаг назад и сейчас осеняет их с Георгием широкими взмахами наперсного креста, благословляя. Сама же вода после освящения светилась мягким, едва уловимым жемчужно-серебристым светом.

— Пора!

Георгий, оттолкнувшись ногами, рванулся вперед, скользя по натянутому тросу на ремне. С каждым метром движение его все ускорялось, и, оказавшись над водой, он уже летел, подобно камню из пращи Давида. Взмах руки — и отточенный до бритвенной остроты клинок вонзился в сдерживающий воду пластик. Дальше свое движение Георгий продолжал, снижаясь под углом и вспарывая на своем пути всю протяженность «дна», которое и так уже расходилось под напором рванувшейся вниз воды.

Дождь... Нет — ливень нестерпимой для нечисти благодати ринул вниз, изгоняя и уничтожая призванное извне зло, очищая тела людей и лишая злые куклы «одушевлявших» их темных сущностей. Волна не поддающихся описанию звуков, издаваемых гибнущей нечистью, ударила по ушам и сменилась тишиной. Впрочем, тишина продлилась недолго — все громче и отчетливее со всех сторон через окончательно развороченную крышу слышались из зала охи, стоны и крики. С уходом одержимости к людям возвращался не только разум, но и боль. Вот теперь-то давали о себе знать полученные ушибы, переломы, порезы и укусы, которые почувствовали разом все, их получившие.

— Ну, что — дело сделано, будем спускаться? — отцепившийся от сослужившей благою службу «тарзанки», Георгий приладил обратно пояс и вполне готов был к дальнейшим действиям.

— По тросу? — такое предположение у отца Александра, на удивление, вызывало не ужас, а чуть ли не энтузиазм.

— Эк вас, батюшка, однако... Надо будет по возвращении, альпинистской подготовкой с вами заняться, что ли! — Георгий смотрел на священника со смесью удивления и восхищения.

— А что, и займемся! Какие мои годы? — батюшка глядел прямо-таки соколом.

— Ну, это попозже. А пока ногами пойдем, нечего впотьмах рисковать без нужды. Я тут где-то лестницу видел... Да вот он — вход!

Вниз спустились и вправду по вполне нормальной лестнице, даже не сильно разрушенной и перекошенной. Видать, осталась со старых еще времен, а не была творением нынешних горе-строителей. Слава богу, что бесноватые на нее не набрели — кто знает, как обернулось бы...

Одержимых внизу больше не было. А были самые обычные парни и девчонки, мокрые, грязные и перепуганные до смерти. Кто-то бегал кругами, ища знакомых, кто-то сидел на полу, переводя дух или баюкая прижатые к груди поврежденные конечности. Кое-кто, очевидно, не до конца придя в себя, вообще ползал на четвереньках, словно разыскивая на полу что-то донельзя важное... Но больше всего, конечно, людей столпилось у выхода. Перепуганная и разозленная толпа всерьез пыталась штурмовать двери, да не тут-то было — «замыкая периметр», Семен и остальные ребята потрудились на совесть. И вот с этим что-то надо было делать, а то того и гляди начнется паника.

— Первый вызывает на связь! Ответьте первому, кто там снаружи живой есть! Первый вызывает...

— Семен на связи! Первый, принимаю громко и четко! Что там у вас?

— Да, похоже, все. Сеня, разблокируй двери, выпускай людей.

— А там, шо — люди?

— Таки да... Сеня!!! Опять расслабился?! Делай, что говорят, а то они стену вынесут. И вот еще что...

«Скорые» вызывай, да побольше. Тут им, похоже, работы хватит.

— Понял, будут «скорые». А родную милицию тоже звать?

— Этих не надо — сами приедут. Врачи же и вызовут. А у нас время будет уйти. Так что вскрывай выходы, собирай людей и готовь к отходу. Где, кстати, братья, которые с нами внутри были?

— Ушли вовремя. Вниз — по тросам. А вас, я дико извиняюсь, чего наверх понесло?!

— Потом расскажу. У нас тут дело есть еще. Отбой связи.

— Отбой...

Дело, конечно было, и дело серьезное. Несмотря на творящийся кавардак, нужно было найти черного мага, наверняка уцелевшего. Вот интересно — как на него святая водичка подействовала?

Интерес этот у Алексея пропал моментально — как только он увидел реальный результат взаимодействия освященной по всем правилам воды с телом того, кто пропитался злом, как губка. Нежностью чувств и слабостью желудка Леша не отличался никогда, но тут почувствовал, что еще немного — и его прямо здесь и сейчас вывернет наизнанку. Зрелище собой адепт черной магии и церкви сатаны, господин Джеймс Морт представлял ужасающее и запредельно отвратительное одновременно.

Чернокнижник валялся в луже, погрузившись в нее ровно наполовину, левой частью своего тела. Эта часть исходила сизым то ли дымом, то ли паром, при этом расплываясь на глазах омерзительной слизью. Кое-что, впрочем, рассмотреть было еще можно, но исключительно побарывая отвращение и мощнейшие рвотные позывы. Вместо человеческой ноги у мага

теперь имелась козлиная, увенчанная огромным копытом. Рука сменилась на какую-то то ли клешню, то ли лапу насекомого, судорожно скребущую по полу. Лицо, которому тоже досталось изрядно, исходило тягучими нитями слизи, расплзаясь и оплывая. Но тем не менее он был еще жив!

— Ответствуй, исчадие тьмы, на мои вопросы! — отец Александр сделал решительный шаг вперед и вытянул наперсный крест в направлении корчащегося у его ног существа. — Где сообщники твои гнусные по злу! Где ведьма Лили? Где логово ваше поганое?

— У-у-уйди! Уйди, жрец распятого! Нет сил — с тобой рядом! — омерзительное нечто, еще недавно бывшее гордым слугой тьмы, сотрясаясь такими судорогами, что могло, того и гляди, развалиться. К угробившей его благодати святой воды добавилась сила Креста и присутствие священника, вызывая совершенно нестерпимые уже муки.

— То ли еще будет! — в голосе Георгия плескался прямо-таки океан злорадства, за которое он тут же удостоился укоризненного взгляда священника. — На вопросы отвечай, уродище! А то мы сейчас еще молитвы читать начнем, так тебе совсем хорошо станет!

— Сме-е-ерьть...

— Чи-и-иво? Это ты угрожаешь нам, что ли?

— Дай мне смерть! Быструю. Тогда узнаешь, что хочешь.

— Дам! — Георгий вынул из ножен клинок и демонстративно выставил перед собой. — Говори!

Расплывающееся в слизь существо на мгновение замерло, словно вызывая к кому-то, а потом раздался голос. И все собравшиеся сразу поняли — чей...

— Мы закончим там, где все началось! Идите туда, где ждет вас огонь, боль и смерть! — высокий женский голос, вне всякого сомнения, принадлежащий Лили Кейн, был холодным и бесстрастным, даже обещая кары и беды. — Можете искать меня, можете бежать... Я сама найду вас, и бог ваш вас не спасет!

На этом «передача сообщения», как видно, закончилась. Морт снова превратился в скрюченный болью комоч непонятно чего. Связных звуков его трансформирующееся горло издавать уже не могло — существо только хрипело и булькало. А спустя секунду сверкающий взмах серебряного кинжала оборвал агонию, отправив черную душу в заждавшийся ее ад. Тело же растеклось слизью за считанные минуты...

— Найдет она нас... Как же, испугались! «Найду, убью, и Бог не спасет» — где-то я это уже слышал. Раз сто, наверное. И ничего, пережил как-то... — Георгий, оттирая клинок от гнуса, ворчал неудовлетворенно. Он явно ожидал узнать побольше. — «Там, где все началось...» — это-то что значит?

— Есть у меня догадка... На базе поделюсь, — Алексей действительно думал, что знает, что именно имела в виду ведьма и где им предстоит встретиться.

— Ну, раз такое дело, то по коням! — удовлетворившись, наконец, чистотой кинжала, Георгий вбросил его в ножны. — Вон, сирены слышны уже, сейчас тут такое начнется! Не знаю, как у кого, а у меня что-то сегодня никакого желания на дурные вопросы отвечать не имеется!

* * *

— С-к-к-о-оты! Суки брехливые! Твари продажные! Пра-а-аститутки журнашлюшные! Да что б им...

Да я б... — бранное красноречие било из Алексея фон-таном, не перерастая в отборные матерные тирады исключительно в силу того, где именно происходил разговор и кто был собеседником.

Все, что он мог сейчас себе позволить — это издавать такие вот бессвязные (по причине проглатывания половины просившихся на язык слов) выкрики, да еще швырнуть от всей души в угол пачку газет, просмотр которых, собственно, и стал причиной всплеска практически неконтролируемых эмоций. Разлетевшиеся веером по комнате отца Михаила издания — от откровенно «желтых» листов до вполне даже уважаемых «рупоров», пестрели броскими заголовками вроде «Ночной кошмар в Одессе», «Бойня в ТРЦ», «Праздник, превратившийся в трагедию» и тому подобными. Гораздо интереснее были подзаголовки, в которых, собственно, озвучивалось уже личное отношение борзописцев к случившемуся: «Гнусная выходка зарвавшихся мракобесов», «Расправа в стиле средневековья», а также крайне интригующее — «На чьих руках кровь детей?!». Алексей, в общем, взбесился бы уже и от этого. Но стоило ему попытаться вчитаться в смысл опубликованного...

Вкратце содержание напечатанного — от достаточно коротких информационных заметок до статей с претензией на «глубокую аналитику», сводилось к следующему: наиболее продвинутые представители молодежи и подростков «жемчужины у моря», «стремясь к интеграции в систему мировых культурных ценностей», и жажда «приобщения к лучшим зарубежным традициям», устроили совершенно невинную веселую вечеринку. Читателю при этом усиленно внушали мысль, что на «празднике» милые детишки, одевшиеся в трогательные карнавальные костюмы, развлекались чтением стишков, рассказами друг

другу детсадовских «страшилок» в стиле «гробик на колесиках» и игрой в «квача». Попивая при этом исключительно полезную для здоровья «Кока-колу» и закусывая ее еще более полезными «сникерсами». «Ну что в этом такого?!» — сокрушенно вопрошали многочисленные газетные ораторы. Да пусть себе резвятся, пусть веселятся и играют! *Они же дети!!!*

И вот тут... Вот тут-то откуда ни возьмись на милых и беззащитных детишек налетели коршунами некие злобные ортодоксы и ретрограды, зловещие враги всего современного, передового, и — страшно даже подумать о таком! — европейского и американского в нашей жизни! Эти кровожадные мерзавцы, с гордостью называющие себя «божьими рабами», только и мечтают сделать всех остальных людей рабами замшелых, прогнивших и давно предназначенных к отправке на свалку истории вещей, которые они почему-то называют устоями и ценностями! Они хотят лишить всех нас светлого и замечательного цивилизованного будущего. Эти нелюди называют себя то ли «братством», то ли «братушками» — как стало известно по страшному секрету нашему корреспонденту от ужасно информированного источника в невероятно компетентных органах. И это именно они били и калечили невинных детишек, которые в ответ лишь горестно стонали и лили горькие слезы, умоляя озверевших опричников пощадить их! Но нет! Те не знали жалости и продолжали свою кровавую забаву, наверняка исключительно из садистских побуждений... Десятки пострадавших! Кровь стынет в жилах! Ужасная трагедия! Растоптанные ростки нового! Горячо осудить! Найти виновных! Призвать к ответу!

Что интересно, у Алексея, когда он, несмотря на огромное отвращение, осилил несколько подобных

«шедевров», сложилось стойкое впечатление, что журналисты, подобно нерадивым школярам, отчаянно списывали друг у друга. Ну, или пользовались одним на всех первоисточником, чем-то вроде пресс-релиза. Уж больно похожим везде было не только изложение событий, ничего общего не имевшее с правдой, но и эмоции, оценки и выводы. Ну, разве что пара изданий пооригинальничала. В одном автор вдруг в конце повествования резко перескочил на тему ущемления прав секс-меньшинств и проблем с проведением гей-парадов — очевидно, по принципу «у кого чего болит...». Другая газета умудрилась крайне оперативно получить комментарий к событию, и не от абы кого, а от эстрадной «звезды» с вечно невымытыми космами и звучным именем Славяна Саночко. Та заявила о своем глубоком возмущении случившимся, а также поведала, что «если в стране будет инквизиция, то она первая взойдет на костер ради свободы совести!» И даже, судя по фотографиям, тыкала при этом журналистам в лицо зажигалку. Правда, явно без газа...

Нельзя сказать, чтобы Леша так уж повально не любил журналистов. Ну-у-у... Да. Энное количество раз, во время службы в «убойном», ему доводилось пересекаться с субъектами, не просто путавшимися под ногами на месте происшествия, но при этом еще и нагло лезшими с абсолютно идиотскими, дилетантскими вопросами. С тружениками пера и объектива, слетавшимися на места трагедий подобно стервятникам и неотвязно требовавшими «комментариев», чуть ли не стоя над неостывшими трупами. Доводилось читать «исследования» и «расследования» на темы работы милиции, написанные настолько предвзято, непрофессионально и без малейшего понимания предмета, что над ними от души ржал не только весь отдел, но

и все управление. Но, по правде говоря, встречались ему среди «криминальных» журналистов и вполне нормальные мужики, которые поседели, сидя на этой теме, не корчили из себя «акул пера», не лезли с нравоучениями, не путали следователя с опером, а Уголовный кодекс с процессуальным. С этими можно было за милую душу выпить водки и даже поговорить по душам, не опасаясь того, что под столом включен диктофон и завтра придется объясняться с начальством по поводу собственных откровений.

С теми, кто щедро выплеснул на газетные полосы *такие* грязь и ложь по поводу событий, которым он сам был не просто свидетелем, а непосредственным участником, Леша не то что пить бы не стал... Он бы с ними... Он бы их... Все до единого желания, которые Алексей сейчас испытывал к представителям одной из древнейших профессий, тянули на нехилый «букет» статей Уголовного кодекса, самой невинной из которых была, пожалуй, та, где говорилось о «нанесении тяжких телесных повреждений». Такие желания, а равно и все то, что он думал о крайне сложных и многообразно извращенных эротических пристрастиях родителей писак и их самих, озвучивать в присутствии отца Михаила точно не стоило.

— А чего ты, собственно, ожидал? — голос священника, успевшего ознакомиться со всем «информационным массивом» куда раньше Алексея, был на удивление спокоен. — Может, правды?!

— Ну, правды — не правды, но не такого же! — Леше все еще очень трудно было разговаривать нормальным тоном и он прилагал максимум усилий, чтобы в присутствии батюшки, к тому же не оправившегося еще окончательно от болезни, не орать благим матом. А не благим — особенно...

— Правда, Алешенька, сегодня совсем не тот товар, что хорошо продается. А информация — это ведь именно товар и ничего более. Вот зачем-то в современном мире из журналистов сделали чуть ли не идолов, «совестью нации» их объявили и пятой властью. На самом же деле они — всего лишь производители и продавцы своего товара. Одни из многих. И, как среди всех торговцев, есть среди них честные, те, кто дело свое знает, именем дорожит и добротный товар предлагает. Но мало таких, и чем дальше, тем еще меньше становится. Куда больше других — норовящих гнилье да тухлятину подсунуть, отравой тебя накормить в красивой упаковке, да еще и содрать за это побольше. Все — лишь части большого плана, Алеша, лишь части плана...

— Вы это о чем?

— О чем... Да о многом, если разбираться. Вот ты, к примеру, не задавался никогда вопросом — кому сейчас народ в основной массе своей верит, с кого пример берет, кому чуть ли не поклоняется? Какие, скажем, профессии сегодня наиболее престижны и уважаемы?

— Где работать надо поменьше, а денег зарабатывать — побольше. А еще лучше — не зарабатывать, а воровать.

— Правильно. Но лишь отчасти. Хотя главное ты четко подметил — не важно, как деньги добываются, важно — сколько их. Хоть телом своим торгуй, хоть душой, хоть убивай, хоть у нищих на паперти суму отбирай — главное, чтобы прибыль была. Разбогатеет — почет и уважение, и кому какое дело — умом или хитростью, трудом или обманом...

Но пуще того любят и уважают у нас сейчас всяческих шутов, фигляров, дрянных лицедеев да пустобрехов. Вон, гляди-ка — певичка пустая, без году неделя, как «звездой» заделалась, а уже мнение ее кому-то

важно! Да кто она такая, чтобы о жизни и смерти человеческой, о вере и безверии судить и рядить!?

Я не к тому это, что любой певец или актер, скажем, ничего собой не представляют. Вовсе нет — хорошая песня Богу угодна. Так ведь — хорошая! Такая, в которую один человек душу вложил, когда создавал, а другой вкладывает, когда исполняет. А эти?! Выскочат на люди — и давай задами голыми трясти. И «песни» у них — либо бессмыслица полная, либо похабщина такая, что у нормального человека уши вянут. Но ладно бы только пели или кривлялись на все лады в разных «шоу», которыми сейчас людям мозги оболванивают! Они ведь в судьи лезут, в авторитеты, в учителя жизни! Что бы где ни случилось, а уж слышно: «...участница телепроекта “Дурдом-6” Люся по этому поводу заявила...», «...победитель конкурса “Звезды из глаз” Федя, считает...». А уж коли «известные» да «всенародно любимые деятели» рот свой откроют — тут и вовсе хоть святых вон выноси...

Это когда-то самыми уважаемыми в любом народе, в любом государстве были воины. Те, кто не щадя себя, землю, людей, веру защищает. А сейчас? Много ли ты в своей жизни, когда офицером был, погоны носил, почета и уважения от людей видел?

— Издеваетесь, святой отец?!

— Не издеваюсь, Алешенька. И говорить об этом право имею, поскольку сам в этой шкуре был. Нету сейчас уважения к воину, к защитнику... А вот был бы ты, к примеру, певцом-танцором, крутился бы на сцене в штанишках узких, тут бы тобой все восхищались, все б тебе завидовали. Денег, опять же, куча...

— Нет уж, святой отец, не надо мне такого «счастья»!

— Это тебе не надо... Или вот Георгию, Игорю с Олегом... Да только мало вас таких осталось. Куда меньше, чем нужно. Ведь большой план, о котором

я тебе вот только что говорил, он в чем заключается? Попросту говоря — скотами людей сделать, ничего кроме утробы и похоти знать не желающими, но при этом считающими себя не просто людьми, а людьми лучшими, всегда и во всем правыми. А что именно в данный момент правильно — им уж подскажут. Найдется, кому подсказать...

— Ну, так это, похоже, уже и получилось...

— Увы, Алеша, увы. И надо-то для достижения такой цели всего одно — лишить человека внутреннего стержня, эталона, к которому он все, что видит, слышит и чувствует, примеряет, и по которому всю свою жизнь оценивает. У тебя, вот к примеру, есть эталон такой?

— Теперь есть. Вера. Братство. Дело, которому служу.

— Вот видишь! Главное в этом всем — вера. Вот ее первую и надо из человека изъять. А лучше — подменить чем-то «вроде» веры. Без канонов строгих, без установлений, веками освященных, без борьбы с самим собой, без преодоления страстей и пороков, без самоограничения... Чтобы приятно было и легко — попел хором, покричал «Аллилуйя!», денег в шапку пастору, или кому там еще, бросил побольше — и все, спасен! Уверовал! И двери рая перед тобой — нараспашку.

А дальше — так же. Что еще для человека святыней может быть, надежной опорой и жизненным мерилом? Семья? И ее разрушить, осквернить, внушить, что блуд — и не грех вовсе, а удовольствие, в котором глупо себе отказывать. Любовь, Богом нам данную, похотью подменить, детей от почтения к родителям отвратить. А там — и до одобрения содомии и прочих мерзостей всего шажок-то и останется. Вот и нет семьи...

Родина? История славная, кровью и потом наших дедов-прадедов писанная? Оболгать ее, опаскудить,

черное на белое поменять! Народы братские, от одного корня и одной веры пошедшие, плечом к плечу сражавшиеся, строившие — насмерть перессорить, врагами сделать! Великие победы и свершения оплевать, в поражения и позор превратить — и вот вам люди без родства, без памяти, без гордости. «Граждане мира», готовые к принятию «общечеловеческих ценностей».

Дьявол, враг наш, силен. И сила его — в хитрости. А главная хитрость — в том, чтобы извратить в этом мире, а, главное, в душе человеческой все до полной противоположности. И ведь получается! Сколь многие из тех, кто ему служат, абсолютно искренне верят в то, что они за добро, правду и свободу горой стоят! Что только хорошего всем людям желают! И идут по земле лжепророки и своими лжеучениями дорогу адскому князю к власти над людьми мостят... И рукоплещут им люди, и летят в пропасть с криками о свободе и всеобщем счастье. Настоящее Зло, Алешенька, — оно свои рога и клыки напоказ не выставляет. Оно — в белые одежды рядится и громче всех о борьбе со злом кричит.

То, что тебя сейчас до белого каления довело, это — лишь ход в шахматной партии. И мы в ней — фигуры черные. Ход наш всегда вторым будет. Веками эта партия длится, тысячами лет, и кто в ней когда верх берет...

— Так, что, батюшка, будем свой ход делать?

— Будем, Алеша, будем. Нам ведь проиграть никак нельзя, понимаешь?

* * *

— Я пришла тебя убить...

Слова звучали дико — сказанные ранним утром в пустом коридоре обшарпанной гостиницы. Слова

звучали жалко — произносившая их девчонка в совершенно не по сезону одетом летнем платьице и туфельках, стояла, привалившись к стене с выцветшими давным-давно обоями, и, похоже, на ногах держалась из последних сил. Слова звучали дурной шуткой, поскольку глядящие на Алексея из-под спутавшейся пшеничной челки глаза совершенно не были похожи на глаза убийцы. Уж он-то мог судить. Потому, наверное, и отреагировал на услышанное так, как отреагировал:

— Угу... Понял. Тут убивать будешь, или в номер зайдем?

Девушка молча улыбнулась и, с явным усилием «отлипнув» от стенки, сделала шаг к нему...

Командировка получилась какая-то дурная. Нервная, маетная, вымотавшая всех до предела. В Чернигов они сорвались, едва отцу Михаилу позвонила Машина мама. Мол, явилась пропажа! Возникла из ниоткуда, худющая, аж черная, с кругами под глазами, вся задерганная. Ничего толком не рассказала, как мать ни расспрашивала, а когда та подступилась со своими «Где?», «С кем?» да «Когда?» совсем уж неотступно, заперлась у себя в комнате и просидела там практически безвылазно два дня. А потом вдруг снова пропала — как и не было. Вот тут-то маманя и схватилась за телефон — нет бы раньше. Ей, видите ли, радость мозги затуманила, думала — все обошлось, вернулась доченька сама, без чьей-либо помощи. Да не тут-то было.

Отец Михаил, явно с очень большим трудом сдерживаясь, чтоб не почествовать мамашу крепкими словами, терпеливо выпрашивал подробности — когда опять ушла, что взяла с собой, с кем говорила или, может, встречалась дочь? В ответ стоявшие рядом братья

слышали раздающиеся из мобильной трубки рыдания, охи и ахи. В общем и целом ничего конструктивного. Потом, правда, слегка подуспокоившись, Машина мать рассказала, что каждый день обзванивает друзей-товарищей и бывших одноклассников дочери. Ни с кем на прямой контакт она не выходила, но двое видели ее — один раз в центре города и еще пару раз в окрестностях. То есть вероятность того, что девушка до сих пор находится либо в областном центре, либо где-то совсем рядом, очень велика. С тем и рванули на поиски.

Искать иголку в стоге сена или человека в большом городе, что, в принципе, примерно одно и то же — занятие не то чтоб тяжелое, а попросту муторное, нудное и однообразное. Раз за разом проходить или проезжать одни и те же места, заглядывать в одни и те же дворы, парки, кафе и магазины... Всматриваться в лица людей, которые какое-то время спустя начинают казаться тебе все на одно лицо, как близнецы... И везде при этом задавать одни и те же вопросы, от которых уже язык колом становится. И выслушивать в ответ: «Нет. Не было. Не заходила! Не видели»...

Проведя в таких «увлекательных» занятиях целых два дня, Алексей чувствовал себя уставшим, как собака. Если быть уж совершенно точным — как собака, все это время гонявшаяся за собственным хвостом. В первый день они занимались поисками хотя бы в паре с одним из братьев. Пусть был он Леше и мало знаком, но хоть словом-другим перекинуться было с кем. На второй день решили разделить окончательно — «для лучшего охвата территории». Брат Анатолий выразил желание «размять ноги», несмотря на вовсе не теплое время года, машина досталась Алексею, так что

он взял на себя пригороды. Намотав за день немало километров, спалив чуть ли не бак бензина, Леша пал духом окончательно. Все впустую!

Вообще-то изначально вся эта ситуация рассматривалась тем же отцом Михаилом как банальная ловушка. План, не блещущий оригинальностью или замысловатостью, но как раз поэтому вполне могущий оказаться действенным. Выпустить Машу в качестве приманки, на которую, вне всякого сомнения, отреагирует Братство, и... Вот тут-то начинались варианты и догадки. Нанести по объявившимся братьям удар исподтишка? Оттянув, по возможности, значительные силы, устроить пакость совершенно в другом месте? «Подставить» их с помощью какой-нибудь провокации? Все это было не просто вероятно, а более чем вероятно. Но и не ехать было нельзя. Оставалась крохотная, в процент, в полпроцента возможность того, что девушка по каким-то причинам сбежала от своей «наставницы», а та ищет ее, чтобы вернуть. Или — покарать. И если принять во внимание то, что в процессе поиска наверняка будут задействованы колдовские способы, скорее всего, Лили не потребуется много времени и усилий, чтобы достичь желаемого. Оставить Машу в такой ситуации без защиты и помощи означало перечеркнуть все до единого принципы, которым Братство призвано служить. Вариант даже не обсуждался...

Вот только теперь, два дня спустя, Леше все больше начинало казаться, что было это все не ловушкой, а пустышкой. Маша как сквозь землю провалилась, сообщений о ведьминских или колдовских проявлениях из других мест не поступало (им бы отзвонились), время и силы тратились буквально ни на что. К вечеру зарядил густой обложной дождь, довольно быстро разошедшийся до само-

го настоящего ливня, обрушивавшего на лобовое стекло машины водопады, с которыми «дворники» еле справлялись. Искать кого-либо в такую погоду, когда все живое спешно попряталось с глаз долой, было и вовсе делом бесперспективным. Тем более что сельские и проселочные дороги, и без того не блиставшие проходимостью, на глазах превращались в такое жуткое месиво, в котором были все шансы застрять и на джипе. Плюнув на все, Алексей вырулил на трассу, которая вела в город со стороны столицы, и двинулся по ней к Чернигову. Впрочем, совсем скоро в голову ему пришла дельная мысль — на кой гнать машину в таком природном катаклизме в центр, если все равно завтра, скорее всего, придется возвращаться сюда же? Наскоро перекусив в придорожном кафе, Леша остановился у первого же здания, украшенного вывеской «гостиница». Н-да... не пятизвездочный отель, безусловно, но ему-то что? «Кинуть кости» вполне годится. Главное, чтобы в номере было тепло, присутствовали хоть какие-то удобства и желательно минимум тараканов. С другой стороны, цены тут наверняка божеские.

Через пятнадцать минут, став счастливым обладателем ключей от крохотного номера с гордым названием «полулюкс», Леша ринулся под горячий душ, откуда прямиком нырнул под одеяло. Хорошо-то как! Спать, спать... Утро вечера мудренее! Началось утро куда раньше, чем он предполагал — с отчаянного стука в дверь...

Маша сидела в единственном стоявшем в номере кресле, забравшись туда с ногами и плотно укутавшись конфискованным с кровати одеялом. Из одеяла торчала лишь голова девушки и руки, сжимавшие

в данную минуту здоровенную ватрушку. Кстати, уже третью по счету. Глядя на то, как жадно, но уже не без определенного изящества (две первые проглотила, едва прожевав), гостя расправляется с хлебобулочным изделием, Алексей уловил предательское урчание в собственном желудке. Ужин вчера был скорее символическим, да и когда это было?! А тут барышня так аппетитно ватрушечку трескает, а та такая свежая... Леша двинулся к выходу — уже в третий раз за утро.

Зайдя в номер, Маша, угнездившись и утепившись, попросила «попить чего-то горяченького». Он сгонял за кофе — благо аппарат, выдававший, шипя и плюясь, как рассерженный кот, нечто отдаленно похожее на этот напиток, в холле гостиницы имелся. Напившись кофе, девушка жалобно поинтересовалась насчет «хоть что-то покушать». Благо еще со вчерашнего дня Алексей приметил расположившийся справа от входа в гостиницу ларек «Свежая выпечка». К счастью, торговая точка, работавшая от местного хлебокомбината, открывалась рано — ждать пришлось всего ничего. Да и выпечка там оказалась и вправду свежей. Делая к ней второй рейс за какие-то полчаса, Леша был встречен пышной и румяной, как продаваемые ею булки, теткой-продавщицей словно родной. За сущие копейки ему нагрузили целый пакет «самых вкусных пирожочков», добавив к ним все те же чудо-ватрушки и еще что-то, распространявшее совершенно убийственный для голодного обоняния аромат ванили. Теперь оставалось затариться кофе или чаем — и завтрак удался на славу. Стоя перед бьющимся в падучей кофейным автоматом в холле в ожидании того, когда тот выдаст-таки из себя очередную струйку напитка, Алексей вспоминал состоявшийся в номере часом раньше разговор...

— Фу-ух! Спасибо! Согреваюсь понемногу! — девушка отставила на столик пустой бумажный стаканчик и поинтересовалась. — А сигареты у тебя нет?

— Не-а! Сам бросил и тебе советую, — Алексей улыбнулся самой своей обаятельной, как он считал, улыбкой. — К тому же ты вроде меня убивать пришла, а не себя?

— Да не буду я убивать! Никого! И никогда! — девушка вскинулась, распрямившись взведенной пружиной. В глазах, кажется, блеснули слезы. — Не добьется от меня ведьма этого, пусть даже не надеется! Нафига я вообще с ней, дура, связалась...

— Ты о ком это?

— О Лили, о ком же еще?! А то ты не знаешь?

— Знаю, конечно. Так, кое-что... Но от тебя побольше узнать не отказался бы. Рассказывай!

— А поесть!?

— Да подожди ты — скоро ларек откроется, будет тебе поесть. А ты говори пока, говори...

Каждая девочка... Ну, во всяком случае, каждая *современная* девочка мечтает стать принцессой. При этом уже чуть ли не с рождения девочки разделяются на тех, у кого все по-детски воспринимаемые «принцессы» атрибуты присутствуют изначально, и на тех у кого их нет и вряд ли будут. Кто-то сразу получает жизнь маленькой принцессы — с собственной комнатой, заваленной милыми игрушками, полного шкафа нарядных платьиц, и, если не пони с золотыми подковками, то, по крайней мере, папы с «золотой» кредитной картой, исправно «везущего» на себе всю семью. Кому-то остается лишь мечтать... Нет, даже, скорее, не столько обо всем этом, а о доброй фее, которая вдруг появится в один прекрасный день, взмахнет волшебной палочкой — и серенькая Золушка вдруг

станет принцессой в хрустальных туфельках. И сбываются разом мечты и желания — даже те, которые еще не придумались, на которые пока не хватает у Золушки воображения и смелости.

Маша никогда не хотела быть принцессой. То ли давал знать о себе острый не по годам ум девочки, изначально отсекавший это звено, как низшее по отношению к волшебницам, то ли, пока еще смутно и неясно, заявляли о себе дремлющие в крови способности и задатки. Да нафига быть принцессой, если сразу феей — круче! С самых малых лет Маша буквально бредила всем волшебным и магическим. Зачитанные до дыр книги — от «Алисы» до «Гарри Поттера», рассмотренные до выучивания на память разнообразные «Школы волшебниц»... Она жила ожиданием того мгновения, когда в ее жизнь придет настоящее Чудо, и серенький, убогий мир вдруг вспыхнет всеми красками фантастической радуги. Но чуда все не было и не было. Мать, задерганная до предела двумя работами и суетой по дому, надрывавшая жилы, чтобы выполнить «обязательную программу» — накормить — одеть — обуть — вылечить — выучить, внутренний мир дочери, по правде говоря, понимать даже и не пыталась. Ну, читает книжки, и хорошо — неважно, какие. Ну, сидит перед телевизором часами — так они ж все сейчас перед ним сидят. Не болеет, школу не прогуливает, плохих отметок не получает — вот и славно! Все с ней хорошо, чего ж еще хотеть?

Появление в доме компьютера, ставшего для дочери наградой за окончанный с отличными оценками практически по всем предметам учебный год, а для ее матери — причиной первого в жизни кредита, изменило Машину жизнь. Оказывается, она не одна такая! У нее тысячи, сотни тысяч единомышленников! Тех, кто в скучной и пресной жизни ищет сверкающие ис-

кры волшебства. И находит! Конечно, убив десятки часов на блуждания по сайтам, чатам и форумам, она сделала для себя вывод, что абсолютное большинство написанного там — полный бред, с большей или меньшей претензией на «великие откровения», только-то и разницы. Да и пишут, и выкладывают в сеть все это в основном либо чокнутые придурки, по сравнению с которыми мартовский заяц из ее любимой книжки — образец здравомыслия, либо законченные циники, откровенно прикалывающиеся как с ими же написанного, так и с реакции читателей. Но ведь не все! Но ведь не всегда! Как ей самой казалось, нужно еще чуть-чуть напрячься, приложить еще чуть-чуть усилий, еще немножечко не терять веру в чудо — и откроется та самая волшебная дверца, за которой растут сказочные леса и бродят белоснежные единороги.

Дверцу она нашла... Но еще чуть раньше в жизни ее откуда ни возьмись и вправду появилось Чудо. Звали чудо Гришкой и училось оно в — страшно сказать! — каком-то-там университете в Киеве! (Откуда было Маше знать, что нынче в стране это гордое звание носят зачастую учебные заведения, в сравнении с уровнем которых приличное профтехучилище советских времен — Лицей Аристотеля?) Помимо громадного «столичного» апломба и модных шмоток из бутика «Рынок Троещина», у Гриши был еще и белый скакун — китайского, правда, производства. Короче — прынец, адназначна...

Нельзя сказать, что в данной истории Маша была целиком и полностью невинной жертвой. Она, впрочем, и сама признала, что решившись опробовать на вошедшем в сердце зазнобой парне «кое-что из найденного в Интернете», поступила, мягко говоря, не слишком умно. И уж точно — вовсе не правильно.

Однако все это она понимала *сейчас*. А тогда... Под-
ростковая и юношеская влюбленность, особенно пер-
вая — штука страшная. По силе своей в тротиловом
эквиваленте она равна не одной термоядерной бом-
бе, и если учесть, что сила эта лупит по башке, прежде
всего, самого влюбленного, то вынос мозга тут гаран-
тирован. Чуть больше, чем на сто процентов... Время
стремительно утекало песком сквозь пальцы. Кавал-
ер, чей образ неотступно маячил перед Машиними
глазами во сне и даже наяву, мог «уплыть» в чужие
руки, или как минимум обратно в столицу на учебу.
(А уж там точно найдется кому его окрутить — наив-
ная Маша почему-то свято была уверена в том, что все
до единой киевлянки спят и видят заполучить себе
в возлюбленные именно Гришу.) Лето заканчивалось,
а дальше ничего не значащих встреч в компаниях об-
щих знакомых дело не шло. Вот тогда она и решила
ускорить процесс...

Учиться чему-либо серьезному *исключительно* по
книгам и чужим конспектам — дело не просто глупое
и бесполезное, но вдобавок крайне опасное. Не важно,
о чем идет речь — кулинарном искусстве, овладении
приемами карате или, допустим, «Камасутре». Если
нет рядом учителя или хотя бы старших товарищей,
которые могут подсказать, поправить, посоветовать...
Если теория не подкрепляется практикой, в которой
все начинается с освоения азов (опять-таки, под стро-
гим присмотром наставника) — жди полного прова-
ла. В случаях с карате и «Камасутрой», скорее все-
го — еще и увечий. С Машей произошло именно то,
чего ожидать и следовало. «Безотказный любовный
приворот», исполненный в точности по скопирован-
ным из сети инструкциям (ну... может, *почти* в точно-
сти, ну как-то так примерно) сработал — притом сверх

всяких ожиданий. Гришка, у которого словно открылись глаза, не спускал с нее этих глаз ни на минуту. Вился вокруг Маши вьюном, не зная, чем ей угодить и как обратить на себя внимание. Лип, простите, как банный лист к известному месту.

Вот только кто ж мог знать, что первая же попытка великолепного принца подвезти девушку домой приведет к *таким* последствиям?! То, что едва не произошло на заднем сиденье Гришиной машины, омерзительно вонявшей дешевым пластиком, подробным образом могло бы быть описано никак не в любовном романе, а разве что в статье Уголовного кодекса под названием «попытка изнасилования». Никакой романтики, красивых чувств, любви там не было. Были бешеные глаза, потное накачанное тело и неуправляемая, звериная похоть. Как Маша вырвалась, по правде говоря, она не помнила сама. Почувствовав, что пытаться образумить или тем более отбиться от парня, которого вожделение превратило в животное, абсолютно бесполезно, она начала выкрикивать что-то, вдруг всплывшее из самых дальних глубин подсознания. Что кричала? Не помнит, хоть убейте. Помнит лишь, что Гришка, внезапно побледнев, утратил весь напор и отшатнулся от нее как ошпаренный. И даже, кажется, обмочился при этом...

В квартире она оказалась за рекордное время. С час простояла под душем, а потом мышкой шмыгнула в свою комнату, где, наконец, смогла сделать то единственное, что ей хотелось — разрыдаться. Сколько она самозабвенно ревела, не прерываясь на такие низменные занятия, как сон или еда? Долго... Может, полдня, может, и больше. Потом на место боли и обиды, выведенных из организма хотя бы частично, вместе с горькими слезами, пришла злость. Не-ет, не на

себя, такую несчастную и наивную — за то, что полезла в запретное, решила не просто побаловаться, а всерьез применить то, к чему и прикасаться-то не стоит... Маша злилась как раз на того, кто ей «подсунул туфту». И не замедлила выплеснуть всю свою злость и разочарование единственным доступным ей в тот момент способом — постом на форуме. Понятное дело, на какой-либо отклик она особо и не рассчитывала — так, сбрасывала, долбя изо всех сил по клавиатуре, собственные негативные эмоции. Однако, против всяких ожиданий, ответ под ее постом появился — и очень даже скоро. Машинально бросив взгляд в угол экрана, на «иконку» часов, девушка увидела, что время уже далеко за полночь. Не спится же кому-то, как и ей!

Зная нравы, царящие в интернет-пространстве, где, пользуясь абсолютной анонимностью, и, как следствие, полной безнаказанностью, собеседники, как правило, даже не думают щадить чувства и самолюбие друг друга, Маша могла бы рассчитывать, скорее всего, на подколки и злорадство. А то и на откровенное глумление над «криворукой самоучкой». Однако в появившемся ответе не было и тени насмешки или осуждения. Вовсе нет! Ответившая ей собеседница со звучным ником «Геката», с весьма высоким статусом на данном форуме, позволяющем причислить ее априори если не к администрации ресурса, то, по крайней мере, к самым уважаемым его «старожилам», Маше сочувствовала. Без тени соплей и сюсюканий, а — как старшая и опытная коллега младшей. В нескольких коротких фразах (в которых девушка и поняла-то далеко не все) ей объяснялись те ошибки, которые наверняка были совершены в процессе составления и активации заклęcia, что, собственно, и привело к получившемуся плачевному результату.

Более всего Машу подкупили в ответе две вещи — вот это уважительное отношение к ней, разговор на равных, и... И то, что виноватым в случившемся таинственная «Геката» считала, без вариантов, самого Гришку. По той простой причине, что «все мужики»: в принципе одинаковы... Только одного и хотят... Думают одним местом... Вообще — по природе своей — тупые похотливые скоты. Нужно — подчеркнуть. А вот нам, женщинам, без сомнения являющимся: Воплощением Великой Богини... Венцом мироздания... Мудрейшими в мире существами... Верхом совершенства... и так далее. Подчеркнуть — все! Нам, женщинам... Нет, не всяким, конечно, ни в коем случае не сирым и серым дурам, готовым на коленках ползать перед презренными самцами... А Женщинам Настоящим — знающим, ведающим, сильным нужно держаться вместе, объединяться, поддерживать друг друга. И — ни в коем случае не прощать, не допускать, чтобы хоть один случай скотского к нам отношения был забыт и оставлен без возмездия! Мстить! Карать! Каленым железом, кривыми щипцами и ржавыми садовыми ножницами!

Зерно, как известно, прорастает, лишь попав на готовую принять его почву. Зерна ненависти дают особенно обильные всходы в душе, густо орошенной девичьими слезами и удобренными обломками разбитой первой любви. О! Он будет страдать! Он приползет, приползет на коленях, корчась и стеная, вымаливая прощение, которого недостоин и которого не получит! Тем более что «Геката» более чем прозрачно намекнула на то, что готова помочь, поспособствовать, и, главное — *научить*! Да что там намекала — прямо приглашала встретиться и обсудить...

Так в Машину жизнь вошла Лили. Ей, собственно, не потребовалось особенных усилий, чтобы приручить

озлобившуюся, отчаявшуюся, абсолютно потерявшую себя в этом мире девчонку. Маша жадно, как песок иссушенной солнцем пустыни дождь, впитывала знания. При этом понимая, насколько то, к чему дала прикоснуться ее новая наставница, отличалось от наивной интернетной белиберды. Но дело было не только в магии, которая, как оказалось, действительно существует в этом мире — пусть и совершенно не такая, как представлялось и мечталось Маше. С Лили можно было поговорить — всегда и обо всем. В отличие от матери, она при любых обстоятельствах находила для этого и время и силы. Миллион тем, которые так волнуют едва вступающую во взрослую жизнь девушку, с ней можно было обсуждать совершенно свободно — без стыда и стеснения. Она никогда не высмеивала, не одергивала, не читала нотаций и моралей. Лили давала советы, делилась опытом, рассказывала потрясающие «истории из жизни» — и во всем этом была бездна мудрости, житейского и чисто женского опыта. А как она выглядела! Не чета вечно загнанной, как лошадь, матери! Холеная, породистая — ведь именно так и должна выглядеть *настоящая* женщина? Лили учила... нет, даже не учила, а очень мягко и тактично подсказывала и советовала Маше — как одеваться, как наводить макияж (с применением магических средств и без таковых) для разных случаев, как вести себя в том или ином обществе.

А попутно учила и другому — главному. Во что в этом мире стоит верить, а во что нет. Кому стоит поклоняться, а кого — с презрением отринуть. Кто и что есть истинным носителем правды, добра и свободы для людей, а кто — только таковым прикидывается. Она открывала ей совсем другую жизнь — без унижительных запретов и никому не нужных ограничений, без глупых «принципов» и «морали», которая нужна

только тупицам и слабакам. Жизнь, полную Силы, Власти и будущих наслаждений.

Совсем скоро Маша почувствовала, что мать стала ее невыносимо раздражать — со своим вечным мельтешением, мелочной опекой, дурацкими заботами. Дом, который еще недавно был родным и уютным, стал казаться тесной клеткой, убогой лачугой, недостойной ее. Общаться с матерью она практически прекратила, а на двери собственной комнаты, обустроив ее по своему вкусу, установила замок.

История с Гришей, боль от мыслей о которой уже начинала терять остроту, получила продолжение. Минуло не так много времени после крайне печально (к счастью, только в моральном плане) закончившегося для обоих инцидента, как Гришу, судя по всему, «накрыло» с новой силой. Белая машина маячила под Машиными окнами круглосуточно — похоже, бедняга и спал в ней. Раздобыв непонятно где и как все, какие только возможно координаты предмета своей страсти, он изводил девушку звонками как на домашний телефон, так и на мобильный. Причем после первых «обломов», когда та просто перестала реагировать на вызовы с осточертевшего номера, не поленился и не поскупился купить чуть ли не два десятка «симок» различных операторов и «доставал» Машу звонками и SMS-сообщениями, меняя их с такой частотой, что запомнить все она просто физически была не в состоянии. Электронный почтовый ящик девушки переполнился письмами одержимого маньяка меньше чем за день. Лестничная площадка была завалена мягкими игрушками, не то что брать, а прикасаться к которым Маша не собиралась — к огромной радости живущей в доме детворы, и роскошными букетами — к не меньшей радости мамаш тех самых детишек, которые

лихо «мародерили» бесхозных плюшевых мишек и собачек.

К счастью, мать, большую часть суток находившаяся на работе, всего этого умудрялась не замечать. Пока... Но что будет дальше?! Сколько этому сумасшедшему потребуется времени, чтобы перейти к еще более активным действиям — например, к ночным сиренадам с привлечением кадров из местной филармонии или, того лучше, попытке забраться к ней в окно?! Выяснять это на практике у Маши желания не было ни малейшего. Впутывать в это маму, друзей, милицию означало стать как минимум объектом пересудов и сплетен на год вперед, как максимум — вечным посмешищем. Тем более что по мере углубления общения с Лили и как результат — расширения собственных познаний в специфических областях, девушка понимала, что все это будет бесполезно. Подобное, как писал любимый Машей классик, следовало лечить подобным. И она, естественно, обратилась за помощью к наставнице, которая и без того уже была в курсе проблемы.

Та восприняла просьбу так, словно давно ее ожидала, усмехнулась снисходительно и, конечно же, пообещала помочь. Чуть-чуть... Бросив напоследок фразу о том, что «окончательное решение проблемы» Маше придется осуществить самостоятельно. Девушка сперва не поняла, что именно в данном случае имелось в виду. Ей вообще-то представлялась необходимая после освобождения Гриши от действия чар, крайне малоприятная и даже болезненная процедура, состоящая из взаимных извинений и окончательного выяснения отношений по формуле «прошла любовь, завяли помидоры...». Ну, и дежурным предложением «остаться друзьями» в финале. Хотя, по правде говоря, после всего происшедшего ей вовсе не хотелось бы не то что

дружить, а пребывать на территории одного квадратного километра с Гришкой.

Как оказалось, поняла она все совсем неправильно. Примчавшись в самом скором времени к Лили с благодарностями за то, что телефоны в доме наконец-то заткнулись, а белоснежное чудо китайского автопрома перестало портить вид из окна, Маша получила достаточно жесткую отповедь. Оказывается, Гришку отвадили лишь на время. Дай срок — и все вернется, причем, как и в прошлый раз, с еще большей интенсивностью. Что ж делать?! Поставить точку! Как?! А вот так...

Далее Маше был предложен на выбор ряд возможных вариантов «решения». Все они сводились, в общем, к одному — Гришку предлагалось извести. То есть насовсем. Под корень. Маша ужаснулась. Причем ужас и омерзение вызвали не столько детали возможных ритуалов и приготовлений к ним, большую часть которых необходимо было проводить в «милых» местах вроде морга или кладбища. Нет! В дрожь, в холодный пот бросала сама мысль о том, что она должна будет хладнокровно убить этого придурковатого парня, которого, собственно говоря, сама же таким и сделала! На вопрос касательно того, а нельзя ли просто «снять» криво исполненный «приворот», последовало ледяное «Нет!», произнесенное так, что разом отпала вся охота к дальнейшей дискуссии. Маша поняла — ее сознательно и обдуманно подводят к некоей черте, «точке невозврата», за которой обратной дороги уже не будет. Никогда.

Увы... Мир магии оказался совсем не таким, как она мечтала. Вместо милых белых кроликов при цилиндрах и часах, его населяли совсем другие существа — зубастые, когтистые, с рогами и копытами. Не было

никаких добрых и мудрых волшебниц. Были лишь злые ведьмы с прекрасной внешностью и черным нутром, за спинами которых маячил в непроглядной тьме и вовсе невыразимый ужас. А главное — ценой волшебства оказалась чья-то кровь и собственная душа.

Изводить Гришку Маша отказалась наотрез. И сразу, когда только прозвучало это предложение, и потом, после отпущенного ей времени «на обдумывание». Делая это во второй раз, девушка, откровенно говоря, тряслась от страха. А ну, как расправятся с ней самой — как с не оправдавшей доверие? В том, что у Лили и других ее учениц, количество которых все возрастало, кстати, хватит на это сил, Маша несколько уже не сомневалась. Страшило еще и другое — вдруг ее не будут карать, а просто изгонят из круга «избранных», выбросят, как негодный материал? Против опасений, ничего такого не случилось. Напротив — Лили стала относиться к ней как-то даже вроде мягче, едва ли не ласковей. Обучение продолжилось, правда, несколько в иных направлениях, чем раньше, а эпизод с Гришей как-то незаметно перевели в шутку. Он, кстати, так больше и не появился — очевидно, его возвращение в планы Лили не входило.

Постепенно Маша стала все больше времени проводить с наставницей. А тут грянул конфликт с матерью, спохватившейся, наконец, и резко заинтересовавшейся внутренним миром дочери и содержанием ее досуга. Попытка «поговорить по душам» вылилась в оглушительный скандал, о котором сама Маша сейчас вспоминала со жгучим стыдом. Но тогда все накопившиеся раздражение и агрессию она выплеснула, не раздумывая, именно на мать. После этого оставаться в доме стало и вовсе нестерпимо. А тут еще и Лили, словно читавшая ее жизнь (а, скорее всего, и вправду читавшая — какими-то своими колдовскими

способами), предупредила — останешься дома, больше меня не увидишь. И предложила переехать к ней.

Так Маша стала не просто ученицей колдуньи, а ее воспитанницей, и что греха таить — по совместительству горничной, секретарем и вообще девочкой на побегушках. Впрочем, Машу это положение не обижало и не тяготило. Тяжелой или грязной работой ее не нагружали, поручения давали, как правило, необременительные и несложные. Да и к тому же, сама того не замечая, Маша все больше менялась внутренне. Вещи, еще недавно казавшиеся страшными и отвратительными, становились привычными и обыденными, черные мохнатые тени, мельтешившие по стенам или среди могильных холмиков во время проведения ритуалов и обрядов давно перестали не то что пугать, а вообще отвлекать от «работы». Вот только одного она так и не могла преодолеть в себе — абсолютного отрицания отнятия чьей-либо жизни.

Лили отличала Машу среди прочих учениц. Не как лучшую, не как наиболее перспективную, а как-то... как-то по-другому. С некоторых пор... Если уж говорить совершенно конкретно, то после спешного отъезда... да что уж там — бегства из Днепропетровска, Лили стала отделять Машу от остальной своей изрядно разросшейся «команды», гораздо меньше заниматься с ней магическими практиками, да и общаться куда реже. Девушка почувствовала все более ширящийся вокруг себя круг некоего отчуждения. Ее берегли, за ней пристально следили — куда более пристально, чем раньше! Но для чего?! Вот тут-то и случился тот самый разговор, который ей удалось подслушать — как была уверена Маша, совершенно случайно...

— Понимаешь, эти суки...

— Не ругайся.

— Да это я не ругаюсь еще! Я тогда, за шкафом прячась, такими словами их обзывала! Правда, молча... Я б прибила их, точно говорю! Если б не знала точно, что они меня по стенке размажут — пикнуть не успею. Это ж надо до такого додуматься — в жертву меня приносить!

— Уверена?!

— А что они еще, по-твоему, в виду иметь могли: «Она почти готова для своей миссии. Девственница с задатками магички — то, что нужно властелину. Ее срок уже близок. Скоро она взойдет на алтарь!» Я тоже, знаешь, не дурочка, и кое-чего почитала. Спасибо Лили, у нее таких книг полно, что ни в одной библиотеке не найдешь. Так вот в них очень даже подробно такие ритуалы описываются — с алтарем, девственницами и всем прочим. Зарежут, как овцу — и привет! Непонятно, правда, зачем меня вообще магии обучать было нужно... Ну, да кто их знает.

— И вот после этого ты сбежать решила?

— А ты б не решил?! Сидел бы и ждал, когда тебя в «большой круг» поволокут и кровь выпустят? Нема дурных...

— И как — получилось?

— Ну да, как же...

Со слов Маши, с побегом у нее вышло примерно так же, как с первым в жизни «приворотом». Ну, то есть через... пень-колоду, скажем так. При попытке покинуть глубокой осенней ночью территорию очередного особняка, где квартировала Лили со своим «штабом», молчаливые мордовороты из охраны возникли из ниоткуда и, взяв ее под белы ручки, препроводили в кабинет к хозяйке. Судя по всему, ее просто напросто ждали — у той самой совершенно незаметной и никому, как она была уверена, не известной лазейки

в заборе, которую она наметила в качестве пути для бегства. И Лили тоже ждала. Не было ни крика, ни вполне ожидаемых брани и пощечин, ни даже упреков в неблагодарности и предательстве. Улыбнулась своей «фирменной» улыбкой, которая, по Машиному мнению, гораздо больше была бы к лицу гремучей змее, и подошла к своей ученице, словно кошка, к загнанной в угол мышеловки мыши.

Зайдя ей за спину, Лили начала молча проводить какие-то манипуляции. Меньше минуты спустя Машины плечи вдруг против ее воли начали отклоняться назад, а потом закружилась голова — внезапно и так сильно, что она даже зажмурилась. Когда глаза удалось открыть, перед ними маятником раскачивался кулон, который Лили носила практически не снимая — из тяжелого блестящего золота, с красным камнем, настолько большим, что он мог даже вызвать подозрение в своей подлинности. Но Маша знала точно — это не стекляшка, а самый настоящий полновесный рубин. Основная же ценность этой вещи заключалась не в величине и огранке камня, не в весе оправы, а в том, что была она невероятно старой, если не древней и насквозь пропитанной накладывавшимися на нее веками чарами. Девушка уже видела, как это украшение используется для гипноза — теперь настал и ее черед.

Оторвать взгляд от мерцающей и ходящей перед глазами туда-сюда багровой точки было невозможно. Сознание «плыло», расслаивалось, мысли закручивались какими-то вихрями, уносившими Машу в кровавые глубины камня. Контролировать себя сейчас она не могла ни в малейшей степени. При этом, однако, она почему-то совершенно отчетливо слышала и понимала звучащие у нее над головой слова колдуньи. Мерным речитативом та «начитывала программу»,

которая должна была, отложившись в подсознании девушки, «включиться» в определенную минуту, заставив ее действовать, как безвольную куклу, выполняющая приказ ведьмы.

Приказ был несложен. Сейчас она отправится домой. Пробыв там ровно два дня, она должна будет пойти и найти одного из Братьев — Алексея. Где и как найти его, будет указано. Найдя — убить. Убить... Убить... Убить... Под мерное, отрешенно-безэмоциональное повторение этого страшного слова Маша и отключилась окончательно — багровая волна рванулась к ней из глубин камня, словно поток крови, и Маша утонула в этой волне.

В себя она пришла в совершенно, на первый взгляд, незнакомом месте. Какой-то сквер с совершенно голыми, уродливо и страшно выглядящими в темноте деревьями. Под ней — жесткое и шершавое сиденье сто лет не крашенной лавки. За спиной — кусты, судя по доносящимся с их стороны «ароматам», давно выбранные местной алкашкой для отправления естественных надобностей. Впереди — вроде бы улица, даже перекресток с висящим на нем светофором. Светофор, переключившись, вдруг вспыхнул красным, и Машу словно ударило взрывной волной — резко нахлынули воспоминания и образы: нелепая попытка побега, кабинет Лили, кроваво-алый рубин, гипноз... Убей его! Убей! Убей! Девушку охватила дрожь. Кстати, на улице далеко не лето, а она в легком платьишке. Холодно как! Вещи? Никаких вещей — ни одежды, ни сумочки, ни мобильного с косметичкой. Всей косметики — смех! — непонятно каким образом завалявшийся в кармане платья тюбик с помадой! Денег и документов, к слову, тоже нет. Славненько... Похоже, ведьма вышвырнула ее на улицу буквально

«в чем была», еще и основательно обчистив на прощанье. Ну и ладно! Пусть подавится...

По правде говоря, гораздо больше, чем отсутствие вещей, документов и денег, Машу сейчас занимало другое — по всем законам магии она ни в коем случае не должна была помнить ни о самом факте сеанса гипноза, ни тем более о содержании заложенной в нее «программы». И тем не менее... Она помнила! Каждое, как ей казалось, движение кулона-маятника, каждое сказанное Лили слово. Что ж получается? Колдовство дало сбой?! Исполненное такой мощной ведьмой, как ее учительница? Бывшая... Вряд ли та могла допустить ошибку. А, может, все дело в ней — в Маше? Ну, не зря же к ней такое особое отношение. Наверное, она и впрямь особенная. Такая вот — негибкая и неподдающаяся! Как часто, особенно в ранней молодости, мысли о собственной исключительности кажутся нам единственно правильным ответом на все вопросы...

Разобравшись, как ей показалось, с самым важным вопросом, Маша задалась другим — где она, собственно, находится? Стоило оглянуться вокруг еще раз — и словно пелена с глаз упала: да ведь этот скверик в полквартале от ее дома! Именно в нем она с одноклассницами не раз «зависала» по дороге из школы. И как можно было сразу не понять?! Тем лучше — отсюда она и без денег доберется. Скорей бы домой!

Пребывание в родных стенах превратилось для Маши в пытку. От матери приходилось самым настоящим образом прятаться. О том, чтобы сказать ей правду и речи быть не могло, а врать — язык не поворачивался. Взглянув на маму — теперь совершенно другими глазами, Маша увидела, насколько та постарела и сдала за последнее время. О том, кто именно был тому виной, гадать не приходилось. Мучаясь от

жгучего стыда, девушка отсиживалась в своей комнате, при вынужденном общении с мамой ограничиваясь самыми общими фразами, «съезжая» при этом на плохое самочувствие. Надо сказать, что при этом она не слишком-то и кривила душой. Не разобравшись сначала в причинах собственного постоянного недомогания, Маша грешила на последствия гипноза, нервный стресс и переохлаждение. Однако обычных симптомов простуды у нее как таковых как раз и не появилось. Зато постоянно кружилась и болела голова, накатывала волнами слабость, а настроение плясало сумасшедшей синусоидой — от жуткой депрессивной апатии к накатывавшим все чаще приступам агрессии, когда ей нестерпимо хотелось ломать и крушить все вокруг себя. Чуть погодя до Маши дошло — все дело в том, что квартира за время ее отсутствия была освящена! Поняла это она, когда приблизившись к одной из икон, которые теперь имелись дома во множестве, чуть не упала в обморок. Хорошенькие дела! Что же с ней сотворили?! Что же она сама сотворила с собой?!

Долго мучиться Маше не пришлось. На исходе второй ночи, проведенной под материнским кровом, девушку посетил сон. Открыв глаза, Маша сосредоточенно встала, надела ту самую одежду, в которой вернулась, и отправилась туда, куда звал ее полученный во сне приказ. Теперь она точно знала, кого и где ей искать...

...Автомат, содрогнувшись, выдал из себя последнюю порцию мутно-коричневой жижи и заунывно завыл — перетрутился, видать, бедняга. Этот гнусный звук вывел погрузившегося в воспоминания о Машинном рассказе Алексея из ступора. Подхватив с лотка бумажные стаканчики, он двинулся вверх по лестнице.

Слава богу, нервы у Леши были крепкими... По законам жанра, переступив порог номера, он должен был бы как минимум выронить и так с трудом удерживаемые в одной руке горячие емкости с напитком, безнадежно изгадив недавно собственноручно стиранные джинсы и белые кроссовки. Как максимум — вообще впасть при этом в полный ступор и застыть столбом, не обращая внимания на обваренные «кофе» ноги.

В кресле Маши больше не было. Нет, микроскопические размеры гостиничной клетушки места для особенной интриги не оставляли — никуда девушка из нее не делась. Просто переместилась на постель, попутно избавившись от каких-либо предметов одежды вообще. Платье и некие невесомо-кружевные тряпочки валялись комком на том самом кресле, которое последний час занимала их хозяйка.

В стотысячный раз Леша поймал себя на том, что в нестандартных ситуациях в голову ему лезет непременно всякая чушь. Вот и сейчас почему-то вдруг подумалось: ну как женщины умудряются причесываться и при отсутствии расчески, а у него даже вечный «ежик» торчит поутру во все стороны? Маша и вправду привела свои волосы не в идеальный, конечно, но все-таки — в порядок. А еще — зачем-то намазала губы кричаще-яркой помадой, особенно нелепо смотревшейся на фоне ее бледного лица. Хотя... не такого уж и бледного — внешний вид девушки, еще недавно замученной и едва державшейся на ногах, за время Лешиного отсутствия изменился неузнаваемо. Вроде ничего определенного, но от Маши исходили волны сексуального зова такой силы, что чуть не валили с ног. Хотелось...

Блин, ну понятно же, чего в такой ситуации могло хотеться здоровому молодому парню, к тому же вовсе

не злоупотреблявшему в последнее время общением с противоположным полом! Тем более что весь вид девушки не говорил, а кричал прямо-таки: «Я твоя! Я хочу тебя! Возьми меня!»

Нет, аскетом Леша не был никогда. И баб у него было множество. Но вот именно, что баб, девок, телок... Так — на ночь, на две, между делом, для удовлетворения требований мужского организма. Но — никак не для души. Пара случаев, о которых можно было говорить, ну, пусть не о любви, а об увлечении, о каких-то *отношениях*, остались где-то далеко-далеко, не вызывая в памяти уже ничего, кроме легкой досады и мимолетной грусти. А Маша...

Да не верил Леша ни в какую «любовь с первого взгляда»! И вообще, чем дальше шел по жизни, тем больше начинал сомневаться в наличии на белом свете настоящей любви как таковой. Но почему же так сжималось сердце, когда смотрел на нее, слушал ее голос, вдыхал еле уловимый на расстоянии запах волос?! Почему сидел с ней в этой гостиничной дыре уже битых два часа, вместо того чтобы немедленно оповестить о находке остальных братьев, подать сигнал общего сбора и везти Машу к месту встречи? Будить не хотел спозаранку? Да кому ты врешь, парень?! Просто хотелось побыть с ней вдвоем подольше, словно остального мира и вовсе не существует — ни ведем, ни Братства, ни вечного их противостояния. Сознательно, бессознательно ли, но ведь всеми силами оттягивал тот момент, когда это хрупкое «вдвоем» рухнет и снова начнется проклятая шахматная партия, в которой они — лишь фигуры на доске, причем разного цвета.

И что? Шагнуть сейчас вперед, сжать в руках это тело, при одном взгляде на которое сгустившаяся вдруг кровь начинает стучать в висках взбесив-

шимся кузнечным молотом? Взять ее, пользуясь моментом, который, скорее всего, больше никогда не представится? Поддаться... Чему? Вот именно — чему сейчас он должен поддаться?!

Алексей сделал шаг вперед, шлепнул на столик принесенные стаканы так, что содержимое выплеснулось и потекло по столешнице. Потом развернулся к креслу, аккуратно сдвинул в сторону одежду девушки, выдернул из-под нее скомканное одеяло. И набросил его на Машу, стараясь смотреть при этом в сторону. Поколебавшись всего секунду, сел рядом и взял девушку за руку.

— Не надо, Маша. Так — не надо...

— Почему?!

— Потому что так неправильно. Нельзя. Нельзя, и все...

В крохотной комнатке повисло молчание, продолжившееся, впрочем, недолго. Сглотнув набежавшие слезы, Маша «зашла» с другой, неожиданной, стороны:

— Лешенька, милый, ну помоги мне!

— Чем помочь? С чем!?

— Ну пойми же, пока я... Ну, пока ни с кем не была, с мужчиной в смысле... Я же нужна ведьме этой буду! Она же не отстанет от меня! Она же меня найдет! Ну, спаси меня, Леша! Ты не подумай — ты мне, правда, нравишься, очень-очень... Я, правда, хочу, чтобы в первый раз именно с тобой! Ну, спаси ты меня!

— Только не таким способом...

«На жалость начинаем бить! Что дальше?» — Леша поймал себя на том, что ему вряд ли стоит испытывать на себе возможные дальнейшие ходы девушки. Потому как прочность его добродетели уже и так была на пределе. В процессе разговора одеяло вдруг как-то

незаметно начало ползти вниз, и из-под него показалось сперва плечо, а потом и грудь... Такая... Ну, такая... Гру-у-дь...

Скрипнув зубами, Алексей резко встал с постели и развернулся к противоположной стене.

— Значит, так! Сейчас я даю тебе одежду и иду в коридор. Жду там пять минут. Потом захожу. Если ты не будешь сидеть полностью одетая и готовая к отъезду, я опять уйду, запру номер, и потом сюда зайду уже не я. Ты поняла?

— Да поняла я все... — Маша сидела на постели, всем своим видом не выражая уже ничего, кроме глубочайшего раскаяния и сожаления. Одеядло снова вернулось под самый подбородок. — Ну, хоть поцеловать меня ты можешь?

Поцеловать?! Ну... Ведь поцелуй — это же ничего такого, ведь правда же? И ведь возможно, больше никогда... Да, что там возможно — наверняка! Да ну его! Леша нежно, словно к трепещущему на весеннем ветру тончайшими лепестками цветку мака, прикоснулся губами к ее губам. Таким нежным, зовущим... Пусть и намазанным этой дурацкой алой помадой! Алая волна накрыла его в один миг. И наступила тьма...

Голова болела невероятно... Кажется, мы это уже проходили? Ну да, а как же. Но что тут поделаешь, если каждое возвращение из «отключки» сопровождалось у Алексея такой вот неприятностью. Слава богу, хоть случалось с ним это нечасто. А теперь вот случилось. И, кстати, болит не просто так — похоже, крепко приложился башкой обо что-то. Об руль? Точно, об него — а что ж это еще такое может быть перед глазами? О, как интересно-то. Ну, что? Начнем с вечных вопросов: «Кто я? Где я? Что со мною?»

С ответом на первый вопрос, к счастью, проблем не было. То есть содержимое черепной коробки отшибло не окончательно. Себя Леша помнил и осознавал четко. И так же четко понимал, что нынешнее его, скажем так, географическое положение, мягко говоря, странное и неправильное. Значит, будем плотно разбираться с вопросом номер два. Через лобовое стекло машины виднелось... Да вот как раз ни фига вразумительного через него не виднелось! Сплошное нагромождение каких-то голых веток с остатками давно мертвой листвы на некоторых из них. И толстенный ствол дерева, в которое машина, судя по всему, въехала не на бешеной скорости (иначе он бы тут сейчас игрой в «угадайку» не занимался, а спокойненько лежал на руле холодным трупом, уже никакими вопросами не интересующимся), но с силой, достаточной для сминания крышки капота. Отстегнув ремень безопасности и открыв свою, водительскую дверь, Леша выпрыгнул наружу из стоящего с приличным креном внедорожника.

Так... Вокруг имеем лес. В который «крузак» слетел с виднеющейся в нескольких шагах правее полосы раздолбанного и потрескавшегося асфальта, с большой натяжкой тянущего на звание даже проселочной дороги. Ну, и какого хрена!? Причем «какого хрена» дважды — этот вопрос относится не только к тому, как он на этой лесной тропе оказался, а и к причине, по которой он с нее улетел в дерево! Стоп... Надо вспомнить. Он был в гостинице. Потом туда пришла...

Странное дело — при попытке восстановить в памяти предшествовавшие события, голову снова немилосердно сдавило раскаленным обручем боли, а перед глазами сгустилась клубящаяся алая тьма. Бли-и-ин, похоже, все-таки сотрясение. Пошатнувшись, Леша

сделал шаг назад, и его спина уперлась в открытую левую пассажирскую дверь. Это еще что за новости? Осторожно, стараясь не делать резких движений, от которых, чего доброго, можно будет по новой «вырубиться», Алексей развернулся. Аккуратно прикрыл дверь и... Уставился на открывшееся его глазам новое зрелище. Прямо возле машины лежала без признаков жизни девушка. В летнем платье и с ярко-алой помадой на губах. Рядом с ней не было ничего, кроме маленькой, на треть литра пластиковой бутылочки с водой, практически уже опустевшей. Девушка явно не вылетела из машины при ударе о дерево — скорее, попыталась выйти после, да так и свалилась, не сделав и шага. Тоже ударилась головой? Ни синяка, ни ссадины, ни других следов удара не видно.

Девушка... Откуда она вообще взялась?! Кто она? Она... Маша!

Алая боль взвихрилась с такой силой, что Алексей не устоял на ногах. Шлепнувшись на пятую точку в кучу веток и прелых листьев, сжал пытающуюся разлететься на тысячу кусков голову изо всех сил. Да что ж такое происходит?!

Открыв, пусть и с большим усилием, глаза, Алексей внимательнее всмотрелся в лежащее буквально в шаге от него тело девушки. Вернее — в выпавшую из ее рук емкость с водой. Водой!

Так бывает... Одна-единственная, крохотная и незначительная, на первый взгляд, деталь, становится на свое место в головоломке, в паззле, который никак не желает складываться, и — вот оно! Щелчок, вспышка озарения — и все начало раскладываться по полочкам, «цепляться» одно за другое, выстраиваясь в ясные логические цепочки. Подобное знакомо любому сыщику — стоит найти некий «ключик» ко всем загадкам, и самое запутанное дело начинает послушно разма-

тываться, как путеводный клубок из сказки, ведя тебя к истине. Вода...Ну, конечно!

Аккуратненько переместившись в позу, как он сам говорил в таких случаях, «гордого барса», Алексей на четвереньках, не искушая судьбу, двинулся вперед. А вот и бутылочка. Маленькая, с этикеткой, на которой изображены известные на весь мир храмы, и написано, что добыта эта вода в источниках святых преподобных Агапия и Феодосия Печерских, в Свято-Успенской Киево-Печерской лавре. И освящена, естественно... Для кого-то она — лекарство, спасение для тела и души. А кому-то, напротив — сильнейший яд. Так, на несколько глотков воды все-таки осталось. Вот и отлично!

Не вставая с колен, Алексей начал читать молитву, время от времени прикладываясь к бутылочке с остатками освященной воды. При этом старался, прежде всего, омыwać губы, удаляя с них остатки того, что и забросило его в этот глухой, промозглый лес...

Безусловно, принести эффект, равный по силе отчитке, выполненной специально подготовленным священником, его действия не могли. Но самые острые последствия зловредного колдовского воздействия, по крайней мере на какое-то время, сняли. Попытки вспомнить недавние события уже не вызывали алых взрывов под черепом, а боль в голове осталась только в том месте, где наливалась солидных размеров шишка — от удара о руль. Да и вообще, сознание прояснилось, мысли стали намного более связными и четкими.

Итак, что же все-таки произошло? А произошло то, что ловушка все-таки была, вот только он ее «прохлопал», как последний дурак. Если быть откровенным, то как один из наихудших подвидов дурака — дурень влюбленный. «Случайно» подслушанный Машей

разговор, ее неудачное бегство, «странным образом» запомнившийся гипноз — все это были звенья одного плана. И плана, нельзя не отдать должное, весьма и весьма хитроумного. Пребывая в полной уверенности, что поступает по своей... ну, почти по своей воле, девушка изначально несла в себе «мину замедленного действия». Программу, команду, заложенную во втором, истинном слое гипноза, о котором она, естественно, даже и не догадывалась. Настоящее заклинание подчинения должно было сработать тогда, когда девушка, завоевав полное доверие, очаровав и обворожив, войдет с Лешей в телесный контакт. Оно и сработало... Кхм... Интересно, а что было бы, если бы он, поддавшись «порыву страсти», не ограничился бы поцелуем? Вообще в одержимого бы превратился? Блин, как стыдно-то!

Если бы сейчас в лесу бродила, скажем, поисковая партия по Лешину душу, то пропажу они, пожалуй, обнаружили бы без труда. В принципе, напрочь лишенный способности краснеть (вы когда-нибудь видели краснеющего мента?!), сейчас он чувствовал, что уши его не просто горят, а пылают от стыда, подобно красным огням семафора. Наверняка с другой стороны леса видно. Позорище! Повелся, как пацан. Воин Братства! Борец с нечистью! Самец ты, а не борец!

Пораспекав сам себя таким образом какое-то время, Алексей решил, что самоуничижения достаточно. На сегодня, по крайней мере. Есть задачи куда более насущные, важные и сложные. Например, выбраться из той задницы, в которой он по собственной глупости оказался. И сделать это следует, по возможности, поскорее.

Первым делом он подхватил на руки Машу и перенес ее с сырой холодной земли в салон автомобиля. В том, что девушка жива, он убедился первым де-

дом, еще когда еле доковылял до нее. Пульс на тонкой шейке прощупывался, но обморок, похоже, был очень глубоким. Устроив Машу на сиденье так, чтоб не дай бог, не вывалилась, Леша принялся за ревизию собственных транспорта, техники, вооружения и снаряжения.

Машина, несмотря на все попытки, заводиться отказалась наотрез. Впрочем, если он и ожидал другого, то слабо. Тех механических повреждений, которые видны были невооруженным глазом, хватило «старичку» «Лендкрузеру» за глаза. Починить машину, конечно, можно. Но не здесь, не сейчас и не с его более чем скромными познаниями и способностями в области ремонта автомобилей. С транспортом ясно... Связь? А нет связи! Обшарив собственные карманы и все доступные места в салоне, ничего похожего на свой мобильный телефон Леша не обнаружил. Тоже, в общем, не удивило. Как и отсутствие серебряного клинка, без которого Алексей ощущал себя чуть ли не голым — особенно в нынешних обстоятельствах. Ну, с этим не так уж все плохо — в каждой машине Братства имелся хитро упрятанный под задними сиденьями потайной отсек. Пусть и небольшой, но достаточный для того, чтобы в нем помещался помповый дробовик, пару коробок с патронами к нему — как снаряженными серебром, так и обычными, и еще кое-какие крайне полезные вещи. Несколько емкостей с освященной водой, к примеру. Взяв в руки бутылочку, Леша сделал из нее, перекрестившись, нормальный глоток, а затем, плеснув на руку, омыл лицо. Вот так совсем хорошо! А ведь, если вдуматься, именно вода его и спасла!

Строя версии того, как они с Машей оказались на этой обочине затерянной в лесу дороги, Алексей мало-помалу пришел к одной: когда заклятие сработало,

его мозг и воля попросту «выключились». Дальше он уже делал исключительно то, чего изначально хотела от него Лили. То есть — собрался, оставив в номере «ненужные» вещи вроде клинка и мобильного, сел вместе с девушкой в машину и поехал. Куда глаза глядят? Да нет, скорее уж целенаправленно, в какое-то определенное место, назначенное ведьмой. А уж там его должны были... Попросту убить? Принести в жертву? Взять в заложники? Какой смысл гадать — лучше сделать так, чтобы из этих планов ничего не получилось!

Почему не доехали? Вот тут-то как раз все более или менее понятно. Вряд ли сама Маша после активизации заклинания сохранила способность думать и действовать самостоятельно. Скорее, она должна была находиться возле Алексея в качестве живого «маячка» и «усилителя» для направленной магии. Потому и оказалась в машине вместе с ним. И вот это-то и сыграло с ней первую злую шутку. Джип, как и любой другой автомобиль Братства, был освящен. Можно только представить, насколько некомфортно бедняжка там себя начала чувствовать в самом скором времени! Как любой человек, которому стало нехорошо в машине, она потянулась за водой. Откуда ж ей было знать, что как минимум одна из стоящих в специальном держателе между передних сидений бутылочек всегда наполнена освященной водой из Лавры? Хлебнув ее, Маша, как видно, окончательно потеряла над собой контроль, и... Вцепилась в него сзади? Попыталась на полном ходу покинуть автомобиль? Да какая, в общем, разница?! Факт в том, что эти действия и привели к тому, что резким поворотом руля Леша «вынес» машину с дороги — да прямиком в дерево...

В общем, картина ясна. Одни в лесу — без транспорта и связи. Слава богу, хоть не с пустыми руками,

в смысле оружия. Потому что чуяло Лешино сердце, в покое Лили их не оставит. Значит, надо не просто как можно быстрее выбираться к людям, а искать остальных братьев. И желательно священника — уж Маша-то без его помощи не обойдется точно. Н-да, легко сказать...

В гостинице они сидели ранним утром. Пока общались, пока целовались... Пока, взятый под контроль, он собрался, вывел со стоянки машину, пока поехал. Знать бы — куда?! Дешевыми китайскими «навигаторами», способными разве что свести с ума нормального водителя, в Братстве не баловались. Для определения своего места в пространстве и маршрутизации служили оснащенные специальной «Транснавикомовской» программой, прописанной на основе карт Генштаба, ноутбуки. Был такой и у Алексея. Естественно, оставляя на ночь машину на гостиничной стоянке, «охраняемой» глухим дедком отчаянно алкоголического вида, сумку с ноутбуком он забрал в номер. Там, она, естественно, посейчас и пребывала... Ладно, на попытках понять, где именно они находятся, ставим крест. По-любому надо выбираться — к людям, в любое место, где появится хоть какая-то возможность связаться с братьями. Благо мобильные телефоны сейчас имеются даже на самых глухих лесных хуторах. Была бы еще сеть... Ну, дойдем — разберемся.

Не меньше, чем вопрос о местонахождении, Алексея беспокоил другой — который сейчас час? Странное дело — старенькие, но надежные как автомат Калашникова «Командирские», подаренные когда-то на день рождения коллегами по «убойному» отделу, которые он обычно не снимал практически никогда, тоже, как видно, остались в номере. Впрочем, волновало Лешу не столько точное время, сколько то, как долго еще будет светить солнце. Уж очень отчетливо опыт и чутье

подсказывали, что с наступлением темноты этот лес, скорее всего, превратится для них в крайне негостеприимное место. И небезопасное к тому же. Но даже если эти мысли — не более чем перестраховка, топать по лесу впотьмах — то еще удовольствие. Разодранная ветками рожь — минимально гарантированный «бонус». А есть еще коряги, бурелом, ямы и прочие «прелести», благодаря которым в ночном лесу запросто можно остаться калекой даже без чьей-либо помощи. В данном моменте ничего утешительного тоже не имелось — светило, уже завалившись за верхушки деревьев, явственно клонилось к закату. А что вы хотели? Осенний день короток, а ночь длинна. Так что тратить драгоценное время на умствование точно больше не стоит. Будем выдвигаться.

К счастью, оставленная на ночь в машине сумка с черной «полевой» формой и обувью никуда не делась. Алексей быстро переоделся и переобулся. Так-то оно лучше — «Коркоран» для леса точно пригодней «Адидаса». Натянув разгрузочный жилет, распахнул по карманам и отделениям патроны, оставшиеся емкости с освященной водой, остальное содержимое тайника. Что еще взять? Да все, что может быть в машине полезного. Складной нож, спички, запасные батарейки к фонарику, и запасной же фонарик до кучи — ничего, своя ноша не тянет! На голову — платок-бандану и налобный тактический фонарь поверх. Ну вот, почти готов. Теперь — самое сложное.

Будь он тут один, Алексей, перекрестясь, уже отправился бы в дорогу. Но как быть с девушкой?! Интуиция подсказывала, что привести ее в чувство, а уж тем более настолько, чтобы она могла самостоятельно передвигаться, не стоит даже и пытаться. Оставить здесь, закрыв машину, но не запирая, чтобы могла выбраться, если вдруг сама очухается? Инстинкт само-

сохранения не просто подсказывал, а криком кричал именно об этом варианте — тем более что по большому счету именно благодаря этой самой девушке он тут и очутился. Правильно — а чего она?! Пусть теперь сама... Вот только за истерическими вскриками инстинкта очень отчетливо слышался другой голос — уверенный и спокойный, донельзя похожий на голос отца Михаила. И задавал он всего один вопрос: «А чем ты, Алеша, будешь в таком случае отличаться от той же Лили?» Крыть было нечем, да, по правде говоря, Алексей, к которому вернулись не только память, а и, скажем так... чувства, скорее умер бы, чем бросил Машу одну где-либо. В гиблом ночном лесу — тем более. Вздыхнув, он принялся готовиться к транспортировке.

С этим, кстати, тоже все было куда как непросто. Допустим, взвалить девушку на плечо и так идти он сможет. Не пушинка, конечно, но благо и не корова — фанатка «Макдональдса». А он — далеко не офисный мальчик, ничего тяжелее компьютерной «мышки» в руки не берущий. Сдюжит. Проблема в другом — как раз в том, что в процессе движения Маша может прийти в себя. Или... ее могут взять под контроль. И что тогда? Ногти в глаза? Придушит в самый неожиданный момент? Не даст выстрелить или, наоборот, уйти от атаки? Таких случайностей допускать нельзя. Значит, будем фиксировать. Благо все необходимое для этого тоже имеется.

Чувствуя себя чуть ли не маньяком-извращенцем, Леша принялся спутывать ноги девушки тонким, но очень прочным шнуром, целый моток которого лежал в багажнике. Так... теперь — руки. Но сюда мы еще кое-что добавим. Взятую из тайника веревку, на вид ветхую, но способную обездвигить не то что одержимого, а и достаточно серьезную нечисть. Еще бы — эта

вроде бы обычная пеньковая веревочка носилась в качестве опояски монахом и приняла на себя немалую благодать. Были, между прочим, в том же тайнике и наручники — серебряные и тоже очень непростые, но от их применения Алексей решил пока воздержаться. Ну не поднималась рука надевать на бесчувственную Машу «браслеты»... По той же причине он не стал делать и еще одной вещи — по уму, девушке следовало бы и рот если не заткнуть чем-нибудь, так хоть завязать. Мало ли — тяпнет от души в невменяемом состоянии, а зубки-то молодые, крепкие да острые. Или заорет в ненужный момент, зовя на помощь тех, от встречи с кем Леша категорически хотел уклониться. Но и тут он себя не смог заставить. Разве что взяв одетой в тактическую перчатку рукой платок, стер с Машиных губ остатки мерзкой помады.

Гуляли ли вы когда-нибудь по лесу с девушкой? Наверняка да. Могу поспорить — эта прогулка оставила массу самых приятных впечатлений и воспоминаний: от эстетических до, возможно, эротических. Красота, благорастворение воздухов... Ласки и нежности на лоне расцветающей природы... То да се...

Теперь внесем некоторые корректировки в условия. Лес — не наполненная щебетом птиц, благоухающая ароматами цветения и молодой листвы светлая пуща, а мрачная, промозглая, заваленная буреломом и изрезанная вдоль и поперек оврагами чащоба. Да, и еще одно — девушка не порхает рядом с вами по малящей вдаль тропинке, весело лепеча что-то милое и время от времени игриво «стреляя» глазками из-под собственноручно сплетенного веночка, а болтается, извините за выражение, у вас на плече практически мертвым грузом. И все ваше внимание посвящено не ее заигрываниям, а тому, как бы не сверзиться в оче-

редную канаву и не сверзить туда же ее. А на стройные загорелые ножки вы обращаете внимание лишь в те моменты, когда эти самые ножки вам приходится выпутывать из очередного сплетения веток, за которые они непонятно как умудрились зацепиться при преодолении неизвестно каких уже по счету зарослей. Приятная прогулка, не правда ли?!

Примерно описанным выше образом и происходило путешествие Алексея по лесу с бесчувственной Машей на плече. При выборе вектора движения особо он не заморачивался. Идти туда, куда, судя по всему, они ехали на машине, не стоило ни в коем случае. Развернувшись, Леша потопал по остаткам асфальта в прямо противоположном направлении. И был жестоко «обломан» уже километра через полтора. Жалкое подобие дороги, петлявшее по лесу из ниоткуда в никуда, обрывалось вдруг, как пьяная песня на полуслове. От крайней точки асфальта расходилось в разные стороны аж три наезженные колеи. Ну, как сказать — наезженные... Такие, по которым, в принципе, мог бы проехать «Лендкрузер». Потратив еще минут двадцать в попытках определить среди них именно ту, по которой они сюда попали, Алексей плюнул и сдался. Найти следы собственных покрышек в лиственно-грязевом месиве не удалось. Равно, как и иных явных примет недавнего проезда транспортного средства вроде сломанных веток или еще чего-то подобного. Следопыт из него, по правде говоря, был хреновый. Надо было в детстве в огромной родительской библиотеке отдавать предпочтение Фенимору Куперу, а не Конан Дойлю.

Двинулся, кряхтя и пристраивая поудобней на загривке живую поклажу, чисто по интуиции, выбрав дорогу посуше и с направлением, показавшимся наиболее подходящим. Часу не прошло, как стало ясно,

что и тут он дал маху. Грунтовка очень быстро истончилась до совсем уже неприличной ширины, следы автотранспорта исчезли с нее напрочь, а вскоре она, в свою очередь, распалась на несколько тропок, явно пешеходных, а то и вовсе звериных. И куда теперь?!

Уже не пытаясь угадывать «нужное» или «правильное» направление, Леша выбрал правый путь — исключительно в силу того, что именно эту сторону надлежит выбирать человеку верующему. Поскольку если он на что-то и мог уповать в данную минуту, то только на собственную веру. В том, что он полностью, абсолютно и безнадежно заблудился, Алексей честно признался себе еще с полчаса назад. Похоже, даже имей он на то желание, не вернулся бы сейчас и к месту аварии. Гадский лес шутил с ним свои гадские шутки. «Водил», как принято говорить в таких случаях. У Алексея не было уверенности в том, что он вообще не ходит по кругу. К сожалению, с некоторых пор уверенность была в другом — в том, что в лесу этом он не один.

Сперва пришло смутное ощущение — чьего-то присутствия, внимания, взгляда. Боковое зрение в сгущающихся сумерках вроде бы уловило движение. Потом — уловило наверняка. Следом раздались звуки. Как бы ни осторожен был зверь, вековыми инстинктами приученный передвигаться по лесу, а тем более выслеживать добычу совершенно бесшумно, но осенний лес — не летний. Не орут птицы, не гудят насекомые, создавая отвлекающий внимание звуковой фон. Мелкая живность по большей части давно уже забилась в норки, куда натаскала загодя вкусненького на всю зиму и не шуршит, не топчет по траве. Да и самой травы, скрадывающей звуки, тоже нет. А вот сухих веток куда больше — под ногами. Или — под лапами...

Черно-серые тени мелькали между деревьев, особенно уже и не скрываясь. Взобравшись на небольшой пригорок, Алексей поудобней устроил так и не подававшую никаких признаков жизни Машу возле массивного пенька, а сам поднес к глазу выуженный из «разгрузки» монокуляр. Слабое освещение и немаленькое (пока) расстояние особых подробностей разглядеть не позволяли, но этого и не требовалось. И так было ясно, кто пожаловал. «Придет серенький волчок, схватит детку за...» Да неважно, за куда конкретно схватит. Важно, что, похоже, именно с такими намерениями их и преследуют. И кстати, что-то крупноваты эти твари для нормальных, обычных волков. И окрас какой-то не такой... Или он ошибается, не спец по фауне все-таки?

Словно в ответ на Лешины сомнения, с возвышенности, на которой располагались преследователи, раздался заунывный, раскатистый вой. Похоже, серые разбойники поняли, что обнаружены, и теперь решили действовать совершенно в открытую, да еще и попугать при этом. Отзывом на протяжное вытье стали аналогичные звуки, раздавшиеся правее и левее той точки, на которой стояла первая замеченная Алексеем волчья пара. Из зарослей неспешным, даже где-то вальяжным ходом появилась еще одна «двойка». Затем, с другой стороны — еще одна. А вой тем временем не прекращался. Похоже, основные силы стаи еще на подходе.

Кстати, звуки, издаваемые волками, более всего походили на вполне осмысленный диалог. «Старшой» позвал — остальные откликнулись. Дал команду — докладывают, что приняли, и выполняют. Алексею сразу вспомнился рассказ одного знакомого «подпола», заядлого охотника, любившего это дело до умопомешательства. «Приняв» как-то в одной с Лешей компании

как раз то количество «беленькой», что располагает к полной откровенности, но еще не навевает сюжеты для явных алкогольных бредней, этот кадр, совершенно не склонный к мистике и вообще фантазиям, принялся рассказывать об одном крайне неприятном случае из собственной охотничьей практики. По его словам, они с товарищем (абсолютно трезвые!), засев ночью на заранее хорошо оборудованной позиции в ожидании встречи на расстоянии прямого выстрела то ли с кабаном, то ли с какой-то рогато-копытной живностью, были доведены чуть ли не до преждевременного инфаркта раздавшимся вдруг над ночным полем воем.

— Ты понимаешь, старик, — подполковник, не прерывая рассказа, опрокидывал в себя очередную стопку и раскусывал румяную редисочку совершенно автоматически, мыслями полностью вернувшись в ту жуткую ночь, — понимаешь, в чем дело-то? Я что, волков в жизни не слышал?! Да я, знаешь, со сколько лет на охоте?! А тут — так проняло, что чуть штаны не намочили, причем оба и сразу! *Не волки* это были, вот веришь, нет — *не волки*!

Тогда Леша верил — оперовское бытие прекрасно научило отличать брехню, даже самую мастерскую, от правды. По крайней мере, не вызывало сомнений то, что рассказчик не врет, не пытается «задвинуть» очередную развесистую охотничью байку, а передает собственные эмоции и переживания абсолютно искренне. Тем более что история выставляла его в свете совершенно не героическом — заканчивалась она тем, что двое здоровых мужиков, бывалых ментов, имевших в руках каждый по полуавтоматическому карабину с нехилым боекомплектom, дернули оттуда так, что только снег взвихрился. Чуть коробку передач бедному «уазику» не вынесли...

Тем более верил в ту давнюю историю он сейчас — стоя лицом... (к морде? или все таки — к лицу?) с *не волками*. То, что преследователи, выстраивавшие буквально у него на глазах очень грамотную загонную линию, лишь внешним видом походят на лесных хищников, сомнений не вызывало. Либо самые натуральные оборотни, либо какая-то другая колдовская дрянь, управляемая и направляемая понятно кем. И что дальше?!

Судя по тому, что серые не бросаются рвать сразу, задачи на немедленное, сразу по обнаружению цели, ее уничтожение им не ставили. А какую тогда? Да, скорее всего — оттеснить, отогнать в нужном направлении, туда, где или уже ждет, или вот-вот появится настоящая «группа захвата», укомплектованная кем-то намного посерьезнее хвостатых «загонщиков». Наши действия? Можно, конечно, лишь оттягивая неизбежное, двигаться туда, куда погонят. И при этом надеяться на то, что в самый последний момент «примчится кавалерия». Проблема в том, что подобные «хэппи-энды» случаются исключительно в малобюджетных фильмах самого дурного пошиба. В жизни, как правило, звучат слова вроде «чтобы выжить, им не хватило всего-то...». Не важно — минут или часов. Важно, что не хватило... Кроме всего прочего, в таком варианте есть еще и вероятность не только подставиться под удар самому, а завести в ловушку всех тех, кто гипотетически сейчас ищет его. Не вариант.

Идти на прорыв? Ага... С Машей на плече, паля с одной руки из «помповика», который и при нормальном-то хвате попробуй удержи в руках после каждого выстрела. Тоже — киношная дурь. Не будут волкулаки подставляться под огонь, а если почувствуют реальную угрозу, то, скорее всего, наплевав

на все приказы, накинутся стаей и разорвут в мелкие клочья. Да и если даже представить себе, что удастся прорваться за линию загонщиков — много это даст? Оторваться от преследователей, которые мигом развернутся, в лесу, где уже практически стемнело, да еще и неся на себе девушку? Бред, не выйдет...

Самый крупный волчара тем временем степенно, с вызывающе самоуверенным видом «зоновского» «пахана» вышел вперед. Вытянув в сторону Алексея треугольную морду, он сперва многообещающе ощерил пасть, а потом коротко взрыкнул: «Иди давай, мясо! Ты, похоже, все сам понял, так шагай, не задерживайся!» От такой беспримерной наглости Лешу захлестнула нешуточная злость. Нет, ты подумай! Вот еще в роли конвоируемого он в этой жизни не выступал! Да еще и кто конвойные — волчары... нет, хуже — оборотни позорные! Ну, ладно... Сейчас вы у меня поборзеете, блохастые! Погнать не погоню, но проучу на славу! Леша медленно потянул с плеча ремень дробовика, готовясь к прицеливанию. Что там у нас первым стоит? Пуля? Отлично! А вторым, как водится, патрон с серебряной картечью. То, что надо...

Уловив движение противника, вожак оборотней вильнул в сторону, и предназначавшаяся ему пуля лишь взрыла землю у его задних лап. Зато двое других волкулаков, явно помоложе и куда поглупее, среагировали на звук выстрела вполне предсказуемо. Рванули с двух сторон вперед — аккуратно туда, где их и накрыло облаком «спецбоеприпаса». Серебро губительно для любой нечисти, но для оборотней — едва ли не болезненней, чем для всех прочих. Вой и визг, наполнившие, как в ту минуту казалось, весь лес, прозвучали для Алексея райской музыкой. И он, подхватив девушку, рванул...

Сказать, что бежал Леша куда глаза глядят, было бы враньем. Во-первых, глаза уже практически ничего не видели, а во-вторых, толку бы было в таком беге? Еще приглядываясь к обступавшим их оборотням и только начиная прикидывать варианты, он вспомнил, что минутах в двадцати ходьбы отсюда сперва мельком увидел, а потом и разглядел поближе маячившее за деревьями нечто, что сразу привлекло его внимание явно рукотворным видом. То ли сарай, то ли избушка... Алексей не пошел туда в поисках людей лишь только потому, что вид строение имело невообразимо ветхий и совершенно точно не жилой. Одни заросли кустарников в половину его роста перед входом чего стоили. Но сейчас... Пожалуй, это был единственный шанс если не на спасение, то хотя бы на возможность потянуть время в начавшейся схватке. Только бы крыша была не провалена! Только бы дверь удалось хоть как-то закрыть или завалить изнутри! От волкулаков он уж как-то отобьется, а пожалует кто пострашней... Тоже найдем, чем и как встретить — выгадать бы чуток передышки!

Темень стояла уже практически кромешная, а включать фонарик, тем самым облегчая задачу преследователям, Леша не хотел до последней минуты. В какое-то мгновение его охватил липкий страх — неужели пронесся бешеным лосем мимо цели? Да нет... Слава богу, вот она! Леша дышал с трудом — на этом кроссе он выдал результаты, которые привели бы в полный восторг суровых инструкторов по боевой и физической подготовке с прежнего места службы, пусть даже и чуть не расшибив пару раз за пробежку лоб об древесные стволы. Вот только ноги теперь были ватные, лицо, несмотря на бандану, заливал едкий пот, а перед глазами плясали круги. Зато оторвался!

Дверь, к счастью, отворилась практически сразу — учитывая то, насколько она вросла в землю, появившаяся с четвертого или пятого Лешиного натиска щель, в которую он смог протиснуться, держа девушку на перевес, была огромным достижением. А больше и не надо! Зато незваные гости замучаются внутрь лезть.

Господь милосерден. И справедлив, как и надлежит истинному Судие. Посылая нам испытания, он же дарует и спасение — причем очень часто там и тогда, когда его уже никто не чаает обрести. Вот только право на это чудесное избавление еще надо заслужить — прежде всего, истинной верой, твердостью и самоотверженностью в исполнении своего долга в противостоянии злу. Отчаявшиеся, разуверившиеся, опустившие руки и сдавшиеся до чудес обычно просто не доживают...

Алексей далеко не сразу понял, куда именно он попал. Надежное, на первый взгляд, помещение, потолок не рушится, все четыре стены не падают — и слава богу! Оконца крошечные, такие, что хорошо откормленному коту не пролезть — и отлично! Да лучше б их и вовсе не было! Хотя нет... Обстановку снаружи надо же как-то отслеживать? С другой стороны, в такой-то темени много ты отследишь! Кстати, о темени... Алексей включил налобный тактический фонарь и начал обшаривать взглядом место, ставшее для них с Машей не просто временным приютом, а единственно возможным укрытием от врага. И чем дальше осматривался, тем сильнее становилось у него впечатление, что с избушкой что-то не так.

Сказать, что строение было старым или старинным, было бы неправильно. Скорее уж тут подошло бы определение «древнее», по крайней мере, при виде

грубо сложенных из цельных бревен и проконопаченных мхом стен именно оно и напрашивалось. Возводили избушку явно с использованием самого минимума инструментов — наиболее примитивных к тому же. Похоже, тут использовалась пресловутая технология «без единого гвоздя». И вместе с тем... Внутри напроочь отсутствовал даже намек на неизбежно присущую всем нежилым домам затхлость! Ни малейших признаков гниения, сырости... Да что там — не то что паутины или следов жизнедеятельности мелких грызунов, обожающих выбирать подобные места для проживания, нигде, ни на стенах, ни на явно самодельной, грубо сколоченной скудной мебели не было даже *пыли*! Складывалось впечатление, что время застыло здесь, совершенно невообразимым образом остановившись неизвестно когда.

Сделав первые «открытия», Алексей двинулся вдоль стен, надеясь найти хоть что-то, что могло бы пролить свет на таинственных строителей и обитателей этого чудного места. Дойдя таким образом до угла, он обнаружил полку с иконами, потемневшими от старости, но тем не менее опять-таки абсолютно чистыми от пыли. Там же нашлась и лампадка. Тронув ее рукой, Леша с удивлением уловил, что внутри плещется масло! Может, показалось? Пошарив в «разгрузке», Леша достал спички. А ну-ка! Огонек затеплился, едва он поднес к лампадному фитилю зажженную спичку. Станным образом этот невеликий огонек осветил практически все помещение. На еще одной полке, расположенной ниже той, где стояли иконы, обнаружилась связка свечей, явно церковных, и курильница для ладана. Вот это удача! Пошарив на полке еще, Алексей нащупал стопку книг. Библия, молитвослов... О, а это что? Приглядевшись к брошюрке из давно пожелтевшей бумаги, Леша чуть не охнул. В принципе,

ничего экстраординарного — буквы на обложке складывались в привычное: «Церковный календарь за...» Какой-какой год?! Тысяча девятьсот... *Тринадцатый*?! Теперь понятно, что именно сразу резануло глаз — буквы-то... того... дореволюционные. Вот эта — точно «ять». А названия остальных, давно покинувших алфавит, Алексей и не знал никогда.

Стоп, стоп... Кто же жил здесь — без малого столетие назад?! Кто возвел эту избу, кто творил в ней молитвенный подвиг? Судя по всему, некто ушедший от мира в отшельничество, искавший покоя и уединения для служения Господу и нашедший их именно здесь. Кто же он был — этот неведомый подвижник? Молил ли он Бога о прощении своих грехов, или просил спасения для всего мира, как раз в те годы неумолимо катившегося к краю кровавой пропасти?

Алексея ощутимо проняло холодом — словно из распахнувшейся перед ним таинственной бездны времен дохнуло самой Вечностью. Но ощущение это было мимолетным — снова вернулось чувство мира и светлого покоя, пришедшее с той минуты, как он затеплил лампаду перед святыми образами. Велика же была молитвенная сила того, кто провел здесь в отшельничестве неведомо сколько лет! Вот что сохранило нетленным приют подвижника — накопленная его духовными трудами святая благодать! Ну, пусть теперь попробует сунуться вражья стая!

Вот недаром же говорят — «не поминай»... Тем более — к ночи и в ночи. Стоило Леше подумать о том, что преследователи куда-то запропали, как с улицы раздался многоголосый вой. Но сколько же в этом вое было разочарования и страха! А злоба, рвавшая глотки серой нечисти, была злобой бессилия. Перед тем как запереть двери, Алексей щедро окропил порог и про-

странство перед ними освященной водой. Но теперь-то понятно было, что даже не сделай он этого, ни один оборотень не сунулся бы к избушке и близко. Не по зубам, в буквальном смысле — не по зубам! Вот теперь, похоже, есть все шансы дожидаться подмоги. Эх, знать бы еще, где она — подмога эта...

...Такого скопления мощных внедорожников на обочине самой обычной загородной дороги местные жители не припомнили бы с бандитских девяностых годов. Тогда именно подобным автотранспортом, разве что куда более новым и дорогим, предпочитали пользоваться те, кто на лоне природы устраивал не пикнички с шашлычками, а разнообразные «стрелки» и тому подобные уголовные сходняки. Вот только на бандитов столпившиеся возле джипов люди ну никак не походили. Да ну, какие бандиты, скажете тоже! Вон те двое — точно священники! О, а вот еще один! Да и остальные присутствующие, все как на подбор крепкие и плечистые ребята, смахивали никак не на представителей криминального мира, а, скорее, на вечный их кошмар и ужас — спецназовцев «при исполнении». Вот только что за спецназ? Ни погон, ни шевронов, ни вообще каких-либо опознавательных знаков на их черной форме не наблюдалось. Вот так сочетание — батюшки да со спецназерами! Да и что им вообще понадобилось тут, в глуши да на ночь глядя?! Чудные дела...

Наверняка именно такие или очень похожие мысли одолевали водителей машин, изредка проезжавших по шоссе, уходившему в сторону лесов, на восток от Чернигова. Впрочем, собравшимся на обочине людям было на данный момент совершенно все равно, кто и что о них думает. Потому хотя бы, что в дорогу ночной порой их погнала не блажь, не прихоть, а ой какие серьезные проблемы.

— Ну, что там, Гриша?! — отец Михаил страдальчески поморщился, пытаясь размять спину. За целый день сидения в машине мышцы затекли и ныли немилосердно. — Есть что-нибудь?

— Да ничего нету, батюшка! — брат Георгий в сердцах швырнул ни в чем не повинную мобильную трубку, по которой закончил говорить буквально только что, куда-то в салон машины. — Без толку это все! Ничего нового — в последний раз Лешину машину зафиксировали камеры на посту ГАИ на этом вот самом шоссе. А дальше — как в воду... Куда ехать, где искать?! Отсюда по лесам да полям сто дорог расходится, а нам одна нужна, но правильная. Только где она? И жив ли еще Алексей? Вы бы, батюшка, помолились еще, а?

— Молюсь я, Гриша, молюсь неустанно. Жив Алеша, это я чувствую, хотя и в беде, в опасности большой. Почувствовать бы еще, куда его занесла нелегкая. Вот только не дает мне, грешному, пока Господь ни вразумления, ни подсказки.

— Заплутали, никак, православные!? — раздавшийся за спинами спокойный голос заставил обернуться всех присутствующих. Невысокого роста старичок в какого-то странного покроя одежде стоял у близкой кромки леса и с улыбкой глядел на оторопевшие лица застывших столбами священников и братьев. Откуда он вообще взялся!? Отец Михаил твердо был уверен, что еще секунду назад рядом никого постороннего и близко не было. А Георгий и вовсе бы голову прокладывал за то, что ни единой живой души, кроме них самих, не имелось в радиусе как минимум метров двухсот.

— Поспешать бы вам надо, войны! Брата вашего меньшого я пока надежно укрыл, да уж больно много нечисти к нему сейчас стремится. Негоже будет, если

они место благое опоганят. Один он никак не сдюжит, а вы, коли поторопитесь, и его спасете, и нечистых погоните оттуда, где им и мига краткого быть не след. Собирайтесь, воины, а я путь укажу...

Старик, закончив говорить, неспешно двинулся от леса к дороге. До отца Михаила *дошло* первого... Хотя нет. Чуть раньше, чем у него, смутная догадка мелькнула у Георгия. В то самое мгновение, когда он увидел, что под ногами таинственного незнакомца, движущегося к ним, не сминается при ходьбе ни единая травинка. А очертания его фигуры окутывает мягкий, едва различимый даже в темноте свет... Но *понял* истину — не разумом, но душой, все-таки священник. Сделав несколько шагов навстречу идущему, он опустился на колени и попросил:

— Благословите!

— Бог благословит! — подошедший старец на какое-то время застыл, словно погрузившись в какие-то свои мысли. Или вглядываясь пристально в нечто, видимое и ведомое только ему одному. — Ох, и темная сила противу вас грядет, ох, и страшная! Как же вы допустили такое, воины, на земле нашей святой?

Отец Михаил молчал. Ну, не начинать же объяснять явившемуся из иных, далеких времен чудесному старцу, как изменился мир, насколько стал причудливей и сложней. Хотя... Мир всегда сложен. Правда — проста. Священник ниже склонил голову, словно принимая на себя вину за творящиеся вокруг неправды и непотребства.

— Да что я такое говорю?! — старик, словно очнувшись, покачал головою. — Не мне, многогрешному, судить вас. Да и кого угодно — не мне судить. Несть числа злу и горю, на этой земле творившемуся, а близятся беда и зло еще большие. Книг черных берегитесь, лжи

черной опасайтесь! Страшитесь дней, когда пламя адское вспыхнет под небом Божиим посреди святого града! Духом и верой укрепитесь, ибо в те дни и решится судьба нашей земли. И не кому-то за нее на смертный бой идти, а вам, братья...

Внимая словам пророчествующего, отец Михаил смотрел на него во все глаза. И не смог удержать рвущийся с губ вопрос:

— Кто ты? Как звать тебя, святой старец?

— А никак не звать... И никакой я не святой, Боже, упаси... Раб божий, грешник великий. Гордыней душу свою едва не загубил, смирением спасся. Для каждого из нас у Господа — своя дорога. И вам на свою пора возвращаться. Глаза закрой и внемли мне!

Старец шагнул вперед и осенил коленопреклоненного священника широким крестным знаменем... Когда отец Михаил открыл глаза, рядом уже никого не было — за исключением истово молящихся братьев и батюшек. Легко поднявшись в полный рост, отец Михаил почувствовал себя словно бы помолодевшим лет на двадцать. Голос его взлетел до высот, которыми молодой офицер-спецназовец отдавал команды своим бойцам, ведя их на штурм неприступных горных вершин, огрызавшихся автоматными очередями:

— Братия! С нами Бог и Крестная сила! По машинам, в колонну — за мной! С Богом — вперед!

— Ну вот, заодно и молодость вспомню, — кышнув с водительского места головного джипа кого-то из молодых братьев, священник запустил двигатель, — а где тут у нас, Георгий, полный привод включается, если что? Чую, понадобится.

Через минуту колонна машин, взревев движками, ринулась в ночь...

...Оторвавшись от чтения из молитвослова, Алексей в очередной раз прильнул к подслеповатому оконцу. Ой, да какому там подслеповатому! Пытаясь разглядеть хоть что-то снаружи, Леша снова почувствовал себя слепым на оба глаза. Разглядеть хоть что-то в накрывшей лес абсолютной тьме не удалось ни в какую. К избушке ни оборотни, ни присоединившаяся, похоже, к ним какая-то еще лесная нечисть соваться не рисковали — особенно после парочки крайне неудачно закончившихся для них попыток подобраться поближе, после которых улепетывали стремглав с жалобным визгом и треском кустов. А что там творилось дальше, под обступившими крохотную поляну со всех сторон деревьями? Вроде бы угадывалось какое-то движение, мельтешение смутных теней и силуэтов. Но кто это был? В каком количестве? Непонятно. Кажется, мелькнули вдалеке несколько раз расположенные попарно красные огоньки... Может, чьи-то глазища, а, может, и цветные пятна в глазах, которые Леша напрягал до рези, пытаясь всмотреться в крошечную темень. Избушку он, на всякий случай, подготовил к обороне на совесть — окропил с молитвой не только дверь и окна, а и стены освященной водой. Зажег на всех окнах найденные здесь же свечи, вывел имевшимся при себе мелом на дверях и оконных рамах знак честного креста. И главное — молился, читая как из своего, «походного» молитвенника, так и из обнаруженного в избушке наиболее подходящее к ситуации. Похоже, пора было плюнуть на бесплодные попытки и возвращаться к чтению. В это самое время из-за его спины раздался стон...

Развернулся Леша как ошпаренный. Дробовик оказался в руках моментально. К счастью, перед тем, как нажать на спусковой крючок, он догадался, откуда

исходит звук. Н-да... Проведя несколько часов в полной тишине, нарушаемой лишь звуками собственной же молитвы, Алексей как-то подзабыл, что вообще-то находится тут не один. Похоже, девушка очнулась. Ну, хорошо, если так.

Взяв в руку одну из зажженных свечей и не выпуская, впрочем, из другой руки оружия, Леша двинулся к противоположной стене. Машу он разместил с максимально возможным в имевшихся условиях комфортом — на сколоченном из едва оструганных досок топчане, служившем, как видно, ложем отшельнику. Ничего даже близко похожего на одеяла или иные постельные принадлежности в избушке не обнаружилось, так что пришлось постелить собственную куртку, чтобы девушка не лежала на голых деревяшках. Вот и все «удобство». Впрочем, находившаяся уже многие часы без сознания Маша вряд ли возразила бы, даже определи ее Леша прямоком на земляной пол. Вот только сейчас она, кажется, приходит в себя.

— О-о-ох! Голова-а-а! — начавшая приподниматься на своем «ложе» девушка сразу столкнулась не с самыми приятными симптомами выхода из «отключки». — Та-ак! А это что, блин, такое?!

Услышанное свидетельствовало о том, что при дальнейших попытках принять вертикальное положение, Маша обнаружила, наконец, путы на руках и ногах. И они ее, судя по всему, повергли в немалое изумление и возмущение.

— Ты какого меня связал, извращенец!? — девушка потрясла перед собой перетянутыми веревкой руками. — Совсем уже с ума сдурел, или это шутка такая?

— Это я-то извращенец? — Леша, остановившись пока, от греха подальше, на расстоянии, исключавшем непосредственный контакт, рассматривал девуш-

ку, и радость от того факта, что она все-таки пришла в себя, мешалась у него с сомнениями — а с Машей ли он говорит в данную минуту?

— Ты, а кто ж еще! Решил овладеть невинной девушкой, пользуясь ее беспомощным состоянием? Признавайся — приставал грязно?!

— Я приставал? — накалу праведного возмущения в голосе Алексея могли бы позавидовать самые высокооплачиваемые адвокаты. — А, может, это ты ко мне приставала, вот я и связал тебя, чтобы не изнасило-вала?!

— Что, правда приставала?! — Маша строила такую лукавую и обворожительную гримаску, что у Леши практически отпали все сомнения в ее адекватности. — Ух ты! А ну, расскажи!

— А как же — именно приставала! Четыре раза, в извращенной форме и с особым цинизмом... Ладно, Маш, хватит шуточек. Ты сама понимать должна, зачем и почему мне тебя спеленать пришлось. Ну, давай развяжу уже.

— Да нет, Леша, подожди пока, — девушка, тоже как по команде прекратившая дурачиться, взглянула на Алексея серьезным и грустным взглядом. Потом — осмотрелась вокруг и глаза ее округлились.

— Ой, А где это мы?

— Долго рассказывать. Ты что вообще помнишь?

— Ну-у-у... Дважды два — четыре. Днепр впадает в Черное море...

— Бли-и-ин! Маша! Я про серьезное!

— А, про серьезное?! Так бы сразу и сказал! Мы с тобой целовались! В гостинице!

— Фу-у... Уже легче. А после «целовались»?

— А после — ничего. Красная тьма и голос из нее, который приказывает, что делать. Хотя нет. Помню еще лес. Машину. Я еще очень хотела из нее выйти

поскорее. И пить хотелось страшно. Попила воды — и все. Вот дальше точно полная пустота.

— Ну, это понятно. Ты ведь водички не простой хлебнула, а лаврской, освященной. Вот тебя и приложило крепенько. Зато и с ведьмой связь оборвалась.

— Не оборвалась Леша. Сейчас — точно нет.

— Что-о?! Как это — не оборвалась?

— А вот так. Я, Леша, и сейчас ее слышу. Ну так... как же тебе объяснить-то... Ну, знаешь, как будто до меня докричатся пытаются откуда-то издалека. С противоположной стороны людной улицы или, там, с другого берега реки. Голос узнаю, слова отдельные разбираю, но так — через раз.

— И чего она тебе кричит?

— Тебе, поверь, Лешенька, этого лучше не знать. В этот раз она от меня точно не поцелует в твой адрес требует. Вот потому я и сказала, чтоб ты руки мне не торопился развязывать. Вдруг докричится?

— А может?

— Да не должна... Тут, в этом месте как будто барьер какой-то стоит. Или щит — никак для нее не пробиваемый. Оттого она и бесится, хочет, чтобы я до тебя добралась, раз другие не могут... Ой!

— Что еще такое?

— Вот сейчас я лучше слышу почему-то... А, понятно — это она не ко мне обращается. Леша!

— Да что?!

— Они там ритуал заканчивают. Демона вызывают.

— Ну да, на это Лили мастерица!

— Ты себе даже не представляешь, какая... И демон этот — охотник. Как же его... заковыристо так, на латыни...

— Не именуй!

— И то правда, нечего. Он и так сюда припрется — за нами. Лили его точно по наши души отправит.

— Перебьется — без душ наших. Обломается. Тут этой погани уже чуть ли не батальон вокруг топчется, только без толку. Видит око, да зуб неймет. Так что, не боись, Машенька!

— А я вот боюсь. Тот, что придет, в десять раз сильнее и страшнее будет, чем все эти мелкие, вместе взятые. И эта еще не затыкается... Ты себе, Алеша, не представляешь, как это страшно, когда в твоей голове кто-то вот так хозяйничать пытается! Ты вообще, наверное, бояться не умеешь...

— Еще как умею. А вот сейчас даже за двоих боюсь — за себя и за тебя.

— Шутишь все...

— Да нет, Маша, не шучу. Не боится ведь только полный дурак, да и то потому только, что знать не знает — чего надо бояться, а чего нет. А так, для любого нормального человека страх — это нормально. Вопрос в том, что с этим страхом делать.

— И что же делать — вот мне конкретно, здесь и сейчас?

— А ты помолись!

— А я не умею!

— А я научу...

По правде говоря, Алексей не ожидал, что с Машей все будет *настолько* сложно и плохо. Слова молитвы никак не выговаривались. Девушку то душил кашель, то у нее словно бы немел язык и отнимались губы. Даже в простом «Отче наш», известном на память каждому православному, которую она пыталась повторять за Алексеем, путались и «выпадали» слова. Мало того — в голову лезла и норовила сорваться с уст всякая бессмыслица, глупость и дрянь. Однако... Или святость места брала свое, или одолевало искреннее желание девушки молиться, но мало-помалу у нее

начинало получаться! Истончился до комариного писка, а потом и вовсе исчез в голове мерзкий ведьминский голос, убрал от сердца свои кривые когти отупляющий страх... Маша оживала на глазах!

Как это всегда и бывает, новые неприятности нагрянули как раз в ту минуту, когда у Леша мелькнула мысль, что опасность уже миновала. Ночь снаружи взорвалась воем, уханьем и бесовским хохотом, а когда эта мерзкая какофония вдруг, как обрезанная, смолкла, Алексей явственно услышал и даже, пожалуй, почувствовал по еле уловимому пока содроганию земляного пола тяжкие, нечеловеческие шаги. Что-то массивное приближалось, подминая кусты и сопровождая свое движение не только топотом, но и непередаваемо мерзкими хлюпающими звуками.

Со стороны входа окон не было. Но через тоненькие щелочки меж составлявших дверь досок Алексей разглядел зеленоватый мертвенный отсвет — словно бы кто кто-то припер к избушке пенек-гнилушку невообразимых размеров. Вот только эта «гнилушка» двигалась, да еще и издавала при этом какое-то стонущее кваканье, какое, к примеру, могло бы выйти у жабы-переростка, из последних сил пытающейся заговорить по-человечески. Лучше б не пыталась...

Здоровенное нечто переваливалось перед дверью, оскверняя ночную тишину своим топаньем, хлюпаньем и кваканьем. Едва добравшись до избушки это, как видно, попыталось дотронуться до входа своей лапой. Или щупальцем? Или что там у него были за поганые грабки? Результат последовал незамедлительно — раздалось шипение, конечность прищельца отдернулась, квакучий стон перешел в вопль боли, а волной смрада, рванувшейся через двери, Лешу откинуло аж к середине комнаты.

— Ага! Получила, жаба! Вонючая... — Леша даже не пытался скрывать своего ликования. Дробовик с набитым серебряными зарядами магазином он сжимал обеими руками, но к счастью — пока только для уверенности и собственного успокоения. Дырявить дверь, которая сама по себе являлась для гостя из ада непреодолимым препятствием, он конечно же не собирался.

К великому сожалению, тварь никуда не делась. Топанье и хлюпанье явно отдалились, но не настолько, чтоб их было не слышно. Демон то ли собирался с новыми силами, то ли попросту чего-то выжидал. Интересно — чего? Именно этот вопрос сейчас занимал Лешу больше всего. Что оно там — подмогу запрашивает? Или?.. А, кстати, полночь уже наступила? Да нет, навряд ли. Так, может, именно ее демонюга и дожидается? Что там по этому поводу говорится в умных книгах?

Как назло, в голову вместо нужных отрывков из трудов по демонологии лезли почему-то до омерзения яркие картинки из гоголевского «Вия». А что, ситуация очень даже схожая. Прежде всего — в основе сюжета: ведьма пытается достать тебя с помощью всевозможной нечисти, а ты держись, парень, держись... К счастью, в том месте, где он сейчас находится, святости и благодати было не в пример больше, чем в описанном Николаем Васильевичем храме — оскверненном (как теперь, благодаря полученным специфическим опыту и знаниям, понимал Алексей) задолго до появления там бедняги Брута. Да и он — не семинарист-недоучка, склонный, как теперь говорят, к злоупотреблению спиртными напитками. Хотя... от приличного глоточка чего-нибудь покрепче он сейчас вряд ли отказался бы. Тьфу ты, бесовское обморачивание! Молиться надо, а не о водке думать! А книгу эту

он теперь в руки точно ни в жизнь не возьмет — даже под страхом расстрела.

К счастью, Леше так и не довелось узнать, чего дожидался призванный на его многострадальную голову демон — то ли полуночи, то ли подкрепления из пекла. Чего бы ни ждал — не дождался. Слава богу, кавалерия успела раньше! Причем, можно сказать, в буквальном смысле — название модели «исузовского» джипаря, на котором отец Михаил вылетел на поляну, немилосердно давя кусты и пытавшихся укрыться в них оборотней, «Траппер» как раз и переводится примерно как «рядовой кавалерии». Вот только пожаловали вовсе не рядовые. Отборные бойцы Братства устроили нечисти такой разгон и разгром, что временами Леше, даже не пытавшемуся поучаствовать в «боевых действиях», начинало казаться, что избушка ходит ходуном. Творившийся вокруг нее кавардак бил по ушам кузнечным молотом. И все-таки... каким же оглушительным показался Алексею прозвучавший в упавшей потом на окрестности тишине стук в дверь! Стук, вслед за которым раздался такой знакомый голос отца Михаила, насмешливо спросивший:

— Ну что, осажденный? К освобождению готов?

...В серенькой мгле робкого осеннего рассвета трое мужчин стояли у едва-едва различимого в густой прошлогодней траве могильного холмика. Ни таблички с именем, ни тем более портрета того, кто здесь похоронен, на могиле не было. Лишь возвышался в головах свежевытесанный простой деревянный крест. Несколько подобных крестов, только давно обветшалых, покосившихся и почерневших от времени стояли, прислоненными к стене расположенной рядом древней избушки.

— Наши крест обновили? — отец Михаил задал вопрос, в принципе, и так зная ответ на него.

— Угу, что успели, то сделали, — Георгий, кивнув головой, огляделся вокруг. — Тут бы, по уму, обустроить все, как положено. Кусты повырубить, домик кое-где подновить. Вот вернемся...

— Хорошо бы было, — священник усмехнулся. — Только, думаю, не вернемся мы сюда уже никогда.

— Что так? Я дорогу в навигатор забил...

— За-бил... Без толку это все. Я ведь, ребятаки, только сейчас понял — знал я об этом месте раньше. Вот только не складывалось одно с другим. А теперь сложилось. Потаенное это место. Не всякому и не всегда оно открывается. Только тем, кто истинно в Бога верует и в великой опасности пребывает. А потом — вот вроде есть оно, а вроде его и нет. Не попасть сюда просто так — оно святость свою хранит, для спасения других страждущих в нужный час.

— Так вы знали? — удивлению не только Алексея, но и Георгия не было предела.

— Ну, как сказать — знал... Слышал и читал даже об одной истории, что в местах этих случилась, во время Великой Отечественной. Партизаны на карателей нарвались — то ли в засаду угодили, то ли в облаву. В общем, прижали их крепко, так, что не вырваться. Они — отступить, а там тоже фашисты. Окружают. Среди наших был человек один, не просто верующий, а священник, который после революции прихода лишился, но от веры не отступил. Он все это время молился о спасении — не для себя одного, конечно, для всех. Вот и набрели они на избушку. Думали бой там последний принять, а потом смотрят — фрицы бродят по лесу, а их и не видят. Каратели собак приволокли — те след не берут. Побродили, лес очередями пополосовали, да так и убрались

несолоно хлебавши. А партизаны, сутки отсидевшись, к своим вышли без потерь. И до Победы дожили как один. Кстати, все, кто здесь был, уверовали. Двое после войны священниками стали, сан приняли. Именно они впоследствии и пытались сюда вернуться — да не вышло. Вроде и лес как свои пять пальцев знали, местные все-таки, а — никак. Вот и понимай, что это за место такое. И не одни они, кстати, тут раньше спасались, я так думаю...

— Оттуда и кресты у стены?

— Ну да. Всяк, кому это место укрытие дарует, так делает. Священник, ну, из партизан который, тоже о таком вспоминал — что старые кресты у избышки видел.

— Чудны дела твои, Господи! Эх, знать бы еще — кто тут жил, кто в могиле этой...

— Да, знаете, тоже есть версия. Это я так сейчас понимаю. Был во время оно в столице империи Российской один блестящий, как тогда говаривали, офицер. Как бы не из гвардейских, да не суть важно. Вояка был лихой — пулям не кланялся, в Японскую войну геройствовал так, что самим государем императором был отмечен. Грудь в крестах, а голова, как говорится... Забубенная у него головушка была. Кутежи, романы, попойки офицерские...

— Ну, это уж как положено!

— Ага, положено, положено. Только до предела определенного. А он тот предел перешел. Что там уж вышло, никто теперь не упомнит, только закончились его гулянки дуэлью — и как бы не с лучшим другом. Он-то в поединке победил, а друга — на погост свезли. Вот тут и надломилось в нем что-то. То ли прозрение пришло, то ли разум проснулся. А, скорее всего, дал Господь последний шанс покаяться да в разум прийти. И вроде бы откровение ему было.

О том, что впереди грядет — война великая, смута братоубийственная, кровь и огонь по всей русской земле. А еще — о том, что если дальше службу продолжит, то в дни страшной смуты, что настанут, с родным братом в бою встретится и руку на него поднимет. И жизни лишит... Вот тогда и проняло его окончательно. Ушел в отставку, все что имел, раздал на церкви и монастыри — и сгинул. Доподлинно известно, что ни в одной обители постриг он не принимал. Никто так и не узнал, куда он делся — думали, что исчез без следа. А я вот теперь думаю, что здесь он свои грехи отмолил, здесь и вечный покой обрел. И как дар Божий дана ему и месту этому сила спасать и укрывать от врагов воинов православных.

— Ну а как звали то его?!

— Да вот представь себе — не сохранилось имени. Ни в книгах, ни в рассказах. Наверняка неспроста это. Мыслию, сам он так хотел, так и Господь управил. Так что поблагодарим Господа, поклонимся могиле верного воина его в последний раз — и в путь отправимся.

...На крыльцо монастырского храма Алексей не вышел даже, а вылетел пулей. Уж насколько он считал свои нервы если не стальными, то, во всяком случае, не из кисеи сделанными, а вот поди ж ты... Проняло, да так проняло, что руки ходуном ходили. Впервые за все время, проведенное в Братстве, нестерпимо захотелось вдруг затянуться сигаретой. Много, ох и много чего довелось повидать Леша за этот неполный год. В том числе и такого, о чем он еще не так давно и понятия не имел. И все больше — не белого и пушистого, а жуткого, злобного, с когтями, клыками и рогами. И все-таки...

Зрелище церковной отчитки — не для людей со слабыми нервами. Особенно — если отчитывают того,

кто тебе небезразличен, тем более — дорог. Будучи впервые в жизни допущен на этот обряд, пусть и в качестве зрителя, он выдержал недолго. Но и этого хватило — даже сейчас, стоя на высоком, обдуваемом промозглым ветром крыльце, Алексей чувствовал, как горит его лицо. В ушах бился страдальческий крик Маши, а перед глазами стояло ее корчащееся в муках тело. Допустить к себе нечистого, оскверниться — легко. А вот избавляться от этого — сложно. И мучительно.

Сзади прозвучали легкие шаги, и на плечо Алексея легла рука. Отец Михаил, постояв пару минут молча, задал вопрос:

— Больно, Алеша?

— Больной, святой отец...

— Знаю, Алеша. Тут ведь какая штука... Любить — оно всегда больно. Потому что только тогда ты чью-то боль не просто как свою ощущаешь, а во сто крат сильнее. Вот почувствовал это — считай, полюбил в первый раз по-настоящему. Странно — я вот и сыну своему недавно то же самое говорил...

— Сыну?!

— Ну да. А ты никак думал, что святые отцы почкованием размножаются? Так я ведь священником далеко не в юные года стал — сам ведь знаешь. И в миру пожил и послужил. И семья была, и любовь... была. Хотя — что значит — «была»? Если она истинная, то навсегда. Даже если нет рядом того человека, а есть лишь образ, в твоей душе запечатленный. Ты и это запомни тоже...

— Сдается мне, батюшка, что неспроста вы мне эту премудрость втолковываете. Готовите!? — Лешино сердце, оборвавшись, ухнуло куда-то вниз, как санки с ледяной горки. — С Машей что — совсем плохо?!

— Да не плохо, успокойся ты! Это если, конечно, о телесном, конечно, здоровье ее говорить. А вот с другим... Да, тут нехорошо. Грех колдовства — страшный и тяжкий. Вот так вот просто его с души не снять. Да и общение с сущностями... сам знаешь, какими, тоже даром не прошло — вон, что на отчитке творилось — видел.

— И что теперь?

— Теперь... Силой держать ее никто бы не стал. Захотела бы — хоть домой вернулась, хоть куда еще. Только Маша сама на покаяние просится.

— Куда?

— В монастырь, куда ж еще... Да ты не сходи с ума — раньше времени. Покаяние — не постриг. Как еще сложится — одному Богу ведомо.

Неизвестно почему, но что-то подсказывало Алексею, что все уже решено. И дороги его с этой девушкой расходятся на этом месте — раз и навсегда. И так больно, так нестерпимо было осознавать это, что он попросту постарался перевести разговор на другое:

— Я ведь, отец Михаил, по правде говоря, выволочки от вас ожидал!

— Выволочки?! Вот скажешь тоже... Да и за что бы?

— Ну как... Все дело я чуть не завалил. Попался, как... Сам влип, и вас за собой потащил. Вспоминать стыдно...

— Да нет, Алеша. Неправильно ты все понимаешь! Ты как раз сильнее оказался, чем от тебя враги ожидали. Чище и в вере крепче. Потому и план их подлый не сработал. Во всяком случае, так, как им бы хотелось.

— Перехваливаете вы меня, святой отец. Да и не в каких-то моих качествах тут дело, в другом, скорее...

— Ну, скромность тебе тоже в плюс. А что касается «другого», так в этом-то вся и сила! В любви твоя сила! Ведь Господь и есть любовь! И она, если истинная и чистая — от него. И если ты похоть, вожделение, которые разум твой помутить были должны по колдовскому замыслу и в руки ведьмы отдать, превозмог — пусть даже не через молитву, а через истинную любовь, то это все равно победа Господа над дьявольскими кознями! Так он управил, такое спасение тебе послал. И испытания дал, которые ты с честью выдержал. В общем, не за что мне тебя ругать и укорять. Тем более что против ведьмы такой силы, как Лили, мало кому вообще устоять бы удалось. По ее поводу терзают меня догадки смутные, очень нехорошие. Сесть бы, с книгами, по уму, да разобраться поглубже. Жаль, нет времени на это сейчас. Но надо бы, надо бы...

— Так все равно получается, что я нахомутал, а Господь за меня все промыслил да управил, несмотря на мою глупость и слабость — к лучшему.

— Э-э-э! Ты, сокол ясный, не путай сам знаешь, что да с яичницей! Думай, что говоришь, а то эдак и до ереси дофилософствуешься. Запомни, если не понял еще — ничего за тебя в этой жизни Господь не делает. Он — путь указывает, учит праведному да шанс тебе дает и выбор предоставляет. А уж куда идти — ко греху ли, ко благу ли, то твой выбор и твоя ответственность. И тебе одному за свои мысли, слова и дела ответ держать перед Господом. Нет таких, кто никогда не ошибается — безгрешен лишь Бог и святые ангелы его. А мы, люди, для того и живем, чтобы, пусть через ошибки, через покаяние к Богу идти. На сей раз ты выбор сделал правильный — в главном. И будет у тебя еще таких выборов в жизни, поверь, немало...

— Отец Михаил! Отец Михаил! — беседа была прервана самым внезапным образом. От церкви быстрым шагом к ним двигался молодой священник — из местных. Как видно, по очень срочному делу.

— Отец Михаил! Там... вас просят. И брата, вот, который Алексеем зовется! Девушка... Ну, та, которую вы к нам привезли. Она...

Священник с Алексеем вернулись в храм. Маша нашлась в боковом притворе. Девушка сидела на лавочке, заботливо поставленной для немощных прихожан, опершись спиной о стену. Как же она изменилась за эти часы! И дело было не в чисто внешних отличиях — строгом, с воротником под горло платье, платке, начисто скрывавшем роскошные волосы, абсолютном отсутствии косметики. Ставшие уже привычными Алексею черты Маши словно бы изменились. Нет, она не стала менее красивой. Но стала... другой. Покой, просветление и что-то еще, чему Леша даже не смог бы подобрать названия. Что-то, не делающее это прекрасное лицо менее любимым, но отдаляющее куда-то в абсолютно недостижимую даль. Маша улыбнулась, и у Алексея сжалось сердце. Прощание? Как оказалось, не только.

— Святой отец... Я вам сказать должна. Это важно! Очень важно, наверное. Я видела...

— Что видела? Говори, девочка, говори! Успокойся, вспомни и рассказывай.

— Перед тем как закончилось все, как отпустила меня та, что приказывала и мучила... Я увидела... Яркое, отчетливо... Место одно увидела — словно ее глазами!

— Какое место?

— Монастырь. Обитель, над рекой стоящая. Я сначала подумала, что это ведьма пугает меня, «будущее» мне показывает, внушить хочет, что я в монастыре дни

свои окончу. А потом... Потом как в кино — словно кадры мелькать начали. Вроде и место то же самое, а все там меняется. Сперва монастырь вроде мужской был, а потом — женский. Храмы и стены вокруг них сначала деревянные, а после — каменные. И страшного много. Очень страшного!

— Что ж такого страшного ты увидела?

— Войну. Давнюю какую-то войну. Люди на конях скакали, саблями и топорами рубили друг друга. Река от крови красным течет. Потом пожар... Пламя, дым, пылает все. Вся обитель в огне. Но это уже — намного позже. А еще — самое ужасное. Там... я не поняла точно... То ли застенок был, то ли еще что-то. Люди, как звери, в клетках запертые, в подвалах. Кричат, воют, бьются о стены. И не только люди...

— А кто?

— Те, кого я называть не хочу. Те, что в людях... Вы знаете, святой отец, о чем я. А монахов тогда там не было, и священников тоже. Потом вернулись, но место до конца не очистили. Вот потом пожар и случился...

— Еще что-то видела?

— Да. Сейчас то место мертво. Разрушили его почти до основания, осквернили. Свиньи по освященной земле бродили. А нынче — пустота. Никого живого. Только тени... Только тьма... И что-то плохое там произойдет. Скоро. Очень скоро! Лили туда стремиться.

— Уверена?!

— Уверена, святой отец. Последнее, что мне привиделось — круг из фигур в балахонах, таких, как ведьмы на ритуал одевают. А за ними — колокольня без креста, которая там, в монастыре стоит.

— Тогда понятно. Вряд ли тут ошибка может быть, — отец Михаил потер лоб с крайне озабоченным видом. — На то похоже, что тебе и впрямь не просто видение было...

— А что тогда?

— Колдовская связь она, если крепкая, в обе стороны может «ход» иметь. А для того, чтобы тебя контролировать, направлять, чтобы через тебя за нами следить и другие замыслы свои осуществлять, Лили, как я мыслю, накрепко между вами связь сплела. И когда та рвалась, не по ее воле, а через очищение святой молитвой, ты вольно или невольно в ее мысли заглянуть смогла. Если оно и вправду так, то этот монастырь у Лили сейчас крепко на уме. О нем она в первую очередь думает и какое-то дьявольское действо там готовит. Наверняка и вся возня с вами — маневр, чтобы нас от этого отвлечь. Ладно... Раз такое дело — мешкать нечего, пойду братьев собирать. А вам, я думаю, еще с глазу на глаз поговорить хочется. Догонишь меня, Алексей.

Негромко хлопнула дверь за вышедшим священником. Молодые люди остались одни, в тишине опустевшего храма. Алексей молча смотрел на Машу. Не то чтобы ему сейчас нечего было сказать. Очень много слов просились на язык — нежных, ласковых, горячих, таких, что он не говорил никогда и никому. Вот только стояло рядом, где-то за плечом, понимание того, что все это — лишнее. Уже лишнее. И будет от этих слов только больнее, только горше станет им обоим. Потому и смотрел он на девушку, словно пытался насмотреться вперед — на долгие-долгие годы. Заговорила как раз Маша.

— Спасибо тебе, Алешенька! Спас ты меня.

— Да ладно... — слова никак не шли наружу, царапая горло шершавым наждаком. Может, потому и говорилось совсем не то, что хотел, а что-то другое, суетное, дурное, как будто и не им сказанное. — Всегда готов! Как еще раз решишь по лесу прошвырнуться,

с волками и прочими зверюшками в компании — милости просим! Всегда к твоим услугам.

— Брось, Леша! — девушка снова улыбнулась. — Все бы тебе отшучиваться. Только шути не шути, а в глазах твоих все видно... За то, что по лесу со мной, бесчувственной, бегал и от оборотней меня защищал — спасибо отдельное. Но главное, Алеша, что ты душу мне погубить не дал. За это я тебя до конца жизни в молитвах своих поминать буду. Ведь еще бы чуть-чуть — и не было бы мне ни пути назад, ни спасения, ни прощения. Сложись все по-другому, пролей я кровь — и погибла бы совсем. Может, когда-нибудь такой же, как ведьма, которую я в этом месте и вспоминать не хочу, стала бы. Сейчас мне о таком и подумать страшно.

— Ну, ты ведь, Маша, и сама не поддавалась.

— Не поддавалась, как же! Дура несчастная. Жила, вообще ни во что ни верила, ни в Бога, ни в дьявола, ничего не понимала, ни о чем не думала. А потом нашла себе... друзей. Уверовала в черное без белого, в зло без добра. Магичка недоделанная... Только теперь понимать начинаю, с чем связалась, во что играть пыталась. Да и то не до конца, наверное. Ну да ничего — Бог милостив. Буду каяться, может, простит.

— Простит, Маша! Все у тебя будет замечательно. Ты... Ты такая...

— Не надо Алеша... Жалко, что так все получилось. Будь все иначе, я бы что угодно отдала, чтобы мы с тобой вместе были. А только сама виновата — погналась за миражом, за обманом, а настоящее счастье мимо прошло. Ну, хоть сколько-то ты рядом был. Я хоть теперь знаю, что ты есть на свете. Молиться за тебя буду. Гордиться тобой. Ты ведь настоящий воин Господа. Меня спас, теперь других спасать уйдешь. Такой твой путь...

— Маша!

— Иди! Сам не мучайся, и меня не мучь... — девушка встала и, пусть неумело, широко перекрестила Алексея. — Прощай, брат. Храни тебя Господь!

— Пусть Господь и тебя сохранит и помилует. Прощай... сестра!

Боль запеклась внутри острым-преострым когитистым комком. Вон как устраивается, поудобнее. Ее ведь теперь там, где-то под сердцем, носить годы. Ну, ничего, вынесем. Не впервой близких терять, не впервой видеть их и говорить с ними только во сне и в забытии. Вынесем... Только глаза, вот подлые! Глаза надо контролировать. Вот так! Мужчины не плачут, мужчины огорчаются — это он с детства усвоил и сейчас не забыл. Это очень важно сейчас — помнить об этом...

Выйдя на деревянных ногах на крыльцо храма, Алексей сразу увидел отца Михаила, стоящего около машины в компании Георгия. Судя по лицу последнего, тот явился с какими-то известиями и далеко не с радостными.

— Понимаете, батюшка, я еще когда Леша пропал, кое-какие свои связи в местной милиции поднял. Ну, есть люди хорошие... — начала разговор Алексей не слышал, но к самому интересному, похоже, успел. — Конечно, в первую очередь, помощи в поисках просил, но заодно уж договорился о том, что о всяких странных происшествиях они мне тоже сообщать будут. Так вот — сперва ничего такого не было, а сегодня ранним утром отзвонился человек. За вчерашний день по области, в районах, что ближе к Чернигову расположены, трое детей похищены. Младенцы, новорожденные, можно сказать.

— И всех троих, могу поспорить, окрестить не успели, — лицо отца Михаила было чернее тучи.

— Ну, таких подробностей мои источники в милиции, понятно, не сообщили, но можно и уточнить.

— Можно и не уточнять, — священник отмахнулся в сердцах. — Нечего тут уточнять да гадать. Я и так уверен. Как и в том уверен, кому конкретно и для чего эти дети понадобились. Жертва. Большой обряд ведьмовской.

— Вы думаете, они уже...

— Нет. Мы этой погани планы все-таки крепко спутали. Так что... Эх, да где ж эта гадость-то подевалась? — отец Михаил открыл пассажирскую дверцу машины, рядом с которой происходил разговор, и, найдя на заднем сиденье собственную объемистую дорожную сумку, начал там интенсивно рыться.

— Какая еще гадость?

— Гадкая. Но в таких случаях, как вот сейчас, очень даже необходимая. Та-а-а-к... Да где ж оно?! Ага, вот! — выудив из недр сумки какой-то донельзя затрепанный томик старинного вида, священник принялся его ожесточенно листать, — Календарь есть у кого-нибудь под рукой?

— Какой еще календарь?

— Да самый обычный! Карманный сгодится, любой — только за этот год, естественно.

Получив желаемое, отец Михаил принялся с еще большей скоростью листать страницы, время от времени сверяясь с маленьким календариком, выуженным кем-то из братьев из бумажника. При этом он бормотал себе под нос:

— Так... Что имеем? Луна. Луна... Луна... Луна на убыли — оно понятно. Самое время для зловредных чар, чем ближе к новолунию, тем они крепче. Под него — на смерть и раздор колдовать лучше нету... До самого новолуния тянуть не будут — ни шиша не по-

лучится. Значит, срок ограничен, так-так... Что ж выходит?

Не удержавшись от соблазна, Алексей заглянул священнику через плечо. Книга, которой больше подошло бы название «инкунабула», оказалась одной из тех вещей, которые представить в руках отца Михаила он мог бы в самую последнюю очередь. Это был ... справочник по астрологии! И не просто справочник, а какой-то, как понял Леша, высокомудрый труд, увязывавший магические действия с фазами Луны, планетами-«покровителями» тех или иных дней недели и времени суток и знаками Зодиака. Похоже, именно отталкиваясь от всего этого, батюшка пытался просчитать возможные дальнейшие действия противника.

— В какой день у нас Алексей потерялся? Среда... Меркурий, следовательно. Приобрести знания, в будущее заглянуть... Наводить чары на торговлю, воровство, обман... Интересные дела! Сегодня, значит, четверг. То есть — Юпитер. Колдовство на получения богатства, положения в обществе... дружбы... Ага, надо оно им! Что еще? Здоровье поправить? Ну, это тоже вряд ли. Мимо... Да и пятница с ее Венерой — не то. Вряд ли Лили на любовь или секс чаровать собирается. Суббота... Сатурн. Вот оно! День магических ритуалов, связанных с приобретением знаний, вызовом душ из ада, любой магией, направленной на смерть, ущерб и разрушение. Что там еще? Магия, связанная с домами и иными строениями?! Совсем интересно... Оно, похоже — оно!

— А что это у вас за книжечка такая, а, батюшка? — Алексей попытался задать свой вопрос максимально вкрадчивым голосом.

— Книжечка? А-а — «Истинная черная магия». Гримуар этого, как его... не упомяну, да и бес с ним.

Или он с бесом? Причем давно уже... Пакость редкостная, но тем помогает, что все эти колдуны именно по таким вот гримуарам обучаются и действуют. Хочешь победить врага — знай его! Это, Алешенька, азы воинской науки. Вот поэтому я, своими руками спалив немало таких книжонок, одну с собой все-таки таскаю. Не раз, знаешь ли, пригождалась. Вот и нынче, похоже, помогла.

— Чем это?

— А тем, что я примерно теперь представляю, когда и что Лили со своим ковенем делать собирается. Деток трое. Значит, или нескольких демонов призывать собирается, или кого-то из высших. А цель у обряда — узнать или найти что-то, крайне для них важное и нужное. Ох, есть у меня догадка — что именно. Дай только Боже, чтоб я ошибался. Ну, да ладно — самое важное то, что ни сегодня, ни завтра они колдовство творить не будут. Так что есть время у нас с силами собраться и свои действия спланировать.

— Не хотелось бы вас, святой отец, уж извините на грубом слове, обламывать, да только без толку все это, — молчавший доселе Георгий собственный скепсис скрывать даже не пытался. — Ну, пусть знаем мы, когда да что... А где? Вот вопрос! За два... Да что там, полтора максимум, дня мы все леса да чащи окрестные не прочешем.

— А вот тут ты, дорогой мой, как раз и не прав! — вид у отца Михаила из крайне озабоченного сделался донельзя довольным. — Вот именно место нам известно! Ты мне просто времени не дал сказать — набежал с новостями, от которых кровь в жилах стынет.

— Это вы про монастырь? — не удержался, чтоб не встять опять в разговор Леша.

— Про него, про него... Про что же еще! Божьим попущением, где все будет, мы теперь тоже знаем.

— Да мало ли монастырей над реками?!

— Монастырей немало. Но тот, о котором Маша речь вела — один такой. К тому же — поблизости. Макасовский монастырь это. Только у него такая история. Девушка пусть и немного рассказала, но самое важное. Тут уж ошибки быть не может. Основали обитель еще в шестнадцатом веке. И заложили на месте древнего, домонгольского еще, а скорей всего, и дохристианского городища. Может, в том и ошибка была...

— В чем?

— Да в том, что капище там могло быть поганское. Ведь что за место — остров фактически посреди болот. Кому и чему там молиться могли, жертвы приносить? Теперь уж не узнаем. А что в таких местах селиться любит, ты, вон, Алеша, на своем опыте уже попробовал.

— Да уж, помню, не забуду...

— Вот-вот... Но не в том суть. Было там капище или не было — то не факты, а версии. А вот монастырь стоял. Во время смуты разрушили его, разграбили. О том в видении Машином тоже было. Всех монахов, что там были, убили, скорее всего. И это, сами понимаете, насколько для любого места плохо, а уж для Божьего...

Потом, когда земли эти уже не к Москве отошли, а к Польше, заселились туда новые монахи. Тоже, как на мой взгляд, странная братия — все, как один, снялись да с родной православной земли под ляхов подались. Ну, да Бог с ними... Стоял монастырь, рос, строился, из деревянного каменным становился. Принадлежала ему не только земля монастырская, а и четыре окрестных села. А вот в конце века восемнадцатого, по указу императрицы Екатерины Второй о секуляризации, то есть о переводе церковного имущества в государственное, монастырь закрыли. И ничего лучшего не придумали, как устроить там дом

скорби! Психушку, по-современному говоря, лечебницу для душевнобольных.

— Так вот что Маша в виду имела! Люди в клетках... И другие.

— Ну да, мыслишь правильно. Не сомневаться можно, что среди тогдашних насельников обители не только больные люди были, но и одержимые бесами. Можно, сказать, вдругорядь осквернили святыню. Но в начале девятнадцатого века монастырь все-таки восстановили — правда, уже для старообрядцев. Только недолго он простоял. В 1820 году полыхнул пожар, да такой, что после него монастырь чуть ли не десять лет отстраивали — даром, что к тому времени он уже почти весь был каменный. Восстановили, но уже как женский. Ну, а потом...

Грянула революция, смута, гражданская война. Новая власть монастырь, как и все остальные почти, закрыла. Здания, все практически, кроме колокольни, дома игуменьи да фундаментов со стенами, по кирпичику растащили. Да... Свиноферма там и вправду была — тут тоже видение не соврало. Потом все и во все в полное запустение пришло. В третий раз обитель оскверненная и поныне призраком над рекой стоит. Вот там, думаю я, мы с Лили и встретимся.

Сухая болотная трава ложилась под ноги с легким шелестом. Стебли покрупнее ломались под подошвами тяжелых армейских ботинок с резким хрустом. Впрочем, шагавшие по широкой, с каждым шагом становящейся все более заболоченной луговине, мужчины, скрывать свое движение и не пытались. Смысла не было скрываться — не тот противник. Из-за практически полного отсутствия того, что даже с тяжелой можно было бы именовать дорогами и болотистой, годами зараставшей кустарниками и много-

летними травами почвы, в которой могли завязнуть любые внедорожники, машины оставили в «точке высадки» и двигались дальше пешком, образовав некое подобие «клина».

О том, что развалины монастыря под контролем, чернокнижники и чернокнижницы, собирающиеся там, могли догадаться хотя бы по тому, что все дороги, ведущие к этому месту, были плотно перекрыты милицейскими постами. Жилых населенных пунктов поблизости от развалин не было, а вот случайным туристам, охотникам-рыболовам или краоведам-любителям там сегодня точно делать было нечего. В том, что схватка будет жаркой, не сомневался никто. Не хватало еще случайных жертв и совершенно лишних свидетелей. Исходя из этих соображений, с руководством местной милиции и была достигнута договоренность о «закрытии» дорог. Версия при этом была выдвинута самая, можно сказать, невинная — кино снимать будут. Историческое. Про казаков, ага... Этим же, кстати, объяснили и появление в тех местах немалого количества как священников, так и плечистых парней с явно не штатской выправкой. Ну да — батюшки по сюжету положены. А остальные — каскадеры, актеры для батальных съемок. «Оселедцев» нет? Приклеим на головы непосредственно перед съемками, можете не сомневаться!

При всей бдительности стоявших на дорогах милиционеров, ведьмы и их свита попали туда, куда им было нужно, без всяких проблем. Ну, разве что напрыглись, налагая чары на отвод глаз — давно известно, что на старых, прожженных ментах эти чары работают не всегда и не так запросто, как на остальных гражданах. Специфика восприятия окружающего мира такая. Однако, учитывая то, какого уровня колдуны морочили служивым голову, удивляться, что

те смотрели стеклянными глазами на проезжающие внаглую мимо них машины, не стоило. Конечно, будь каждый пост усилен священником Братства, этот номер не прошел бы, но вот вопрос — где гарантия того, что первой бы удалось остановить и задержать именно ту машину, в которой находятся похищенные дети? А еще желательно — и ту, где ехала бы Лили и остальная верхушка ковена. Процентов девяносто девять из ста, что изначально попалась бы какая-то мелкая шушера. И привело бы это разве что к тому, что спугнутые чернокнижники отправились проводить свой мерзкий обряд в другое место, которое вот так просто никто бы не вычислил. Так что развалины монастыря решили превратить в ловушку, тем более что обычные милицейские посты ведьмовскую кампанию нимало не смутили. Хотя... нельзя было сбрасывать со счетов и тот вариант, что уверенные в своих силах колдуны все поняли, но сознательно идут на столкновение.

Если это так, то подобная самоуверенность должна была обойтись чернокнижникам дорого. Братство, используя даже то малое время, что было отпущено, стянуло все силы, какие только было можно. Прибыли даже те, кто давно отошел от «полевой работы», не принимал участия в боевых операциях. Вот и сейчас впереди всех по лугу вышагивали двое братьев, принявших монашеский постриг. До сего дня Алексею не доводилось их видеть ни разу, и теперь он был очень впечатлен. Именно так, в его представлении, выглядели Пересвет и Ослябя, шедшие впереди войска князя Дмитрия Донского на лютую сечу с полчищами Мамая. Звали братьев, конечно, по-другому — в монашестве они приняли имена Петра и Павла, но богатырской статью могли бы потягаться не только со своими легендарными предшественниками, но

и с героями были. Брат Павел шествовал с посохом, рядом с которым тележная оглобля показалась бы тонким прутиком. (Вспомнив о «тросточке» старца Адама, Алексей подумал, что *этот* посох ему наверняка и с места не сдвинуть.) У брата Петра посох тоже был, правда, гораздо скромнее размерами. Но вот на поясе! Алексей сперва не поверил своим глазам, но вскоре убедился, что не обманывается — опоясан монах был не «стандартным» клинком-кинжалом, а самым настоящим мечом. Потертые ножны из давно почерневшей кожи и рукоять, затейливо украшенная потемневшим серебром, говорили как о древности меча, так и о том, что долгие-долгие годы он провел, вовсе не висая на стене в качестве украшения интерьера. Такой грозный и одновременно прекрасный вид имеет только боевое оружие, а не парадные игрушки. Что ж за бой ожидается, если *такую* реликвию достали из «спецхрана» и готовятся пустить в ход?! Впрочем, как бы то ни было, страха он не чувствовал...

Алексей вспомнил предшествовавшую выезду сюда церковную службу. Вроде бы все было обычно — молитвы, чтение святого Евангелия, проповедь. Но все же по-особому звучали слова Писания и каждая молитвенная строка в устах священников, творящих общую молитву с воинами, с которыми им скоро предстояло встать плечом к плечу в священной схватке. По-особому торжественно пел хор. И даже лики святых с икон, казалось, взирали на собравшихся в храме особо — словно вдохновляя и благословляя на грядущий бой. Потом были исповедь и причастие — православному воину надлежит идти на битву, очистившись от грехов и неся в себе священную частицу крови Христовой. А еще — молитвы за выступающих в поход и «на благословение воинских оружий».

После было уже совершенно не торжественное, рабочее совещание, какое предшествует каждой спецоперации. Тут, собственно, тоже никто не растекался мыслью по древу. Место расположения врага — известно. Цель противника — проведение жертвоприношения и темного колдовского обряда. Силы... С этим сложнее. Сами ведьмы для составления магического круга наверняка соберутся полным составом ковена — числом тринадцать. А вот сколько там будет охранников, колдунов и колдуний «на побегушках», какое количество потусторонних темных помощников и защитников они постараются призвать и насколько у них это получится... Все эти вопросы, увы, оставались открытыми. Тут оставалось лишь следовать принципу Суворова: «Я пришел бить, а не считать!»

Цели операции — яснее ясного. Не дать замкнуть круг. Не позволить провести обряд. И — самое главное — не допустить, чтобы пролилась хоть капля детской крови. При возможности — нейтрализовать Лили и остальную «верхушку». При оказании ими сопротивления, что практически неминуемо... Вот на этом моменте, перебив проводившего это импровизированное совещание брата Георгия, слово снова взял отец Михаил:

— Господь велит нам быть милосердными. Господь велит не отнимать жизнь, не проливать кровь даже самых закоренелых грешников, тем самым оставляя им шанс на покаяние и спасение. Но тут... Те, с кем нам предстоит схлестнуться, можно сказать, уже не люди. Отринув благодать Божию, предались они князю тьмы и стали его сосудами. От них зло идет и гибель, а хотят они двери в наш мир открыть злу еще большему. Ныне же, воздвигнув руку на невинных младенцев, уготовив их в жертву своему черному хозяину, преступили они все законы — и человеческие

и Божеские. Нет, и не может быть к ним милосердия. Если ради спасения детей надо будет жизнью пожертвовать — верю, никто из нас не дрогнет. Но и нечестивцев — разите без жалости!

Атака началась, как водится в современной войне, внезапно. Ждали их, ждали, чего уж там. По всей видимости, строй братьев, широким полукольцом охватывающий становящиеся с каждым шагом все ближе развалины монастыря, пересек некую черту, на которую были «завязаны» первые заклинания, призванные остановить незваных гостей. Высохший травостой, наросший за долгие годы, что эти земли пребывали в запустении, всколыхнулся, пошел волнами. С чем им предстоит сейчас столкнуться, братья поняли еще раньше, чем из зарослей к ним прыгнули первые живые серые и черные ленты. Характерный шелест ползущих гадов и многоголосое шипение выдало наступавших. Не успели братья остановиться для обороны, как на них хлынул поток змей (которым, кстати говоря, в это время года по всем правилам давным-давно полагалось впасть в мирную спячку).

К счастью, какой-нибудь заморской погани, типа плюющихся кобр или другой пакости, которая может не только ползать, а атаковать свою потенциальную добычу, «выстреливая» вверх чуть ли не на два метра, среди нахлынувших змеюк не имелось. Обычные гадюки, отечественного, так сказать, производства. Вырванные из зимнего сна, поднятые злой волей колдунов из уютных нор, одуревшие пресмыкающиеся даже не особо и пытались кусать тех, кого им указали в качестве цели. Что ж поделаешь — такая у этих змей натура. В девяноста случаях из ста встречаясь с человеком, они будут шипеть, раздуваться, но смоются прочь, не вступая в схватку, при первой же

возможности. Имеются, правда, и исключения. К тому же наложенные чары, заставлявшие гадюк вести себя противоестественно, бросили какую-то часть из них в атаку, вылившуюся в отчаянные попытки тяпнуть-таки хоть кого-нибудь за ногу. К счастью, добротные военные берцы или сапоги, в которые были обуты все без исключения священники и братья, прокусить они не могли при всем старании.

С появлением первых гадючьих «шеренг» шедшие впереди братья сорвали с плеча дробовики. Впрочем, практически сразу стало ясно: стрелять по этому движущемуся и колышущемуся коврику — бестолковый перевод боеприпасов. Да и стоило ли — если абсолютное большинство змей, приняв «вертикальную стойку» лишь раскачивалось и оглушительно шипело, не пытаясь укусить. Тем временем вперед вышли священники, вооруженные посохами, по большей части имевшими заостренные наконечники. Вот это было самое то! Наиболее агрессивные гады были упокоены моментально. Правда, и ходу дальше тоже не было.

Тем временем оказалось, что несколько священников с отцом Михаилом во главе остались «в тылу» не просто так. Сейчас они творили совместные молитвы. До Алексея донеслись лишь несколько строк последней из них:

«...Но да примут крепость сии, знамеваемии державою, наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию, им же еси повелел.

Твое бо песнословится, и величается, и от всякаго дыхания с страхом славится всесвятое имя Отца, и Сына, и святаго Духа ныне, и присно, и во веки веков...»

Обшипев противника, как им наверняка казалось, особо грозным образом, змеиное «воинство» как по

команде опустилось в заросли и поползло восвояси — причем с еще большей скоростью, чем явилось. Однако не то что расслабиться, но даже и перевести дух от первой встречи с врагом не успел никто. Вместо шелеста и шипения над лугом раздавались теперь хлопанье кожистых крыльев и отвратительный писк. На братьев накатывалась вторая волна атаки.

Черная туча закрыла небо. Громадная стая нетопырей, примчавшаяся откуда-то из-за холма, зависла на несколько минут над людьми и затем ринулась вниз. Казалось бы — чем могли навредить здоровенным мужчинам эти пакостные, но крохотные тварюшки, чьи тельца в лучшем случае были с кулак тех, кого они атаковали? Могли, да еще как! Мохнатые «камикадзе», черным дождем осыпающиеся с неба, лезли в лицо, норовили вцепиться в глаза, в волосы, оцарапать и укусить побольнее. Зубы их, острые, как иголки, нет-нет да и прошивали плотную ткань полевой формы братьев, а уж об открытых участках кожи и говорить было нечего. Сперва у одного, затем у двоих, потом еще у нескольких бойцов по лицам, по рукам заструилась кровь. Гнусные летуны старались вонзить клыки поглубже, разорвать сосуды, ранить посерьезнее.

— В круг! В круг! Прикрываем святых отцов! Боеприпас обычный, дробь или картечь! По готовности — огонь!

Загрохотали дробовики, покатались под ноги стреляные гильзы и трупики нетопырей. Последних, надо сказать, было куда больше — каждый выстрел проделывал во вражеских порядках серьезные бреши. «А эти гады поактивнее змей будут!» — Алексей подумал это, посылая в нетопырей очередную порцию свинца и передергивая цевье «помповика». Сейчас перезаряжаться придется...

Новые патроны в расположенный под стволом магазин он загонял не глядя. «Память пальцев» исправно работала, выполняя заученные до автоматизма операции. Взглянув в эти моменты на небо, Алексей обратил внимание на то, что в самоубийственных атаках на братьев принимают участие не все нетопыри. Двое из них кружили над полем боя, словно корректируя и направляя нападение. Да полно — нетопыри ли это!? Нет, выглядели твари вполне естественно — с острыми ушами, перепончатыми крыльями и всем остальным. Вот только с одной поправочкой — размер у них был, как у хорошо откормленных индюков! Кстати, судя по раздавшемуся из-за спины: «Фигасе, мышки!», ненормально больших тварей заметил не только Алексей.

Точно, не он один. Снова прозвучал командный голос Георгия:

— А ну-ка, у кого там коллиматоры стоят? Глеб, Сергей! Дайте-ка по этим бэтменюгам! Да серебром!

Расчет оказался правильным — никакие это, конечно, были не летучие мыши. То ли искусственно выведенные кем-то из колдунов, изначально «магические» твари, то ли и вовсе потусторонние сущности, подселенные в тела настоящих мышек. Да какая в общем-то разница?! В любом случае, используя именно эти создания, колдуны «дистанционно» возглавляли атаку, руководя при этом всей стаей. А вы думали — откуда американские вояки принцип беспилотника почерпнули?! То-то...

Как раз это объясняло повышенную злобность и прекрасную боевую слаженность одурманенных заклинаниями мышек. Командовать стаей, не ввязываясь в бой лично, получалось хорошо — пока их не раскусили. Расплата за наглость последовала незамедлительно. Первого из «переростков», словившего в брюхо заряд серебра, буквально унесло куда-то

вдаль. Второй, увидев горькую участь сотоварища, попытался было вильнуть, заложить вираж, но в результате, попав под перекрестный огонь, резко начал терять высоту и драпанул с поля боя «на бреющем», рывками и зигзагами, как подбитый фашистский «мессершмитт». Разве что не дымился соответственно. Протянув, сколько смог, колдун рухнул вниз без всякой мягкой посадки.

— Ага! Не нравится!

— А нефиг тут!

— Не будут крылья черные над Родиной летать!

Восторг, который выражали явно самые молодые из братьев, был вполне понятен — три-четыре метких выстрела, и стая, не просто лишившаяся «командования», а моментально «соскочившая» с колдовского управления, черными брызгами разлетелась в разные стороны с испуганным и обиженным писком.

— Эх, догнать бы сейчас этого летуна! — голос подал кто-то из самых воодушевленных, причем явно собираясь подкрепить слова делом. Вон, уже и клинок из ножен потащил...

— Отставить погоню! — остужать горячие головы Георгию явно было не впервой, и он, где-то даже устало, снизошел до объяснений: — Ты, брат, откуда видишь, что там или кто, в тех самых зарослях, куда *это* плюхнулось? И никто не видит. А раз так, то нечего под засаду подставляться. Мало ли что у них там еще в ведьмовском зоопарке припасено? Кого оцарапали или покусали — обработать раны! Остальным перекреститься, перезарядиться, боекомплект проверить, и — вперед!

«Зоопарк» тем не менее закончился. Никто больше не выскакивал на братьев из кустов, не падал с неба, не шипел, не выл, не визжал. По-видимому, это были

первые, самые слабые линии колдовского «охранного периметра», призванные скорее отпугнуть, задержать, выгадать время, чем реально уничтожить кого-то. Все прекрасно понимали, что более серьезные угрозы ждут впереди, и чем дальше они будут продвигаться, тем более мощные силы будут против них брошены. Так оно и оказалось...

Яркий, рыже-багровый, увенчанный шапкой дыма огненный вал возник на их пути внезапно. Вот сию минуту все было спокойно — ни запаха гари, ни треска полыхающей травы, а вот перед ними уже бушует огненная стихия во всей своей неудержимой, всесокрушающей силе. О природе пожара гадать точно не стоило — при полном безветрии пламя резво двигалось в сторону братьев, при этом еще и набирая скорость в движении.

— Зараза! И не постреляешь же. Ни свинцом, ни серебром его не остановить, — возникший за спиной отца Михаила Георгий внешне был спокоен, но священник знал, что за этим спокойствием кроется. Колдовской пожар в голом поле — это тебе не мышки-гадючки...

— Все бы тебе стрелять...

— Не, а что делать-то?

— А то ты не знаешь, как я, всегда практически, именно на этот вопрос отвечаю!? Молиться!

— А-а-а...

— Ага! Ох, как же я это не люблю...

— Что именно?

— Что, что... В грязище воевать! Ну, ладно, отец Александр, отец Николай! Пожалуйста помолитесь!

Молитву о ниспослании дождя знает практически каждый сельский священник. Их даже не одна существует, а несколько — слишком уж наши предки-зем-

ледельцы были зависимы от этого погодного явления. Разница между дождем и засухой зачастую была разницей между жизнью и смертью от голода. Вот только в данном случае времени на проведение полного, по всем канонам, молебна (да еще бы и с крестным ходом желательно!) категорически не было. Потому и молились священники во главе с отцом Михаилом как-то по-другому, по-особенному, как видно усиливая просьбу о разверзании хлябей небесных молением о спасении православных воинов. Так или иначе, подступившая уже на расстояние, достаточное для того, чтобы передовыми бойцами начал ощущаться адский жар огненного вала, стена колдовского огня была накрыта рухнувшим с небес ливнем. Ну, понятное дело, не только она. Дождевые струи обрушились и на окрестности, и на братьев, и на священников. Учитывая совершенно не теплое время года, приятного в этом было очень мало, но поскольку выбор был невелик, то тут уж лучше мерзнуть, чем гореть. В довершение всего, при начале ливня с небес сорвалось несколько молний, и Алексей мог бы поклясться в том, что как минимум в одном из тех мест, куда ударил небесный огонь, задержалось, запылав факелом, какое-то темное, мелкое, но очень гадкого вида существо. Ему точно не показалось, поскольку отец Михаил выкрикнул радостным голосом:

— С нами Бог, православные! Видите, Илия-пророк нам помогает, с нами нечисть бьет! Во славу Божию, вперед!

Так быстро, как хотелось, двинуться вперед не вышло. Шедшие в головной шеренге сперва подумали было, что дело в пропитавшей почву от ураганного ливня влаге. Но после того, как один из братьев ухнул во внезапно открывшуюся под ногами трясину по колено, а второй и вовсе по пояс, стало ясно — дело нечи-

сто. Очередные колдовские чары превращали землю, относительно твердую, хоть и мокрую, в отвратительное болото, словно имеющее собственную злобную волю улавливать и тащить в свои недра шедших по нему людей. Мало того — там и сям из-под ног у братьев начали возникать осклизлые, где чешуйчатые, а где покрытые лоскутами гниющей плоти то ли руки утопленников, то ли лапы каких-то болотных тварей. К счастью, ничего, кроме этих конечностей из болота больше не лезло, но и того, что было, хватало с лихвой. Попробуйте-ка пройти по поверхности, которая не только дрожит, трясется и разъезжается у вас под ногами, а еще и норовит схватить за ноги самым бесцеремонным образом! Братья, один за другим, выхватывали из ножен серебряные клинки и пускали их в дело. Действовало оружие безукоризненно. То тут, то там на землю летели отхваченные когти, кривые пальцы и целые лапы-руки. К сожалению, это не мешало ни оставшимся на поверхности продолжать свои пакости, ни появляться новым. Ясно было, что клинками дело не решить и снова настает черед молитвы.

Собравшиеся вместе священники приступили к делу, а братья озаботились тем, чтобы никто их при этом не отвлекал. Особо преуспели в этом монашествующие — Петр и Павел. При этом первый даже и не подумал пачкать об болотные «ростки» меч и вполне обходился посохом, орудуя им невероятно ловко. Медведистый же Павел и вовсе, не мудрствуя лукаво, давил тянущиеся к его ногам кривые коряпки сапогами, как обыкновенные поганые грибы. Так или иначе, зачистить определенное пространство и дать возможность батюшкам помолиться у них получилось. А дальше...

Дальше стало возможным движение вперед. «Болото» снова было пусть и очень мокрой, но вполне

способной выдержать вес человека землей, исчезли хватательные конечности. Вокруг стало по-осеннему пусто, тихо и тоскливо. И они двинулись.

— Теперь понятно, почему ведьмы именно это место выбрали, — Георгий, чуть задержавшись, дождался отца Михаила и теперь вышагивал рядом, периодически теребя и устраивая поудобней ремень дробовика на плече. — Не в смысле того, что место специфическое, обитель оскверненная и все такое. С точки зрения обороны очень грамотно, не могу не признать. Открытое пространство, скрытно не подберешься, все как на ладони. Опять же, места очень подходящие для «стихийного» колдовства, для магии их поганой, на силы природы, завязанной да на всякую мелкую дикую нечисть. Слава богу еще, что они так действуют, а не с применением чего посовременнее — да без всякого колдовства. Разместили бы на валу пару пулеметов или гранатомет, к примеру, автоматический...

— Я тебя прошу, Георгий! Вот только не надо таких подсказок! Кто тебя вообще за язык тянет! — осерчавший, похоже, не на шутку священник даже повысил голос. — Помолчал бы лучше уже! Не накликать бы!

— Накликать — это, батюшка, суеверие!

— Это, сын мой, житейская мудрость и печальный опыт! Уж ты бы мог знать, что стоит что-то такое ляпнуть, как неприятностей себе на... голову не оберешься! На войне особенно.

— Да ладно вам, мы ж тоже не дурачки, от любых вариантов страхуемся... Оп-па! Неужто хозяева себя явить изволили? А то мы стучимся-стучимся — да когда ж встречать выйдут? Волноваться уже начали...

Три фигуры появились из пролома старинной монастырской стены, возвышавшейся на гребне холма, к которому братья подошли уже практически вплотную, и стали неторопливо спускаться навстречу пришедшим. Фигуры, что уж тут скажешь — все, как одна, весьма колоритные. Впереди всех мягко, по-кошачьи плавно, вроде бы даже не пригибая высокую сухую траву, двигался... Японец? Китаец? Кто-то другой? Короче, какой-то из сынов таинственного Востока, причем очень дальнего. Алексей знал, что люди, долгое время общавшиеся с различными выходцами из Азии, никогда в жизни не перепутают уроженца Страны восходящего солнца с жителем Поднебесной, корейца не назовут вьетнамцем. Ну, он-то подобными специфическими познаниями не обладал. Да и не так уж это важно было в данном случае. Гораздо интереснее было то, с чем шагающий к ним вышел встречать гостей.

В обеих руках азиата красовались нунчаку. И, конечно же, это были не те убогие, сляпанные в кухне на коленке (из ножек кухонного же табурета зачастую) подобия восточного сельхозинвентаря, которое свободолюбивые окинавские крестьяне сумели превратить в грозное оружие, какие Алексею не раз доводилось конфисковывать у отечественных бандюков. «Выстрелив» обеими нунчаку из-под рук, восточный воин на ходу принялся выписывать ими замысловатые круги, «восьмерки» и иные фигуры, одно созерцание которых, как видно, должно было напугать потенциальных противников до икоты и «медвежьей болезни». При этом даже в скудном свете скатывающегося за горизонт осеннего солнца на черном полированном дереве взблескивали символы и знаки, явно не относившиеся к какому-либо из иероглифических алфавитов. Похоже, оружие

было разукрашено как раз колдовскими письменами и, соответственно, «накачано» черной магией «по полной программе».

Второй из бойцов был еще интереснее. Мало того что рост его превышал, пожалуй, два метра, мало того что кожа его была черной, как смоль (что само по себе смотрелось довольно дико в промозглых полях Черниговщины) — вооружен он был еще поэкзотичнее своего «коллеги». Оружие тоже было парным, но были это клинки. Точно классифицировать их Алексею удалось с первого взгляда. Крисы! Загадочные и зловещие короткие мечи, особо ценимые колдунами и магами. Волнистые лезвия, схожие с языками пламени покрыты таинственным узором «памор», который наносится не абы какой, а в строгом соответствии с тем, кем является будущий владелец. Вспомнив то, что ему было известно об этом оружии, Алексей задался вопросом: «А был ли при создании этих клинков проведен самый гнусный из старинных ритуалов по изготовлению криса — умерщвление девственниц, для вселения их душ в клинки?» Почему-то не вызывало сомнений, что в данном случае — был...

Самым обычным из всех был третий «встречающий». Расы он был явно европеоидной, а какого конкретно роду-племени — поди разбери на глазок. Одет в самый обычный костюм делового покроя, даже с галстуком, кажется — в отличие от азиата, напялившего на себя некоторое подобие ниндзюцкого костюмчика, разве что только без маски, и негра, облаченного во что-то вроде восточного халата. Никакого экзотического «холодняка» при нем тоже не усматривалось — на плече он нес явно тяжелый сверток, который затем скинул прямо в траву, себе под ноги. Ну, скорее не скинул, а все-таки положил достаточно аккуратно. Из чего Алексей сделал для себя

вывод, что это, скорее всего — тоже оружие. Вот только как бы не огнестрельное. Кстати, освободившись от ноши, третий боец (а в том, что это именно боец, сомневаться не приходилось, несмотря на серую неприметность облика) спокойно остановился на середине склона, выбрав для себя роль зрителя. Пока, во всяком случае...

— Что это, блин, за цирк уродов такой? — подошедший и ставший плечом к плечу с Алексеем Георгий не скрывал своего удивления.

— А это, видать, личная гвардия самой Лили. По всему свету помоталась, лично отбирала, видать... худших из худших, темнейших из темных, — присоединившийся к разговору отец Михаил высказал свое мнение. — Вот и набрала всякой твари... ну, пусть не по паре, но нам и этих достаточно. Чего-то думается мне, что переговоры вести и сдаться предлагать тут бесполезно.

— Кому молитвы читаем? — отца Александра в данной ситуации интересовал аспект сугубо практический. Как и все священники Братства, он был настроен на боевую работу и готовился выполнять свою часть в ней.

— Архистратигу Михаилу сейчас помолимся, ну, а как сойдутся в бою, будем «С нами Бог, разумеете, языцы, и покаряйтесь» читать. Очень в данном случае соответственно...

— Посторонись, братие! — вперед из рядов выдвинулись Петр и Павел, неторопливо направляясь к врагу. С противниками они, похоже, уже определились. Павел шел к азиату, а Петр готовился встретиться с чернокожим гигантом. Меч, покинувший ножны, играл в его правой руке тусклыми бликами старого серебра.

— Палочки, говоришь? Рис молотить? Ну, ну... Давай разберемся, по-простому, по-крестьянски, значит. Давай! — шагая к вертящему со скоростью взбесившейся ветряной мельницы нунчаку бойцу, Павел приговаривал это спокойно, чуть ли не ласково, при этом с легкостью перебрасывая из руки в руку свой оглоблеобразный посох. Вряд ли азиат понял хоть что-то из сказанного, а, может, как раз понял, и сравнение с крестьянином оскорбило его до невозможности? Но в атаку он кинулся резво, визжа ошпаренным котом что-то на родном, как видно, наречии — то ли боевые заклинания, то ли ответные оскорбления в адрес врага. Движения нунчаку, и до этого бывшие быстрыми практически до полной неразличимости, стали как будто бы еще быстрее. Шквал ударов, обрушившийся на монаха, должен был бы, наверное, в считанные секунды разнести его посох в мельчайшие щепки, а самого его превратить в кровотокающий кусок плоти с начисто переломанными костями. Вот только...

Совершенно непонятно как это удавалось брату Павлу — вроде бы и не делал он ничего такого, не принимал эффектных поз, не скакал, не кувыркался... Просто как-то по-особому чуть поворачивал корпус, едва заметно менял угол, под которым держал перед собой посох, еле-еле отклонялся, делал неуловимое движение назад или в сторону и... И весь вихрь совершенно, казалось бы, неотразимых и смертоносных атак уходил в никуда, в пустоту! Удары шли «скользом», не причиняя вреда, более того, даже не вынуждая противника менять позицию.

Отчаявшись, как видно, «пробить» эту несокрушимую скалу, восточный боец решил прибегнуть к решительному и крайнему средству. Сократив в стремительном подкате дистанцию до минимума, двойным ударом нунчаку снизу он захлестнул обе

соединявшие половины его оружия цепи на посохе монаха. Расчет был понятен — резким рывком выдернуть из рук противника посох и уж тогда делать с ним, что вздумается. Мало того — у приема оказалось двойное, подлое, колдовское дно. Сцепившись своими нунчаку с оружием монаха, войдя таким образом с врагом в непосредственный контакт, азиат отчетливо выкрикнул какую-то фразу, явно не относившуюся ни к одному из восточных языков, а напоминавшую скорее одно из классических заклинаний чернокнижников.

— Ага! Щас... Яко с нами Бог! — эти слова монах, даже и не подумавший выпускать посох из рук, даже не сказал, а рывкнул в лицо побагровевшему уже от натуги противнику, вторя молящимся за его спиной священникам. В ту же секунду посох вспыхнул ясным огнем, и азиат заорал, словно опаленный им. А вот нечего колдовать было!

Дальше все закончилось очень быстро. Павел, в свою очередь, рванул посох на себя и вверх, а зацепленный за него собственным оружием восточный поединщик взмыл в воздух, как бумажный. Дугу при этом он описал очень красивую, но вот о землю шмякнулся вовсе не эстетично — ну, как мешок сами знаете, с чем... Удар посохом, нанесенный с широкого замаха, и, как говорится, от всей широты славянской души, поставил точку и на поединке и на бойцовско-колдовской карьере мастера восточных боевых искусств. Судя по громкому хрусту, одним махом он сломал не только колдовские нунчаку, но и кости их владельца заодно, оставив того валяться на чужой земле неопрятной кучей тряпок.

Противник брата Петра поединок с колдовства начал. Наставив на приближающегося монаха острия

своих крисов, он затянул какой-то заунывный речитатив. Наблюдавший за схваткой Алексей сразу вспомнил о магических свойствах, приписывавшихся этому оружию — смертельный вред якобы можно было нанести, уже только направив его на врага. Ну, в сочетании с соответствующими заклинаниями, естественно. Именно это, похоже, сейчас чернокожий боец и пытался проделать. Брат Петр, в свою очередь, не замедляя шага, скривился, как от изжоги, смачно сплюнул наземь и сквозь зубы пробормотал:

— Ну, да! Давай, давай! А по-честному не хочешь попробовать?

Чернокожий не хотел. То ли был более реалистичен в оценке себя и противника, чем восточный собрат, то ли в принципе привык больше полагаться на магию, чем на сталь. Обежав с невероятной для своей комплекции прытью круг, он умудрился оказаться у наступающего монаха за спиной. И тут же вонзил оба клинка в явственно отпечатанный на сырой земле след противника. Петр тряхнул ногою, словно сбрасывая с сапога налипший навоз, и развернулся. Во взгляде его читался праведный гнев честного воина на подлого колдуна:

— Да задолбал уже, нехристь! Вот я тебя!

Одним прыжком монах преодолел расстояние, отделявшее его от врага. Тот едва успел вскочить с колен и принять боевую стойку. Теперь видно было, что Павел едва достает ему до плеча. Очевидно, воодушевившись этой разницей, черный гигант ринулся в атаку, выкрикивая то ли заклинания, то ли грязные ругательства. Но выкованные из особой, «одушевленной» когда-то колдунами стали клинки, парный удар которых должен был рассечь монашеских посох, отлетели от него, как соломинки. А вот серебряный меч, победно сверкнувший при богатырском замахе, остановить

не смогли. Перерубленные, жалкими прутиками они упали на рассеченное тело владельца, которого так жестоко подвела глупая вера в силу чернокнижия...

Третий враг оказался наиболее умным. И практичным вдобавок. Где бы ни «нарыла» Лили двух предыдущих приспешников, этот явно был родом из той страны, что стала ей надежным приютом в последние годы. Американец... В полном соответствии с военными обычаями «мирового светоча гуманизма и демократии» он предпочел не ввязываться в схватку, подвергая опасности свою невероятно драгоценную шкуру, а подождать, пока другие будут лить кровь — свою или чужую, это уж как получится. И «сражаться» тоже предпочитал с безопасного расстояния — убивая издали и желательно в как можно большем количестве. Очень по-американски.

Нагнувшись, неприметный человек в костюме сбросил с того, что стояло у его ног, ткань, и выпрямился — с легким натовским ручным пулеметом в руках. Вообразить себе что-то мерзее игравшей у него в эту минуту на губах «улыбки победителя» было бы сложно.

Быстрее всех среагировал Георгий, схватившийся не за оружие, а за рацию.

— «Давиды»!

— На связи! — переговорное устройство на его плече отозвалось моментально.

— Цель! На холме, направление...

— Уже видим! Работать?

— Огонь!

Прилетевшие, казалось бы, ниоткуда тяжелые винтовочные пули были безукоризненно точными. Обе они шли точнехонько в голову нагло улыбавшегося

пулеметчика, в лоб... Недолетев до которого на какие-то миллиметры, срикошетили, как от бетонной стены! Пулеметчик отшатнулся от неожиданности и чуть припустил оружие, но тут же восстановил равновесие и вновь попытался взять прицел

— Пули отводит! — ахнул кто-то сбоку от Алексея.

— Вот вражина!

— Ах ты ж... — прозвучавшая далее словесная конструкция тянула на солидную епитимью, и пара священников автоматически завертели головами, высматривая сквернословия. Георгий тем временем оставался абсолютно спокоен.

— «Давиды», работаем «спецпатроном»!

— Есть!

Улыбочка стрелка, ставшая еще шире, и, как это ни удивительно, еще гаже, превратилась в кровавое месиво в то самое мгновение, когда он уже начал тянуть спусковой крючок. А что вы хотели?! Две серебряные пули в голову — это серьезно. Так и не выстреливший пулемет свалился обратно в траву...

— Слава Богу! И этого одолели... — отец Михаил истово перекрестился.

— А как же! — вид у Георгия был довольным, как никогда. — Я ж говорил, святой отец, что мы от всего страхуемся. Снайперская пара с самого начала за нами идет, и не одна, кстати. Все, как положено — патроны, через один заряженные: обычные — серебро — обычные, и так далее.

— То-то я заметил, что ты со старыми «мосинскими» гильзами не так давно возился!

— Ну да! Эти гильзы, между прочим, при желании вполне найти можно — еще чуть ли не царских времен, медные. Они ж почти что вечные — бери, переснаряжай правильной пулей серебряной и бей нечисть.

— Понятно. А, кстати, позывной «Давиды» ты сам снайперам придумал!?

— Ну да! А что — Писанию соответствует!

— И вправду... Ладно, молодец ты, Георгий, как всегда молодец. Спасибо...

Переть втупую через гребень стены, особенно после едва не состоявшегося тесного знакомства с огневой мощью противника, как-то не тянуло. Собравшись вместе, отцы-командиры в быстром темпе разделили братьев и священников на несколько групп, каждая из которых имела свое направление и свой сектор атаки. Часть братьев, в которую влились и подтянувшиеся «Давиды», своей задачей имела, аккуратно «оседлав» холм, обеспечить штурмовым группам прикрытие, если понадобится — и огневое.

Алексею выпало идти с теми, кто наносил удар на главном направлении — проникая на территорию монастыря через чудом уцелевшую надвратную колокольню. С этой же группой шли Георгий, отцы Михаил и Александр, монахи Петр и Павел. Шли молча, с каждой секундой, с каждым шагом приближаясь к тому, чтобы поставить последнюю точку в этой схватке...

...Любые развалины уродливы. Остатки монастырской колокольни — без креста, с облупившимися пустотами на месте иконных фресок, обнажившейся кладкой стен, были страшны. У Алексея мороз пошел по коже, когда он понял, до чего же зияющие над входом провалы высоких окон вместе с самой аркой ворот похожи на глаза и распахнутый в беззвучном крике вековой боли рот! Святое некогда место, не раз оскверненное за сотни лет, а ныне и вовсе захваченное слугами врага рода человеческого, словно зыва-

ло о помощи, исходя неопишуемой мукой. И помощь пришла.

К превеликому счастью, ведьмы, колдуны и вся прочая чернокнижная братия швыряться огненными шарами, разить молниями, обращать людей в камень и лед, убивать либо лишать рассудка могут... но — только в сказках, на киноэкране или в компьютерных игрушках. Во что превратился бы наш и без того кровавый, безумный и опасный мир, попусти им Господь иметь такие способности в реальности — не то что сказать, а и помыслить страшно. Людям праведным, созданным по образу и подобию Божьему и по его законам желающим жить, пришлось бы либо пролить целые океаны крови, защищая свой мир от слуг сатаны, либо влачить жуткое и жалкое существование под их пятой. Но в реальности зло не то что не всесильно, но и далеко не так могущественно, как хотелось бы его прародителю.

Да, adeпты темных сил, те, кто воспринял гнусную колдовскую науку, могут и вредить и убивать. Но методы и способы их воздействия на людей проще и вместе с тем тоньше. Сила их заемная — у Тьмы и Зла. Заговоры, привороты, порча — все это, как правило, требует длительных и точно выверенных действий, непосредственного контакта либо с жертвой, либо с ее вещами или, скажем, жилищем. На худой конец — с точным ее образом. Да и результат дает в большинстве случаев далеко не моментальный. В прямом, открытом бою абсолютное большинство ведьм или колдунов бессильны против хорошего воина, особенно, если вооружен он не только острым мечом, но и истинной Верой. Будь по-другому, история той же Инквизиции пошла бы, пожалуй, навыворот — на кострах, чего доброго, горели бы сами инквизиторы, а не ведьмы...

Так что на головы братьев, первыми рванувших в проем ворот, полилось не колдовское пламя, а какая-то чрезвычайно вонючая и горячая дрянь. Следом упали несколько факелов — и вспыхнуло. Вот любит же нечисть отгораживаться огнем! У Алексея возникло дежавю — один раз он уже прорывался к ведьме сквозь пламя. Только тогда это была иллюзия, морок, а теперь... Ничего, действиям в подобных ситуациях он был обучен тоже. Вдох поглубже, закрыть лицо согнутой в локте рукой — и как можно более стремительный рывок вперед! Ну, обдало страшным жаром, ну, затрещали брови и волосы на голове (даже под банданой), но ведь прорвался же! Вот он и во внутреннем пространстве монастырских стен.

Обернувшись, Алексей увидел, как трое братьев под предводительством Георгия бросились на колокольню, без всякого снаряжения штурмуют стены — спасибо выветрившейся и повывитой местами кладке. Несколько мгновений — и вниз головами с верхотуры полетели фигуры в серых мешках-балахонах. В это же время кто-то помогал сбить пламя двоим бойцам из передовых, которым досталось больше всего, другие братья уже тушили огонь, не давая ему разойтись по сухостою. Продвижение атакующей группы если и было задержано, то на какие-то пару минут.

То, что первой из своих целей они достигли, было ясно с первого взгляда. Кучка ведьм и колдунов, одетых не в серые, а в черные, расписанные каббалистическими знаками хламиды «мастеров», сгрудилась в центре двора, вокруг мерзкого подобия алтаря, очерченного пентаграммой и какими-то еще чернокнижными символами. И было их двенадцать... Ни о каком

составлении правильного магического круга, необходимого для обряда, речь уже не шла. Пределом мечтаний для членов ковена было бы остаться в живых и унести ноги, но как раз об этом им оставалось разве что мечтать.

Дальнейшее слилось для Алексея в какой-то безумный вихрь, пронизанный вскриками, выстрелами, звуками ударов и истошными воплями. Вот навстречу им бросились последние «серые балахоны» и скошенными сорняками легли под ноги Божьих воинов. Вот кто-то попытался швырнуть ему в лицо горсть земли — наверняка могильной, со зловещими наговорами если не на смерть, то уж на слепоту наверняка. Уворот, кувырок — и серебряный клинок разит прислужника нечисти. Дальше!

Вот из нарытых зачем-то в земле тут и там ям, из-за загромождающих двор груд битого кирпича выскакивают какие-то существа, одно отвратительнее другого. Рога, шипастые хвосты, клыкастые пасти, мохнатые и чешуйчатые туши, кривые лапы — у кого перепончатые, у кого просто когтистые... Да тут полный набор — видать, призвали нечисть, кто какую мог, у кого что получилось. Рази, братие!

Алексей бьется с призванными тварями, успевая увидеть, как идут дела у остальных. Вот косит нечистых серебряным мечом монах Петр. Вот, страхуя его сбоку, сносит по несколько адских отвратищ за раз своим могучим посохом неразлучный с ним Павел. Вот ловко бьется в своей особенной манере — двумя клинками сразу брат Игорь, прикрывая перезаряжающего «помпу» Олега... Да они же в другой группе были?! Значит, тоже прорвались, значит, кольцо замкнулось! Ур-а-а! Последний рывок!

Отвлекаться в бою опасно. Засмотревшись на успехи товарищей, Алексей зазевался, и на спину ему,

улучив момент, запрыгнула какая-то мелкая, воняющая тинной дрянь, похожая на тритона-переростка, только с витыми рожками. А еще — с широченной пастью, полной мелких, но острейших даже на вид зубов. Дрянь примерилась впиться Леше в шею, да не смогла — стало нечем. Зубы, вместе со всей башкой разлетелись брызгами по двору от попадания серебряной винтовочной пули. «Давиды» не дремали. Страхнув с себя так своевременно обезглавленного «тритона», Алексей двинулся дальше. А впереди были уже лишь черные хламыды...

И снова бой... Даже старшие, наиболее искушенные в чернокнижии, являвшиеся «мастерами», либо претендовавшие на это звание члены ковена, чувствовали себя бессильными — поскольку давно привыкли скорее повелевать другими, нежели действовать самостоятельно. Более молодые колдуны и ведьмы были скованы самым обычным страхом. И тем не менее сдаться и, признав поражение, принять заслуженную участь, не собирался никто из них. Пытаясь использовать самые последние средства, они бросились на братьев. Но не было победы в тот день нечестивым — и не могло быть. Молитвы выстроившихся в ряд перед врагом священников не давали творить черное колдовство, богомерзкие слова вязли на зубах и рвали глотки. Те, кто еще вчера мнил себя несокрушимыми властителями мира, плавилась и горели в лучах нестерпимой для них благодати, как жалкие восковые куклы.

Последними на ногах остались двое — мерзкая старуха с крючковатым носом и спутанными седыми патлами и жирный старик, пускающий обильные слюни и трясущийся от ужаса. Минуту назад они выглядели, как юная девушка и мужчина в расцвете сил, но живи-

тельные капли святой воды смыли с них колдовские личины и теперь они предстали во всем своем уродстве. В живых до сих пор они оставались лишь по одной причине — оба держали на руках детей, приставив к шейкам младенцев кривые ножи.

Глядя на выражение лиц сгрудившихся вокруг воинов, первым не выдержал старик. На жутко ломаном языке, который, очевидно, считал русским, он залопотал:

— Коспота, коспота! Тафайте фсе упокоимся! Тафайте не нато гнеф! Ду нот...

— Ну ты сейчас точно упокоишься, мразота заграничная! Ребенка в покое оставь! — в разговор вступил пробившийся в первый ряд Георгий, так и не выпустивший из обеих рук клинки, по рукояти уляпанные черно-красным. Один их вид должен был настроить колдуна на более конструктивную манеру диалога. Но тот трещал, как заведенный:

— Я... Я не телать ничего чайлд. Это есть только май... гарантии! Мы ше все сивилизованный люти! Тафайте поговорим! Тафайте опсудим условия...

— Какие нахрен условия?! — Георгий рывкнул так, что у рядом стоявших заложило уши. — Ты еще адвоката своего пригласить предложи! Отдавай дитя или сдохнешь в таких муках, что тебе и не представить, нехристь дряхлая!

— Та, та! — последние слова почему-то вызвали в старикашке воодушевление. — Я не есть христианин, я не есть ортодоксал! Я испофедовать тругой реликия! Я иметь прафо! Я вообще есть кражданин Ефропейский Союз! Опьетиненный Ефropa!

— А-а-а! Ну, тогда другое дело! — Георгий даже поклонился собеседнику с издевательским видом. — Если аж из самых Европов, тогда адвоката, конечно, мало. Мы тебе, образина, сейчас прям самого консу-

ла вызовом. Или посла — чрезвычайного и полномочного, только скажи нам, дикарям, какой конкретно страны. Или... Есть другой вариант. «Давиды», готовы работать?

Рация на плече Георгия отозвалась прямо-таки радостно: «Цели видим четко! Спецбоеприпас готов! Разрешите работать?!»

Каким бы маразматиком не выглядел старик-колдун, но полным идиотом он точно не был. То ли понимал нашу речь гораздо лучше, чем прикидывался, то ли уловил ну очень яркие мысли Георгия — в которых его плешивая голова от выстрела снайпера разлеталась на куски, как перезрелый арбуз. Он что-то коротко каркнул своей «коллеге», по-немецки, кажется — и ножи полетели наземь, а перепуганные карпузы через мгновение оба удобно устроились на руках у подхватившего их брата Игоря. Колдун и ведьма пали на колени и склонили головы.

Неразрешенными оставались вопросы: Где третий ребенок? И где, наконец, верховная «мастерица» проклятого ковена? Где Лили!? Ответ пришел незамедлительно...

В дверном проеме развалин дома, некогда служившего жильем игуменье монастыря, пространство взвихрилось черным облаком, и из него возникла главная колдунья собственной персоной. Лицо ее, некогда поразившее Алексея пусть пугающим, но совершенством, ныне было маской злобы, ненависти и мести.

— С кем вы пытаетесь говорить, Джереми?! Это же не люди. Это — действительно дикари, невежественные и нетерпимые. Они не договариваются...

— Это ты правду сказала, тетя, — в тихом голосе Георгия клокотал едва сдерживаемый гнев. — С тер-

пимостью у нас — никак. И с толерантностями всякими. И договариваться с такими, как ты, нам не о чем. «Давиды», готовность!

— Давиды?! Да Голиаф был мошкой в сравнении со мной! Сейчас вы узнаете, против кого осмелились встать!

Смысл фразы, которую Лили выкрикнула следующей, не смог бы понять никто из присутствующих. Отец Михаил был единственным, кто догадался, *что* за наречие они слышат сейчас на развалинах монастыря — додревний язык, звучавший под небесами в Адамовы времена. Догадался — и его объял ужас...

— О, Господи! Да как же я раньше... Ведь должен же был! — обернувшись, Алексей увидел, что лицо священника стало бледнее мела. — Лили... Лилит! Вот кто ты такая! Верная слуга демоницы, получившая за долгое служение «дар» быть ее вместилищем и воплощением!

Воздев руки к потемневшему небу, ведьма разразилась сатанинским смехом. Облик ее менялся на глазах — светлые волосы сперва налились рыжею медью, а затем стали черными, как ночь, тело, сохранившее очертания соблазнительной женской фигуры, начало покрываться густой шерстью, а вместо длинных и стройных ног появились вдруг жуткие птичьи лапы невероятных размеров.

Трансформировавшаяся демоница рванулась вперед. Прямоком к брату Игорю, держащему на руках детей. Неуловимый, неотразимый взмах руки, на глазах удлинившейся на треть за счет «выстреливших» из пальцев острейших когтей из черной стали, и... Короткий шаг брата Олега оказался на долю мгновения быстрее. Оттолкнув спиной Игоря, он оказался на пути смертоносных лезвий и принял их в свою грудь.

Разочарованный вой демоницы сменился воем боли, когда со всех сторон грянуло, и в нее вонзился рой серебряных пуль, ударили клинки братьев и посохи священников, плеснула святая вода. Снова окутавшись тьмой, чудовище отпрянуло назад, в зиявший чернотой на месте дверей пролом.

Младенцев, передавая с рук на руки, относили назад, под надежную защиту батюшек. Братья становились вокруг, оцетинившись стволами и клинками. Алексей, сделав два шага, оказался возле распростертого на земле брата Олега. Рядом с ним стоял на коленях отец Михаил, держа его за руку. Грудь Олега была пробита жуткими ранами, из которых толчками, все слабее с каждой минутой, текла кровь. Попытаться сделать перевязку или остановить кровотечение было уже бесполезно — от таких увечий люди погибают на месте, и чудом было уже то, что Олег еще дышал, еще жил. А мгновение спустя даже открыл глаза.

— Любит меня Господь, батюшка! — шепот умирающего был отчетливо слышен всем и каждому в упавшей на поле боя полной тишине. — Любит, и простил, правда ведь?! Жил... не так. По большей части... Но умираю-то правильно?! Ведь искупил, теперь искупил?!

— Отринь страх смертный, брат мой во Христе! Служением честным в воинстве Христовом попрали все грехи свои, вольные и невольные. Теперь же, жизнь положив за други своя, детей невинных спасая от твари дьявольской, подвиг совершил, славы и хвалы достойный, — напутственные слова священника, обращенные к умирающему, были исполнены строгой торжественности, а в глазах отца Михаила стояли слезы. — Открыта тебе дорога ко вратам Царства Небес-

ного! С радостью встретят Господь и все святые его верного Божьего воина.

Лицо Олега, искаженное мукой боли, разгладилось и просветлело. Это был лик того, кто достойно закончил свой земной путь и готов перейти в жизнь вечную.

— Нет у меня страха, святой отец. Теперь — нет... — сжав сильнее руку священника, на последнем выдохе он прошептал. — Сына моего найдите! Чтобы хоть на могилу...

— Обещаю! — отец Михаил склонил голову и через секунду добавил, закрывая погасшие глаза: — Покойся с миром, брат!

Алексей стоял, не в силах отвести глаз от тела товарища. Это была далеко не первая смерть, которую он видел вот так — в упор, во всей ее страшной неотвратимости. Но впервые костлявая забрала одного из обретенных им братьев. Жгла огнем кипящая ярость, сжигал сердце гнев, а на плечи наваливалось неподъемной могильной плитой осознание того, что ничего уже нельзя ни изменить, ни поправить.

Скорбное оцепенение прервало хлопанье крыльев. Из развалин поднялась огромная сова-неясыть и, тяжело взмахивая серыми крыльями, с которых то и дело срывались кровавые капли, полетела куда-то за пределы монастырских стен.

«Лили! Лилит, проклятая демоница, забравшая жизнь Олега! Куда она стремится? Бежит? Или... Третий ребенок!» — эта мысль пронзила сознание Алексея, и он, не раздумывая, стрелой рванулся вперед. Дробовик остался лежать там, во дворе. Рука сжимала выхваченный из ножен клинок, которому он готов былверить свою судьбу. Только бы успеть! Только бы догнать!

Довольно быстро, несмотря на запал сумасшедшей гонки, он понял — демоническая птица летит не куда глаза глядят, а ко вполне конкретной цели. Ею была огромная верба с узловатым толстеньким стволом, возвышающаяся на берегу реки. Когда-то дерево, как видно, попыталось раздвоиться, дать еще один побег, но тот, разросшись, отломился и теперь застыл сплетением веток под прямым углом к основному стволу.

— Что ей там надо!? Насест пошире, что ли? — Алексей лихорадочно пытался соображать на бегу. — А если?.. Неужели хитрая колдунья спрятала именно там одного из детей, изначально приготовив его для особой жертвы своей «хозяйке», и теперь спешит туда, чтобы, выпив кровь младенца, восстановить силы?

Вы когда-нибудь пробовали соревноваться в скорости бега с птицей, особенно — приличных размеров? Вот лучше и не пытайтесь... Алексею нипочем было бы не угнаться за чертовой неясностью, если б та могла махать крыльями хотя бы вполсилы. Слава богу, нанесенные раны демоница, судя по всему, ощущала и в пернатом обличье. Летела она еле-еле, несколько раз опускалась на землю и явно с каждым разом со все большей натугой поднималась в воздух. В очередной раз, то ли заметив преследователя, то ли просто окончательно выбившись из сил, так и осталась сидеть на месте, а потом... Когда Алексей, тоже уже едва не валившийся с ног, приблизился на расстояние вытянутой руки, из высокой сухой травы навстречу ему поднялась прекрасная обнаженная женщина с рыжими кудрями.

Впрочем, вид совершенного тела изрядно портили кровоточащие порезы и язвы, свежие ожоги и даже пятна, похожие на те, что появляются на трупах далеко не первой свежести. Все эти отметины то

бледнели и исчезали с прекрасных груди, бедер, плечей и рук, то вдруг проступали отчетливей и ярче. Даже сильнейшей демонической сущности стоило огромных усилий поддерживать жизнь и силы в теле древней ведьмы, получившей от священников и воинов Братства такой урон, который уже давно отправил бы любую другую представительницу этого поганого племени прямиком в ад.

— Снова ты?! — в надтреснутом голосе то ли демонницы, то ли ведьмы уже не было той магии очарования, что всегда заставляла мужчин терять голову и покорно идти навстречу собственной же гибели, а только боль и неприкрытая злоба. — Сколько же ты будешь становиться у нас на пути, дерзкий мальчишка? Ты мог бы познать мою неземную любовь, а получишь смерть — здесь и сейчас!

— Да пошла ты, сука адская! — эти слова Алексей, так и не сумевший перевести дыхание после бега, выплюнул одним духом. А потом, чуть помедлив, выдал совершенно невероятную конструкцию, услышанную случайно на заре милицейской молодости в «дежурке» из уст пьяной киевской проститутки, задержанной за драку со своей «коллегой» по ремеслу. Конструкцию эту впоследствии даже на спор не смогли повторить трое сержантов, самых известных в управлении матерщинников — уж больно была заковыристой. А еще — исключительно обидной для любой представительницы женского пола. Лилит, похоже, тоже ее оценила — издав дикий визг, она снова начала трансформироваться. Опять почернели волосы, опять мелькнули огромные птичьи лапы с хищно загнутыми когтями. А потом эти когти ударили в Алексея, и, сбив с ног, принялись полосовать грудь.

«Сейчас эта курица меня порвет...» — мысль почему-то была отрешенно-спокойной. Потому,

наверное, что сознание норовило уже скатиться в спасительную черноту, убегая от разливающейся по телу океанскими волнами невыразимой боли. Алексей попытался пырнуть лапу кинжалом, но тот лишь скользнул по ороговевшей коже.

И в этот самый момент коготь другой лапы, с легкостью рассекший и одежду, и кожу, зацепился за серебряную цепь с нательным крестом. Взыв от причиненной этим прикосновением боли, чудовище задергалось — и этой секундной заминки Алексею хватило, чтобы, намертво вцепившись в лапищу, рвануться вперед и вверх, выбрасывая перед собой руку с кинжалом. Серебряный клинок по рукоять вошел между грудей женщины-птицы, а Алексей, растратив остаток сил, упал в траву, истекая кровью.

Удар этот стал последней каплей. Трансформация дала окончательный сбой, и прекрасный некогда лик превратился в гротескную образину — с одним глазом, полопавшейся кожей и съехавшим чуть ли не на затылок беззубым ртом. Этот воплощенный кошмар, распластавшись по земле, тем не менее еще пытался ползти к чудом остающемуся в сознании Алексею. И даже что-то шипеть при этом.

— Сейчас... Сейчас-с-с... Я подарю тебе *свой* поцелуй, поцелуй смерти...

— Не надо мне таких поцелуев. Меня сейчас и так вырвет! — Мысли, как видно, уже последние, текли совсем вяло. И так же вяло немеющая рука шарила по траве, ища кинжал, намертво засевший в том, что сейчас ползло к нему, неумолимо приближаясь сантиметр за сантиметром.

— Вж-ж-ж-их! — взмах серебряного меча снес уродливую голову с остатками рыже-черно-светлых волос с корявых плеч и отправил в полет по полю. Се-

ребряные клинки пригвоздили продолжавшие корчиться останки к земле. А Алексей увидел склоненное над ним лицо отца Михаила.

— Живой? Держись, Алешенька, держись!

— Да что мне сделается?! — Алексей хотел ответить батюшке именно так, как положено лихому воину, но губы почему-то уже совершенно не желали слушаться. Потерять сознание он позволил себе, лишь услышав раздавшийся от дерева крик Георгия:

— Нашел! Живой ребенок, жи-и-ивой!

Алексей закрыл глаза с улыбкой.

* * *

...Белый сводчатый потолок. Неяркий, зимний свет в небольшой, чистенькой комнате. Запахи лекарств, ладана, горящего воска и елея. Временами пробивающийся сквозь них свежий морозный воздух, тянущий из приоткрытой форточки узкого окна. Алексей, вот уже несколько минут лежавший в постели с открытыми глазами, всеми своими чувствами впитывал окружающий его кусочек мира, в который он снова возвращался...

Сколько же он провалялся? Возвращение в монастырь Братства с поля боя, едва не ставшего для него последним, он практически не помнил. Тело рвало боль от ран, затуманивая рассудок. Потом вроде бы стало лучше — но ненадолго. Начавшие было затягиваться чудовищные «борозды», оставленные на его груди когтями, вдруг снова раскрылись, закровоточили. По всему телу стало расползаться злое воспаление, схожее с заражением крови, температура взлетела до совершенно ненормальной высоты, начались припадки, в которых его корчило и трясло, словно в какой-то небывалой лихорадке.

Окажись Алексей в это время на лечении в обычной больнице или госпитале, пусть даже и в окружении поголовно профессоров медицины, имеющих в распоряжении самые современные лекарства и медицинскую технику, выжить ему вряд ли бы удалось. Проблема была не в серьезности причиненных повреждений, не в занесенной инфекции или проникшем в тело яде. Страшный недуг сжигал его потому, что раны были нанесены когтями одной из самых могущественных демонниц, обретшей на время физическое воплощение.

Оттого и боролись с этой черной немощью не доктора, а священники — как состоявшие в Братстве, так и специально прибывшие к его постели по призыву первых. Сильнейшие молитвы, читавшиеся без остановки круглые сутки, святые реликвии возлагавшиеся на его тело и стоявшие в изголовье, чудодейственный елей — все, что можно было, употреблено для спасения жизни Божьего воина. И смерть отступила, убравшись прочь вместе с темными чарами и демонической отравой, прокладывая ей путь к сердцу Алексея. Правда, и жизнь не торопилась возвращаться в истерзанное муками тело. Долгое время провел он в беспамятстве и бессилии, лишь на краткое время выныривая из забытья. Единственным, что запомнилось из таких минут, было мерцание свечи где-то рядом и голоса, читавшие молитвы. А потом снова наступала темнота и безвременье...

Так все-таки, как долго он тут лежит?! Алексей попытался пошевелиться, и — ура! — это удалось. Руки и ноги, кажется, слушаются, пусть пока и с трудом, занемевшие от долгой неподвижности. А вот при движении, направленном на то, чтобы, опираясь на подушки, сменить лежачее положение на хотя бы

полусидячее, грудь прострелило болью. И близко не сравнимой с той, что была раньше, но все равно довольно чувствительной. Опустив взгляд ниже подбородка, Алексей увидел лишь толстый слой бинтов. Что там, под ними, видеть, по правде говоря, не очень-то и хотелось. При воспоминании о кривых и загнутых когтях «совиных» лап его аж передернуло. Наверняка шрамы останутся такие, что покрасоваться на пляже теперь не получится. Ой, ну да кому оно нужно — это красование и эти пляжи... Гораздо больше Алексея волновал вопрос, скоро ли он сможет снова «встать в строй».

Именно на этой мысли его и застал тихий скрип входной двери. Кто-то очень осторожно заглядывал в комнату, боясь, как видно, потревожить покой больного. Повернув голову, Алексей встретился взглядом с отцом Михаилом.

— О, очнулся, болящий! Ну, слава тебе, Господи! И уже, гляди, на одре своем ворочается, — священник из всех сил пытался говорить строгим и чуть ли не сердитым тоном, но ясно было видно, насколько он рад, поругивая лишь «для порядка». — Ты бы, Алеша, не торопился вертеться-то! А ну, как раны опять откроются?

— Не откроются, батюшка! — Алексей улыбнулся во весь рот и, сделав-таки над собой усилие, сел на постели. — Видите? Лучше мне уже, правда, лучше! Сколько ж можно колодой лежать? Я уже на свет божий выйти хочу.

— Ну, уж прямо-таки сразу и «выйти»! Бодрый какой! По полосе препятствий поскакать не желаешь? — отец Михаил всплеснул руками.

— Не, батюшка, с этим подождем пока, — оценив юмор, Алексей снова улыбнулся, — а вот насчет пожевать я бы, если честно, очень даже бы не отказался!

— Вот это правильно, вот это молодец! — священник обрадовался еще сильнее. — Насчет этого я скажу, из трапезной быстро организуют. И тут повезло тебе, Алеша — как раз пост закончился!

— Пост закончился?! Это... Подождите-ка, что за день сегодня?

— Замечательный день, Алеша. Со светлым тебя Рождеством Христовым!

— Ох, ты... Это ж сколько...

— Долго, Алеша, долго. Ну, последние неделю-две ты, считай, просто отсыпался, силы возвращая. Выныривал из сна, считай только когда кормили тебя — да и то по чуть-чуть, с ложечки.

— А остальные как? Там ведь еще раненные были?

— Да все уже повыздоровели, на ногах. Ну, кроме Олега, конечно...

— Это я помню, батюшка.

— Схоронили мы его. Здесь, на нашем кладбище монастырском.

— Вот на могилу мне сходить первым делом и надо. Я-то на похоронах не был!

— То не в вину тебе. Сам ты тогда настолько плох был, что впору еще одни похороны готовить было. Ну, слава Богу, обошлось. А что до сходить — вот поешь сперва как следует, а потом тебя отец Онисим осмотрит, ты его знаешь, врачом он был раньше. Отец-то Киприан уж недели две, как заявил, что ни порчи, ни какого другого колдовского вреда на тебе нет больше, так что Онисим тобой сам занимается. Вот скажет он, что можно — сходим уж.

— Да зачем, что я, сам не чувствую?

— Сказано — осмотр, значит — осмотр! — разом вернувшийся к отцу Михаилу командный тон места для споров не оставлял.

Вкусностей и напитков, которых Алексею прямо в «палату» наташили из монастырской трапезной с праздничного рождественского стола, хватило бы, наверное, на половину Братства. Вот разве что спиртного не было — ну, так к нему и не тянуло совершенно. А остальное... С трудом «отвалиться» от стола Алексей заставил себя, когда понял, что продолжив трескать за обе щеки, подвергнет свою жизнь новой угрозе — лопнуть на месте. Пришедший вскоре отец Онисим сменил повязку, смазал изрядно зарубцевавшиеся уже раны чем-то, не слишком приятно пахнущим и ворчливо констатировал, что «надобен бы, конечно, еще покой, но кто ж тебя тут с шилом в одном месте удержит!?» По всему похоже было, что практические премудрости врачебной науки этот полноватый невысокий священник постигал в свое время на ниве военной медицины. И не в удаленных от фронта госпиталях, а в полевых медсанбатах. Отсюда наверняка и тонкое знание психологии и повадок выздоравливающих бойцов.

По дороге к монастырскому кладбищу Алексей услышал от отца Михаила историю брата Олега. Лишь этот рассказ сделал для него понятными последние слова умирающего, прозвучавшие у стен разрушенного монастыря...

...Давно это было. Рухнула великая страна, погребая под своими обломками судьбы целых народов — что уж тут говорить об отдельных людях, враз сделавшихся лишними и никому не нужными в изменившейся до неузнаваемости жизни? Чуть ли не больней всего ударило по тем, кто еще вчера был силой и гордостью этой страны, а сегодня стал «балластом» для захватившей ее остатки жадной своры выскочек и воров. Люди в погонах, из элиты превратившиеся

в отверженных, устраивались в новых реалиях, кто как мог — кто в бизнес, кто в банду, кто в бомжи. Но были и другие — те, кто не желал выпускать оружие из рук, благо возможности к тому были, и становилось их чем дальше, тем больше.

Молодого десантника подхватила кровавая волна, поднявшаяся на развалинах некогда великой страны и носившая его от одной к другой «горячей точке», что страшными язвами возникали на когда-то мирных землях. Воевать он, как оказалось, умел, а с какого-то времени и полюбил. Бесшабашное и безбашенное бытие, в котором не было ни «вчера», ни «завтра», а было лишь вечное «здесь и сейчас», вошло в плоть и кровь и стало казаться не просто нормальным, а единственно правильным и возможным для него. В его мире люди жестко делились на своих и врагов, дружба и водка были крепче, чем на «гражданке», которую он уже начала окончательно забывать. Солнце каждого нового дня, в который он входил — несмотря ни на что, все еще живым — светило ярче, а запах горелого пороха, смешивавшийся с дымом сигаретной затяжки, первой после боя, пьянил и казался неземным ароматом. Этот мир был жестоким, но честным, он был простым и понятным. Жить в нем было легко, а умирать не страшно.

Так было до того дня, когда при «зачистке» крохотного горного села, из которого их колонну накрыли огнем, он погнался за автоматчиком, который, расстреляв боекомплект «до железки», кинулся бежать, петляя, как заяц, по узким улочкам. В распахнутую дверь хибары, за которой скрылся стрелок, тут же полетела граната. Добавив «для контроля» пару очередей следом, Олег осторожно зашел внутрь. Опасался он зря — врага в крохотной комнатке не было. Он ушел через люк в полу, который теперь зиял хохочу-

щим беззвучно над Олегом ртом. Зато — были, как оказалось, двое детей, чьи исковерканные тельца не смог разметать и взрыв гранаты. Даже мертвые брат и сестра продолжали держаться за руки...

...В первый раз они пришли к нему в ту же ночь. Молча, в своей свисающей окровавленными тряпками одежде встали рядом с расстеленным на полу какого-то разбомбленного здания матрасом, на котором он валялся, пьяный до изумления, да так и простояли всю ночь. Олег попытался списать это на «белку». Не тут-то было. Убитые им дети явились на следующую ночь, когда он, не принявший ни капли спиртного в жаждавший забытья организм, уснул лишь под утро, и на следующую... Застрелиться не дали товарищи, в последний момент выдравшие из рук уже приставленный к виску пистолет и тут же набившие морду. Больше оружие в руки он брать не мог и из профессионала войны моментально превратился для своих не просто в бесполезную обузу, а в опасность. Один его полубезумный вид мог подорвать морально-психологический климат любого подразделения, а если добавить к этому еще и полную непредсказуемость поведения...

Прервав до срока очередной контракт (причем вздохнувшие с облегчением отцы-командиры не «зажали» положенные выплаты, а даже добавили сверху), Олег отправился на родину. Увы, отправился не один — мертвые дети последовали за ним. Семья, которая, как это ни удивительно для человека его профессии и образа жизни, у Олега имелась, распалась очень быстро. Его ежедневные пьянки и следовавшие за ними то приступы неудержимой агрессии, то истерики, безумно любившая Олега женщина еще смогла бы какое-то время терпеть, надеясь вырвать

мужа из той пучины, в которую он погружался все глубже. Но сам он не мог не то что находиться рядом с собственным крохотным сыном, но даже смотреть на него, не испытывая желания немедленно свести счеты с жизнью.

Отец Михаил увидел его около одного из храмов — окончательно спившегося, в остатках покрытого коркой грязи камуфляжа, жалко просящего «на опохмел». Увидел — и забрал с собой в монастырь. Самое тяжелое было не вывести вчерашнего солдата из длящегося уже неизвестно сколько запоя. Намного сложнее было заставить его понять, что убивая себя — неважно, пулей или водкой, он ничего не исправит. А разве можно исправить?! Да. Можно. Покаянием. Верой. Собственной жизнью, каждый шаг, каждый миг в которой будут направлены на искупление тягчайшего греха. Тогда Господь, всеблагий и всемилостивый, сможет простить. Так Олег стал воином Братства. И потому свою гибель принял с радостью, узрев в ней знак от Бога, давшего ему возможность Искупления... Нательный крест отца, такой же, как и у всех братьев, отец Михаил вручил его сыну, который выстоял все похороны молча, «как взрослый», стараясь не плакать. Как знать, может и пополнится Братство новым Божьим воином спустя годы?

— Сколько же здесь могил! — Алексей не сдерживал своих чувств, впервые оказавшись на кладбище Братства.

— Много, Алеша, много... Сильно Зло, сильны слуги его. Часто приходится воинам Божьим жертвовать жизнью, людей защищая. Немало тут покой свой нашли — и священники, и монахи, и простые братья, — такого тяжелого вздоха от отца Михаила Алексей не слышал еще никогда. — И чутся сердцу моему — ско-

ро могил прибавится. И не только здесь. Страшный год настал, Алеша. Худы знамения и темны пророчества. Великое зло грядет.

— Ну, что год... Цифра, конечно, поганая — тринадцать. Но вы ж сами учили, что все это — суеверия и блажь! — Алексей, видя, что священник мрачнеет все больше, попытался свести разговор к шутке, да не вышло...

— Не в цифре дело, Алеша. Вернее, не только в ней, в том, что год этот тринадцатый. Мы ведь оставшихся в живых после боя в монастыре колдунов и ведьм крепко поспрошали. Среди них не последнего разбора птицы были... Вот они и поведали — какая на самом деле у Лили цель была, чего она хотела да что искала.

— И что же?

— Демона они и вправду вызвать хотели, чтобы вопрошать о скрытом, о спрятанном.

— Погодите, батюшка, — Алексей явно окончательно пришел в себя, поскольку к нему на глазах возвращалась способность лезть с вопросами где надо и где не надо. — А зачем Лили... или Лилит все-таки? Зачем ей еще какой-то выходец из пекла понадобился, если она сама...

— Вот умеешь ты, Алешенька, «гвозди забивать». Ну, оно понятно — где ты этого набрался, — отец Михаил поморщился, поскольку тема эта была ему явно малоприятна. — Я до конца жизни теперь себя корить буду за то, что не догадался, на кого ведьма «завязана», кому напрямую служит. Лилит, чтоб ты знал — в адской иерархии далеко не из последних. Из высших, скорее... «Губительница детей и мужей молодых» — так ее во многих древних рукописях называют.

И ведь были у меня кое-какие догадки — исходя из того, каким способом она тебя «достать» попыталась, в частности! Излюбленная ее забава — мужчин через

похоть в скотов обращать и. используя, убивать. А добавив к этому еще кое-что — хотя бы способность облик менять, одним в виде чуть ли не юной девушки являясь, другим зрелой женщиной, иные детали — должен я был догадаться! Да вот не успел...

— И что бы изменилось?

— Да ничего, скорее всего. А, может, и изменилось бы... Что толку теперь гадать! А вот тебя, как поправишься окончательно, я точно загоню на углубленный «спецкурс» по демонологии!

— Это зачем еще?

— А чтоб вопросов задавал меньше. Да ладно, шучу я... Затем хотя бы, чтоб знал ты — в адском «воинстве» тоже своя иерархия имеется, причем достаточно четкая. Свои чины, свои ранги. И своя специализация у демонов — причем у многих она достаточно узкая. Есть в этой шайке и тот, кто напрямую «отвечает» за поиск того, что кем-то было давным-давно спрятано, а после — забыто кем и где. Частенько этого демона во все века кладоискатели разнообразные вызывать пытались. Иногда, кстати, получалось. О-ч-чень занимательные истории о том повествуют — любой фильм ужасов отдыхает.

— А на фига Лили и ее ковену клады сдались?!

— Да уж конечно, не клады им нужны были, и даже не реликвии их гнусные, колдовские. Книги, Алеша. Черные книги — вот что ведьме, а, вернее, хозяевам ее надобно. Но и это тоже — только полбеды...

— Про книги понятно. Речь о тех, которые они для колдовства своего используют, так ведь?

— Так да не так. Книга книге рознь, Алеша. Весь тот ворох мерзости колдовской, которую за долгие века адепты этого черного ремесла понаписали, а в последние года и печатать самым обычным образом наловчились... Все это в основном — хлам, нику-

да не годный. Богомерзкий, конечно, вредный, однозначно — но все ж таки хлам. Ни силы, ни власти над нечистью, даже мелкой, ни истинных черных знаний они своим горе-владельцам не дают. Лишь душу губят невозвратно...

Но есть и *настоящие*... Ведь книга — она сама по себе может и великой силой стать и великой реликвией и великим Злом. В создании тех, о которых я сейчас речь веду, участие принимал если не сам князь тьмы, то ближайшие его «соратники» и «сподвижники». Демоны из самого высшего круга. Велика сила зла, в них заключенная. Не просто велика — огромна! Сам посуди — такая книга не каждому даже из высших колдунов в руки дается. Но уж если далась — вовек ему от нее не избавиться. Известны истории на сей счет, в которых повествуется, как «магики», сами же испугавшиеся того, что в книгах этих увидели и прочли, пытались их уничтожить, либо, на худой конец, выбросить. Не тут-то было! В огне не горят проклятые страницы, в воде этот том не тонет, а кинь его в пропасть — на следующий же день он тут как тут! Не отделаться от книги такой, пока на то воли нечистого не будет.

По всему миру эти книги появлялись. По большей части в века темные, давние. Тогда, когда еще решалось, чему в этом мире царить — свету Божьему либо снова тьме дьявольской. Тогда колдовское племя на род людской наступало, кровь лилась и костры пылали... Как самое страшное оружие адептам своим даровали князья ада проклятые книги, склоняя к неописуемому злу.

Та угроза миновала. Нечисть и ее слуг удалось обуздать, да вывести под корень не получилось. С той поры и дремлют по всему миру черные тома, в надежных захоронках упрятанные, ждут своего часа. И час этот, боюсь, снова настал...

— И у нас, получается, такие книги где-то припрятаны?

— Да, Алеша, увы. Хотя и слабее намного в святой Руси было чернокнижие, чем в «просвещенной Европе», но и здесь погани этой хватало. Как минимум о двух таких книгах известно.

Три сотни лет тому назад, в семнадцатом веке всплыла одна из них в Москве. Донесли люди, что не кто-нибудь, а боярин Автамон Матвеев чтением «запретных книг» балует и с нечистой силой знается. Смертию казнить его не стали — то ли по знатности рода, то ли, как сейчас говорят, «за недоказанностью». Но всего имения лишили и в ссылку законопатили аж в Мезень, под самый Архангельск.

Спустя время взошел на престол государь Петр Алексеевич, тот самый, которого многие православные не иначе как «антихристом» навеличивали. Захотел он, по легенде, той книгой завладеть — ради великой власти, которую она давала. Отправился в Мезень гонец царский — Михайла Акулов. Сумел ли он проклятую книгу добыть? Тут рассказы расходятся. Многие считают, что сумел. Вот только нашли его после в ближайшем лесу...

Тело его так изорвано да изуродовано было, что едва узнали. Крест нательный — в рот засунут. И что характерно — даже при голоде зимнем и бескормице ни зверь, ни птица лесные к останкам его не притрунулись. И люди — тоже. Кошель с деньгами, оружие дорогое, сбруя конская да и сам конь — все цело было. Одна лишь книга пропала — если была, конечно. С той поры следы «автамоновского» тома затерялись.

— А второй случай?

— Второй случай как раз к нам самое прямое отношение и имеет. Согласно другой легенде, еще за сто лет до тех событий, о которых я только что рассказы-

вал, другая «черная книга» была отпечатана именно в Киеве. Не только написана, заметь — напечатана.

Прознал об этом первый государь всея Руси — Иоанн Васильевич Грозный, с ведьмами да колдунами крепко боровшийся. Печатню оскверненную спалили, всех, кто к книге этой отношение имел, либо казнили, либо в монастыри на покаяние отправили навечно. Суровые тогда были времена...

— С самими-то книгами что стало?

— Тут, Алеша, разное говорят. Одни верят, что собрав все до единой книги, велел царь их сжечь — да не вышло. И никаким другим способом уничтожить не удалось тоже. Тогда сложили их в одном месте — то ли, как пишут, «в столпе каменном», то ли в погребке глубоком, да и запечатали, как верили, «на вечные времена». Другие же твердят, что не все книги в руки Грозному и людям его дались — часть удалось колдунам утаить, спрятать. Вот теперь и хранятся они где-то здесь, у нас под носом.

— И что же, за столько лет не искал их никто? Хотя бы и Братство?!

— Искали. Да только все без толку. Все, что в руки к нам попадало — тысячная копия с сотой переписки. Либо вовсе бред сущеглупый, «под старину» состряпанная современная писанина. А *настоящие*... Как сказал герой в одном хорошем фильме, «трудно искать черную кошку в темной комнате».

— Особенно если ее там нет...

— То-то и оно, Алеша, что есть! И знаем мы это доподлинно. Вот только не мы одни, к превеликому сожалению.

— Ну, и зачем они им вот прямо сейчас понадобились — эти книги?! Так, что прямо вынь да положь! Ведь ни времени, ни денег не жалеют, ни собственных жизней, которые они, ой, как ценят.

— Существует предание... Даже не предание, а пророчество скорее... Его долгие года чуть ли не вздорной выдумкой считали, вышучивали даже. Вот только потом не до смеха стало...

— Так о чем пророчество-то?!

— Ну, полностью, как говорится, со всеми нюансами пересказывать не буду — долго это. Но суть такова, что если в тринадцатый год тринадцать колдунов со всего света обретут черные книги по числу своему, то смогут они с их помощью провести обряд и призвать зло, которое веру нашу святую повергнет и полмира кровью зальет.

— Ну, ничего себе! Погодите-ка... Тринадцатый год... Кровью полмира... Так ведь такое было уже! Мировая война, революции по всей Европе...

— Быстро соображаешь. Та самая война, что первую великой и мировой нарекли, именно в четырнадцатом году и началась. А потом пришла страшная смута, и церковь наша пусть не повержена была, но огромные страдания и гонения претерпевала долгие годы. Веры в Бога людях не уничтожили, но сколько же безбожников породили! В другой земле и вовсе чернокнижники чуть ли не всю власть взяли — и новую войну учинили, еще страшней прежней. Вот только после этого и стало понятно, что пророчество это — не выдумка.

— То есть получается, сейчас они то же самое сотворить хотят? А тех книг, что у нас где-то спрятаны, колдунам «до комплекта» не хватает?

— Верно. Но мало того — все на то указывает, что и сам обряд творить они собираются здесь, на нашей земле, в святом Киеве.

— Это еще зачем?

— А человека, чтобы наверняка убить, куда бьют?

— Ну, по-разному... Да понял я, понял. Вы про сердце сказать хотели.

— Именно. С этой земли, с берегов Днепра, на которых Киев крестился, пошла на Руси вера православная. И если здесь же ее уничтожить, попрасть, осквернить, то снова на православные земли такое зло хлынет, какого давно не видели.

— Война?!

— И война тоже, Алеша. Но не просто схватка с врагом, а такая, чтобы брат с братом в бою опять сошелся, отец с сыном. Чтобы православные снова православных убивали, чтобы ненависть и злоба в сердцах их поселились. Чтобы Бога они отринули и к ложным «пророкам» да «мессиям» склонились.

— Погодите, отец Михаил... Я вас, уважаю, конечно — как отца духовного, как человека тоже... Но что-то вы, по-моему, не то говорите. Это что же — война гражданская на Украине будет? Или, может, мы, тоже скажете, с русскими воевать начнем?! Пророчества пророчествами, но в такое я не поверю, хоть убейте!

— «Убейте»... Не бросался б ты такими словами без толку — не пацан уже. И заодно не твердил бы «не может быть» о том, что было уже. Хотя бы ту, прошлую гражданскую войну вспомни. Или, к примеру, того же Мазепу поганого, не в этом святом месте будь упомянут этот богоотступник, которого сейчас кое-кто героем сделать пытается.

— Так то когда было! А теперь, после Великой Отечественной, когда наши деды и прадеды вместе фашистов били! После всего...

— Ты во Львове об этом потолкуй...

— Тьфу ты, батюшка! Скажете тоже... Вы всех украинцев с галичанами-то не равняйте.

— Мне, Алеша, все едино. Ибо сказал Господь, что несть для него ни эллина, ни иудея. Я людей ни по нации, ни по расе, ни по языку на агнцев и козлиц

делить не собираюсь. Но есть те, кто по заповедям Божиим стремятся жить, а есть и другие — которые за тридцать сребреников Бога продать готовы. Которых среди нас больше — увидим скоро...

— А можно пророчество это, ну... поломать, отворотить? Сделать так, чтобы не исполнилось оно?

— Можно. Не дать колдунам до книг добраться. Не дать жертву кровавую принести. Не дать обряд совершить.

— Так, может, и получится? Ведь удалось же — в монастыре!

— Удалось... Пусть и ценой крови, пусть ценой жизни — одной, но бесценной, как каждая жизнь для Господа. Только, как мне кажется, в этот раз цену куда большую заплатить придется. Потому что с врагами мы столкнемся намного более сильными. И не только с чернокнижниками одними — вот, что страшней всего.

— Значит — поборемся! На то мы Братство, на то Божьи воины!

— Верно говоришь, Алеша. Мы — Братство. А что до воинов Божьих... Гляди-ка!

Отец Михаил подвел Алексея к выходу с кладбища. Отсюда открывался вид на главный монастырский храм, где как раз недавно закончилась праздничная служба. От дверей церкви к воротам монастыря непрерывным потоком шли люди.

— Мы, Алеша — лишь острие меча разящего! Меч сей несокрушимый — церковь наша святая. А воинство Божье — вот оно, Алеша!

Алексей смотрел, не отрываясь, на расходящихся после службы прихожан — молодых и старых, задумчивых и весело смеющихся, поздравляющих друг друга со Светлым Рождеством Христовым и просто стоящих в задумчивости. Вот старушка бережно, прикрыв

сухонькой ладошкой, несет домой свечу, зажженную от принесенного из далекого Иерусалима в храм благодатного Вифлеемского огня. Вот молодая пара медленно, никуда не торопясь, шагает по дороге, склонив головы друг к другу. Сколько же любви и счастья на их лицах! Вот, смеясь, пронеслась стайка ребятишек — наконец-то им, после долгих часов смирного стояния в церкви разрешили резвиться! Вот вышел из храма мужчина, неброско, но явно дорого одетый, К нему тут же подбежал парень, подал мобильный телефон, как видно, оставленный хозяином то ли помощнику, то ли охраннику на время службы. Мужчина, собравшийся было звонить куда-то по очень наверняка важному делу, вдруг развернулся, перекрестился на купола церкви, да так и застыл, задумавшись и глядя на иконы...

Люди... Люди... Люди... Такие разные и вместе с тем отмеченные общею радостью, общей просветленностью, общей благодатью! Впервые Алексей почувствовал себя частицей не только Братства, но и чего-то большего, намного большего.

— Это есть воинство Христово, Алексей! — голос отца Михаила был строг и торжествен. — Каждый православный в душе своей ведет незримую битву между Добром и Злом, во славу Господа попирая диавола! И битве этой длиться в мире зримом и незримом годы и века — до дней Страшного суда, до воцарения на земле Царства Божия. Нам лишь дарована великая честь — стоять в этой битве в первом ряду Его воинов.

— Выстоим, святой отец.

— Выстоим. Ибо, кто же, если не мы!?

Александр Нежинский

БРАТСТВО КРЕСТ И КЛИНОК

Шеф-редактор Алексей Сазонов
Ведущий редактор Александр Сидорович
Корректор Ольга Смушко
Верстка Ирины Третьяковой

Подписано в печать 01.03.16.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 15,2.
Тираж 3000 экз. Заказ № 38274.

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 1; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством электронных носителей
в АО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

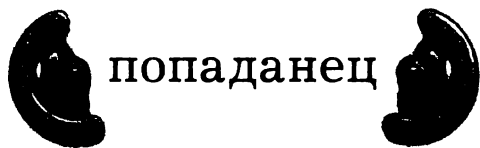
СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

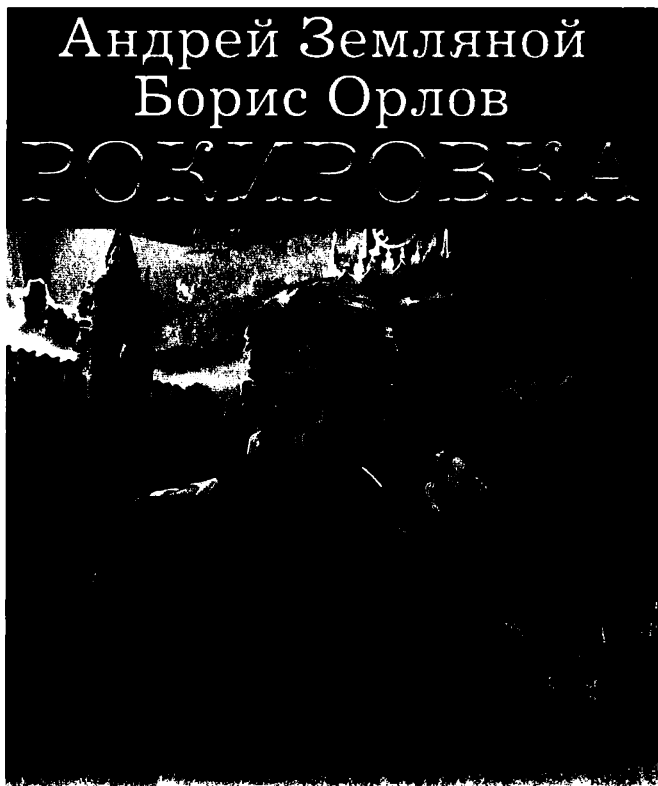
ДИТЁ КНЯЗЬ

Средневековье. Время последних крестовых походов и жестоких и мудрых правителей. Однако наш герой в этой среде как рыба в воде. Взрываются дворцы, горят усадьбы, а над Балтикой летает аэростат с нарисованным на шаре веселым, улыбающимся бесшабашным пареньком, показывающим странный жест средним пальцем всем, кто его видит. Но это ещё не всё...

попаданец

Погибнуть с честью, исполняя свой долг, это иногда не конец, а лишь начало новой истории. Истории, в которой уже не будет Третьего рейха, сожженного Берлина, не будет испепелённых Хиросимы, Нагасаки и Токио... А что будет?

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Тварь прыгнула... Совершенный Алексеем буквально в последний момент маневр явно «сбил ей прицел», и она, вместо того чтобы снести одного из братьев в прыжке и после этого вплотную заняться вторым, неуклюже плюхнулась между ними. Из-под когтей фонтаном брызнула земля — собачиша разворачивалась для новой атаки. Вот только никто не собирался давать шанс на нее...

То, что пряталось в собачьем теле, обладало, конечно, сверхъестественной скоростью. Но в данном случае, как оказалось, недостаточной. Братья синхронно начали вокруг нее смертоносный боевой «танец», полный уклонов, рывков, поворотов и уверток. Куда бы ни тыкалась оскаленная, брызжущая слюной пасть чудовища, вместо мягкого человеческого горла, на котором так сладко было бы сомкнуть клыки, ее встречало серебряное сверкание клинков, несших смертельную угрозу. Движения нечисти в песьем обличье, кружившейся волчком, становились все более неверными и замедленными, вместо рыка из грозной пасти раздавался уже хрип предельно утомленного животного.

Ленинград
издательский дом

ISBN 978-5-17-096940-1

9 785170 969401 >